

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 3 9015 00250 754 2
University of Michigan - BUHR

$$\frac{y^{\frac{5}{2}}}{200}$$

$$\frac{y^{\frac{5}{2}}}{250}$$

9

9. (47) Царевскій, Алексѣй
" Александровичъ.

ПОСОШКОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ДУБЛЕТНЫЙ ФОНД
Ученнаго комитета
въ Горахъ
Адресъ № 12455

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ ПОСОШКОВА

(ИЗДАННЫХЪ И НЕИЗДАННЫХЪ)

СО СТОРОНЫ ИХЪ РЕЛИГИОЗНАГО ХАРАКТЕРА

И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЗНАЧЕНІЯ.

Алексѣя Царевскаго.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатъ, въ домъ Каринской.
1888.

H
59
P85
T88

Определеіемъ Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 30-го декабря
1882 года печатать разрѣшается. Января, 17-го дня, 1883 года.

Ректоръ Академіи Протоіерей *А. Владимірскій.*

Stacks
Exchange
Pet of P. Kit
11.1.1971
902038-143

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе..... 1

Введеніе. — Посошковъ какъ человекъ и какъ писатель.

Биографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Литературная дѣятельность Посошкова. Обзорніе извѣстныхъ его сочиненій.....	5
Народность и жизненность сочиненій Посошкова. — Взглядъ на состояние русскаго общества во время реформы. — Борьба двухъ направленій: привязанность къ старинѣ и влеченіе къ новизнѣ. — Направленіе Посошкова.....	20
Характеръ сочиненій Посошкова. — Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Посошкова, какъ существенный пунктъ, связующій ихъ съ древнимъ періодомъ русскою жизни и письменности. — Черты религіозности въ сочиненіяхъ Посошкова. Характеръ богословскихъ убѣжденій Посошкова — Практичность, какъ другая всепроникающая черта въ характерѣ сочиненій Посошкова.....	35

Сочиненія Посошкова.

«КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВѢ».

Политико-экономическая литература въ Россіи до Посошкова. — Экономическій характеръ Книги о скудости и богатствѣ. — Основныя политико-экономическія взгляды Посошкова. — Соотношеніе общественныхъ основаній на Руси по Посошкову и оущность его проектовъ. — Мысли Посошкова объ иностранцахъ въ русской торговлѣ и производительности. — Значеніе Книги о скудости и богатствѣ.	61
---	----

«ЗЕРЦАЛО ОЧЕВИДНОЕ».

Библиографическія замѣчанія о составѣ редакцій Зеркала очевиднаго. — Подлинность и происхожденіе двухъ редакцій Зеркала очевиднаго.....	101
---	-----

I. «Зерцало на раскольниковъ обличеніе»

(1 — XXII гл. Зерц. оч.).

Стр.

Пolemическая противу раскольнической литература въ Россіи до Посошкова. — Историко-литературное значеніе его сочиненія. — Состояніе раскола въ началѣ XVIII в. по Посошкову. — Взглядъ Посошкова на расколъ. — Существенные пріемы и характеръ полемики Посошкова..... 106

II. «О иконоборцахъ».

(XXIII гл. Зерц. оч.).

Отношеніе Русскихъ къ иконоборцамъ до Петра Великаго. — Двакое направленіе полемики съ иконобръежъ при Петрѣ, сообразно дѣленію новаго русскаго общества на партіи консервативно-охранительную и прогрессивно-либеральную. — Отношеніе Посошкова къ этимъ партіямъ въ вопросѣ объ иконобръежѣ. — Polemическая противу иктеранская литература въ Россіи до Посошкова. — Взглядъ Посошкова на иктеранъ. — Сущность и характеръ полемики Посошкова..... 143

«ЗАВѢЩАНІЕ ОТЕЧЕСКОЕ».

Значеніе этого сочиненія. — Завѣщательная литература въ Россіи до Посошкова. —

Идеалы Посошкова сравнительно съ прежде господствовавшими..... 191

Взглядъ Посошкова на духовенство. — Мысли Посошкова о воспитаніи и о женщинахъ. 241

Заключеніе..... 269

Исторія петровскаго времени, между множеством выдающихся личностей и событій, которыми такъ богата была эта пора сверхъ-нормальнаго напряженія русской жизни, далеко уже заднимъ числомъ отмѣтила замѣчательный фактъ изъ исторіи современной литературы: она сохранила намъ негромкое имя самороднаго русскаго публициста, крестьянина Ивана Тихоновича Посошкова. Долгое время послѣ его смерти, Посошковъ оставался совершенно незамѣченнымъ, какъ онъ не былъ замѣченъ и въ свое время. Случайно открывавшіяся рукописи сочиненій Посошкова постепенно проникали въ печать, на первыхъ порахъ не останавливая на себѣ особеннаго вниманія. Имя «мизернаго крестьянина», вѣроятно, мало внушало къ себѣ довѣрія; о немъ упоминалось вскользь, самое его существованіе даже заподозривалось, сочиненія его также бѣгло оспаривались и во всякомъ случаѣ не находили себѣ серьезнаго изслѣдователя. Пекарскій, въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о литературѣ при Петрѣ, не счелъ нужнымъ даже и упомянуть о Посошковѣ. Между тѣмъ, ближайшее знакомство съ сочиненіями Посошкова тѣхъ немногихъ лицъ, которыя имѣли къ тому случай (напр. издатели его сочиненій), убѣдило послѣднихъ въ драгоцѣнности этихъ забытыхъ произведеній, какъ памятниковъ литературно-историческихъ, воспроизводящихъ и объясняющихъ любопытнѣйшую эпоху отечественной исторіи. Эти немногія лица (Погодинъ, А. Поповъ, Врикнеръ) увидѣли въ Посошковѣ «геніальнаго мыслителя», «русскаго государственнаго генія, съ умомъ проницательнымъ, толковымъ, спокойнымъ...»; въ произведеніяхъ Посошкова они увидѣли «безсмертныя творенія», «высокое произведеніе здраваго русскаго смы-

сла», «полное, обстоятельное изслѣдованіе о Россіи при Петрѣ великаго русскаго политика-самоучки» и пр. Подобные восторженные отзывы, какъ бы они ни были немногочисленны, естественно усилили интересъ къ Посошкову. Имя его, наконецъ, извлечено изъ забвенія и начинаетъ теперь пріобрѣтать большую и большую популярность въ наукѣ русской исторіи и литературы. Тѣмъ не менѣе, и теперь личность Посошкова еще далеко не вполне обслѣдована и сочиненія его рассмотрѣны, можно сказать, съ одной только стороны.

Общее представленіе, сложившееся о Посошковѣ у лицъ знакомыхъ съ этимъ именемъ, обыкновенно рисуетъ его какъ русскаго политико-экономиста. Такимъ, главнымъ образомъ, онъ, дѣйствительно, и являлся для читающей публики до настоящаго времени. Ранѣе другихъ приведенное въ извѣстность его сочиненіе: «Книга о скудости и богатствѣ» было по преимуществу экономическаго характера, и оно-то установило взглядъ на Посошкова. Тѣ немногія замѣтки и изслѣдованія о Посошковѣ, которыя появлялись въ литературѣ, почти исключительно рассматривали его съ этой именно стороны. Между тѣмъ уже и Книга о скудости и богатствѣ, помимо ея политико-экономическаго значенія, имѣетъ широкій научный интересъ, какъ документъ собственно *историческій*, какъ полная и правдивая картина внутренней жизни Россіи конца XVII и начала XVIII ст. Но Посошковъ извѣстенъ теперь уже далеко не одною только Книгою о скудости и богатствѣ. Въ послѣднія десятилѣтія сдѣланы новыя капиталнѣйшія открытія о немъ. Въ 1863 году явилось въ печати другое замѣчательное сочиненіе Посошкова: «Зерцало на раскольниковъ обличеніе», которое, какъ теперь оказывается, составляетъ только часть — и притомъ въ сокращенной редакціи — громаднаго полемическаго сочиненія: «Зерцала очевиднаго», рукописный списокъ котораго хранится въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Наконецъ, въ 1873 г. было открыто и издано третье большое сочиненіе Посошкова, его «Завѣщаніе отеческое». Эти послѣднія сочиненія не дождались пока спеціальнаго систематическаго просмотра и въ полномъ

ихъ составѣ доселѣ еще остаются неразобранными. Между тѣмъ, они восполняютъ историческія данныя Книги о скудости и богатствѣ новымъ, обильнымъ и еще болѣе дорогимъ матеріаломъ. Здѣсь Посошковъ, воздерживаясь отъ политико-экономическихъ соображеній и проектовъ, является по преимуществу правописателемъ своей эпохи, представителемъ своего времени, воспитавшимся подъ воздѣйствіями разнохарактерныхъ направленій, порожденныхъ реформой, является образцомъ здравомыслящаго, глубокорелигіознаго и строгоправославнаго русскаго человѣка вообще и семьянина въ частности, является, наконецъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже идеалистомъ, стремящимся упорядочить современную жизнь, поднять ее до уровня возвышенныхъ требованій христіанской морали, довести ее до мѣрки тѣхъ нравственно-практическихъ идеаловъ, которые носились въ представленіи Посошкова. Такимъ образомъ, сообщая въ своихъ сочиненіяхъ положительныя свѣдѣнія о состояніи русскаго общества во время реформы, о состояніи раскола, о вліяніи иновѣрія, о силѣ иноземческаго элемента въ тогдашней Руси и пр. и пр., Посошковъ знакомитъ насъ и съ состояніемъ религіозно-нравственнаго сознанія въ русскомъ обществѣ, съ внутреннимъ міромъ его понятій и воззрѣній, идей и идеаловъ.

Не менѣе интересны сочиненія Посошкова въ отношеніи *литературномъ*. По времени своего появленія они стоятъ на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ въ исторіи русской цивилизаціи, отсюда и въ содержаніи своемъ представляютъ любопытнѣйшее сочетаніе старыхъ, древнерусскихъ понятій съ стремленіями новаго времени. Служа прекраснымъ образчикомъ до-петровской письменности по своему строго-религіозному характеру и направленію, по своему стилю и языку, они въ то же время переполнены уже мыслями и взглядами, предвѣщавшими наступленіе новой эпохи въ жизни Россіи и навѣянными уже начинавшимся тогда въ ней переворотомъ. Сочиненія Посошкова служатъ, такимъ образомъ, заключеніемъ древней литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ вступленіемъ, подготовительною работою къ литературѣ новой. Нося въ себѣ смѣшеніе старыхъ традицій съ новыми запросами, принадлежа древней Россіи, но уже су-

жественно соприкасаясь и съ новою жизнью, сочиненія Посошкова представляютъ собою живое отраженіе своего времени, служатъ знаменіемъ своей смѣшанной, переходной эпохи.

Въ своемъ изслѣдованіи мы постараемся опредѣлить направленіе, выяснитъ взгляды и идеалы Посошкова, чтобы выработать болѣе или менѣе цѣльное представленіе о немъ, какъ о живой личности своего времени. Обращаясь же къ специальному обзорѣю сочиненій, какъ единственному источнику нашихъ свѣдѣній о Посошковѣ, мы предложимъ анализъ важнѣйшихъ изъ нихъ. При этомъ будемъ обращать преимущественное вниманіе съ одной стороны на историко-литературное значеніе этихъ сочиненій, т. е. на отношеніе ихъ къ жизни того времени и мѣсто ихъ въ исторіи русской литературы; съ другой на преимущественный, всепроникающій характеръ этихъ сочиненій — религіозно-практическій.

В В Е Д Е Н І Е .

Посошковъ какъ человекъ и какъ писатель.

Биографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Литературная дѣятельность Посошкова. Обзорѣніе
извѣстныхъ его сочиненій.

Посошковъ, какъ историческая личность, представляетъ собою замѣчательный, въ высшей степени любопытный типъ своего времени и того общества, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Необыкновенно трудолюбивый, энергичный, предприимчивый, Посошковъ представляется живымъ порожденіемъ своей эпохи, искусственно ускоренной въ естественномъ процессѣ роста и развитія, а потому безиримѣрно дѣловой, бурной. Самый фактъ писательства Посошкова, проявляя его необычайную пылкость въ области даже наиболѣе ему чуждой, обнаруживаетъ въ то же время замѣчательную, характерную черту и вообще преобразовательной эпохи, когда кипучая дѣятельность и всякій трудъ получили особенное примѣненіе, когда выработался особый типъ такихъ людей, любознательныхъ, дѣятельныхъ, искавшихъ въ трудѣ выходъ изъ тревогъ и затрудненій жизни общественной, для которыхъ и умственная, долготѣ непривычная работа сдѣлалась нравственнымъ убѣжищемъ отъ гнетущихъ голову недоумѣній, сомнѣній, желаній, порожденныхъ реформаторскимъ движеніемъ, рѣзительно вспокоившимъ умственный сонъ и възковую дрему русскаго человека. Поэтому, личность Посошкова, уже сама по себѣ, является весьма любопытнымъ и интереснымъ предметомъ изученія. И прежде чѣмъ что либо говорить о сочиненіяхъ Посошкова и по поводу ихъ, мы неизбежно должны бросить хотя бѣглый, вслѣдствіе ограниченности матеріала, взглядъ на его трудовую, подвижную жизнь и разно-

характерную дѣятельность, познакомится хотя въ общихъ чертахъ съ его личностью, тѣмъ болѣе, что ею всецѣло проникнуты и типически запечатлѣны всѣ сочиненія Посошкова, съ первой и до послѣдней ихъ строчки.

Напрасно бы мы стали искать въ нашей литературѣ готовой полной біографіи Посошкова или какихъ либо монографій, касающихся жизни этого забытаго человѣка. За исключеніемъ немногихъ, случайно попавшихся въ старинныхъ архивахъ судебныхъ дѣлъ, тяжесъ, въ которыхъ переплетается и имя Посошкова, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о его жизни и положеніи. Единственнымъ памятникомъ о Посошковѣ и источникомъ всякихъ нашихъ свѣдѣній о немъ являются только его сочиненія: чрезъ нихъ мы знакомимся съ крѣпкимъ самороднымъ умомъ Посошкова, изъ нихъ мы получаемъ представленіе нравственной личности этого великаго простолюдина, отсюда же исключительно почти приходится намъ извлекать и біографическія свѣдѣнія о жизни и занятіяхъ, матеріальномъ положеніи и житейскихъ отношеніяхъ Посошкова. Впрочемъ, матеріалъ, даваемый сочиненіями Посошкова въ этомъ послѣднемъ отношеніи крайне ограниченъ, а потому и наши біографическія свѣдѣнія о немъ остаются далеко неполными. Общая манера древнерусскихъ авторовъ намѣренно скрываться за своими твореніями, сказалась и въ Посошковѣ: онъ не только нигдѣ не излагаетъ обстоятельно своего жизнеописанія, а, напротивъ, менѣе всего старается заинтересовать читателя своею личностію, и всякія указанія на себя приводитъ развѣ только въ качествѣ примѣровъ, въ самомъ сжатомъ видѣ и притомъ съ замѣтнымъ стремленіемъ вездѣ только унижать себя. — Извѣстный изслѣдователь древностей литературныхъ — Погодинъ сдѣлалъ первую и единственную попытку, на основаніи бывшихъ тогда въ извѣстности сочиненій Посошкова, сгруппировать его отрывочныя свидѣтельства о себѣ и, при помощи нѣкоторыхъ открытыхъ въ архивахъ документовъ, воспроизвести по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты и случаи изъ жизни Посошкова.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ родился, по всѣмъ соображеніямъ, около 1670 года. Въ подписи къ своимъ сочиненіямъ Посошковъ обыкновенно называетъ себя московскимъ уроженцемъ. Точнѣе мѣстомъ своей родины Посошковъ называетъ въ одномъ мѣстѣ подмосковное село Покровское (составляющее теперь часть Москвы): «писавшій села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ» (Донон. къ Ст. Яворскому). Къ концу своей жизни Посош-

ковъ жилъ около Новгорода. По званію своему Посошковъ былъ крестьянинъ, какъ это можно видѣть изъ многократныхъ его указаній: «земледѣлецъ осмь, убогій мірянинъ», «писавнй сіе убогій земледѣлецъ», «что осмь азъ? — въ разумѣ младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ»¹⁾ и пр. Постоянно также Посошковъ называетъ себя простолюдиномъ. О молодости и первоначальной семейной обстановкѣ Посошкова мы ничего не знаемъ. Въ первый разъ онъ является намъ уже «крестьянникомъ», т. е. челявникомъ, во великомъ случаѣ, взрослымъ, и является прямо какъ личность, выдающаяся изъ ряда по своей сообразительности, снѣтливости, интересующаяся всѣмъ происходящимъ на его глазахъ, критически относящаяся къ порядкамъ жизни. Замѣчательно, что въ первый разъ, такъ же какъ и въ послѣдній, мы встрѣчаемъ Посошкова въ тюрьмѣ. Поводомъ къ первому аресту послужило слѣдующее обстоятельство, приведенное въ извѣстность Соловьевымъ. По вступленіи въ управление Петра I-го, поведение молодого царя вызвало всеобщее неудовольствіе: жаловались на потѣхи Петра, на требовавшіе громадныхъ усилій походы, на сближеніе его съ иностранцами и пр. Въ ряду недовольныхъ, разсуждавшихъ о недостаткахъ и порокахъ гесударя, роптавшихъ на Петра и его образъ дѣйствій, несогласный ни съ привычками прежнихъ царей, ни съ воззрѣніями народа, мы встрѣчаемъ и Посошкова. Разсужденія о политическихъ событіяхъ Иванъ Посошковъ велъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Романомъ и еще нѣкоторыми лицами у строителя московскаго Андреевскаго монастыря Авраамія. Плодомъ этихъ разсужденій была довольно рѣзкая записка политическаго содержанія, которую Авраамій осмѣлился подать Петру. Поднято было по этому случаю дѣло, въ которомъ только братьямъ Посошковымъ удалось оправдаться и освободиться отъ ареста, такъ какъ Авраамій «сговорилъ» съ ними. Такова была первоначальная школа Посошкова. Пригѣръ Авраамія научилъ Посошкова осторожности, но не отнял духа обличать общественныя язвы: въ широкихъ разсѣрахъ продолжалъ онъ дѣло, начатое въ калыяхъ Андреевскаго монастыря.

Что касается умственнаго образованія, то, очевидно, Посошкову не удалось пройти никакой школы». Мы люди немудрые, вѣтреной (т. е.

¹⁾ Донош. къ Ст. Явор. Соч. Пос. т. I стр. 316; Проектъ о школахъ — ркп. Ак. Наукъ № 102; Посл. Головину — Соч. Пос. I т. 291 стр., т. II стр. 272 и др.

по Посошкову заморской, свѣтской, школьной) мудрости не учились»¹⁾, говоритъ онъ вообще, не выдѣляясь изъ своего сословія. Гораздо чаще говоритъ онъ о своемъ лично необразованіи: «книжныя премудрости не наученъ есмь», «человѣкъ я есмь неученный» и пишу «отъ своего простоумія»; «весьма азъ низеренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоинъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь»; «азъ неученный есмь человѣкъ, того ради не по наукѣ и писахъ. Азъ что есмь и кто есмь? — въ разумѣ немотуай иладенець, въ художествѣ работникъ» и пр. «Аще кто помнитъ», предусмотрительно замѣчаетъ Посошковъ, «яко я тщеславяся унижаю себя: ни! нози на сложеніе книги сея (Зерцало очевидное), можно бо всякому и по сложенію разумѣти мя, яко простецъ есмь»²⁾. Но соглашаясь съ Посошковымъ, что въ школьномъ ученіи онъ неискусенъ, нельзя однако согласиться съ его признаніями о простоуміи, о низерности и простотѣ разума. Подобныя признанія можно объяснить только смиреніемъ и рѣшительнымъ отсутствіемъ всякой заносчивости въ этомъ высоко-правдивномъ человѣкѣ. Напротивъ, именно сложеніе-то книгъ его и обнаруживаетъ въ немъ человѣка въ высшей степени умнаго, высоко развитаго для своего времени и начятаннаго не въ примѣръ громаднѣйшему большинству своихъ современниковъ. Такъ прежде всего, сознаніе Посошкова, что онъ и «въ художествѣ» только простой работникъ, является въ его устахъ намѣреннымъ самоуничиженіемъ. Хорошо извѣстно, что это былъ человѣкъ замѣчательно способный и свѣдущій въ различныхъ ремеслахъ, извѣстный въ свое время техникъ, механикъ-самоучка. Вышеприведенное дѣло Авраамія, открывая намъ убѣжденія и мнѣнія среды, въ которой вращался Посошковъ, свидѣтельствуетъ и о технической опытности его. Въ протоколѣ допроса Посошкова сказано, что «Авраамій знакомцемъ ему учинился третій годъ: призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ поднось къ великому Государю»³⁾. Нужно полагать, что Посошковъ, призванный Аврааміемъ для составленія денежнаго станка, былъ тогда уже опытнымъ и извѣстнымъ механикомъ. Очевидно, его рекомендовали Авраамію, какъ по-

¹⁾ Зерцало очевидное, ркп. Казан. Акад. л. 201.

²⁾ Соч. Пос. т. II стр. 272, 194; Проектъ о школахъ л. I; Кн. о св. и бог.— Соч. Пос. I т. стр. 46; Зерц. очев. л. 243 об. и др.

³⁾ Ист. Россіи Соловьева XIV т. 243 стр.

лезнаго мастера въ такихъ работахъ. Вскорѣ послѣ этого Иванъ Тихоновичъ хлопоталъ на денежномъ дворѣ, установилъ денежные станы и сооротилъ инструменты для чекана. «Я, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежные, — и доннѣ стоять не вредны». И послѣ, «егда состоялся указъ дѣлать крупныя деньги мѣдныя, то никто не смыкался инструментами къ такому дѣлу сооротить. Иностранецъ Фробусъ ималъ добыть мастеровъ изъ-за моря; а я, видя протажность великую, вступилъ въ то дикое время и все то денежное дѣло установилъ; иностранца въ томъ я еще и учинилъ пакость, обаче ни въ никады никакой не было» (Соч. Пос. т. I стр. 212 и 213). Потомъ мы застаемъ Посошкова въ сношеніяхъ даже съ самимъ государемъ, именно опять-таки въ дѣлѣ его механической опытности: «прошлаго году (1700), рассказываетъ Посошковъ въ донесеніи Головину, Великій Государь изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ, чтобы сдѣлать рогатки огнестрѣльныя, въ три ряда, а въ нихъ устроить по затинной пещали, обращающейся на все стороны. И потому его государевн словеса мои для примѣру рогатку я сдѣлалъ» (I т. 270 стр.). Въ главѣ «О художествѣ» (Книга о снудости и богатствѣ), говоря о важности вообще всякихъ изобрѣтеній, между прочимъ Посошковъ замѣчаетъ и о себѣ: «кто есмь я, а и у меня вымысловъ пять-шесть было» (I, 142). Итакъ, Посошковъ, очевидно, обладалъ замѣчательною опытностію въ разныхъ механическихъ работахъ. Кроме того, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми условіями успѣшнаго приготовленія военныхъ снарядовъ, съ свойствомъ матеріала, который надлежитъ брать для приготовленія боевыхъ орудій; подробно и дѣльно говорить онъ въ своихъ сочиненіяхъ о киркахъ, которыя употреблялись для земельныхъ работъ, о сабляхъ, коньяхъ и пр. (Напр. I т. 283—286 стр.). Посошкову доступны были отеритія даже въ минералогіи: «я и небольшое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и не знаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна камению янтарю, ... лекарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую гумъ сфальтумъ, ... нефти сыскалъ я многое чело, вакры и червленя, ... пументъ есть у меня въ приискѣ» (I, 152 и 153 стр.). Снѣтливости умственной соответствовала въ Посошковѣ и физическая ловкость въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ; такъ, въ молодыхъ лѣтахъ онъ въ совершенствѣ научился искусству владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и удивлялъ своею ловкостью въ этомъ дѣлѣ: «былъ я, — рассказываетъ онъ, — еще въ

молодыхъ лѣтахъ на Пензѣ и тамошніе жители усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то истинно не лгу, что говорили мнѣ: останься-де ты здѣсь въ лѣто, то-де мы татаръ не будемъ бѣтаться, ... видишь-де мнѣ, что ты скорѣ стрѣлять и нулей даромъ не теряешь, а татары-де напорчиво нападаютъ, что мы не утѣмъ никого изъ нихъ убить, а тебя видишь, что ты и по лицу убиваешь» (I, 39). При своихъ природныхъ дарованіяхъ Посошковъ владѣлъ значительно и положительными свѣдѣніями въ разныхъ областяхъ знанія; напр., онъ великодушно зналъ почву различныхъ мѣстностей Россіи и способность ея къ плодородію известнаго рода продуктовъ; практически и конечно въ общихъ чертахъ знакомъ былъ съ разными языками: греческимъ, латинскимъ, польскимъ; онъ былъ специалистъ въ винномъ производствѣ, такъ что былъ рекомендованъ Меньшикову для этого дѣла и состоялъ у водочнаго строенія въ Москвѣ; зналъ теорію рисованія¹⁾ и пр. и пр. Но особенно Посошковъ выдается какъ человекъ глубоко религіозный и замѣчательно начитанный въ богословской литературѣ. Имѣя въ виду ниже подробнѣе заняться изслѣдованіемъ религіознаго характера сочиненій Посошкова, здѣсь сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о богословской начитанности его. Прежде всего, Посошковъ владѣлъ обширнымъ знаніемъ Священнаго Писанія, доказательствомъ чему служатъ встрѣчающіеся на каждой страницѣ (особенно Зерцала и Завѣщанія отеческаго) тексты изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта. Цитированіе известныхъ мѣстъ Писанія и многократныя стремленія Посошкова разъяснять приводимые тексты, показываютъ, что онъ не механически читалъ и заучивалъ священныя книги, но относился къ нимъ сознательно, усиливаясь постигнуть внутренній смыслъ болѣе или менѣе недоумѣннаго. «Я емь человекъ неученый, но токмо въ нарѣчїи Божїимъ дарованіемъ отчасти знаю», признается Посошковъ предъ расколыниками; «обаче васъ многократно вѣщи въ Писанїи Божїимъ откровеніемъ разумѣю» (т. II, стр. 194). Посошковъ изучилъ также нѣкоторыя свято-отеческія творенія, чему свидѣтельствомъ служатъ многократныя же ссылки на Отцовъ Церкви и выписки изъ ихъ сочиненій. Такъ особенно часто Посошковъ цитуетъ Златоуста, Василя В., Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго, Тео-

¹⁾ Соч. Пос. т. I, стр. 137; II, 266, 205; Исторія Петра В. Устрялова, т. I, стр. LX; Полное Собр. Зак. т. IV № 2094; Ист. Россіи Соловьева, т. XV, стр. 95; Завѣщаніе отеческое стр. 188.

филакта, Григорія Двоеслова, Іоанна Лѣствичника, Дмитрія Ростовскаго, Іоанна Дамаскина. При написаніи своихъ сочиненій Посошковъ, очевидно, нѣлъ подъ руками книги, на которыя онъ ссылается, потому что ссылки его отличаются въ высшей степени точностію: на такомъ-то листѣ, въ такомъ-то правилѣ, главѣ, словѣ и пр., обыкновенно говорить онъ. Посошковъ въ подробностяхъ зналъ соборныя дѣянія, весьма часто ссылается на соборы, припоминая даже количество отцевъ, бывшихъ на соборѣ (напр. Зерц. очев. л. 121 об.), съ точностію указываетъ на подходящія его цѣли правила; такъ онъ цитуетъ правила: 6-го вселенскаго собора, 7-го всел. собора, Ладкиійскаго собора, Антиохійскаго собора, правила Корнчей и пр. Посошковъ отлично зналъ также священную исторію и часто въ качествѣ примѣровъ ссылается или цѣликомъ рассказываетъ историческіе факты: поучая цѣломудрію, онъ неоднократно передаетъ исторію Іосифа Прекраснаго; поучая благотворительности къ церкви, ссылается на примѣръ Соломона; говоря о крестѣ, рассказываетъ о ветхозавѣтныхъ прообразахъ его изъ жизни патріарха Іакова, Моисея; указываетъ на непокорство Озиз, Дафана, Авирона; въ доказательство обязательности причащенія ссылается на примѣръ Маріи Египетской и мученика Савватія; упоминаетъ о Товіи, Ананіи и Сапфирѣ; рассказываетъ исторію Лазаря; рассказываетъ чудеса и видѣнія, какъ особыя дѣявія промысла Божія. Основательно также зналъ Посошковъ исторію ересей въ Христіанской Церкви и существованіе ихъ лжеученій; передаетъ кратко исторію гоненій на первенствующую церковь¹⁾. Какъ человекъ религіозный и богословски начитанный, Посошковъ живо интересовался всѣмъ касающимся вѣры и церкви. Внутреннія и внѣшнія волненія, колебавшія въ его время православіе, не могли не обратить на себя вниманіе Посошкова. Расколъ и лютеранство — вотъ самые сильные и самые опасные враги тогдашней русской церкви, и Посошковъ, какъ мы видимъ изъ его сочиненій, преимущественно, если не исключительно, занятъ былъ полемикою съ тѣмъ и другимъ. Онъ въ совершенствѣ изучилъ расколъ, что обнаружилось въ его Зерцалѣ; изъ многочисленныхъ въ духѣ полемики указавій на иновѣрцевъ и изъ специально направленного на лютеранъ разсужденія «О иконоборцахъ» (23-я глава

¹⁾ Зав. Отеч. стр. 14, 180, 148, 159, 196; Соч. Пос. II, 54, 102, 127; Зерц. очев. ркн. л. 39, 45, 94, 101, 164 об.

Зерцала очевиднаго) видно также, что Посошковъ хорошо зналъ важнѣйшіе пункты вѣроученія и этихъ послѣднихъ. Что касается религіозной настроенности самого Ивана Тихоновича, объ этомъ скажемъ послѣ, при разсужденіи о религіозномъ характерѣ его сочиненій; теперь же познакомимся съ вѣдшею судьбою Посошкова.

Не смотря на то, что Посошковъ былъ простой крестьянинъ, онъ имѣлъ значительное состояніе, пріобрѣтенное его трудами и коммерческими оборотами. Такъ онъ имѣлъ у себя даже крестьянъ, потому что говоритъ напр.: «у меня человекъ пять-шесть обѣжало въ прошломъ году» или: «мой человекъ пойманъ за лошадь мою»; онъ имѣлъ свою землю: «кто емь я, (а) и за мной съ полтора-ста четвертей есть». Посошковъ имѣлъ свои заводы: «въ прошломъ 719 году ѣдучи къ себѣ на заводъ»...; въ томъ же 719 году онъ подавалъ просьбу князю Д. М. Голицыну о позволеніи ему построить заводъ винокуренный (Соч. Пос. I т., стр. 96, 44; 203, 163, 48). Извѣстно также, что живя въ Новгородѣ, Посошковъ занимался разнообразной торговлей, доставлялъ запасы въ Петербургъ. Дѣла и обороты его были столь хороши, что онъ купилъ два дома въ Петербургѣ, пріобрѣлъ въ Новгородскомъ уѣздѣ деревни: Закарасенье, Марьино, Матвѣеву¹⁾. Въ смыслѣ, очевидно, этой-то матеріальной обеспеченности и довольства, Посошковъ говоритъ о себѣ: «я еще не весьма послѣдній человекъ, есть мизернѣе меня (I, 35, 49 и пр.)—и, по видимому, противорѣчить крайне смиреннымъ отзывамъ о себѣ, какъ совершеннѣйшемъ простецѣ, самомъ мизерномъ человекѣ. Самъ Посошковъ проговаривается иногда и о томъ, что онъ былъ человекъ довольно замѣтный въ свое время. Жалуясь на лѣность духовенства въ отправленіи богослуженія, онъ разсказываетъ случай изъ своей жизни: «въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть; у тоя церкви три попа, а на пасху только два дня литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на святой недѣлѣ прежде сего не бывало, то-де *тебя поопаслись*, что двѣ обѣдни были» (т. I стр. 27). Внушая сыну своему смиреніе, Посошковъ говоритъ: «о томъ ничего не размышляй, что ты былъ съ млада въ богатствѣ, или что отца знатнаго сынъ еси» (Зав. от. стр. 179). Извѣстно также изъ сочиненій, что Посошковъ находился

¹⁾ Ист. Россіи Соловьева т. XV стр. 95.

въ различныхъ сношеніяхъ съ знаменитыми лицами своего времени: съ княземъ Б. А. Голицынымъ, княземъ Д. М. Голицынымъ, Л. К. Нарышкинымъ, бояриномъ Ѡ. Головиннымъ и др. Кроме того, онъ, какъ мы видѣли, удостоился личнаго порученія отъ Петра В.; онъ помогалъ правительству въ отысканіи мастеровъ для чекана денегъ, для дѣланія пороха (I, 218, 153) и пр. Неизвѣстно, былъ ли знакомъ Посошковъ съ митрополитомъ Ростовскимъ, но достоверно извѣстно, что святитель Димитрій, заинтересовавшись Зерцаломъ Посошкова, некаль знакомства съ нимъ¹⁾. Митрополитъ Новгородскій Іовъ былъ знакомъ съ Посошковымъ и «разглагольствовалъ» съ нимъ о разныхъ предметахъ, какъ передаетъ самъ Посошковъ. Іовъ, очевидно, зналъ Посошкова съ самой хорошей стороны, такъ что даже рекомендовалъ его особымъ письмомъ князю Я. Ѡ. Долгорукову²⁾. Князь Юрій Хилковъ оказывалъ Посошкову личное покровительство и защиту (Соч. Пос. I, 34). Сочиненія же Посошкова оставили на себѣ вниманіе, нѣсколько поздне выступившаго на литературное поприще, нашего знаменитаго Ломоносова: въ архивѣ Академіи Наукъ хранится отношеніе послѣдняго отъ 1725 года, при коемъ онъ представлялъ 2 записки Посошкова: объ учрежденіи народныхъ школъ и о размежеваніи земли. Также на имѣющемся въ бібліотекѣ Академіи Наукъ спискѣ Книги о скудости и богатствѣ находится приписка: «списана 1752 года, а для списанія получена отъ господина Совѣтника, Михаила Васильевича Ломоносова». Очевидно, послѣдній зналъ сочиненія Посошкова и такъ или иначе былъ заинтересованъ ими. Не безызвѣстны, кажется, были литературные труды Посошкова и Ѡеофану Прокоповичу: Купріяновъ отыскалъ два проекта Посошкова, тщательно переписанные и, вѣроятно, представленные имъ Ѡ. Прокоповичу, потому что на нихъ имѣется собственноручная приписка послѣдняго: «ex libris Theophanis Archiepiskopi Novogrodensis»³⁾. Итакъ, Посошковъ несомнѣнно былъ довольно замѣтный и въ свое время человекъ, имѣвшій связи и сношенія съ крупнѣйшими историческими дѣятелями своей эпохи, а своими сочиненіями уже въ ту отдаленную пору обратившій на себя вниманіе великихъ корифеевъ рус-

¹⁾ Хр. Чт. 1875 г. № 1, стр. 62.

²⁾ Зерц. очевидное, ркп. л. 58 об.; Москвитянинъ 1855 г. № V стр. 7—9.

³⁾ Впрочемъ относительно принадлежности этой записки Посошкову Цогдинымъ послѣ высказано было сомнѣніе.

ской литературы. При рѣзкомъ разграниченіи еще и тогда между знатными классами общества и людьми «подлыми», Посошковъ естественно не могъ выбиться изъ послѣднихъ и стать въ ряды первыхъ; но сочиненія его, при такихъ покровителяхъ, нужно полагать, не затерялись бы, всегда нашли бы себѣ надлежащій ходъ, еслибъ нѣкоторые изъ нихъ не были для своего времени слишкомъ либеральны и еслибъ не была слишкомъ сильна и живуча партія лицъ, обиженныхъ этими сочиненіями. Впрочемъ, самъ Посошковъ, повидимому, тщательно избѣгаетъ всякихъ упоминаній о своей популярности и съ замѣтно болышею охотою рассказываетъ случаи, свидѣтельствующіе о его мизерности, ничтожествѣ; онъ подробно говоритъ о частныхъ оскорбленіяхъ, которымъ онъ подвергался и отъ которыхъ никто не былъ застрахованъ въ то, по его собственному выраженію, «дикое» время. Съ другой стороны, нельзя удивляться и не довѣрять тому, что на долю Посошкова перешадало болѣе, чѣмъ кому либо, обидъ и оскорбленій: при тогдашнемъ несправедливомъ, противъ котораго съ такимъ негодованіемъ и смѣлостію вооружался Посошковъ, трудно было бороться замѣчательному мыслителю-земледѣльцу съ чиновниками и знатью; очень естественно, что выскочка изъ крестьянъ возбуждалъ ненависть въ людяхъ «ненавистныхъ, завистливыхъ, ябедникахъ и любителей неправды», какъ Посошковъ величалъ бояръ и вельможъ. Они старались вредить ему при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ 1708 году 21-го марта былъ запросъ такого рода: «для строенія водокъ въ Петербургъ желаетъ служить Иванъ Посошковъ; онаго брать ли?». Меньшиковъ, который самъ былъ не чистъ на руку и могъ не любить Посошкова, какъ человѣка безпокойнаго и проектера-мужика, въ резолюціи отклонилъ Посошкова, обозвавъ его для этого воромъ¹⁾. Не смотря впрочемъ на эту клевету, Посошковъ всетаки опредѣленъ былъ въ Новгородъ водочныхъ дѣлъ мастеромъ и заслужилъ здѣсь полнѣйшее довѣріе, такъ что не былъ считанъ казною за 16 лѣтъ. Посошковъ приводитъ самъ разительные примѣры несправедливости къ себѣ вліятельныхъ особъ. Напр. въ 1719 г. онъ подалъ просьбу князю Д. Голицыну, котораго считалъ «добрымъ и разумнымъ», о дозволеніи построить винокуренный заводъ; но Голицынъ, «не вѣдаю чего ради, велѣлъ меня за караулъ посадить и я сидѣлъ пѣлюю недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго а за что сижу, не знаю», — Посошковъ напомнилъ о себѣ и его выпу-

¹⁾ Пол. Соб. Зак. IV т. № 2194.

стали. «Я кажется и не послѣдній человѣкъ», размышлялъ онъ по этому поводу, «и князь меня знаетъ, а просидѣлъ нѣблуду недѣлю ни за что, колыки же паче косяго мизернаго посаждать да и забудуть» (I, 48—49). Въ 1721 году въ Новгородѣ, хозяинъ квартиры Посошкова «привличился въ свидѣтельство». Капитанъ Невельскій, «котораго называють добрымъ и разумнымъ человѣкомъ», велѣлъ опечатать имущество хозяина; но солдаты и Посошкова съ женой «выбили изъ горницы и животы (ножитки) опечатали». На требованіе защиты «Невельскій прислалъ съ такими грозами: самъ приду и совѣшь-де вымечу на улицу, а жену-де твою за косы выволоку вонъ». И вотъ Посошковы «больши дву недѣль скитались по чужимъ дворамъ»; только всевода велѣлъ караулъ снять, а Невельскому все было «хотѣлось сорвать нѣчто», какъ догадывался Посошковъ» (стр. 34). Далѣе Посошковъ рассказываетъ о личномъ оскорбленіи его полковникомъ Порѣцкимъ, который «бранилъ меня», говоритъ Посошковъ, «скверною бранью и называлъ воромъ», хотя «внимъ своея ни маля не знаю» (стр. 35); рассказываетъ, какъ его не допустили до Кабинетъ-министра Макарова, которому онъ хотѣлъ представить сочиненное имъ «донесеніе Его Императорскому Величеству о новоначинающихся деньгахъ» и т. д.

Приведенныя сейчасъ свидѣтельства Меньшикова и Порѣцкаго о нравственной неблагонадежности Посошкова, обличеніе его въ воровствѣ, набрасывають повидимому нѣкоторую тѣнь на нравственную личность Посошкова. Но даже и въ свое время, свидѣтельство напр. Меньшикова, какъ мы видѣли, осталось непризнаннымъ, было явно опровергнуто фактомъ избранія Посошкова на должность и даже необычнымъ особеннымъ довѣріемъ къ нему. Кромѣ же этихъ голословныхъ уликъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ какому либо опредѣленному заключенію относительно нравственной несостоятельности Посошкова. Что касается сочиненій, въ которыхъ совершенно непринужденно и слишкомъ рельефно отразился духовный образъ Посошкова, то въ нихъ послѣдній является человѣкомъ высоконравственнымъ, слишкомъ ревнивымъ къ требованіямъ долга и справедливости, развившимъ въ себѣ замѣчательно тонкую восприимчивость въ оцѣнкѣ нравственнаго смысла и значенія человѣческихъ поступковъ. Впрочемъ, зная характеръ того времени, когда разладъ между словами и дѣлами, убѣжденіями и поступками былъ слишкомъ обыченъ, зная напр., что Татищевъ энергично вооружавшійся противъ

взяточничества, не его же признали, не былъ самъ чистъ отъ этого грѣха, — и мы въ данномъ случаѣ вовсе не жалаемъ представлять Посошкова идеаломъ чести и добродѣтели. Нужно предполагать, это былъ обыкновенный человѣкъ, быть можетъ и несвободный отъ обычныхъ, особенно въ ту пору, житейскихъ недостатковъ, но совѣсть котораго несомнѣнно чиста была отъ нашихъ либо выдающихся нравственныхъ пороковъ; сочиненія же Посошкова во всякомъ случаѣ рисуютъ предъ нами въ высшей степени свѣтлый, симпатичный образъ этого увлеченнаго, восторженнаго проповѣдника правды и безусловнаго врага всякой несправедливости.

По своимъ занятіямъ Посошковъ былъ человѣкъ коммерческій, предприимчивый; его занимали промышленные обороты, — поэтому онъ и обнаружилъ въ своихъ сочиненіяхъ удивительную силу и свѣтлость здраваго практическаго смысла. Писательство не было прямымъ призваніемъ и исключительнымъ дѣломъ Посошкова. «Едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта совершихъ невеликую сію книжицу», говоритъ напр. онъ о своей Книгѣ о скудости и богатствѣ (I, 259). Посошковъ писалъ между прочимъ, только потребностями времени отрываемый отъ своихъ специальныхъ обязанностей къ умственной работѣ. Безпримѣрно-сильное движеніе преобразовательной эпохи, новые предметы и учрежденія, расширеніе сферы, противоположность толковъ — все это поглотило все интересы, пробудило все силы и всякія дарованія русскаго человѣка, вызвало дѣятельность небывалую, разнообразную; — все это должно было поднять людей живыхъ и способныхъ въ разныхъ слояхъ общества, возбудить въ нихъ надежду на болѣе широкую дѣятельность. И Посошковъ является именно порожденіемъ современной жизни. Среди своихъ прямыхъ занятій, онъ не безучастно относился ко всему вокругъ него происходящему, а здѣсь было весьма много такого, что вызвало на размышленіе, невольно останавливало на себѣ вниманіе искреннаго патріота, какимъ былъ Посошковъ. И онъ увлекся политикою, съ жаромъ предался преобразовательному стремленію, посвятилъ не мало труда на служеніе той мысли, которую тогда олицетворялъ въ себѣ Петръ Великій. Устраивая свои торговые дѣла, Посошковъ находилъ время слѣдить за всесторонними проявленіями общественной жизни, колебавшейся подъ противоположными направленіями; онъ подмѣчалъ крайности и злоупотребленія, вносимыя въ жизнь разнообразными вліяніями, и умѣлъ извлечь

средства, способствовавшія къ всестороннему исправленію и возвышенію отечества; онъ тратилъ много силъ и времени, чтобы записать свои проекты, идеалы и имѣлъ настолько силъ, чтобы адресовать эти проекты, полные безпощадныхъ обличеній, лицамъ, стоящимъ во главѣ обличаемой администраціи. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ совершенно понятнымъ для насъ тотъ совершившійся фактъ, что бояре, преслѣдовавшіе Посошкова при жизни, заставили его и умереть смертію арестанта. 1725 года 29 августа былъ взятъ подъ караулъ Иванъ Посошковъ, а черезъ три дня въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ допрашивали нѣкоторыхъ лицъ, не имѣютъ ли «книгу изданія Посошкова, зовомую скудость съ богатствомъ» (предисл. ко II т. соч. Пос. стр. XXXIV). Неизвѣстно, къ чему пришли эти и подобныя изысканія, только Иванъ Тихоновичъ не былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, а 1-го февраля 1726 года онъ христіански скончался.

Но Посошковъ сохранился для насъ въ своихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ. Въ нихъ онъ высказался весь, со всѣми своими чувствами, понятіями и убѣжденіями, своими симпатіями и антипатіями, идеями и идеалами. Нужно удивляться этому замѣчательному человѣку, не получившему образованія, но обладавшему огромнымъ природнымъ умомъ, необыкновенною наблюдательностію, богатѣйшею опытностію и разнообразнѣйшими знаніями и способностями, — человѣку, положившему за свои убѣжденія и жизнь свою, человѣку, сверхъ всего, глубоко благочестивому, искренно богобоязненному, истинному христіанину. Нужно удивляться многостороннимъ свѣдѣніямъ и занятіямъ Посошкова и его безкорыстному желанію принести пользу родинѣ, посвятить свой умъ, запасъ своихъ знаній и опытности на служеніе отечеству, чтобы сколько только возможно помочь, а въ крайнемъ случаѣ, хоть только указать путь и средства къ улучшенію всѣхъ частей государственнаго управленія и дѣятельности.

Занятый съ молодости, какъ мы видѣли, денежными станками, Посошковъ около 1701 г. составилъ финансовый проектъ: «денежное письмо», которое для насъ потеряно, но о которомъ свидѣтельствуетъ самъ Посошковъ въ донесеніи Головину: «если бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ *прежняго моего письма...* и буде Великій Государь укажетъ денежное дѣло управить, якоже *явилъ въ денежномъ письмѣ*» и пр. О содержаніи этого утраченнаго письма ничего

неизвѣстно. Очевидно, этотъ проектъ Посошковъ старался довести до свѣдѣнія самого царя. Около того же времени Посошковъ, разсматривая худое состояніе воинскаго дѣла, подалъ предложеніе «О ратномъ поведеніи» боярину Головину. Въ этомъ письмѣ Посошковъ говоритъ о различныхъ родахъ войска, объ оружіи, о необходимости ученія стрѣльбы въ цѣль и о содержаніи солдатъ; упоминаетъ о походахъ Голицына въ Крымъ, объ Азовскихъ походахъ, о Нарвской битвѣ; далѣе Посошковъ предлагаетъ довольно подробную роспись расходовъ при содержаніи войска. Наконецъ онъ выражаетъ надежду, что Петру сдѣлаются извѣстными его предположенія о преобразованіи войска. — Отъ воинства Посошковъ переходитъ къ духовенству и въ 1703 году подаетъ блюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому, «Доношеніе о духовныхъ дѣлахъ», т. е. объ улучшеніи быта духовенства и нравственности народа. Сюда вошли: жалобы на невѣжество духовенства, которое не въ состояніи было разумѣть коренныхъ началъ христіанскаго ученія и чрезъ то поддерживало грубое невѣжество въ народѣ, лишая его религіознаго наученія, и проекты о распространеніи просвѣщенія въ духовенствѣ. Онъ требуетъ, чтобы начальство имѣло строжайшій надзоръ за духовными лицами, предписывало имъ надлежащее исполненіе обязанностей, составляло точныя правила о томъ, какъ исповѣдывать, учить народъ и пр. Тутъ же Посошковъ заводитъ рѣчь вообще о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, обличая неразумныя злоупотребленія въ этой родительской обязанности. Въ заключеніи молитъ «великаго Архіерея не оторвать сего доношенія»¹⁾. Извѣстны еще двѣ записки Посошкова, адресованныя Стефану Яворскому же. Одна озаглавлена впоследствии: «Проектъ о школахъ» и трактуетъ о рациональной, съ точки зрѣнія Посошкова, постановкѣ школьнаго дѣла на Руси, объ увеличеніи училищъ, о необходимости для Россіи даже высшихъ учебныхъ заведеній, академій. Въ другой запискѣ Посошковъ говоритъ о вѣрѣ, объ отношеніи къ расколу, о необходимости образованія въ духовенствѣ. Вообще по содержанію эти записки напоминаютъ первое доношеніе. Списки этихъ двухъ записокъ составляютъ особый сборникъ, хранящійся въ библиотекѣ Академіи Наукъ (№ 102). Въ 1718 году, послѣ выпуска новыхъ монетъ, Посошковъ написалъ доношеніе государю «о новоначинающихся

¹⁾ Автографъ этого Доношенія хранится въ Москвѣ, въ Синодальной типографской библиотекѣ.

деньгахъ, изъявивъ, что деньги вельми къ воровству способны». Допошеніе это не сохранилось, но на него ссылается самъ Посошковъ (Соч. Пос. I, 250).¹⁾

Къ послѣднимъ годамъ жизни Посошкова относятся три самыя обширныя и замѣчательныя сочиненія Посошкова. Около 1709 года онъ написалъ «Зерцало очевидное», представляющее, въ полной редакціи, сборникъ двухъ громадныхъ полемическихъ сочиненій — противъ раскольниковъ и противъ лютеранъ. Къ 1719 году Посошковъ написалъ «Завѣщаніе отеческое къ сыну». Наконецъ, за годъ до смерти, въ 1724 г., онъ окончилъ послѣдній безсмертный свой трудъ: «Книгу о скудости и богатствѣ, сіе есть изъявленіе отъ чего приключается скудость и отъ чего беззавитое богатство умножается». «Утаенно отъ зрѣнія людскаго тридѣтнимъ трудомъ» писалъ Посошковъ это произведеніе и, предлагая оное «на разсмотрѣніе единого высочайшаго блага орла, явнаго правдолюбца, императора Петра», просилъ: «иного ничего не требую, токмо да не явится мое имя ненавистливымъ, завистливымъ людямъ, паче же обидникамъ, ябедникамъ и любителямъ неправды, понеже не похлѣбуя имъ писалъ, а еще увѣдать о моей мизерности, то не поустыятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой»; «за поносное на нихъ слово учинять имъ какую пакость» (т. I стр. 258, 213; предисл. къ II т. стр. XXX). Неизвѣстно, дошелъ ли до Петра замѣчательный трудъ Посошкова, только извѣстно, что не укрылось имя Посошкова отъ сильныхъ лицъ, не любящихъ правды: «нашли они въ безсмертномъ сочиненіи уголовныя преступленія, заключили они гениальнаго мыслителя, почтеннаго гражданина за его общепольныя предложенія въ крѣпость, надѣли ему на руки и на ноги кандалы», и умеръ несчастный вдали отъ семьи и отъ людей, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, на днѣ подземной или подводной темницы!» Такъ въ теплыхъ выраженіяхъ оплакиваетъ горькую судьбу Посошкова, павшаго жертвою своей ревности къ общему благу, Погодинъ, впервые и извлекающій это славное русское имя изъ забвенія.

¹⁾ Изъ мелкихъ сочиненій, связываемыхъ съ именемъ Посошкова, извѣстны еще: Записка 1725 года, или два проекта о религіозно-нравственномъ образованіи народа и объ умноженіи народнаго богатства; и «Отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальнія страны сыну». Впрочемъ, принадлежность этихъ двухъ сочиненій Посошкову опровергнута Погодинымъ и Брикнеромъ.

Народность и жизненность сочиненій Посошкова. — Взглядъ на состояніе русскаго общества во время реформы. Борьба двухъ направленій: привязанность къ старинѣ и влеченіе къ новизнѣ. — Направленіе Посошкова.

Посошковъ происходилъ изъ среды народа и въ своихъ сочиненіяхъ является какъ полный его представитель. Счастливая въ этомъ отношеніи судьба Посошкова доставила ему полную возможность гораздо болѣе другихъ всесторонне познакомиться съ состояніемъ Россіи, ближе всмотрѣться въ современное положеніе дѣлъ. По своему происхожденію, отчасти по образованію и вообще по своему положенію, Посошковъ находился въ тѣсной и непосредственной связи съ низшими и средними слоями русскаго общества; съ другой стороны, его промышленныя предпріятія, его знакомство съ высокопоставленными лицами, матеріальная обеспеченность, спеціальныя порученія отъ правительства — давали ему возможность имѣть сношенія съ органами управленія, съ высшими кругами общества. Будучи лишень всякаго правильнаго образованія и вращаясь преимущественно въ средѣ своего брата — людей не книжныхъ, Посошковъ въ то же время имѣлъ сношенія съ современными представителями русской науки, каковы: Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій и др. Испытавшій даже на себѣ, какъ увидимъ послѣ, давленіе русскаго неподвижнаго старообрядства, онъ въ то же время близко знакомъ былъ и съ противоположнымъ направленіемъ проникавшаго на Русь лютеранскаго либерализма, имѣлъ связи съ проводниками вольнодумства на Руси и т. д. Словомъ, Посошковъ все видѣлъ, ему было все извѣстно, все совершалось у него на глазахъ. Онъ могъ, поэтому, всмотрѣться подробно въ разныя задачи и порядки администраціи, законодательства, во весь строй соціальной, религіозной, нравственной и умственной жизни современнаго общества. И все, что дѣлалось въ различныхъ сферахъ русской жизни, что такъ или иначе затрогивало интересы народа, обсуживалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ писалъ о томъ, что происходило предъ глазами всего народа, касалось непосредственно его, въ чемъ

живо былъ заинтересованъ каждый членъ общества; онъ старался установить взглядъ на тѣ предметы, которые волновали общество; изображалъ тѣ злоупотребленія, которыя тяготѣли надъ русскимъ народомъ; выводилъ наружу тѣ бѣдствія, отъ которыхъ стоналъ русскій народъ, на которыя готовъ былъ пожаловаться всякій русскій человѣкъ. Посошковъ предлагалъ мѣры, проекты къ избѣжанію зла и удовлетворенію народныхъ потребностей, указывалъ выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыхъ очутились русскіе люди. Это опять-таки не было плодомъ каеихъ либо теоретическихъ умствованій на почвѣ чужеземной науки, а было просто произведеніемъ здраваго народнаго смысла, смѣлыми соображеніями смѣтливаго крестьянина о томъ, какъ и что ему базалось лучше, какъ и чему научилъ его жизненный опытъ. Посошковъ въ подробныхъ чертахъ нарисовалъ идеаль челоуѣка-христіанина, занимающаго то или другое положеніе въ обществѣ, и идеаль этотъ вышелъ всецѣло жизненнымъ; онъ нарисованъ чисто народными красками; въ немъ живо отразились идеальныя представленія здравомыслящихъ русскихъ людей, современныхъ Посошкову. Словомъ, Посошковъ писалъ изъ среды народа и какъ бы отъ лица народа; сочиненія его вызваны были самою жизнію и являются порожденіемъ своего времени.

Являясь въ своихъ сочиненіяхъ представителемъ цѣлой народности, сыномъ своего времени, Посошковъ обладалъ вполне и личными качествами, необходимыми для почетной роли народнаго представителя. Кромѣ умственныхъ средствъ Посошкова, о чемъ мы уже говорили, стоитъ обратить вниманіе на его глубокій патриотизмъ, любовь къ отчизнѣ, преданность своему государю, полнѣйшее и безкорыстнѣйшее желаніе имъ всякаго блага и доходящее до самоотверженія стремленіе принести имъ свою посильную помощь. Какія, въ самомъ дѣлѣ, были побужденія къ его писательству? Если и теперь появленіе подобныхъ выходцевъ обличителей изъ среды простаго народа вещь вовсе не обыкновенная, тѣмъ болѣе это было необыкновенно во время Посошкова, когда русское общество, въ лицѣ даже высшихъ своихъ представителей, еще вовсе не навыкло и боялось всякой публицистики, когда всякій, особенно «мизерный» Посошковъ, могъ имѣть справедливыя опасенія поплатиться за свое дерзновеніе. Только крайняя злоба дня съ одной стороны и искреннѣйшій патриотизмъ Ивана Тихоновича съ другой — могли побудить его взяться за перо! «Страшенъ ми», признается онъ, «сей глаголь. что дерзнулъ

о дѣлѣ великомъ писати, но презѣльная моя горячесть понудила ми на сіе дѣло: Богъ ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самми ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своей бѣхъ таковъ, что лучше ми каковую либо пакость понести, нежели видя что бесполезно, умолчати» (I, 215). «Свидѣтель ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила меня на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалился во мнѣ, еже никакая нужда пресѣщи не могла» (стр. 259). При такой преданности своему государю и неукротимомъ стремленіи содѣйствовать ему, Посошковъ, естественно, не могъ равнодушно смотрѣть на самоотверженную дѣятельность Петра, при полномъ равнодушіи, какимъ его дарило устроенное имъ общество. «Видимъ мы вся, какъ Великій нашъ Монархъ трудить себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ; то како его дѣло споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово». «Откуда не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радѣтелей, но всѣ криво вѣдутъ». «Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричуютъ себя, а если здравымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтельству» (I, 95, 92, 106). Между тѣмъ Посошковъ сознавалъ всю трудность царственнаго дѣла, видѣлъ необходимость для государя помощниковъ, совѣтниковъ изъ среды подданныхъ, которые бы по крайней мѣрѣ останавливали вниманіе его на томъ, что требовало исправленія: «аще бо Государь и великое прилежаніе о дѣлахъ имѣетъ, обаче трудно въ тонкость все познать, понеже человекъ есть; и сего ради потребно ему Государю помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его предлагать и о всякомъ дѣлѣ самую истину доносить, а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно (ему) управить» (I, 282). Тѣмъ болѣе, по мысли Посошкова, эта помощь и единодушное сочувствіе нужны были въ преобразованіяхъ, которыми дѣятельно заявлялъ себя царь и которыя ему, оставленному безъ поддержки, «не измѣня древнихъ порядковъ, волико не бившись, покинуть прійдется» (I, 95). И вотъ, Посошковъ, побуждаемый такими соображеніями и сознавая въ то же время свою прямую обязанность по-

могать своему государю, ревностно берется за роль царскаго пособника. «Не ради своихъ какихъ прихотей, или поисканія какого, а отъ самыя ревности я подвигнулся. Мое намѣреніе то, чтобы мнѣ тунеядцу у Государя не быть и за то-бъ мнѣ отвѣту Богу не дать» (стр. 283). Но въ то же время Песошковъ съ совершеннымъ смиреніемъ сознаетъ свою неподготовленность и недостойнство къ принятому имъ на себя дѣлу и потому всю надежду свою возлагаетъ на Бога: «не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе въ осужденіе, еже дерзнулъ.... писати; самъ весь, ни предъ Богомъ, ни предъ царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ исправенъ; но токмо отъ мнѣнія моего припало желаніе, да негли изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе» (стр. 10). «Ей, Государь, пишетъ онъ Стефану Яворскому, не взысканія какова желая подвизаюся, но да вины избѣгну...» (Пр. о школахъ л. 1). «Прошу о прощевіи», пишетъ онъ Головину, «въ моихъ прогрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ не восхотѣхъ умолчати. Писаніе возвращаетъ, что Богъ изводитъ честное отъ недостойнаго. Сему примѣняющеса, дерзнулхъ и азъ нѣчто изнести, понеже есть жажда Государю.... негли и чрезъ мое непристойнство и сухомысліе учинить (Богъ) ему нѣчто полезное и прохладительное». «Того ради я тебѣ Государю и докучаю, Господа ради не возгнушайся моего неразумія и многословія, и размотри вся моя изреченія съ прилежаніемъ и кая дѣла полезна узриши и Государю доложи» (т. I стр. 265 и 283).

Взявшись помогать Государю, Песошковъ слѣдитъ за современною жизнью, за потребностями правительства, за всѣмъ, «въ чемъ жажда есть великому Государю»; по частнымъ вопросамъ онъ предлагаетъ на обсужденіе государя свои взгляды и мнѣнія, пишетъ особыя доношенія о животрепещущихъ вопросахъ, пишетъ наконецъ цѣлую книгу, полную проектовъ. О чемъ же онъ пишетъ, во имя чего ратуетъ, какая объединяющая идея всѣхъ его мнѣній и проектовъ? — «Не хитрости ради, не киченія ради, или самохвальства начахъ строити и соорихъ (свои сочиненія), но отъ самыя любви побожныя потрудихся для общія пользы... Азъ бо, аще и грѣшенъ есмь паче всѣхъ человекъ, обаче *любитель есмь правды и видя правду отвержему, возжелахъ тую объявить*, елико ми Богъ даровалъ» (т. II стр. 271 и 216), — такъ отвѣчаетъ на поставленные вопросы самъ Песошковъ. Итакъ, онъ преслѣдуетъ об-

щую пользу всѣхъ, онъ ратуеть за попираемую часто правду. Цѣль его стремленій — «ради сама́я правды такъ учинить, чтобы какъ богатыми и сильными, такъ и убогими и маломочными безобидно было; чтобы истребити изъ народа неправду и несправности, и насадить правую правду, водрузить любовь и безпечное житіе народное» (I, 99; II, предисл. стр. XXIX). Съ этою-то цѣлю онъ и предложилъ свои знаменитыя «девять главъ (Книга о скудости и богатствѣ), а вся сія девятица главъ состыгаются къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію; да негли — льстить себя Посошковъ надеждою — изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе» (I, 8 и 10). Но Посошковъ сознавалъ всю непосильность своего предпріятія: искорененія неправды во время ея полного господства, когда, по его словамъ, съ одной стороны «древностная неправда одолѣвала всѣ новыя статьи, колико ихъ не издано», а съ другой — самыя «древніе уставы обветшали и отъ неправыхъ судей всѣ исказились» (I, 96 и 87). Поэтому, всю надежду на успѣхъ онъ поставляетъ въ прямую зависимость отъ воли Божіей: только «аще Богъ на ны призритъ и помощь Свою ниспошлетъ, мочно правосудію устроиться у насъ въ Россіи». И Посошковъ молитъ, чтобы «Господь Богъ помощь Свою ниспослалъ, еже бы древнюю страсть неправды искоренити». Въ надеждѣ только на Божіе содѣйствіе Посошковъ и излагаетъ свои мнѣнія: «елико ми Богъ помощи Своей ниспослалъ, сія мнѣнія о истребленіи всякія великія и малыя неправды и насажденіи правды написахъ» (I, 87, 95, 258 и др.).

Вѣрный своей задачѣ — дѣйствовать во имя правды, въ интересахъ общественной пользы, въ помощь государю, Посошковъ прежде всего хочетъ обратить вниманіе Петра на тѣ прямыя нарушенія справедливости, которыя выносилъ русскій народъ безъ воли и свѣдѣнія о томъ государя. «Едвали сіе право учинено», пишетъ напр. онъ, «еже солдату мундиръ дадутъ, а послѣди за тотъ мундиръ изъ жалованья вычтутъ... Мню я, что Его Императорскому Величеству сіе не весьма извѣстно. Инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ жалованья не приходится въ мѣсяцъ, о таковой ихъ скудости, чаю, никто Государю не донесетъ, но доносятъ, будто всѣ сыты и всѣмъ довольны» (I, 5 и 32). Перечисляя различныя злоупотребленія въ военномъ вѣдомствѣ, Посошковъ говоритъ: «мню, что Государю о семъ не весьма извѣстно, но дѣлають все правители», которые «аще и съ доклада (царю) дѣлають,

да докладывают не прямо, но только слово у Государя изъ усть вытянуть, да и дѣлають что хотятъ, и запишуть въ указѣ, яко бы по имянному Его Величества указу...» (I, 92). Выставляя на видъ крайнюю нужду русскаго народа въ такихъ насущныхъ потребностяхъ, какъ напр. соль, Посошковъ прибавляетъ: «крестьяне, кои маломочны, всѣ пропадають и отъ безсолицы помирають, да никто о томъ Государю не доноситъ, а судьи, хотя и вѣдають, да о томъ они не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были» (I, 224). Говоря о злоупотребленіяхъ и страшномъ корыстолюбіи высшихъ сословій, Посошковъ прямо приводитъ факты, въ которыхъ «дворяне Государя своего оболгали» (I, 243) и пр. и пр.

Много усмотрѣлъ Посошковъ въ общественной жизни и такого, что дѣлалось иногда съ вѣдома государя и по требованію существующихъ правилъ, но что уже устарѣло, не мирилось съ современными потребностями, что было тяжело или неполезно для народа, чего не могъ признать Посошковъ здоровымъ. Онъ счелъ своею обязанностію обратить вниманіе государя на эти порядки, обстоятельно объясняя ихъ неумѣстность. «Мелочной сборъ по деньгѣ на рубль моему мнѣнію противенъ, понеже...» — слѣдуетъ подробное изложеніе доказательствъ. Вооружаясь противъ предпочтенія, оказываемаго иноземцамъ предъ Русскими, онъ говоритъ: «въ російскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездоровое, ибо...». «Дворяне земли раздѣляютъ частей на десять и больше, такое обыкновеніе весьма нездорово...». «И сіе не только не право, но и весьма гнило, еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано...». «Сей судъ, еже престолюдину обиды своей на солдата у солдата-жъ милости просить, мнѣ мнится не весьма правъ». Доказывая неудобство нѣкоторыхъ правилъ Уложенія, способствовавшихъ волокитству въ судебныхъ дѣлахъ, заключаетъ: «мнѣ ся мнить: тыи статьи стараго Уложенія надлежитъ оставить и сдѣлать такъ...». «Въ старомъ Уложеніи напечатано, еже сажать за вину въ тюрьму года на четыре и больше, и та статья мнѣ вознилась весьма непристойна...». «И нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво...». «И сіе не право дѣется: дозорщики описываютъ деревни, и въ глаза (ихъ) не видавъ...» (I, 220, 145, 7, 43, 103, 110, 192) и пр.

Вмѣсто многихъ порядковъ, отвергаемыхъ Посошковымъ, какъ нездоровыхъ, отжившихъ свои дни, онъ, въ помощь законодателю и ради

блага народнаго, предлагаетъ свои мѣры, новые порядки, болѣе справедливыя, по его мнѣнію, и болѣе цѣлесообразныя въ жизни государственной.

Высказанныя сей часъ общія соображенія о жизненности и значеніи сочиненій Посошкова ближе всего относятся къ политико-экономическому труду Посошкова, къ его Книгѣ о скудости и богатствѣ. Но то же должно сказать въ частности и о другихъ сочиненіяхъ его, болѣе специальныхъ по своему содержанію и не имѣющихъ столь всесторонняго отношенія къ дѣйствительной современной жизни. Зерцало очевидное представляетъ собою исключительно богословское сочиненіе, въ которомъ, какъ и въ Доношеніи къ Стефану Яворскому, Посошковъ ратуетъ противъ страшнаго зла русской церковной жизни, чрезмѣрно усилившагося при Петрѣ, — противъ раскола и протестантскаго вліянія. Такимъ образомъ, какъ видно уже изъ главнаго предмета, сочиненіе это было по меньшей мѣрѣ современно, служило отвѣтомъ на прямой вопросъ времени. Опытю дозналъ Посошковъ всю опасность «антихристіанской прелести раскола». Это сознаніе еще болѣе усилилось въ немъ при видѣ засвидѣтельствованнаго имъ полнаго безсилія и умственной скудости лицъ, призванныхъ, по своему положенію, хранить чистоту вѣры. И вотъ онъ, не смотря на присущее ему сознаніе своего недостойнства, «яко неукъ есмь и неразуміе мое явно есмь, яко прстець есмь» и «по самому бытію моему не мое сіе дѣло», но припоминая прошеніе Златоуста, «еже бы мы, и простолюдинове суще, тщаніе имѣли неоскудное о наставленіи заблудшихъ», рѣшается, «призвавъ Бога на помощь», подвигнуться «о подъятіи и исправленіи погибающихъ членовъ, падшихъ въ расколъ» (Зерц. очев. ркп. л. 8). Плодомъ этой рѣшимости было Зерцало. Посошковымъ движетъ въ данномъ случаѣ та же его искренняя приверженность къ своей отчизнѣ, съ ея святою, чистою вѣрою, неподдѣльная любовь и сожалѣніе о своихъ братьяхъ, «отпадшихъ отъ матери своея Святыя Церкви и подпадшихъ царству діавола»; имъ движетъ, наконецъ, и тутъ та же высокая ревность и благородное возбужденіе: «токмо едина мя ревность на таковое великое дѣло подвиге. Богъ меня на сіе дѣло возбудилъ, буди Его Божія воля. Единъ бо есмь талантъ прія, потолику и трудихся» (л. 9). — Завѣщаніе отеческое носитъ также характеръ богословскій и относится къ назидательной литературѣ. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ сочиненіи встрѣчается подробное раскрытіе мыслей Посошкова объ администраціи, судопроизводствѣ, о солдатахъ, крестьянахъ и пр., какъ и въ Книгѣ о

скудости и богатствъ, оно имѣеть едва ли не болѣе всѣхъ громадное историческое значеніе, потому что въ немъ мы находимъ полный катихизисъ, подробную догматику и нѣнку набожнаго русскаго человѣка во времени Петра Великаго; здѣсь находимъ изображеніе идеаловъ этого человѣка, въ высшей степени предусмотрительную программу жизнедѣятельности, составленную религіознымъ древне-русскимъ человѣкомъ, подъ вліяніемъ уже и новаго порядка вещей.

Историческое значеніе литературныхъ произведеній точнѣе и ближе опредѣляется обыкновенно болѣе или менѣе непосредственнымъ отношеніемъ ихъ къ современной исторіи. Чѣмъ болѣе публицистъ въ своихъ сочиненіяхъ обращаетъ вниманія на жизненные запросы своего времени, чѣмъ болѣе онъ касается общаго теченія современной исторіи; тѣмъ болѣе историческаго смысла и цѣны получаютъ его произведенія. Всѣ извѣстныя намъ сочиненія Посошкова, при всей разнохарактерности ихъ содержанія, имѣють важное историческое значеніе, потому что, какъ мы сказали, они были вызваны самою жизнію, изъ нея брали свое содержаніе и цѣлю своею имѣли удовлетвореніе насущныхъ, жизненныхъ потребностей. Но чтобы ближе видѣть отношеніе сочиненій Посошкова къ современной жизни и такимъ образомъ уяснить историческое ихъ значеніе, мы неизбѣжно должны разсматривать ихъ въ связи съ состояніемъ тогдашняго русскаго общества и опредѣлить напередъ точку зрѣнія Посошкова, принятое имъ общее направленіе.

Посошковъ жилъ и писалъ въ замѣчательнѣйшую эпоху русской исторіи: на его глазахъ совершалось великое дѣло всесторонняго преобразованія Россіи; онъ, слѣдовательно, непосредственно испытывалъ, виѣсть съ своими современниками, всю тяжесть и силу историческаго переворота; въ его сочиненіяхъ нужно искать отображеніе первоначальныхъ впечатлѣній здравомыслящаго русскаго человѣка въ виду многочисленныхъ новшескъ.

XVIII-й вѣкъ открывается на Руси всеобъемлющею реформой государственнаго устройства. Начало его, названное эпохою преобразованій, имѣеть смыслъ если не всецѣлаго, кореннаго разрыва между старымъ и новымъ, то ускореннаго перехода Россіи отъ ея обособленнаго существованія къ непосредственному общенію съ Европой. Во времени Петра Великаго по разнымъ отраслямъ государственнаго устройства стало уже обнаруживаться

недовольство настоящимъ и стремленіе къ нововведеніямъ. Лучшіе русскіе люди путемъ вѣковаго опыта дошли до убѣжденія, что для лучшаго благоустройства и процвѣтанія Россіи въ средѣ другихъ европейскихъ государствъ необходимо ближайшее знакомство съ ними, необходимо заимствованіе плодовъ западной цивилизаціи. Какъ ни преданъ былъ Алексѣй Михайловичъ праотеческимъ обычаямъ, всетаки уже и онъ допустилъ въ своемъ дворѣ нѣсколько новыхъ западныхъ обычаевъ, каковы: новыя увеселенія, переводъ иностранныхъ журналовъ и т. п. Петръ Великій, посланный провидѣніемъ довершить необходимое для блага Россіи ея всецѣлое преобразование, дать народу русскому болѣе живое и обширное образованіе умственное и общественное, началъ рѣшительно и радикально устроить Россію по образцамъ и началамъ западно-европейской гражданственности. Но не могъ, разумѣется, этотъ переходъ Россіи отъ ея древней исторіи къ новой совершиться безъ болѣзненныхъ явленій, безъ сопротивленія, безъ борьбы. Уже съ начала обнаруженія первыхъ реформаторскихъ попытокъ въ эпоху, предшествовавшую еще Петру, явился громадный процентъ людей, для которыхъ старое было идеаломъ и совершеннаго, и прекраснаго; съ самаго начала въ обществѣ обнаружилось уже раздвоеніе новыхъ стремленій съ старыми убѣжденіями, раздвоеніе, какъ признакъ и задатокъ разыгравшейся потомъ въ громадныхъ размѣрахъ борьбы между старымъ и новымъ началами. Само правительство, только при Петрѣ впервые сознательно вступившее на путь реформы, доселѣ дѣйствовало въ этомъ отношеніи безотчетно и во всякомъ случаѣ высказывалось въ пользу народнаго большинства; оно даже поддерживало поборниковъ старины, побуждаемое къ тому если не слѣпою приверженностію къ старинѣ, то опасеніемъ, чтобы съ латинскаго запада не пришло къ намъ чего нибудь вреднаго, противнаго пользамъ государственнымъ, опаснаго для чистоты древне-русскаго православія. Такъ уже во 2-й половинѣ XVII вѣка отчужденіе Россіи отъ Европы старательно охранялось государственными мѣрами: въ 1675 году вышелъ указъ, запрещавшій, подъ опасеніемъ опалы, «перенимать иноземскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ извчаевъ» (Пол. соб. зак. т. I № 607). Діаметрально измѣнилась политика русскаго правительства при Петрѣ. Смѣло, часто путемъ принужденія, пло оно отъ преобразования къ преобразованію; но за то съ точностію опредѣлилось и во всей силѣ обнаружилось теперь противоположное направленіе приверженцевъ старины: борьба стараго

порядка съ новымъ достигла вышей степени напряженія. Русское общество рѣзко раздѣлилось на два враждебныхъ между собою лагеря. Масса простаго народа стала въ оппозицію всѣмъ нововведеніямъ и составила собою партію защитниковъ стараго порядка. Другую противоположность составили люди, сочувствующіе новому строю жизни, приверженцы нововведеній, принятыхъ со стороны, заимствованныхъ отъ иностранцевъ.

Въ этотъ-то рѣшительный моментъ общественнаго разединенія и борьбы стараго направленія съ новыми стремленіями жилъ Посошковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его болѣе чѣмъ всякаго другаго интересовалъ круговоротъ современной жизни, разрозненность народныхъ стремленій, доходящая до партіозной борьбы. Но напрасно бы мы стали искать въ его сочиненіяхъ духа этой партіозности. Посошковъ сохранилъ, насколько это было возможно, безпристрастіе среди общаго возбужденія и увлеченія; свѣтлымъ, непредубѣжденнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на новыя перемѣны и потому остался свободенъ отъ увлеченія крайностями. Его не увлекало безотчетно ни усилившееся стремленіе къ новизнѣ, ни усиливающаяся въ своей закоренѣлости привязанность къ старинѣ. Онъ сознавалъ хорошее того и другаго направленія, но въ то же время видѣлъ и худыя ихъ стороны. Поэтому Посошковъ и въ сочиненіяхъ своихъ не высказался рѣшительно въ пользу того или другаго направленія, какъ, съ другой стороны, воздержался и отъ огульнаго осужденія какого либо изъ нихъ. Символы Посошкова высказываются только усвоеніемъ хорошаго въ томъ и другомъ направленіи. Въ большинствѣ случаевъ являясь представителемъ набожнаго старо-русскаго человѣка, Посошковъ въ то же время является человѣкомъ новаго времени, сотрудникомъ великаго реформатора. Разсматриваемый съ точки зрѣнія стараго времени, Посошковъ является выходцемъ, членомъ новаго общества, но въ рядахъ этого послѣдняго Посошковъ далеко не раздѣляетъ крайняго увлеченія рьяныхъ западниковъ и остается человѣкомъ отсталымъ, старымъ ригористомъ. Съ одной стороны, онъ желаетъ усвоить все хорошее изъ указаннаго Петромъ, напр. научное образованіе, новый строй государственной жизни и пр.; съ другой — стремится сохранить и все доброе, выработанное многолѣтнею жизнію русскаго народа, какъ напр. его благочестіе, религіозность, уваженіе къ духовенству и пр. Въ политическихъ, гражданскихъ убѣжденіяхъ Посошковъ является всецѣло новаторомъ; въ убѣжденіяхъ же религіозно-нравственныхъ, оказавшихъ въ большинствѣ

русскихъ людей удивительную силу, неподвижную стойкость, живучесть, и Посошковъ остается тѣмъ же древне-русскимъ раскольникомъ, только безъ крайностей и заблужденій послѣдняго, остается проповѣдникомъ той же обрядности, того же строгаго православія, старой вѣры. Само собою разумѣется, эти, въ своемъ родѣ, тоже крайности въ направленіи Посошкова — тяготѣніе къ новымъ условіямъ жизни и привязанность къ старинѣ — у него взаимно приирились и уиѣрались. Какъ сынъ старой Россіи, онъ напр. упорно отстаиваетъ всё и мелочи старой обрядности; а какъ человѣкъ новаго склада, какъ новаторъ, онъ старается сгладить традиціонныя воззрѣнія напр. на науку, на иностранцевъ и т. п.; сообщаетъ и старинѣ русскимъ воззрѣніямъ совершенно новыи духъ, новыи характеръ, старается придать всему внѣшнему, обрядовому новыи для русскихъ людей, дотолѣ несознаваемый и смутно представляемый смыслъ, высшее духовное значеніе. Такимъ образомъ, Посошковъ является приириющимъ два крайнія направленія, является представителемъ того быть можетъ немногочисленнаго разряда здравомыслящихъ русскихъ людей начала XVIII вѣка, которые служили посредниками и соединяли собою увлекшихся въ крайностяхъ соотечественниковъ въ одну народность.

Здѣсь припоминаются слова Посошкова, обращенныя къ сыну: «не склоняйся ни на шуе, ниже на мнимое десно»; нельзя не узнать здѣсь въ высшей степени удачной характеристики направленія самого Посошкова!

Во всякомъ случаѣ, это среднее между крайними направленіе Посошкова является громаднымъ достоинствомъ, благодаря которому въ его сочиненіяхъ мы имѣемъ правдивыя историческія мемуары внутренняго состоянія Россіи, начертанныя безпристрастнымъ современникомъ. Это не партизанъ, смотрящій на современность изъ подъ извѣстнаго угла, а честный, правдивый историкъ, который рисуетъ предъ нами общественную жизнь въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, со всеи язвами, застарѣвшими уже при прежнихъ порядкахъ дѣлъ и вновь открывавшимися подъ вліяніемъ новыхъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ измѣненія. «Въ російскомъ народѣ», пишетъ Посошковъ въ просьбѣ, приложенной къ Книгѣ о скудости и богатствѣ, «присмотрѣхъ, яко многое множество содѣвается неправды и великихъ несправностей. Того ради возжелахъ о достовѣрныхъ и слышанныхъ и мнимыхъ дѣлахъ предложить изъясленіе» (т. II стр. XXVIII). Такимъ образомъ, сочиненія Посошкова есть живая картина Россіи при Петрѣ Великомъ, съ ея нуж-

дами и запросами. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ выразившіеся въ сочиненіяхъ Посошкова отношеніе Русскихъ къ иностранцамъ и здравый взглядъ Посошкова на сущность раскола. Иностранцы и расколь — эти два пункта съ особенною рельефностію выступаютъ въ сочиненіяхъ Посошкова. И въ этомъ нельзя не видѣть главнѣйшее доказательство современности и жизненности сочиненій Посошкова, такъ какъ эти два пункта служили въ то время противоположными полюсами, между которыми колебалось русское общество, то совершенно отдаваясь подъ опеку иностранцевъ, то раскольнически закупориваясь въ своей національности. Сохраняя себя свободнымъ отъ безотчетнаго пристрастія къ тому или къ другому направленію, Посошковъ наполняетъ свои сочиненія дѣльными и рѣзкими укоридами и обличеніями какъ иностранцевъ съ ихъ русскими подражателями, такъ и переступившихъ границы отчужденія отъ всего новаго своихъ соотечественниковъ современниковъ.

Итакъ, вопросъ объ общемъ направленіи Посошкова и объ отношеніи его къ двумъ крайнимъ партіямъ того времени можно рѣшить, на основаніи его сочиненій, съ достаточною опредѣленностію. Несомнѣнно, Посошковъ остался свободенъ отъ полнаго слѣдованія какому либо изъ двухъ крайнихъ направленій того времени, онъ не принадлежитъ всецѣло ни къ старовѣрамъ, ни къ безусловнымъ новаторамъ, онъ держитъ середину между тѣми и другими, идетъ своею дорогою. — Какъ же Посошковымъ пройденъ этотъ путь, насколько удовлетворительно выдержано имъ избранное направленіе?

Нельзя сказать, чтобы среднее направленіе между старинною и новизною проведено было Посошковымъ безукоризненно, безъ всякихъ неровностей, что всегда и вездѣ одинаково успѣшно ему удавалось избѣгать недостатковъ завѣдомо шуй стороны и мнимой правоты пути деснаго. Въ частностяхъ и отдѣльныхъ случаяхъ мы находимъ у Посошкова очень много невыдержаннаго, непослѣдовательнаго, слишкомъ замѣтную смѣсь въ понятіяхъ и взглядахъ. Часто Посошковъ удивляетъ высокими и слишкомъ смѣлыми въ его положеніи мыслями, новыми идеями; за то еще чаще встрѣчаются у него и такіа старинныя требованія и рутинныя воззрѣнія, которыя являются какъ будто даже недостойными Посошкова, непріятно поражаютъ въ его сочиненіяхъ. Съ одной стороны, взгляды, изобличающіе въ Посошковѣ чловѣка въ высшей степени здравомыслящаго, новаго: съ другой — взгляды, выдающіе въ Посошковѣ

древняго простеца и старовѣра. Многія частныя стороны религіозныхъ воззрѣній Посошкова и его соціальныхъ идеаловъ показываютъ, какъ мы послѣ увидимъ, что Посошковъ далеко не всегда умѣло и равномѣрно сочеталъ новыя понятія съ старыми требованіями, новое содержаніе съ древнею формою, что онъ часто смѣшивалъ великое съ ничтожнымъ, серьезное съ смѣннымъ, существенно важное съ безразличнымъ, что онъ съ неменьшимъ унорствомъ гонялся за обрядомъ, какъ и за одушевляющимъ его смысломъ, въ регламентаціи выраженій вѣщнаго богопочтенія и нравственныхъ поступковъ постоянно переходилъ въ древне-русскую крайность точнѣйшихъ и подробнѣйшихъ предписаній. Нельзя конечно ставить Посошкову въ упрекъ его обрядоваго направленія настолько, насколько обрядъ необходимъ для выраженія извѣстной идеи, того или другаго духовнаго настроенія, насколько форма неизбѣжна, какъ оболочка даннаго содержанія; но дѣло въ томъ, что Посошковъ часто переходитъ законную, разумную мѣру формализма, — весь, такъ сказать, уходитъ въ обрядность и, съ чисто стариннымъ русскимъ обычаемъ и съ видимою охотою, распоряжается въ этой области, какъ въ чемъ-то самостоятельномъ; онъ выставляетъ мелочныя требованія древне-русской обрядности, какъ нѣчто само по себѣ существенное, безусловно обязательное; онъ часто не обрядъ подставляетъ къ выраженію извѣстной идеи, а наоборотъ къ готовому уже обряду силится привязать извѣстное движеніе души, не форму полагаетъ необходимою для содержанія, а скорѣе существованіе уже готовой, неизмѣнной формы, какова бы она ни была, обуславливаетъ для него необходимость подыскать къ ней какое нибудь содержаніе. Все это служитъ знакомъ того, что Посошковъ всетаки не избѣжалъ безусловно тѣхъ крайностей, которыхъ въ принципѣ онъ видимо берегся, что онъ всетаки далеко заходилъ въ область старовѣрческаго направленія, подчасъ повторяя излишнія требованія послѣдняго и уже болѣе или менѣе насильственно связывая ихъ съ новыми идеями, внушенными вліяніемъ другаго направленія, усвоенными изъ новыхъ началъ.

Причину такой невыдержанности взгляда и смѣшенія понятій въ сочиненіяхъ Посошкова нужно искать не столько въ личности самого Посошкова, сколько съ одной стороны въ характерѣ вообще того неустойчиваго, переходнаго времени, а съ другой — въ личныхъ обстоятельствахъ жизни Посошкова и условіяхъ его писательства. Прежде всего, Посош-

ковъ представляеть собою въ этомъ случаѣ интереснѣйшій типъ современника великой реформы русскаго царства, на которомъ мы наглядно можемъ наблюдать столкновение двухъ направленій, порожденныхъ реформой, когда новыя, привнесенныя начала дѣятельно вторгались въ жизнь на сѣмю томе еще слишкомъ живучихъ началъ старыхъ; когда умственный и нравственный кругозоръ русскаго челевѣка представлялъ собою хаосъ часто противорѣчивыхъ взглядовъ и убѣжденій; когда болѣе или менѣе случайно сохраненное изъ стараго и схваченное изъ новаго, иногда при всей своей несовѣстности, могло мирно уживаться въ одной и той же головѣ. Словомъ, Посошковъ представляеть собою любопытнѣйшій экземпляръ тѣхъ русскихъ людей, которые, будучи тронуты реформой, еще не свѣзились съ новымъ положеніемъ, не успѣли сповѣнно осмотрѣться, во все вдуматься, дать отчетъ въ своихъ воззрѣніяхъ и идеалахъ, подвергнуть критикѣ разсудка и упорядочить свое новопріобрѣтенное умственное и нравственное богатство. — Съ другой стороны, причину сбивчивости и неравновѣсія въ понятіяхъ Посошкова нужно видѣть въ обстановкѣ и обстоятельствахъ его жизни, въ крестьянствѣ, лишившемъ Посошкова правильной школьной подготовки, научнаго теоретическаго образованія, которое единственно и могло сообщить полную отчетливость его понятіямъ, дало бы возможность ему ориентироваться въ массѣ противорѣчій и крайностей своего бурнаго времени. Но за то тамъ же, въ той же обстановкѣ и житейскихъ условіяхъ можно отчасти усматривать ту, хотя и отрицательную, силу, которая воздержала Посошкова отъ всецѣлаго увлеченія крайностями и упрочила за Посошковымъ именно безопасный путь середины. Посошковъ не видалъ школы, не имѣлъ возможности ближе ознакомиться съ европейскою цивилизаціею, а потому и не могъ усвоить какъ того поверхностнаго образованія, которое кружило головы русскимъ новичкамъ, приготавлиая изъ нихъ большой процентъ модныхъ западниковъ, такъ и научныхъ подробностей солиднаго образованія, борьбы богословскихъ направленій, въ расходящіяся разности которыхъ почти невольно уклонялась мысль напр. такихъ великихъ ученыхъ людей времени, каковы Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Татищевъ и др. Правда, всякія крайности, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, для неученыхъ, темныхъ людей бываютъ въ жизни, на практикѣ, наиболѣе опасными и заразительными. Но въ этой-то именно области, т. е. на почвѣ практической жизни, и былъ непоколебимо силенъ Посошковъ.

И между тѣмъ какъ его сильный и энергичный умъ во всеоружіи науки и образованія, очень можетъ быть, склонился бы къ отважной, смѣлой работѣ и, пожалуй, легко бы поддавался крайнимъ увлеченіямъ; его только практическая, крѣпкая русская смѣтливость, его только природный мощный смыслъ, сдерживаемый неотступнымъ сознаніемъ своей темноты, некижности, снасли Посошкова отъ крайностей, обусловили для него срединный путь и только болѣе и болѣе закаляли въ немъ стояніе «яко на камнѣ» въ тѣмъ, что лучшаго дается другими, что предлагается «богословствующими и разумѣтельными мужами».

Болѣе близкое знакомство съ сочиненіями Посошкова нагляднѣе выяснитъ намъ направленіе Посошкова, золотую середину, избранную имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту встрѣчающуюся смѣсь неустановившихся взглядовъ и понятій, которая унаслѣдована была Посошковымъ отъ своего времени и обличаетъ въ немъ человѣка переходной эпохи.

Характеръ сочиненій Посошкова. — Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Посошкова, какъ существенный пунктъ, связующій ихъ съ древнѣйшій періодами русской жизни и письменности. — Черты религіозности въ сочиненіяхъ Посошкова. — Характеръ богословскихъ убѣжденій Посошкова. — Практичность, какъ другая воспроизводящая черта въ характерѣ сочиненій Посошкова.

Сочиненія Посошкова, какъ и вообще вся литература времени Петра Великаго, представляютъ собою переходную эпоху древне-русской письменности къ новой литературѣ, подготовительныя работы къ послѣдней, начавшейся съ Ломоносова. Съ одной стороны, сочиненія Посошкова, представляютъ собою послѣднюю стадію въ развитіи древне-русской письменности, завершеніе древней литературы; съ другой стороны, на нихъ лежитъ печать уже новаго времени, въ нихъ проводятся взгляды, которыхъ Посошковъ не могъ унаслѣдовать отъ своихъ отцовъ и предшественниковъ. Особенный интересъ представляетъ это смѣшеніе двухъ элементовъ въ сочиненіяхъ Посошкова, благодаря чему они являются живымъ памятникомъ той исторической эпохи, когда къ старымъ понятіямъ стали прививаться новыя, когда традиціонныя воззрѣнія и убѣжденія начали колебаться подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и перерабатываться подъ вліяніемъ вновь усвоенныхъ взглядовъ. Это сочетаніе стараго съ новымъ проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Посошкова, проникаетъ всѣ воззрѣнія и идеалы его, и служитъ источникомъ какъ всѣхъ достоинствъ, возвышающихъ Посошкова, такъ и всѣхъ несовершенствъ, болѣе или менѣе его унижающихъ. Но прежде всего сочиненія Посошкова, независимо отъ ихъ содержанія, драгоценны въ литературномъ отношеніи по ихъ *общему направленію и характеру*. Разматриваемыя съ этой стороны, они представляютъ собою послѣдній памятникъ нашей древне-отечественной письменности; въ нихъ со всею строгостію выдержаны религіозное направленіе и церковный тонъ, выработанные историческою жизнію русскаго народа и характеризующіе всю нашу до-петровскую литературу.

Отсюда, общій характеръ сочиненій Посошкова, составляя самое крупное и замѣтное заимствованіе, сдѣланное Посошковымъ отъ стараго періода русской жизни и литературы, служитъ однимъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ изученія въ нихъ.

Строго-религіозное направленіе Посошкова, набожный взглядъ его на все, глубокое уваженіе къ духовенству, отвращеніе къ иновѣрцамъ, стремленіе къ просвѣщенію народа подъ опекою православія и т. д. — вотъ существенныя характерныя черты въ сочиненіяхъ Посошкова. Все это было также послѣднимъ словомъ до-петровской Руси и въ ней находитъ себѣ полное объясненіе.

По историческимъ обстоятельствамъ, опредѣлившимъ быть Россіи, религіозная стихія преобладала въ жизни русскаго народа; религія была главнымъ двигателемъ, одушевлявшимъ всё отрасли жизни; религіозные интересы брали верхъ надъ другими, руководили обществомъ. Отсюда, частію, и все образованіе до-петровское, вся древняя письменность были если не исключительно религіозными, то во всякомъ случаѣ съ преобладающимъ религіознымъ элементомъ. Не говоря о сочиненіяхъ религіозныхъ по самому содержанію, каковы: поученія, пастырскія посланія, полемическія сочиненія и т. п., даже и свѣтскія произведенія древней Руси всецѣло проникнуты были тѣмъ же религіознымъ началомъ. Лѣтописецъ ли записывалъ прошедшій фактъ, извѣстный ли сказатель выступалъ съ нравственною повѣстью, — тотъ и другой имѣли одну общую религіозно-нравственную цѣль, произведенія того и другаго получали неизгладимую печать религіозности. При этомъ припоминается бѣглое, но въ высшей степени характеристичное, замѣчаніе Посошкова, что у русскіхъ людей даже «егда перо и чернила отвѣдывали», невольно подвергивались набожныя выраженія и они писали «по древнему обыкновенію: помилуй мя Боже, или — за молитвъ Святыхъ отецъ нашихъ...» и пр. (Зав. от. 214 с.).

Религіозный характеръ, выработанный, такимъ образомъ, всею исторіею русскаго народа, запечатлѣвшій собою весь умственный строй древне-русскаго человѣка и всю его жизнь, усвоенный всею древне-русскою литературою, съ особенною рельефностію отразился въ заключительныхъ произведеніяхъ древняго періода — въ сочиненіяхъ Посошкова. Религіозный характеръ его сочиненій выразился въ набожности самого Посошкова, насколько она обнаружилась въ сочиненіяхъ, въ нарисованныхъ

имъ жизненныхъ идеалахъ, въ его взглядѣ на иновѣрцевъ, наконецъ, — даже въ тонѣ сочиненій и внѣшней формѣ выраженія.

Было бы повтореніемъ давно извѣстныхъ истинъ пускаться въ подробное изображеніе общаго склада до-петровской жизни, которая породила Посошкова, и той среды, въ которой онъ воспитался, жилъ и дѣйствовалъ. Если крестьянское сословіе, къ которому принадлежалъ по своему происхожденію Посошковъ, и доселѣ отличается особенною силою вѣры и преданностію церкви; то тѣмъ болѣе это должно сказать о крестьянахъ времени Петра Великаго, — времени сильнѣйшаго религіознаго возбужденія, подъ вліяніемъ раскола и иновѣрческихъ вліяній. Посошковъ сохранилъ намъ свидѣтельство (съ которыми ниже познакомимся), что въ его родовой семьѣ крайняя привязанность къ истинной вѣрѣ даже переходила границы благоразумія и являлась суевѣрною, слѣпою привязанностію къ обрядамъ церковнымъ. Какъ бы то ни было, Иванъ Тихоновичъ воспиталъ въ себѣ простосердечную силу вѣры, истинно-сыновнюю привязанность къ православной церкви, ревностнаго борца за ея славу и чистоту, строжайшаго, неуклоннаго исполнителя ея предписаній и обрядовъ. Такое именно настроеніе Посошкова, бывшее причиною явленія нѣкоторыхъ его сочиненій, каковы: Зерцало очевидное, Доношеніе Стефану Яворскому и даже Завѣщаніе отеческое, всѣмъ вообще его сочиненіямъ сообщило извѣстное направленіе, опредѣлило ихъ строго-религіозный характеръ. Обширное знаніе Священнаго Писанія, обильное и совершенно свободное пользованіе его текстами, самый тонъ — полуцерковный, переполненный словами и оборотами изъ книгъ священныхъ, отеческихъ, богослужебныхъ, уже ставятъ автора этихъ сочиненій на ряду съ представителями нашей отечественной церкви. Религіозныя колебанія, которыя переиспыталъ Посошковъ въ своей молодости подъ вліяніемъ раскола, имѣли для него, безъ сомнѣнія, то важное значеніе, что, такъ сказать, закалили его въ твердость, непоколебимомъ стояніи на почвѣ православнаго ученія. По его собственному признанію, онъ остался «твердъ въ истинѣ, твердъ въ вѣрѣ» (Зерцало л. 20 об. и 201), и свою непреклонность «на шую, ниже на мнимое десю» доказалъ энергическими, рѣзкими обличеніями заблужденій раскола и иновѣрія. Искренность же религіозныхъ убѣжденій самого Посошкова, сила его личной вѣры являются въ сочиненіяхъ до осязательности очевидными и несомнѣнными. Поэтому-то чтеніе Посошкова возбуждаетъ невольное самое отрадное, согрѣвающее впечатлѣніе, какое,

обыкновенно, получается отъ знакомства съ человѣкомъ, для котораго чужды сомнѣнія, который вѣруеть всею силою своего неспорченного сердца, сила убѣжденій котораго неотразимо дѣйствуетъ на слушателя. Завѣщанія Посошкова, своею искренностію, неподдѣльностію чувства, теплотою и силою дѣйствія, становятся въ уровень съ пастырскими посланіями и увѣщаніями древне-русскихъ святителей. Однимъ словомъ, самъ Посошковъ является предъ нами типомъ, пріобрѣтшаго всемірную извѣстность своею религіозностію и благочестіемъ, русскаго человѣка; его сочиненія являются типическими для всей древне-русской, почти исключительно религіозной, письменности.

Религіозною настроенностію лично самого Посошкова объясняются и пріемы его наставленій, совѣтовъ. Всѣ его сочиненія, какъ мы сказали, испещрены множествомъ текстовъ Священнаго Писанія, и стѣдуетъ обратить вниманіе на то значеніе, которое имѣютъ эти божественныя свидѣтельства въ глазахъ Посошкова. Поразительно представляется эта патріархальная, благоговѣйная преданность его слову Божію, несомнѣнная увѣренность въ божественности, истинности его словъ, готовность исполнять его предписанія, какъ очевидныя велѣнія Самого Бога. Тексты, приводимые Посошковымъ, получаютъ въ его сочиненіяхъ именно силу божественныхъ свидѣтельствъ, являются непреложными истинами, аксіомами, не требующими и превышающими всякія усилія человѣческихъ доказательствъ, являются обыкновенно вѣнцомъ аргументаціи Посошкова. Исключенія могутъ составить только волемищескія сочиненія Посошкова, гдѣ по необходимости приходилось, сверхъ доказательствъ отъ Писанія, предлагать и свои «разглаголаные нѣкіи доводы». Посошковъ самъ раскрываетъ значеніе приводимыхъ имъ словъ Писанія и свою безусловную вѣру въ ихъ непреложность. «Божій глаголъ никогда измѣненъ не бываетъ и умаленія нѣсть ему». «Не изнеможеть глаголъ ангеловъ», говоритъ на примѣръ Посошковъ, приводя слова ангела Товіи: «како-бо онъ изрекъ, тако то и будетъ, понеже онъ отъ Самого Бога посланъ... Ангели бо Господни никогда не лгутъ; ангелово слово — слово Божіе есть, вѣрно оно есть» (Зерц. л. 12; Завѣщ. 27 и 28 с.). Этому глубоко вѣрующему человѣку представлялось даже невозможнымъ какое либо перетолкованіе записаннаго въ Евангеліи; отъ своей строго религіозной точки зрѣнія, онъ даже склоненъ былъ въ принципѣ отвергать всякое самостоятельное отношеніе къ христіанскому ученію и свободное поведеніе

въ дѣлѣ вѣры. Ученіе христіанское, наложенное въ Евангеліяхъ, какъ слово Самого Бога, не должно допускать всякой возможности сомнѣній и даже только обсужденій: «егда Самъ Богъ сказалъ, то нечего больше того унижать...; всякое бо людское самоумственное мудрованіе безумство есть предъ Богомъ» (Зерц. л. 202 и 210). Почти такую же безусловную и обязательную силу для Пососнкова имѣеть и ученіе Отцевъ Церкви, свидѣтельства которыхъ приводятся обыкновенно Пососнковымъ на ряду съ словами Писанія и непосредственно за послѣдними. Уваженіе его къ Отцамъ Церкви простирается до того, что Пососнковъ, повидному, расположенъ къ точному и буквальному выполненію ихъ не рѣдко строго-подвижническихъ правилъ, уже ослабленныхъ церковною практикою. Такъ напр., правила отеческія объ эпитиміяхъ принимаются Пососнковымъ за обязательныя (Завѣщ. 39 с.). Не останавливаясь на церковныхъ правилахъ о постахъ, Пососнковъ, на основаніи приѣтра І. Христа, который «мяса и млека не ѣлъ, но токмо рыбу», рекомендуетъ вовсе не ѣсть мяса и рѣзко обличаетъ тѣхъ, которые «по вся дни, яко свиньи, ничего не разсуждая, мясо жрутъ». Такого же точнаго выполненія требуетъ Пососнковъ и относительно предписаній церковно-богослужебныхъ книгъ, опредѣляющихъ жизнь вѣрующихъ. По этому поводу Пососнковъ даже упрекаетъ пресвитеровъ въ незнаніи требованій церковныхъ и обнаруживаетъ свою обширную начитанность и въ этой области. Такъ, напр., говоря о нареченіи имени новорожденному, Пососнковъ совѣтуетъ сыну: «потщися нарещи имя того святаго, въ онъ же день родится младенецъ: то бо пресвитери отъ недознанія своего тако творять, еще тщатся нарещи имя того святаго, всего случится по рожденіи въ осмый день, а въ требникахъ того не положено» (Завѣщ. 50 с.). Не ограничиваясь буквальнымъ и неуклоннымъ выполненіемъ всѣхъ правилъ и предписаній церковныхъ, Пососнковъ желалъ построить жизнь на самыхъ возвышенныхъ, идеальныхъ основахъ; въ ряду его правилъ мы находимъ повторенія евангельскихъ требованій идеальнаго христіанства, евангельскихъ совѣтовъ. Такъ напр., вмѣстѣ съ правилами о соблюденіи постовъ, предостереженіями отъ воровства и т. п., стоятъ: «а кто твое похититъ, не возвращай; кто тя ударитъ по ланитѣ, обрати ему и другую» и пр. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, Пососнковъ часто въ сочиненіяхъ приводитъ рассказы изъ прологовъ, сказанія о чудесахъ и пр., обнаруживая при этомъ безусловную свою вѣру, не допуская и тѣни сомнѣнія

относительно подлинности рассказываемаго. — Посошковъ являлся строжайшимъ чителемъ всего таеъ или иначе касающагося вѣры и церкви. Онъ обнаруживаетъ глубокое благоговѣніе къ церковному богослуженію, особенно къ литургіи, «повеже литургія есть дѣло великое»; съ уваженіемъ относится къ священнымъ предметамъ, составляющимъ принадлежность христіанскаго богослуженія, и на этомъ преимущественно основаніи онъ вооружается противъ лютеранъ, которые «въ плотской нечистотѣ, яко безсловесный скотъ, въ церковь идутъ и святини касаются» (Завѣщ. 47 с.). Благоговѣнное почитаніе святыхъ угодниковъ Божіихъ, составляющее одно изъ національныхъ прекрасныхъ качествъ русскаго народа, встрѣтило себѣ колное сочувствіе и выраженіе въ Посошковѣ. Онъ старается даже восполнить пробѣлы, усмотрѣнные имъ въ чествованіи этихъ «во плоти херувимовъ», какъ называетъ онъ святыхъ. Такъ, онъ указываетъ на несправедливость вѣрующихъ въ отношеніи къ тѣмъ святымъ, которые «за тяжесть именъ въ презрѣніи бывають: сей бо обычай въ народѣ весьма не правъ, еже имяна давати младенцамъ знакомыя, а дѣиныхъ именъ обѣгаютъ и тѣмъ святымъ презрѣніе чинятъ напрасно, и не безъ обиды сіе нѣтъ, повеже они такіе же угодницы Божіи». Поэтому Посошковъ совѣтуетъ и выражаетъ желаніе, чтобы «никакого имене не обходили, но и тѣмъ бѣ (т. е. съ дѣиимъ именами) святини славились: овъ бы тезоименника своего образъ написалъ, нѣтъ бы и церковь во имя тезоименнаго патрона воздвигъ» (Зав. 49 с.).

Какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, Посошковъ, при всемъ сознаніи своей грѣховности «иаче всѣхъ человѣкъ», видимо одушевленъ тою свѣтлою, ободряющею надеждою, которая составляетъ удѣлъ истинно-вѣрующихъ, надеждою «вѣчныхъ благъ, идѣ же православно жившии христіане пребывати нѣгутъ» (Зав. 2 с.). Эта христіанская цѣль жизни руководитъ всѣми дѣйствіями и убѣжденіями Посошкова. «Намъ надлежитъ украшать себя добрымъ правомъ, школьнымъ ученіемъ и христіанскою правдою, между себѣ любовію и непоколебимымъ ностоиствомъ въ благочестивой христіанской вѣрѣ», чтобы быть «не токмо на земли, но и на небѣ славными» (Соч. Пос. т. I с. 127). Завѣтнымъ желаніемъ его настоящей жизни было «животъ вѣчный наслѣдiti», чтобы послѣ христіанской жизни и «христіанскія кончины не лишится: намъ, въ мѣрѣ живущимъ, то и надежда наша, еже бы при кончинѣ сподобилъ Богъ чисто поваитися и достойнѣ Пресвятаго Тѣла Христова причаститися».

«Что бо человекъ болши сего надлежитъ обрѣсти, токмо еже бы вѣчнаго мученія убѣжати и царствія небснаго наслѣдникомъ быти, а Богъ уже вѣдаеть, чѣмъ кого надѣлати и какъ кого уюкоити (Зав. 149 и 203 с.).

При своей религіозности и обширной начитанности, Посошковъ является человекъ, вообще значительно развитымъ богословски. Нельзя при этомъ особенно не пожалѣть, что Посошковъ лишенъ былъ всякаго правильнаго, систематическаго воспитанія и теоретической подготовки. Только предварительное школьное обученіе могло бы сообщить ему навѣтъ къ умственному труду и послужить исходною точкою для его самостоятельнаго развитія; и будь поставленъ Посошковъ именно въ такія условія, мы съ увѣренностію предполагаемъ, что посошковская ревность, энергія и любовь къ книжному труду нашли бы исходъ себѣ въ другихъ, болѣе самостоятельныхъ и цѣнныхъ богословскихъ трудахъ. Между тѣмъ, простая только начитанность, естественно, не могла послужить для Посошкова основой къ самостоятельному возвышенному богословствованію, и сообщить ему смѣлость къ свободному умозрѣнію, не могла совсѣмъ оторвать Посошкова отъ книгъ и на много возвысить его надъ компиляцію. По преимуществу такой именно — компилятивный характеръ и имѣютъ теоретическіе доводы Посошкова, которые, какъ мы уже и говорили, въ большинствѣ случаевъ суть выдержки изъ книгъ священныхъ, отеческихъ и богослужебныхъ. Тѣмъ не менѣе, и въ этой теоретической области крѣпкій природный, по преимуществу практической умъ Посошкова не всегда и вездѣ довольствуется рабскимъ подражаніемъ: можно замѣтить по мѣстамъ стремленіе Посошкова къ самостоятельности мысли и въ этой нееродной для него области. Само собою разумѣется, эти стремленія не могли обнаружиться въ рѣшеніи какихъ либо отвлеченныхъ вопросовъ христіанской догматики: въ этихъ случаяхъ умъ Посошкова, приниженный полнѣйшимъ сознаніемъ своей некижности и мизерности, всецѣло преклонялся предъ вѣрою; эти попытки къ самостоятельному богословствованію можно усматривать въ желаніи Посошкова при всякомъ удобномъ случаѣ разъяснять христіанскіе догматы, разъяснять по своему разумѣнію, хотя и подъ строгою опекою авторитетныхъ руководителей — писаній отеческихъ. Кромѣ мелкихъ и весьма часто встрѣчающихся случаевъ поясненія Посошковымъ указываемыхъ имъ основаній для христіанской вѣры и жизни, особенно останавливается на себѣ вниманіе въ этомъ

отношеніи 4-я глава его Завѣщанія отеческаго: «о мірскомъ моленіи и молитвѣ». Здѣсь, заведя рѣчь о молитвахъ, которыя сынъ его долженъ «отправлять во вся дни», Посошковъ останавливается на молитвѣ Господней, Богородичной и Символѣ вѣры, и съ замѣтнымъ увлеченіемъ подробно объясняетъ эти молитвы. Говоря далѣе о молитвѣ въ храмѣ, онъ довольно подробно объясняетъ важнѣйшіе моменты литургіи. Правда, эти объясненія напоминаютъ толкованія отеческія, подъ влияніемъ которыхъ Посошковъ находился, и склоняются въ практическую сторону, представляя собою въ большинствѣ случаевъ непосредственное приложеніе къ жизни; тѣмъ не менѣе всетаки, Посошковъ высказалъ здѣсь всѣ свои религіозныя богословскія убѣжденія, изложилъ всю свою догматику. По поводу раскольническихъ волненій, Посошковъ самостоятельно занялся изученіемъ текста Священныхъ Писаній, рѣшился критически отнестись къ переводамъ библии, дерзнулъ даже усмотрѣть въ переводахъ ошибки: «аще и неукъ есмь, обаче въ библии много позналъ неправостей, по разуму рѣчей позналъ, яко не право переведены и начатаны. И ради свидѣтельства съ иноязычными библиями сличалъ и тамо явились правѣе и приличнѣе тѣ глаголы» (Соч. Пос. II, 205). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Посошковъ самими оборотами рѣчи даетъ знать, что онъ слишкомъ сознательно относился ко всему въ области религіознаго знанія, что онъ старался многое самостоятельно понять, усвоить и осмыслить, могъ одно принимать, а съ другимъ не соглашаться. Напр. «азъ признаваю, яко не вси святіи будутъ Бога видѣти, но кійждо по достоинству своему, по заслугѣ своей» и пр. (Зерц. л. 183 об.); съ другой стороны, наприимѣръ въ практикѣ церковной, въ разсужденіи разныхъ благочестивыхъ обычаевъ, Посошковъ часто заявляетъ свой протестъ: сіе не потакаю, сіе не одобряю, сего не могу похвалити и т. п. Обращая вниманіе на частности, можно отмѣтить нѣкоторые безъинтересныя взгляды Посошкова, отразившіяся въ его сочиненіяхъ. Такъ напр., начитанный въ святоотеческихъ твореніяхъ, въ которыхъ между прочия отразилось платоновское дѣленіе человѣка на духъ, душу и тѣло, и Посошковъ твердо усвоилъ себѣ это ученіе и неоднократно воспроизводитъ его въ своихъ сочиненіяхъ. (Зерц. л. 179, 209; Зав. 99 с. и др.). Безъинтересно между прочимъ, что у Посошкова отразился въ сочиненіяхъ древне-русскій взглядъ на святыхъ, какъ на раздавателей извѣстныхъ спеціальныхъ даровъ, какъ на представителей и защитниковъ извѣстныхъ

добродѣтелей. Въ известной мѣрѣ взглядъ этотъ находятъ себѣ справедливымъ основаніе въ четьихъ-минеяхъ и церковныхъ книгахъ. Какъ остатки такого взгляда на святыхъ, и доселѣ блудутся въ русскомъ народѣ повѣрья, по которымъ напр. св. Пантелеименъ признается цѣлителемъ болѣзней, Власій — покровителемъ стадъ, Флоръ — лошадей и пр. Но во время Посошкова этотъ кодексъ святыхъ, какъ нарочитыхъ покровителей въ той или другой добродѣтели и пособниковъ въ тѣхъ или другихъ потребностяхъ, повидному, былъ еще полнѣе современнаго. Изагая для сына молитвенное «правило», Посошковъ между прочимъ обязываетъ его обращаться съ молитвою къ слѣдующимъ святымъ и опредѣляетъ о чемъ именно каждому нужно молить: Иоанна Предтечу — о цѣломудренномъ житіи, Иоанна Богослова — «о благовразумленіи», священномуч. Власія — «о благополученіи», Спиридона — «о утвержденіи во благочестіи и о утвержденіи въ православіи нашемъ», св. Онуфрія Великаго — «о оставленіи грѣховъ», св. Великомуч. Варвару — «да не постигнетъ внезапная смерть, ни болѣзнь» (стр. 92 и 93).

Религіозность Посошкова, со всею очевидностію отразившаяся въ его сочиненіяхъ и внушающая полнѣйшее уваженіе къ этому русскому чело-вѣку, великому своимъ православіемъ, сильному своею вѣрою, весьма часто однако принимала своеобразный характеръ и одностороннее направ-леніе. Мы должны отмѣтить многія изъ частныхъ религіозныхъ воззрѣ-ній и убѣжденій Посошкова, носящихъ на себѣ печать темной старины и довольно замѣтнымъ диссонансомъ звучащихъ въ ряду его понятій свѣтлыхъ, новыхъ. Находя себѣ совершенно достаточное объясненіе въ самомъ времени тогдашнемъ и условіяхъ литературной работы Посошкова, такое смѣшеніе понятій, невыдержанность взглядовъ являются для насъ весьма интересными въ выясненіи личности Посошкова, въ выработкѣ общаго представленія о немъ. — Посошковъ весьма часто останавливается на частныхъ вопросахъ христіанскаго вѣроученія; такъ напр. онъ п. и. в. водитъ болѣе или менѣе обстоятельныя разсужденія объ отношеніи но-ваго завѣта къ ветхому, объ истинномъ смыслѣ иконопочитапія, о необходи-мости иконъ, о значеніи, смлѣ и условіяхъ дѣятельности христіанской молитвы и пр. и пр. Съ нѣкоторыми изъ этихъ взглядовъ Посошкова мы и познакомимся поближе, поговоримъ объ ихъ характерѣ и богослов-ской состоятельности.

Въ общемъ, всѣ религіозно-богословскіе взгляды и разсужденія Посошкова являются замѣчательными по ихъ правдивости, глубинѣ и строго логической основательности. Часто можно забытья при чтеніи, что эти мысли высказываются неученымъ крестьяниномъ еще первыхъ годовъ XVIII столѣтія, что онъ самостоятельно усвоены, переработаны и превратились въ непреложныя убѣжденія простаго древне-русскаго начетчика. Невольно убѣждаешься, что въ сочиненіяхъ Посошкова приходится имѣть дѣло съ личностію, уже нечуждою и новымъ, возвышеннымъ идеѣ, не съ бнжникомъ только буквы, а въ то же время уже и съ истиннымъ богословомъ одухотвореннаго христіанскаго ученія. Такимъ бы Посошковъ всецѣло и оставался въ нашихъ глазахъ, если бы мы, зная его общее міревоззрѣніе, не знали практическаго раскрытія онаго, зная общій взглядъ, не знали крайностей, переполнившихъ собою частныя предписанія и дробныя наставленія, данныя Посошковымъ. вмѣстѣ съ разумною постановкою общихъ вопросовъ, въ сочиненіяхъ Посошкова удержана громадная масса мелочей, частныхъ, только запутывающихъ дѣло, ослабляющихъ значеніе общаго взгляда и ступшевыающихъ разумный смыслъ основнаго положенія; вмѣстѣ съ требованіями въ высшей степени дѣльными, во имя христіанской нравственности, проводятся требованія часто ничтожныя и проводятся даже съ большою настойчивостію, какъ равно значительныя, одинаково обязательныя, столь же важныя въ экономіи спасенія.

Неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ касается вопроса объ отношеніи новаго завѣта къ ветхому. Въ общемъ, совершенно справедливо Посошковъ разсуждаетъ, что съ наступленіемъ новой благодати старый законъ уже утратилъ свое значеніе, свою спасительную силу; какъ тѣнь свѣта, при явленіи самого свѣта, онъ долженъ миновать, потерять свою обязательность. «Жидовскія всѣ догмы», развиваетъ Посошковъ свою мысль, «въ новой благодати оставлены. Начальная ихъ догма, т. е. обрѣзаніе, оставлено, субботство оставлено, пасха жидовская оставлена же, за еже древняя мимодоша и наста новая благодать» (Зерц. л. 205). Усматривая въ лютеранскихъ опрѣснокъ остатки жидовства, Посошковъ вооружается противъ этого продолженія практики церкви іудейской и изъ-за принципа «опрѣснокъ жидовскій весьма отрѣваетъ отъ себя, — дабы новая благодать прославлялась въ насъ, а ветхозаконоіе нестреблялось» (Зерц. л. 206 об.). Въ другихъ же мѣстахъ, при другихъ случаяхъ, Посошковъ становится въ діаметральное противорѣчіе

къ своимъ взглядамъ. Напримѣръ въ Заѳѣнцианіи отеческомъ, успокоиваясь уже на новомъ положеніи, что Господь *не мотъ* «законъ Свой нарушить», Посошковъ постоянно доказываетъ, что ветхій законъ не оставленъ, что всё его предписанія обязательны и для христіанъ, что, стало быть, съ этой точки зрѣнія, законъ Христовъ сравнительно болѣе «тяжеленосемъ, а той законъ (Моисеевъ) слабѣе нигиѣшняго былъ» (Заѳѣнц. 41, 42, 94 с.). И въ обращеніи къ своему сыну Посошковъ уже высказываетъ задуманное свое желаніе, чтобъ онъ былъ «истинный Господень ученикъ», не только новаго, но и «ветхаго заѳѣта творитель». «Господь въ новой благодати не послабилъ и перваго своего законоположенія не нарушилъ, но паче перваго подтвердилъ» (стр. 72 и 42). Приводя слова Спасителя, что Онъ пришелъ не разорить законъ, но исполнить, Посошковъ, сказанное о внутреннемъ знаменованіи и сущности ученія ветхозаѳѣтнаго, приурочиваетъ ко всѣмъ частностямъ послѣдняго, къ обрядности ветхозаѳѣтной, и становится, такимъ образомъ, не только вообще на ложный путь, а даже и въ разладъ самъ съ собою. Онъ хочетъ буквального соблюденія іудейскихъ предписаній, онъ силится внушить всѣмъ неуклонное исполненіе ихъ, считаетъ не только обязательными для христіанъ такіа напр. предписанія ветхозаѳѣтнаго обрядоваго закона, какъ о неяденіи крови животныхъ, объ омовеніяхъ, но даже требуетъ усиленія старыхъ предписаній, такъ сказать, количественнаго увеличенія, возвышенія благочестія, чтобы этимъ-то отмѣтить сравнительную высоту христіанства надъ іудействомъ. Напримѣръ, если въ ветхомъ заѳѣтѣ Соломонъ поставилъ семь свѣтильниковъ въ храмѣ, то теперь, «въ новой благодати», Посошковъ почитаетъ нужнымъ достойное увеличеніе этой пропорціи: «нынѣ подобаетъ седмьдесятъ или и вящши свѣчъ воспалити». Если тамъ въ пользу церкви полагалась десятина, то тутъ къ десятинѣ «приложи рублевъ пять или и больши, приложи по своему намѣренію, дабы тебѣ превышшити фарисеево подаваніе». Если тогда два раза въ недѣлю постились, то теперь и въ постѣ нужно «превытити древнихъ». Однимъ словомъ, Посошковъ желаетъ и заповѣдуетъ «тщатися и всѣми своими добродѣтелями превышшити книжниковъ и фарисеевъ» (Заѳѣнц. 136—139 с.), полагая въ данномъ случаѣ суть добродѣтели въ исполненіи обряда, т. е. давая тѣмъ новый образчикъ смѣшенія существеннаго съ второстепеннымъ и становясь въ еще большій разладъ съ самимъ собою.

Несравненно чаще и подробнѣ Посошковъ останавливается на христіанскомъ догматѣ почитанія св. иконъ и еще съ большою очевидностію выдаетъ здѣсь непоследовательность своихъ убѣжденій, еще полную свою зависимость отъ старыхъ, отжившихъ понятій, свою готовность, даже и при правильномъ пониманіи христіанскаго ученія, при сознательномъ разграниченіи существеннаго въ дѣлѣ вѣры отъ несущественнаго, смѣшать то и другое, послѣднему усвоить значеніе и силу обязательности перваго. Саміи догматы православный объ иконопочитаніи раскрыть Посошковымъ съ безукоризненною правильностію; Посошковъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ такую свѣтлость и высоту взгляда, каковую только можно желать въ истинномъ христіанинѣ и каковую навѣрное наполовину нельзя встрѣтить даже и въ современныхъ намъ неученыхъ простолудинахъ. За то въ примѣненіи этого догмата къ жизни, въ практическомъ его раскрытіи, у Посошкова высказалась цѣлая масса мелочныхъ, частныхъ предписаній, которыя тою настойчивостію, съ которою они проводятся, и своею скрупулезною точностію, строго количественными вычисленіями, рѣшительно не гармонируютъ съ возвышеннымъ взглядомъ Посошкова на смыслъ и значеніе иконопочитанія. И Посошковъ — здравомыслящій, самобытно развившійся, недюжинный для своего времени богословъ, становится вѣстѣ съ тѣмъ и зауряднымъ русскимъ начетчикомъ, типомъ стариннаго буквалиста, знающаго, повидимому, только количественное измѣреніе добрыхъ дѣлъ и какъ будто не подозревающаго мѣры имъ качественной.

Съ одной стороны, Посошковъ, особенно въ полемикѣ съ иконоборствомъ, раскрываетъ истинный смыслъ и значеніе иконъ. «Мы святыхъ иконъ не боготворимъ, но токмо за воображеніе Божія образа и за надписаніе святаго Его имени святымъ ихъ, а Богомъ святыхъ иконъ никогда не нарицаемъ». «Образовъ мы себѣ въ помощь не призываемъ и въ молитвѣ своей не тако глаголемъ, еже — образе Божій, помилуй насъ, но глаголемъ чрезъ той образъ, предъ нимъ же стоимъ, на небо къ Самому Богу, глаголя: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ; а тако не глаголемъ: иже еси на образѣ. По сему всякъ разумѣй, яко мы не образы молимъ, но Самого Бога, на небесѣхъ сущаго» (Зерцало л. 183 и 213). И въ завѣщаніи отеческомъ, вооружаясь противъ обычнаго различія въ почитаніи иконъ старыхъ и новыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ и пр., Посошковъ завѣщаетъ сыну всѣмъ безъ различія иконамъ воздавать почитаніе одинаковое «и поклонъ творити равный: ты ни за старость, ни

за новостъ, ниже за мастерство иконописцо, но за первообразное и за ния Божіе образъ святой почитай. Богъ ни краски, ни древо, ниже художество прославляетъ образы... О семъ завѣщаю тебѣ, сыне мой, да не токмо изображенія коего либо святаго, но и Самого Господа начертаннаго образа Богомъ да не нарицаеши, ниже въ равенство съ Богомъ образъ Его счислаеши» (Зав. 112, 117 с.). На истинномъ значеніи иконъ Посошковъ обосновываетъ и разницу въ ихъ чествованіи: какъ «Самого Бога не ровней съ Угодниками, такъ и образу Божію вѣдущую честь твори, образу же раба Божія съ уятіемъ», чтобы «никогого святаго въ равенство съ Самимъ Богомъ не равнять» (110 с.). — Развивая православное ученіе объ иконахъ, Посошковъ столь же безукоризненно раскрываетъ православное ученіе объ истинномъ значеніи нашего *покло-*
менія предъ ними. Какъ человекъ, уже способный возвыситься надъ буквою, отыскивающій въ формѣ ея содержаніе, въ обрядѣ его смыслъ, Посошковъ, въ данномъ случаѣ, съ замѣчательною отчетливостію своихъ богословскихъ воззрѣній, различаетъ поклонъ тѣлесный отъ духовнаго, «поклонъ видимый, творимый безъ духовнаго намѣренія» отъ «поклона, творимаго съ сердечною теплотою и богомысліемъ», старается первый осмыслить второй, связать ихъ нераздѣльно. «Егда бо образъ Божій на чесомъ либо начертанный узриши тѣлесными очима, тогда ты и умными очима, по примѣру того образа, узриши невидимаго Бога, на небесѣхъ сущаго, и егда тому видимому образу сотвориши поклонъ тѣлесный, душевный и духовный поклонъ истинному Богу вкупѣ съ тѣлеснымъ отдается: и той твой поклонъ будетъ истинный, понеже поклонился еси ты съ богомысліемъ». «Поклонъ же безъ богомыслія пропадаетъ» (Зерц. л. 180 об., 209; Зав. 96 с.). Почитая и тотъ, и другой поклонъ — духовный и тѣлесный — равно обязательными для христіанина и одинаково необходимыми для цѣли, Посошковъ и повторяетъ постоянно снуду, предлагая ему подробную программу моленія предъ иконами: «тѣлесными очима воззри на Спасителявъ образъ, умными же очима взприай на небо къ Самому Богу; тѣлесными очима зри на образъ пресвятыя Богородицы, а умными очима такожде на небо зри; воззри на образъ св. Іоанна Предтечи, а умными очима на душу его святую, стоящую на небеси» и т. п.

Съ другой стороны, эти въ высшей степени здравыя мысли, строго православныя убѣжденія рѣшительно тонуть у Посошкова въ массѣ предписаній о количествахъ и величинѣ поклоновъ предъ разными иконами, о

количествѣ и сравнительной величинѣ свѣтъ, поставляемыхъ предъ тѣми или другими иконами, о разныхъ приснахъ и ограниченіяхъ при цѣлюваніи иконъ и пр. и пр. Механическая обрядность, форма заѣдаетъ и здѣсь Посошкова, поглощаетъ въ себѣ его возвышенныя воззрѣнія, правильный богословскій взглядъ; мысли новыя, очищенныя переполняются традиціонными, домостроевскими. Тотъ же Посошковъ пишетъ: «воставъ (отъ сна) сотвори три поклоны»: первый предъ образомъ Божиимъ «сотвори по своему разсужденію», второй образу Богородицы «поклономъ сотвори якоже и первый», третій — Ангелу уже «инѣе первыхъ двухъ». Послѣ этихъ «воставальныхъ» трехъ поклоновъ, уже отправляя дневную молитву, твори поклоны «по празднеству дня», т. е. по случившемуся дню — праздничному или не праздничному — земные поклоны или «только до пояса». Затѣмъ слѣдуютъ точныя вычисленія — за кого, предъ какии образомъ, по сколько и какии именно поклоновъ полагать, такъ что на всемъ протяженіи главы Завѣщанія отеческаго «о мірскомъ моленіи и молитвѣ» только и видится: три поклоны, единъ поклонъ, первый поклонъ, второй поклонъ, поклонъ до пояса, поклонъ подобенъ первымъ, поклонъ третій вышій первыхъ двухъ и пр. и пр. А тутъ же и общія наставленія на всякій случай: «а въ поклонахъ имѣи разньство: каковъ поклонъ сотвориши образу Спасителю или Богородицѣ, то такого поклона никоего святаго образу отнюдь не твори, того же паче стерегися дабы тебѣ при Спасителевѣ образѣ коему либе святаму нижши не сотворити поклона; никогда убо въ равенство съ Богомъ святыхъ его Угодниковъ не равняй.... и сего ради образу раба Божія поклонъ твори со уятіемъ». «Есть бо въ простомъ народѣ много того, иже образу Божию поклонъ творять въ поясъ, Никодая же Чудотворца образу и иныхъ святыхъ поклоны творять до земли». Этимъ «несмыслиемъ», по мнѣнію Посошкова, «привлекается грѣхъ на себя великъ», такъ какъ онъ усматриваетъ въ этомъ уже «презираше и сниженіе святаго образа Божія» (стр. 110, 116, 117). При описаніи моленія въ храмѣ Посошковымъ допускаются еще болѣе дробныя разновидности и подраздѣленія въ поклонахъ; тутъ различаются: преклоненіе головы, преклоненіе головы съ принагнутіемъ спины, поклонъ до пояса, поклонъ до пояса съ рукоопертіемъ (на земли), поклонъ въ землю. И всѣ эти измѣренія и исчисленія поклоновъ закрѣпляются у Посошкова правиломъ: «надлежащіе поклоны незабвенно всѣ отправляй». Однимъ словомъ, если не при-

внимать въ расчётъ внушаемаго Посошковымъ богомыслия и умной молитвы, о которой онъ постоянно твердитъ, то его молящійся христіанинъ представляется машиною, механически дѣйствующею по неизмѣннымъ законамъ, даже гораздо строже опредѣленнымъ, нежели въ Домостроѣ, — машиною, которая въ извѣстные, указанные моменты дня или богослуженія должна исполнять извѣстные, тоже строго опредѣленные и неизмѣненные движенія въ указанномъ, опредѣленномъ количествѣ.

Столь же подробныя правила и оригинальныя разграниченія излагаетъ Посошковъ, говоря объ украшеніи и чествованіи иконъ. Заботясь вообще о приличнои украшеніи иконъ и заповѣдая для этой цѣли носить въ церковь пѣнази, Посошковъ особенно настаиваетъ на «неоскудномъ подаваніи свѣщей» и видитъ въ этомъ столь важное обстоятельство, что, по его мнѣнію, даже самыя иконы являются какъ бы излишними безъ свѣчей: «аще за недостаточествомъ своимъ свѣщи подавать тебѣ не можно, то и иконъ во олтарѣ не поставляй» (стр. 136). «Не могли того учинити, чадо мое, еже бы тебѣ у литургіи быти, а свѣщи предъ Тѣло Христово не подати; аще не въ могу тебѣ копѣчныя свѣщи, то подай денежную или и полусечную; аще же въ могутствѣ неоскудномъ будени, то не могли ниже алтынныхъ свѣщъ подавати... Аще во церкви свѣщи принесеши неравныя, то большія подай во олтарь» и пр. А и «образовъ святыхъ не почитай за едино равенство: Божіему образу отмѣнную честь отдавай и свѣщу большую поставляй, образу Богородицы — мало чимъ по мнѣ, а святымъ — меньше. И аще кой и празднуешый святой, обаче не могли больши или лучши Спасителейъ свѣщи подати, но праздника ради постави развѣ равную» и пр. «Сипѣ твоя, сугубую себѣ мзду примеша» (108 и 109 с.). И Посошковъ рѣзко обличаетъ то обыкновенное явленіе, что «бываетъ, еже предъ образомъ раба Божія свѣщъ полна лампада наставлена, а предъ Спасителейымъ образомъ и единныя нѣсть». Равнымъ образомъ и «егда имаши св. иконы цѣловати, то ты и тамо имѣй разньство: Спасителейъ образъ цѣлуй въ носѣ, прочіихъ же святыхъ цѣлуй въ руцѣ, а не носѣ» (116, 110 с.).

Не ограничиваясь поклонами, иконами и т. п. видимыми проявленіями религіозности христіанина, Посошковъ обратилъ вниманіе и постарался установить правильный взглядъ и на актъ болѣе отвлеченный, въ сущности своей менѣе зависимый отъ формы, — на христіанскую молитву собственно. И здѣсь также мы прежде всего должны отмѣтить

общій взглядъ Посошкова, въ высшей степени замѣчательный для своего времени, неожиданный въ простомъ крестьянинѣ, питомцѣ Домостроя. Въ принципѣ Посошковъ совершенно понимаетъ смыслъ, значеніе и условія успѣшности молитвы и богословствуетъ на эту тему замѣчательно правдиво. «Сіе, сыне мой, памятуй», говорятъ напр. Посошковъ сыну, «еже бы во время своего правила (молитвеннаго) ни о чесомъ тебѣ не размышляти и постороннихъ словесъ не глаголати, но токмо едину молитву отправляти и о томъ токмо и да помышляти, о чесомъ у тебя моленіе идетъ» (95 с.). «И егда кій глаголь имаши глаголати языкомъ, то вкупѣ глаголи и умомъ своимъ». Сообразно этому, Посошковъ, перебирая наприимѣръ дневныя молитвы и подробно разбирая содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, постоянно повторяетъ сыну: «тожде и умомъ своимъ глаголи и сердцемъ къ Богу возглашай; умомъ своимъ тожде помышляй; во иныя никакія дѣла или вещи ума своего никамо не отпускай, но при глаголаніи твоемъ и умъ свой держи». «Таковыя молитвы, пѣнія и поклоновъ требуетъ Богъ, дабы и духъ совокупно съ умомъ и съ языкомъ молился. И аще съ богомысліемъ речени токмо: Господи помилуй, то той твой глаголь пріятнѣе Богу будетъ паче всецѣлаго канона, безъ богомыслія глаголаннаго». «Аще будеши молитися яко виѣ ума своего и ума своего въ ту молитву не простреси, то ты будеши яко бездушный бубень, — что гремиши того и самъ не вѣдаеши. Богъ бо ту токмо молитву пріемлетъ, которую человекъ отъ всего сердца и помышленія на небо возводятъ съ богомысліемъ». «Богъ ни отъ языка, ни отъ гортани требуетъ молитвы, но отъ сокрушеннаго сердца и отъ чистаго ума» (стр. 86, 101, 121 и 135). Самое главное въ молитвѣ: духъ смиренія, любовь и теплота сердечная, полнѣйшее откровеніе души предъ Богомъ, простота молитвы, потому что «многословіемъ и витійствомъ Бога не удивиши, ниже многимъ подаваніемъ его одолжиши» (117 с.).

Совершенно справедливо, такимъ образомъ, смотря на молитву христианина, какъ на сопровождаемое тѣлесными поклонами духовное сближеніе съ Богомъ, мысленное возношеніе къ Нему, какъ «поклонъ невидимый отъ сердца своего и восхожденіе умное на небо», Посошковъ, въ примѣненіи къ практикѣ, не могъ однако представить себѣ истинную молитву какъ нѣчто совершенно духовное, свободное, независимое отъ обряда, и на самое понятіе молитвы онъ наложилъ нѣкоторую печать земляности, а въ отправленіи оной постарался также и ее связать

строгими, неуклонными опредѣленіями. Даже освобожденная отъ всего вещественнаго, отъ всякихъ поклоновъ, молитва представляется Посошкову и трактуется имъ какъ нѣчто вещественное, что можетъ носиться, расплываться въ воздухѣ, восходить болѣе или менѣе высоко, можетъ быть болѣе или менѣе остро и т. п.: «кую молитву глаголетъ кто въ забитіи ума своего, та молитва до Бога не доходитъ, не въ воздухѣ демони ю расторгають». «Острая молитва всѣ небеса пробиваетъ и подножія Божія касается» (Завѣщ. 96, 106 с.). «Аще же кто будетъ токмо усты двизати и аще и гласъ изъ устъ испускати, а въ умъ свой богомыслия не вложитъ, или по книгѣ будетъ что читати, а помышленія своего въ богомысліе не вперитъ, то та молитва не токмо до Бога, но и изъ храминъ вонъ не изыдетъ, но вся тутъ по воздуху и расплывается». «Едина токмо молитва отъ сердечнаго намѣренія и отъ умнаго помышленія къ Богу восходитъ и колѣны Его божественныхъ касается; она девятеры небеса пребываетъ и до престола Божія доходитъ, понеже ангель Господень ю доноситъ. Аще же кто будетъ сѣдя или лежа молитву дѣяти, то тая молитва не токмо на небо, но и до ангела хранителя не дойдетъ, исчезнетъ» (Зерц. л. 181, 180 об.). Такимъ образомъ, Посошковъ не только связывалъ молитву съ обрядомъ, ставилъ ее въ прямую зависимость напр. отъ положенія молящагося, но и на самую молитву смотрѣлъ слишкомъ земными глазами. Еще большая погоня за обрядомъ, за формою высказалась у Посошкова въ практической постановкѣ молитвы, при разсужденіи о томъ, какъ именно и когда нужно молиться. Полагая образцомъ молитвъ молитву Господню и другія, освященныя христіанскою практикою, Посошковъ пускается и здѣсь въ подробныя опредѣленія — когда, какую молитву и сколько разъ нужно произносить. Такъ напр., въ программѣ «правила дневнаго» Посошковъ говоритъ сыну: «азъ принуждаю тя проглаголати отъ Самого Бога узаконенную молитву (т. е. Отче нашъ) трижды»; потомъ «проглаголи трижды же поздравленіе архангелово ко Пресвятѣй Богородицѣ: глаголи же» — не упускаетъ случая напомнить Посошковъ — «не борзая, но со вниманіемъ и богомысліемъ. Потому проглаголи православныя вѣры символъ единожды, а удобнѣе бы и его проглаголати трижды». Далѣе, за молитвою «отъ себя», причемъ подробно сказано и точно опредѣлено, о чемъ должно молиться отъ себя, слѣдуютъ, съ нѣкоторыми перерывами: «паки проглаголи Отче нашъ единожды... И паки проглаголи Отче нашъ

единожды, ... по семъ проглаголи Богородице Дѣво радуйся единожды» и пр. Еще болѣе замѣтною крайностію являются очерченныя Посошковые условія, въ которыхъ должна быть возносима молитва, его правила о положеніи молящагося. Здѣсь, вмѣстѣ съ разумными требованіями, предлагается масса предписаній, одинаково упорно проводимыхъ, а между тѣмъ не имѣющихъ уже никакой нравственной цѣны и значенія, предписаній чисто обрядовыхъ и до смѣшнаго мелочныхъ, въ родѣ напр. того, что «не мочи двинутиися, почесатися, о стѣны не опирайся, жезломъ не подпирайся, гордостно не плюй» и т. п. Впрочемъ, съ этими правилами мы будемъ имѣть случай встрѣтиться послѣ, при знакомствѣ съ посошковымъ общимъ идеаломъ христіанина.

Не обошеть въ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ и богословскаго вопроса о христіанскомъ милосердіи. И въ раскрытіи его замѣчается у него тоже двойство, смѣшеніе серьезнаго съ ничтожнымъ, общій одухотворенный взглядъ и не связанныя съ нимъ, не вытекающія изъ него формальныя подробности. Опредѣляя милостыню какъ проявленіе чистой сердечной любви къ людямъ, какъ свободную, непринужденную готовность помочь ближнему «единовѣрному своему и всякому человѣку — яко другу тако и не другу», высказывая, наконецъ, замѣчательно смѣлый для древнерусскаго человѣка взглядъ, что «многимъ подаваніемъ Бога не одолжиши», а что только искренностію, сердечностію добраго дѣла можно «Бога должна себѣ сотворити» (Завѣщ. 117 с.); Посошковъ и тутъ пускается въ регламентацію о количествѣ и непреложныхъ условіяхъ подаванія, т. е. актъ свободной воли связываетъ нѣкоторыми исключаящими всякую свободу предписаніями. Напр., «азъ тебѣ, сыне мой, завѣщаваю, егда изыдеши изъ дома, изъ чпага своего изми три пѣныязя и каковы тебѣ первые попадутъ нищіе, кто каковъ ни будетъ, аще старъ или младъ, увѣченъ или здравъ, не разбирая даждь первымъ, близъ тебя случившимся... не разбирая между ними даждь тѣ три пѣныязя первымъ... неизмѣнно отдаждь случившимся первымъ». «Послѣди вечернаго пѣнія подаждь три пѣныязя, а по утреннемъ пѣніи шесть пѣныязей; аще же могутъ твоея толикія не будетъ, то по вечернѣ подаждь единъ пѣныязъ, по утрени два, а по литургіи четыре» и т. д. (Завѣщ. 174 и 133 с.).

Какъ человѣкъ новаго времени, съ полнотою разумаго убѣжденія смотрящій на вещи, болѣе или менѣе все и недоумѣнное постигающій, такъ или иначе объясняющій, Посошковъ въ принципѣ вооружается про-

тивъ всякихъ суевѣрій, которыми рѣшительно затоплена была жизнь древне-русскаго человѣка. Этотъ недостатокъ религіозной русскаго жизни, возбуждавшій крайнюю ненависть въ людяхъ новаго времени, начиная съ самого Петра В., всѣми мѣрами заклинавшаго русскія повѣрья и суевѣрья, былъ настолько, должно быть, распространенъ и непригладевъ, что и самъ выходець изъ среды русскаго простонародья — Посошковъ рѣзко осуждалъ его и энергически силился искоренить эту застарѣлую нравственную немочь древне-русскаго жизни. «Во всѣхъ своихъ поступкахъ», писалъ напр. онъ сыну, «живи христіански, ворожей къ себѣ ни каковыхъ не призывай и самъ ни касайся вороженья, ни бобами не разводи, ни въ примѣты никакихъ не вѣрь. А еще ворожбѣ какой коснешися, то всѣ свои добрыя дѣла погубиши, вмѣсто благословенія приимишь клятву, вмѣсто же царства небеснаго наслѣдиши вѣчную муку». «Ни въ каковыя встрѣчи, Господа ради, не вѣрь» (стр. 205 и 174) и пр. Но самъ же Посошковъ, такъ категорически отрицавшійся суевѣрій, повидимому, не совсѣмъ былъ свободенъ отъ этого грѣха: по крайней мѣрѣ нѣкоторыя его рѣчи носятъ на себѣ явную печать еще старыхъ, суевѣрныхъ понятій. Такъ напр., въ наставленіяхъ о пищѣ и питіи онъ предполагаетъ законное «сумнительство» на счетъ такъ называемой порчи: «питія никакого просто не пей, но пріявъ сосудъ въ руцѣ свои, въ сосудъ той дуни крестообразно; еще тако будеши творити, то никакая пакость, отъ діавола наносимая, не прикоснется, еже вредити тебѣ». «Аще въ какову храмину пойдеша впервые, или я не впервые, да давно въ ней не бывалъ; то ты просто не входи въ ню, но во двери вступая, возлагай на ся крестное воображеніе, а просто отнюдь не входи, дабы на тебя діаволь пакости каковыя не навелъ» (Завѣщ. 172 и 173 с.). Еще интереснѣе и очевиднѣе смѣшеніе понятій въ слѣдующихъ разсужденіяхъ, пропитанныхъ духомъ старо-русскихъ суевѣрій. «Аще, сыне мой, найдетъ на тя какая бѣда или болѣзнь тяжка, не могли ты призвати къ себѣ какова колдуна или шептуна, діавольскою силою помогающаго, и аще отъ таковыхъ ти станеть что давати ясти или пити: отнюдь не приеми; или кто отъ какія либо болѣзни, а наипаче отъ трясавичныя, напишетъ какое отрицательное письмо и велитъ тебѣ съести, аще и сожженое — отнюдь не яждь: бойся, дабы тебѣ въ такомъ письмѣ прикровеннаго не съести діавола» (стр. 173 и 174). Въ полемикѣ съ иконоборцами, Посош-

ковъ, доказывая силу иконъ, между прочимъ пускаетъ въ ходъ слѣдующій доводъ: «еще же и по сему можно разумѣть, яко при образѣхъ святыхъ Божія сила есть, понеже діаволъ егда мечты творитъ или при видѣніи и страхованія дѣетъ, то никогда въ тѣхъ мѣстахъ ничего не дѣйствуетъ, идѣже образы святые стоятъ, но дѣйствуетъ изъ запечья или изъ задняго угла или изъ бани, идѣже образовъ святыхъ нѣтъ» (Зерц. 222 л.). Излагая подробности правила о бракѣ, Посошковъ говоритъ сыну: «егда приидеть година твоего брака, не дерзни къ себѣ пригласити какого либо волхва или чародѣя» и пр., и далѣе продолжаетъ: «еще кто ни волхвовъ, ни шептуновъ не призываетъ, того человека никаковая *порча* во время брака коснуться не можетъ... А вѣнчающагося «тайнымъ обычаемъ или не въ указанное время *всякая порча касается*» (Завѣщ. 24 и 25 с.). Итакъ, Посошковъ, энергично протестующій противъ вѣры въ колдовство, является самъ представителемъ темнаго крестьянскаго люда въ его повѣрѣ въ злую порчу, которая можетъ постигнуть напр. брачующихся и отъ которой можетъ соблюсти только особенная божественная охрана.

Можно отмѣтить въ сочиненіяхъ Посошкова много частныхъ мѣстъ, въ которыхъ высказалась нѣкоторая неустойчивость его религіозныхъ понятій и сбивчивость въ богословскихъ воззрѣніяхъ. Какъ человекъ, заразившійся новыми взглядами, Посошковъ позволялъ себѣ относиться ко всему критически и нерѣдко энергично вооружался противъ нѣкоторыхъ обычаевъ въ религіозной жизни, «застарѣлыхъ въ народѣ нашемъ и не весьма правыхъ», по мнѣнію Посошкова; но съ другой стороны, самъ Посошковъ, на смѣну этихъ неправыхъ, вводилъ свои обычаи, не превосходящіе своею правотою и основательностію. Напримѣръ, онъ порицаетъ священниковъ, которые отъ незнанія своего «тщатся наречать младенцу имя того святаго, кой случится по рожденіи во осмый день»; а на мѣсто этого обыкновенія, Посошковъ вводилъ свой, совершенно того же разбора и качества, обычай и настойчиво требуетъ соблюденія его: «да наречеша тое имя, кое впереди ближе имѣется, а назадъ не моги давати имяне» (Завѣщ. 51 с.) и пр. — Разсуждая о брачныхъ обрядахъ, Посошковъ требуетъ присутствія на брачномъ обѣдѣ именно трехъ пресвитеровъ и двѣнадцати причетниковъ. Хотя самъ онъ не объясняетъ, но самая точность требованія изобличаетъ въ данномъ случаѣ стоиціе Посошкова за какой-то обычай или за его личное, оче-

видно, символическое и даже, быть можетъ, суевѣрное воззрѣніе. Въ томъ же родѣ идутъ и слѣдующія наставленія, предлагаемыя во всей этой главѣ «о брачномъ житіи». — Преслѣдуя во всемъ обрядовомъ внутренній смыслъ, Посошковъ въ то же время обрядамъ придаетъ слишкомъ существенное значеніе, такъ что они, повидимому, играютъ въ его глазахъ иногда первостепенную роль. Напр., Посошковъ, въ полемикѣ съ лютеранами, тѣлесное омовеніе представляетъ въ дѣлѣ спасенія одинаково нужнымъ, не менѣе важнымъ и обязательнымъ, какъ и душевное покаяніе, — такой по крайней мѣрѣ выводъ естественно предполагается изъ категорическихъ заявленій Посошкова, напр. въ такомъ родѣ: «единимъ покаяніемъ не можно очиститься, но омовеніемъ и приложеніемъ труда очиститися» (Завѣщ. 34 с.).

Разсматривая богословскія воззрѣнія Посошкова со стороны ихъ состоятельности, можно отмѣтить, наконецъ, еще нѣсколько единичныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, гдѣ высказаны Посошковымъ не вполне чистыя христіанскія понятія. Для образца можно указать на то напр., что Посошковъ, повидимому, имѣлъ взглядъ на будущую жизнь черезчуръ земнаго свойства, — онъ усвоивалъ той жизни характеръ семейности, гдѣ можно «въ нескончаемыя вѣки вѣковъ здравствовать съ сожительницею своею, вкупѣ и съ чады, и веселиться, яко на бракѣ» (Завѣщ. 28 с.). — Какъ человѣкъ простой, неученый, Посошковъ, замѣтно, не чуждъ былъ нѣсколько крайнихъ, антропоморфическихъ представлений о Богѣ, приписывалъ Ему въ совершенной степени не только добродѣтели человѣческія, а даже и страсти, побужденія и дѣйствія человѣческія, которыя трактуются въ православномъ богословіи какъ несогласныя съ чистою христіанскою нравственностію и совершенно чуждыя существу Божию. Напримѣръ, въ полемикѣ съ лютеранами, хотя Посошковъ и порицалъ Кальвина за «безумные приводы», въ которыхъ тотъ «прилагалъ Христа къ простымъ мужикамъ, Бога низводилъ въ проста человѣка»; но и самъ не избѣжалъ такихъ же приводовъ: онъ напр. пугаетъ лютеранъ страшною местью Бога за непочтеніе лютеранами Божіей Матери: «какой той сынъ будетъ, иже за обруганіе матери своея не будетъ мстити... Вѣмъ, аще вы и зли суще, обаче за безчестіе матерей своихъ мстити будете; я чаю, что иной изъ васъ готовъ будетъ за безчестіе матери своея и голову свою положить, а того и въ части изсѣчетъ, иже мать его обругалъ. И по сему сами вы

себѣ судите, каково Господу Богу, аще кто Матерь Его ругаетъ и въ своимъ сквернымъ женамъ верстаетъ? ей, мстя отмститъ!» (Зерц. л. 197 и 198). Само собою разумѣется, что эти и подобныя мѣста въ сочиненіяхъ Посошкова являются не признакомъ какого либо еретичества или намѣренной тенденціозности, а просто слѣдствіемъ недовѣдѣнія Посошкова, знакомъ того, что онъ не могъ, со всею отчетливостію, постигнуть глубину христіанской догматики.

Не будемъ болѣе останавливаться на разборѣ богословскихъ убѣжденій и религіозныхъ взглядовъ Посошкова, тѣмъ болѣе, что съ этими взглядами намъ неизбежно еще придется встрѣтиться при разборѣ Заѣщанія отеческаго. Изъ представленнаго же анализа нѣкоторыхъ наиболѣе выпуклыхъ въ его сочиненіяхъ убѣжденій видно, что они носятъ характеръ довольно неопредѣленный, смѣшанный; Посошковъ обнаружилъ въ нихъ неустойчивость, невыдержанность, отсутствіе строгой отчетливости и послѣдовательности, допускалъ смѣшеніе духовнаго съ матеріальнымъ, содержанія съ обрядомъ, жертвуя въ пользу послѣдняго чистотой и неприкосновенностію перваго. Это обстоятельство въ сочиненіяхъ Посошкова со всею очевидностію характеризуетъ намъ какъ самого Посошкова, — этого простаго начетчика, не получившаго систематической школьной подготовки и точнаго христіанскаго образованія; такъ и вообще всю ту неопредѣленную, переходную эпоху. За человѣкомъ новымъ, здраво смотрящимъ на вещи, все осмысливающимъ, въ сочиненіяхъ Посошкова отчетливо выступаетъ и старый древне-русскій начетчикъ, неуклонный проповѣдникъ обряда, съ раскольническимъ упорствомъ гонящійся за формою, стоящій на буквѣ закона. Иными словами говоря, предъ нами выступаетъ живой Посошковъ, съ его смѣсью взглядовъ старыхъ и новыхъ, консервативныхъ и либеральныхъ, выступаетъ какъ порожденіе своего смѣшаннаго времени, какъ естественный ростокъ, стоящій на рыхлой, непрочной почвѣ и потому неустойчивый, колеблющійся.

Въ заключеніе обзорѣнія религіознаго элемента въ характерѣ сочиненій Посошкова и какъ на одно изъ очевиднѣйшихъ проявленій этого элемента, стоитъ обратить вниманіе на религіозный тонъ ихъ и вполнѣ церковный характеръ ихъ стиля. Въ этомъ отношеніи Посошковъ исключительно является человѣкомъ стараго русскаго времени, сочиненія его могутъ служить образчикомъ древней письменности. Не говоря уже о постоянныхъ выдержкахъ изъ церковныхъ книгъ и вообще о церковно-

библейскомъ слогѣ и оборотахъ рѣчи, сочиненія Посошкова переполнены постоянными призываніями имени Божія, набожными выраженіями, молитвенными обращеніями. При всякомъ удобномъ случаѣ Посошковъ старается провести свои религіозно-нравственныя сентенціи, высказать свое религіозное убѣжденіе и внушить его читателю. Подыскивать примѣры этого въ сочиненіяхъ Посошкова было бы совершенно напрасно, потому что можно почитать любую страницу каждаго его сочиненія. Возьмемъ напр. Книгу о скудости и богатствѣ, какъ сочиненіе сравнительно менѣе другихъ запечатлѣнное религіозностью. На 46-й страницѣ Посошковъ говоритъ о правосудіи: «Судія праведный подобенъ Богу, понеже Богъ — самая правда. Судья подобаеъ у Бога милости просити, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божиими судъ правдивъ судити. Мой умъ не постигаеъ, какъ правосудіе устроить, но елико-ни Богъ даруетъ, возложася на Его Божию милость, дерзнулъ мнѣніе свое изъяснити. Аще кто будетъ опредѣленъ къ управленію судному, подобаеъ умолати пресвитера, дабы Господу Богу всенощное бдѣніе отправилъ и литоргію и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесному-бъ воспѣлъ, и просилъ бы у Господа Бога, еже бы Богъ подаль ему познавати правость въ дѣлѣ; и во всемъ надлежитъ вручить себя Богу» и пр. и пр. въ томъ же родѣ. Впрочемъ, уже изъ всѣхъ приводимыхъ нами словъ Посошкова очевидно преобладаніе религіознаго элемента не только въ содержаніи, а и въ языкѣ сочиненій Посошкова.

Говоря о характерѣ сочиненій Посошкова, нельзя не отиѣтитъ другой, также преобладающей и всепроникающей черты въ нихъ, — ихъ практическаго направленія. Не только въ своихъ политико-экономическихъ разсужденіяхъ о преобразованіи разныхъ частей государственной жизни и дѣятельности Россіи, но даже и во всѣхъ своихъ богословскихъ умозрѣніяхъ Посошковъ является неизмѣнно вездѣ строго расчетливымъ практикомъ. Практическій складъ его ума, отразившійся въ сочиненіяхъ, дополняетъ, такимъ образомъ, сущность характеристики и самого Посошкова, и его сочиненій. Какъ въ его собственной личности, насколько она вырисовывается въ сочиненіяхъ, такъ и въ этихъ собственно его произведеніяхъ, религіозность и практичность до послѣднаго слова все проникаютъ и обуславливаютъ. Въ то же время, разсматриваемыя въ от-

дѣльности, въ отвлеченіи, онѣ между собою взаимно усвояются и объединяются. Практичность Посошкова получаетъ религіозный оттѣнокъ, нерасторжимо соединяется съ религіозностію, а послѣдняя, безспорно, получаетъ у Посошкова всюду практическій характеръ, является въ сознаніи Посошкова прежде всего своею практическою стороною. Все христіанское ученіе онѣ понимаетъ и разсматриваетъ съ практической стороны. Это былъ *практикъ-богословъ*, — и въ этомъ его особенность напр. отъ Сильвестра, автора Домостроя, въ которомъ видится преимуществу только практикъ-хозяинъ. Надъ всѣми практическими расчетами у Посошкова возвышаются цѣли и интересы религіозные, хотя и съ тѣмъ же характеромъ практичности. Доброе дѣло, справедливый поступокъ, обязательны для христіанина и имѣютъ цѣну потому, что ими удовлетворяется требованіе религіи; а исполненіе человекомъ религіозныхъ требованій неминуемо привлекаетъ на него *воздаяніе* отъ Бога: эта зависимость въ представленіи Посошкова является нерасторжимою и оба члена ея постоянно варьируются въ его сочиненіяхъ. Но съ особою настойчивостію Посошковъ преслѣдуетъ религіозно-практическіе интересы въ Завѣщаніи отеческомъ, гдѣ онѣ специально занятъ изображеніемъ идеала жизни. Еще съ самаго ранняго дѣтства Посошковъ рекомендуетъ втолковывать ребенку кланяться Богу для того, чтобъ Онѣ, «видя поклоненіе, помиловалъ и далъ того и того много». Ту же неособенно возвышенную мораль Посошковъ постоянно проповѣдуетъ и взрослымъ людямъ: доброе дѣло и возмездіе за него стоятъ вездѣ въ тѣснѣйшей зависимости, одно другимъ обусловливаются, одно въ другомъ находятъ смыслъ и значеніе. «Аще по вышеписанному сотвориши», постоянно Посошковъ внушаетъ сыну, «то никакая ти пакость не коснется, Господь Богъ не попуститъ на тя пріяти никакому злу, соблюдетъ невредна»... «Аще тако сотвориши», говоритъ онѣ сыну, убѣждая его храниться въ чистотѣ тѣлесной, «то и на себѣ свѣтъ великъ и честенъ будеши, паче же по отшествіи отъ сего свѣта вѣчныхъ благъ наслѣдникомъ явишися». «Аще тако научите дѣтей», говоритъ Посошковъ, рекомендуя воспитаніе дѣтей въ духѣ религіи, «то они и вы милость Вожію получите». «Буде тако сотвориши» говоритъ онѣ, научая сына смиренію, «то великъ ты у Бога будеши». «Аще тако сотвориши», располагаетъ онѣ къ немстительности, «то Господь Богъ твоихъ грѣховъ не вспоманетъ, введетъ тя въ царство свое небесное». «Сяце творя», рекомендуетъ онѣ

принюженія въ храмъ, «сугубую себѣ мзду приимеши». «Аще во всякомъ дѣлѣ будеши совершенную правду дѣлать, то ты и на семь свѣтѣ блаженъ будеши и на ономъ свѣтѣ вѣчныхъ благъ наслѣдникъ явишися». Располагая купцовъ къ добросовѣстности въ торговлѣ, Пососшковъ снлится соблазнить ихъ надеждою воздаянія за то: «Богъ, видя твою правду и постоянство, наградитъ тебя и — откуда ты и не чаеши — пришлетъ тебѣ». Требуя накормить бѣдняка «немущаго безъ цѣны», т. е. бесплатно, Пососшковъ успокоиваетъ поручительствомъ Бога: «Богъ тебѣ за него заплатитъ». Въ добромъ дѣлѣ даже о понесенныхъ «ранахъ или тщетѣ какой не скорби», потому что «наградитъ тебѣ Господь, аще и смерть приимеши — не сумнѣвайся» и пр. и пр. (Завѣщ. стр. 30, 11, 53, 83, 144, 109, 219, 189, 205, 171). Словомъ, вездѣ Пососшковъ рекомендуетъ упражненіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, требуетъ неуклоннаго соблюденія правилъ религіозно-нравственнаго закона, поставляя при этомъ вездѣ на видъ сопряженныя съ добродѣтелію выгоды, указывая практическую пользу религіозности и неразсчетливость грѣха.

Проникая, такимъ образомъ, собою религіозность Пососшкова, практическое направленіе его съ очевидностію отразилось и во всѣхъ другихъ сферахъ его дѣятельности и мышленія. Его мы увидимъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ въ крайне мелочныхъ хозяйственныхъ вычисленіяхъ, въ выясненіи самомагійшихъ поводовъ къ обогащенію или оскуднѣнію царственному. То же направленіе уже видѣли мы и въ разобранныхъ выше богословскихъ воззрѣніяхъ Пососшкова, гдѣ также вездѣ практическая рассчетливость, строго точныя вычисленія свѣчъ, поклоновъ, пѣнязей и пр., гдѣ всѣ и возвышенныя, чисто духовныя пункты христіанской догматики разобраны преимущественно съ практической стороны, со стороны ихъ приложенія и примѣняемости къ церковной практикѣ. Въ этомъ крайнемъ до односторонности направленіи, Пососшковъ, естественно, не былъ застрахованъ и отъ неразумныхъ увлеченій, отъ мнѣній и выводовъ, слишкомъ уже практическихъ, низменныхъ, не вездѣ отвѣчающихъ самому предмету содержанія и обсужденія. Даже и въ хозяйственныхъ собственно его вычисленіяхъ, какъ послѣ увидимъ, является весьма многое уже не столько полезнымъ и нужнымъ, сколько курьезнымъ и смѣшнымъ. Въ его же богословскихъ разсужденіяхъ практическая сторона въ раскрытіи взятыхъ вопросовъ только часто запутываетъ, затѣняетъ со-

бою суть дѣла; его узко-утилитарный взглядъ на практическую сторону христіанской дѣятельности, на добрыя дѣла, представляется настолько крайнимъ, что, строго говоря, и добрыя дѣла въ представленіи Посошкова много теряютъ своей цѣны и нравственнаго значенія. Однимъ словомъ, на все Посошковъ стотрѣлъ глазами расчетливаго хозяина, все иногда даже и несоизмѣримое мѣрялъ на свой аршинъ. Практическое направленіе у него является всепроникающимъ и всеобуславливающимъ; оно невозбранно мирится, нерасторжимо соединяется съ другою всеобъемлющею чертою его и характера, и сочиненій — религіозностью.

Сочиненія Посошкова.

„Книга о скудости и богатствѣ“.

Политико-экономическая литература въ Россіи до Посошкова. — Экономическій характеръ книги о скудости и богатствѣ. — Основныя политико-экономическія воззрѣнія Посошкова. — Состояніе общественныхъ сословій на Руси по Посошкову и сущность его проектовъ. — Мысли Посошкова объ иностранцахъ въ русской торговлѣ и производствѣ. — Значеніе Книги о скудости и богатствѣ.

Какъ сочиненіе съ извѣстнымъ направленіемъ, Книга о скудости и богатствѣ Посошкова принадлежитъ къ разряду сочиненій политико-экономическихъ. Литература этого вида началась на Руси ранѣе Петра Великаго, хотя возникновеніемъ своимъ обязана уже реформаторскимъ стремленіямъ. Потребность преобразованій, которая почувствовалась еще въ XVII вѣкѣ и вызвала нѣкоторыя отдѣльныя перемѣны, была признана не столько правительствомъ, сколько самимъ народомъ, въ лицѣ его избранныхъ представителей. Частныя лица, благодаря природному здравому смыслу, практической смѣтливости и собственному жизненному опыту, имѣли большую возможность чувствовать и сознавать недостатки общества, наблюдать хорошія и дурныя стороны всего вокругъ происходящаго. Нѣкоторые изъ этихъ личностей старались, при помощи литературнаго слова, такъ или иначе направить дѣятельность правительства, поставить на видъ предметы, требовавшіе реформы. Такъ возникла политико-экономическая литература на Руси, и сочиненіе Посошкова не есть явленіе одинокое: оно слѣдовало за трудами другихъ, ему предшествовали замѣчательныя политическія творенія, хотя и нельзя допустить, чтобы Посошковъ былъ съ ними знакомъ и испыталъ на себѣ силу ихъ вліянія. Мы разумѣемъ два сочиненія, относящіяся къ XVII вѣку: «О Россіи въ царствованіе

Алексѣя Михайловича > Котошихина и < Русское государство въ половинѣ XVII вѣка > Крижанича.

Котошихинъ — русскій подъячій шестидесятыхъ годовъ XVII ст. — вынужденъ былъ бѣжать въ Швецію, гдѣ принялъ лютеранство, а впоследствии былъ казненъ за убійство. Вдали отъ родины Котошихинъ написалъ свое сочиненіе, которое, по обилію своего содержанія, знанію дѣла, чистотѣ изложенія, составляетъ явленіе весьма замѣчательное для своего времени. Авторъ обнимаетъ всѣ отрасли и внутренній составъ государственнаго управленія, исключая дѣла церковныя; описываетъ всѣ существенные обычаи и порядки русской земли; бросаетъ смѣлый взглядъ на внутренній міръ древне-русскаго человѣка, на общій характеръ народной жизни. Преимущественно Котошихинъ распространяется о бытѣ высшихъ сословій: бояръ и князей, и развертываетъ здѣсь мрачную картину общественнаго быта при Алексѣѣ Михайловичѣ, изображаетъ грубое невѣжество, родовитую спѣсь и непроходимый эгоизмъ тогдашняго барства. По внѣшнему виду, сочиненіе, раздѣленное на 13 главъ, представляетъ родъ отдѣльныхъ историческихъ монографій: объ обычаяхъ, сопровождавшихъ царскую свадьбу, о воспитаніи царевичей, объ управленіи московскимъ царствомъ и пр., и все это безъ критической оцѣнки, хотя съ замѣтною тенденціей обратить вниманіе отсталаго русскаго народа на доброе у иноземцевъ, съ которыми Котошихинъ имѣлъ случай близко познакомиться. Сочиненіе Котошихина имѣетъ близкое отношеніе къ сочиненіямъ Посошкова, разсматривающимъ тѣ же жизненные вопросы, о которыхъ трактовалъ и Котошихинъ.

Въ гораздо большей связи, по содержанію и направленію, съ сочиненіями Посошкова стоитъ < Русское государство въ половинѣ XVII в. > Крижанича, по происхожденію хорвата, по религіи католика. Это былъ замѣчательный человѣкъ, оставившій въ сочиненіяхъ доказательство обширнаго ума, трудолюбиваго изученія Россіи, истиннаго желанія принести ей пользу. Не только сочиненіями, а и внѣшнею судьбою этому великому человѣку суждено было сдѣлаться прототипомъ Посошкова: его убѣжденія и заботы о русскомъ народномъ благѣ были слишкомъ смѣлы для старой Россіи и они то заставили Крижанича многіе годы прожить въ ссылкѣ. Изъ многихъ его сочиненій, < Политика > или < Разговоры объ владательству > по своему предмету и направленію имѣетъ большое сходство съ политическими трудами Посошкова. При написаніи этого

сочиненія Крижанничемъ руководили тѣ же побужденія, какія дѣйствовали и въ Посошковѣ: тотъ же глубокой патріотизмъ, то же безкорыстное желаніе принести посильную помощь русскому государю, соблюсти народныя интересы. «Съ великимъ страхомъ», говоритъ онъ въ предисловіи, «съ крайнимъ униженіемъ царскому твоему Величеству челобитіе чиню; въ даръ приношу нѣсколько политическихъ думъ, которыя съ великимъ настояніемъ собралъ и которыя считаю твоего Величества владанію полезны. Твердо вѣмъ, аще изволишь, государь, въ сія книжицы позрѣти, дознаешь: не возможно, дабы сія бесѣды изошли отъ человѣка ласкателя, или который бы не былъ тебѣ искренно вѣренъ и всѣмъ сердцемъ завѣщанъ». «Могутъ сія книги служить вмѣсто памятки и обрѣтала въ помощь памяти тебѣ, сильный Царю» (Рус. гос. въ пол. XVII ст. т. II стр. 3 и 7). Вездѣ и во всемъ Крижанничъ, какъ и Посошковъ, преслѣдуетъ, чтобы «царству польза произошла, казнь государевой причинилась корысть» (т. I стр. 56). Его, какъ и Посошкова, возмущали на каждомъ шагѣ встрѣчавшіяся нарушенія человѣческой правды, и онъ настойчиво требовалъ правосудія. Онъ мечтаетъ объ изгнаніи всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя могутъ сдѣлать народу какую либо тиранію или какую бы то ни было несправедливость (II, 21). Его задушевное желаніе: «да будетъ судія праведенъ, не алченъ, не лицепріятенъ и не взяточникъ», а «да будетъ людскій». Правосудіе въ его глазахъ является первою и величайшею изъ добродѣтелей: «*primum et maximum omnium privilegiorum est justitia*» (I, 89 и II, 20). Непокосимое убѣжденіе Крижаннича въ этой истинѣ вдохновило его смѣлостію прямо указывать царю, какъ на преступленіе, особливо оскорбляющее Бога и со всею строгостію отмщаемое Богомъ, на «угнетеніе бѣдныхъ и подданныхъ» (II, 222). Вообще, личность Крижаннича въ свое время была выдающаяся, замѣчательная по своему уму и обширной начитанности. Ревностный богословъ соединяется въ немъ съ умнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ теоретическія свѣдѣнія и много пракческаго знанія въ дѣлахъ государственныхъ. Его «Разговоры объ владательству» состоятъ исключительно изъ разсужденій о внутренней и внѣшней политикѣ русской, а потому представляютъ собою подробную картину тогдашняго состоянія Россіи, вмѣстѣ съ множествомъ дѣльныхъ и серьезныхъ замѣчаній на существующіе порядки. Авторъ увлекается своимъ стремленіемъ указать средства для улучшенія администраціи и государственной

жизни, такъ что сочиненіе состоитъ изъ безпрестанной критики настоящаго и проектовъ будущаго, и носитъ характеръ не столько исторіи, сколько политическаго проекта: въ этомъ его существенное отличіе отъ Котошихина и главная связующая нить съ Посошковымъ. Крижаничъ старался сдѣлать свой обзоръ какъ только можно полнымъ: то въ формѣ категорическихъ разсужденій, то въ формѣ бесѣды царя, обращенной къ народу, то въ формѣ разговора выведенныхъ имъ лицъ, Крижаничъ излагаетъ свои мысли о торговлѣ, ремеслахъ, воинствѣ, образованіи, славянскомъ языкѣ, нравахъ, о «чужебѣсіи», которымъ начинала уже страдать Русь, о государственномъ управленіи, объ испорченности народной и пр. Всякія установившіяся правила и обыкновенія разсматриваетъ Крижаничъ исторически: какъ было прежде, какъ теперь у другихъ народовъ, какъ у насъ и, наконецъ, какъ лучше, какъ должно быть. Таковы приемы и такова патріотическая программа Крижанича. Чѣмъ болѣе могли имѣть значенія для своего времени сочиненія Крижанича, направленные на самыя жгучіе вопросы законодательства и администраціи, политическаго и общественнаго быта, тѣмъ болѣе остается сожалѣть о томъ, что они остались неизвѣстными. Крижаничъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Свое время, такимъ образомъ, не могло извлечь пользы изъ его столь богатыхъ содержаніемъ сочиненій; современники не могли учиться у него. Слѣдовательно, Крижаничъ какъ-бы не существовалъ и для Посошкова; сочиненія его не могли служить источникомъ и пособіемъ для сходныхъ по мысли сочиненій Посошкова. Крижаничъ предшествовалъ Посошкову только хронологически, а не по вліянію. Посошковъ развивался самостоятельно; онъ былъ самоучка. Разумѣется, это былъ недостатокъ, съ устраненіемъ котораго мы, быть можетъ, имѣли бы отъ Посошкова что нибудь еще болѣе дорогое, чѣмъ что теперь мы имѣемъ; но, съ другой стороны, это придаетъ гораздо болѣе чести и славы имени Посошкова, который совершенно самостоятельно и ни отъ кого независимо не только не отсталъ отъ своихъ замѣчательно великихъ предшественниковъ, но во многомъ опередилъ и возвысился надъ ними. Мы не намѣрены, впрочемъ, излагать сравнительное достоинство проектовъ и политико-экономическихъ мѣръ Посошкова; въ нашу задачу входитъ знакомство съ *историческимъ элементомъ* въ сочиненіи Посошкова, разсмотрѣніе его взглядовъ и убѣжденій, внутренней историческій смыслъ его сочиненій.

Книга о скудости и богатствѣ знакомитъ насъ съ современнымъ Посошкову состояніемъ Россіи. Въ ней Посошковъ перебралъ всѣ формы и проявленія общественной жизни, пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе выработанные историческою жизнію порядки и обычаи, отнесая ко всему съ послѣдственною критикою. По его собственнымъ словамъ, онъ изъяснилъ тутъ достовѣрное, слышанное и мнимое касательно состоянія русскаго общества, въ лицѣ всѣхъ сословій, еѣ составляющихъ, и со всѣми отправлениями государственнаго организма. Неисправности и уклоненія отъ нормальныхъ обязанностей возбудили Посошкова; поэтому онъ и обращаетъ вниманіе вездѣ на «содѣвающіяся неправды и всякія неисправности», съ цѣлію «елико ему Богъ даровалъ, мнѣнія своя изложить ко исправленію тѣхъ неправостей и неисправностей». Это изображеніе общественныхъ недуговъ Россіи и соединенныя съ этимъ свои мнѣнія, взгляды, проекты Посошковъ совокупилъ въ «трекратномъ трекратіи. Первое трекратіе (гласить) о исправѣ и поправѣ духовенства, воинства, правосудія; второе трекратіе — о исправѣ и поправѣ купечества, художества и разбойниковъ съ бѣглецами; третіе трекратіе — о исправѣ и поправѣ яко во крестьянѣхъ, тако и во владаніи земли безобидномъ и о собраніи царскаго интереса гобзовитомъ»¹⁾).

Самое названіе сочиненія изобличаетъ уже экономическій характеръ его содержанія. «Книжицу нарекохъ о скудости и богатствѣ, понеже имѣеть въ себѣ изъясненіе, отъ чего содѣвается напрасная скудость и отъ чего умножиться можетъ изобильное богатство». Но данное Посошковымъ заглавіе книгѣ не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію, — оно представляется узкимъ для такого сочиненія, въ которомъ подвергнутъ разбору весь общественный бытъ и предложено множество важныхъ мѣръ, коренныхъ преобразованій, законодательныхъ реформъ, то, съ другой стороны, это заглавіе вполне оправдывается, если примемъ во вниманіе, что хозяйственные вопросы преобладаютъ въ сочиненіи, что разборъ вопросовъ чисто духовныхъ, юридическихъ, военныхъ занимаетъ, сравнительно, мало мѣста, что даже въ главахъ о духовенствѣ, о правосудіи, о воинскихъ дѣлахъ особенное вниманіе обращается на хозяйственное положеніе духовенства, на гибельныя слѣдствія произвола въ судѣ и расправѣ для экономическаго быта

¹⁾ Просьба Посошкова, съ которою онъ представлялъ свою книгу Петру В. Соч. Пос. т. II стр. XXVIII.

народнаго, на расходы при содержаніи войска и т. п. Во всякомъ случаѣ, Книга о скудости и богатствѣ имѣетъ всецѣло предметомъ практическую жизнь, въ ней Посошковъ является по преимуществу писателемъ-экономистомъ. Писательство, въ этомъ именно направленіи, было вызвано самою жизнію, служило отвѣтомъ на современныя потребности. Еще до времени Петра В. обнаружилия финансовыя затрудненія въ Россіи. Казна была истощена; государственное банкротство всею тяжестью ложилось на народъ; подати увеличивались годъ отъ году. Постепенно возраставшая государственная скудость, естественно, обращала на себя вниманіе лицъ, говорившихъ и писавшихъ о Россіи. Котошихинъ уже коснулся вопроса о состояніи государственныхъ финансовъ: «мѣдныя деньги годъ отъ году подешевѣли, сперва ходили рубль противъ рубля, а потомъ начали ходить по 2 по 3... и по 15 и по 17 рублей за серебряный рубль. Серебрянымъ деньгамъ учала быть скудость въ государствѣ, а на мѣдныя все дорого — и многіе помираютъ съ голоду» (о Россіи въ ц. А. М. стр. 83). Такую бѣдность государственную Котошихинъ объясняетъ бѣдностію пріисковъ въ Россіи металла для денегъ: «золота и серебра не родится; хотя въ кроникахъ и пишутъ, что русская земля на золото и серебро урожайная, однако сыскать не могутъ» (стр. 78). Разореніе народа отъ усиливающихся поборовъ глубоко возмущало великаго славянофила Крижанича. «Несчетны», говоритъ онъ, «въ нашемъ государствѣ люди, которые нещадно притискиваютъ и выжимаютъ своихъ подданныхъ... Многіе чинятъ всякія крутости, съ коихъ бы казнь какова прибыль могла допасть» и пр. (Рус. гос. I, 178 и 305). Согласно Котошихину и Крижаничу причину «убожества и нужды земли русскія» видитъ, между прочимъ, въ «неплодности земли: земля бо не родитъ драгаго каменія, злата, серебра, мѣди...» (т. I стр. 154). И Крижаничъ поэтому счелъ нужнымъ въ началѣ своей Политики предложить цѣлыхъ 4 раздѣла (т. е. главы, стр. 1—64) «о средствахъ и способахъ, которыми собирается и обогащается государственная казна». При Петрѣ Великомъ финансовыя затрудненія возрасли съ особенною силой, такъ какъ внѣшнія войны и внутреннія предпріятія, новые предметы и учрежденія требовали новыхъ и крупныхъ затратъ отъ безъ того тощей казны. Все дѣло реформы должно было начаться именно съ преобразования экономическаго; вопросы экономіи стояли на первомъ планѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи

сравнительно съ другими государствами, о средствахъ сдѣлать ее богатой, прежде другихъ обращалъ на себя вниманіе всякаго мыслящаго русскаго человѣка, возбужденнаго общественнымъ движеніемъ преобразовательной эпохи. Исслѣдованіе причинъ — «отчего содѣвается напрасная скудость», и изобрѣтеніе средствъ, отъ которыхъ «умножится можетъ избыльное богатство», было не только современно и полезно, но было необходимо, составляло насущную потребность. Посошковъ видѣлъ въ жизни всѣ гибельныя послѣдствія разстроенности государственнаго хозяйства; онъ видѣлъ, что народъ гибъ отъ недостатка въ предметахъ первой необходимости: «нынѣ въ деревняхъ», говоритъ онъ напр., «такую нужду подъемятъ, что многіе безъ соли ѣдятъ и оцѣнжаютъ и умираютъ; отъ задержанія соли во нныхъ мѣстахъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой бессолицы напрасно люди помираютъ, крестьяне, кои маломочны, всѣ пропадаютъ». Посошковъ видѣлъ, какъ разорялся народъ отъ непосильныхъ поборовъ, какъ «за недоимку дворъ и пожитки отбирали, да оцѣнивъ въ полъ или въ треть, или въ десятую долю, продавали и такъ совсѣмъ разоряли... и отъ такого порядка многое множество народа въ нищіе пошли» (Кн. о ск. и бог. Соч. Пос. I, 223 и 72 с.). Поэтому-то Посошковъ и рѣшился «предложить свое мнѣніе о собраніи царскихъ сокровищъ», свои взгляды «о здоровомъ, gobзовитомъ и постоянномъ собраніи интересовъ Его Императорскаго Величества» (стр. 3).

Какъ представитель народа и прибыльщикъ государя, Посошковъ совершенно справедливо сливаетъ интересы народные съ интересами государственными, поставляя въ богатствѣ народномъ богатство и государственное. Эта истина была, впрочемъ, извѣстна и ясно сознаана предшествующимъ русскимъ политикомъ — Крижаничемъ, который неоднократно проводилъ ее въ своемъ сочиненіи: «Убого королевство, убогъ и король, богато королевство, богатъ и король; королевское добро есть добро всего народа; что полезно головѣ, полезно и всему тѣлу» (т. I стр. 41; т. II, 40, 31, 41, 50). «Scitote, quod bonum regis, est bonum totius gentis» и пр. Поэтому, Крижаничъ внушалъ, что «король, аще самъ хочетъ быть богатъ, сначала долженъ заботиться, да подданныки будутъ богаты», и вооружался противъ разоренія народнаго въ пользу казны, причисляя «выдираніе нещадное и немилостивое отягченіе подданныковъ» къ вреднымъ, «злымъ способамъ стяжанія» (т. I стр. 3). Убѣжденіе

въ непосредственной связи народнаго благосостоянія съ государственнымъ богатствомъ Посошковъ высказываетъ въ основаніи своего сочиненія: «не то царственное богатство», говоритъ онъ на первой же страницѣ, «еже въ царской казнѣ много, но то самое царственное богатство, еже бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ домовными своими богатствами». И «по моему мнѣнію, сіе дѣло не великое и не трудное, еже царская сокровища наполнить богатствомъ, за еже царь, яко Богъ, еже восхощеть, можетъ сотворить; но то великое и многотрудное дѣло, еже бы народъ обогатити... понеже все что есть въ народѣ богатства — богатство царственное, подобно и оскудѣніе», и проч. (стр. 1, 3, 71, 72 и пр.). Поэтому, Посошковъ въ основаніи своей экономической теоріи полагаетъ обязательность попеченій о народномъ богатствѣ, поставивъ необходимость «о всенародномъ обогащеніи пешися безъ уятія усердія, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были» (стр. 1 и 189). Разореніе народа поборами представляется Посошкову дѣйствіемъ, прямо парализующимъ свою цѣль; поэтому, онъ требуетъ «правыхъ и здравыхъ» началъ «въ собраніи царскихъ интересовъ, чтобъ никакихъ обиды ни на кого не навести. Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ. Только то собраніе споро и прочно будетъ, аще кто государю тщится служить, а паче собранія людей отъ разоренія соблюдаетъ». «Нужно стремиться къ тому, чтобъ и казна была цѣла съ приплодомъ и люди были всѣ цѣлы и невредимы» (стр. 209, 73 = Завѣщ. от. 232 стр.). Миръ, безопасность и благосостояніе подданныхъ Посошковъ ставитъ выше всякаго финансоваго обогащенія государственнаго. Гонимая за самоалѣйшею мелочью въ государственныхъ прибыткахъ, Посошковъ отказывается, на примѣръ, отъ весьма доходныхъ встарину судныхъ пошлинъ, во имя общаго мира, спокойнаго развитія гражданской жизни. Подобныя мысли являются одними изъ самыхъ свѣтлыхъ въ сочиненіяхъ Посошкова, обнаруживая въ немъ совершенно здравыя, вполне разумныя политико-экономическія воззрѣнія.

Какіе же способы указываетъ самъ Посошковъ, чтобъ избѣжать народнаго разоренія и достигнуть гобзовитаго богатства? — Какъ человѣкъ въ высшей степени честный, высокодоброевѣстный, любитель правды, Посошковъ причину всякихъ золъ и нуждъ полагалъ въ нарушеніи общечеловѣческой правды; съ другой стороны, въ правдѣ, въ возстановленіи ея Посошковъ видѣлъ главнѣйшее и необходимое условіе

всякаго добра, всякаго успѣха въ человѣческихъ дѣлахъ. Правда составляетъ предметъ его задушевныхъ желаній вездѣ и во всемъ, въ ней онъ видитъ средство и душевнаго спасенія, и внѣшняго благосостоянія. «Паче всего надлежитъ намъ пенсися о истинной правдѣ: правдѣ отецъ-Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, а неправдѣ отецъ дѣволъ, и неправда въ нищету приводитъ и смерть наводитъ». Посошковъ столь непреклонно вѣрить въ истинность своего начала, что, при господствѣ правды, онъ почитаетъ невозможнымъ существованіе скудости, или чего нибудь въ этомъ родѣ: «егда правда въ насъ утвердится, то не можно царству російскому не богатиться и славою не возвыситься». Отъ правды зависитъ «и царственное украшеніе, и прославленіе, и честное богатство, понеже правда никого обидити не пускаетъ»... и пр. «Безъ насажденія же правды никонми мѣрами народу всесовершенно обогатиться невозможно» (стр. 2 и 3). Высказанныя Посошковымъ мысли находили себѣ полнѣйшее подтвержденіе въ современномъ положеніи дѣлъ: Россія, при крайней бѣдности матеріальной, изобиловала неправдою. Дѣйствительно, трудно ей было достигнуть благосостоянія, когда она была полна «обидчиковъ, воровъ, разбойниковъ и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей», когда не было правды въ томъ, что «на словахъ ладогозили», когда поэтому требовалось, кромѣ очевидныхъ мѣръ, и «прозорительное око», чтобъ отыскивать правду. И вотъ Посошковъ, повторяемъ, рѣшился поставить на видъ Государю все извѣстное ему, что не право, что было нарушеніемъ справедливости, отъ чего народу была тягость, а государству скудость. Съ этою цѣлію Посошковъ разсматриваетъ всѣ сословія, всѣ главнѣйшія проявленія общественной жизни и вездѣ ищетъ правды, все подводитъ подъ требованія справедливости, ставя мѣркою основныя правила общественной жизни. Такъ прежде всего, онъ признаетъ права личности каждаго члена общества и потому требуетъ, чтобъ неправо, незаконно, «даромъ ничто ничье нигдѣ не пропадало»; нужно «за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобъ нигдѣ ничто и ихъ даромъ не пропадало». Съ другой стороны, каждый долженъ трудиться, чтобы не быть излишнимъ, бесполезнымъ нахлѣбникомъ общества: нужно смотрѣть, чтобъ «дней своихъ даромъ никто не терялъ, хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ,... чтобъ лишнихъ людей не было, безъ работы никакой человѣкъ не былъ, никто нигдѣ даромъ не шатался». Сообразно своимъ тру-

дамъ и званію, каждый имѣетъ право издерживать прибрѣтенное, но надлежитъ «прилежно смотрѣть, чтобъ излишняго ничего нигдѣ не трагтили, чтобъ всякъ свою мѣрность зналъ, чтобъ у всякаго чина денежные истраты лишнія не было, выше своей мѣры себя бы не убытчили». Такъ какъ каждый принадлежитъ цѣлому обществу, то кромѣ законнаго обезпеченія себя, каждый долженъ приносить пользу обществу, чтобы каждый не только не даромъ хлѣбъ ѣлъ, а чтобы и «плодъ приносилъ», чтобъ отъ всякаго и частнаго дѣла государю «прибытокъ былъ» (стр. 71, 106, 108, 130, 73). Таковы основныя положенія политико-экономической системы Посошкова, развитіемъ которыхъ служить вся Книга о скудости и богатствѣ. Нѣкоторые изъ существенныхъ пунктовъ этой системы служатъ полнымъ отголоскомъ взглядовъ Крижанича, который также стремился, чтобъ «никто не жилъ въ королевствѣ бездѣленъ и общему добру некорыстенъ», — что «неприлично и всякой правдѣ противно» (Рус. гос. т. I стр. 333 и 253).

Самъ Посошковъ является въ книгѣ вообще, какъ мудрый практикъ, расчетливый до мелочности хозяинъ. Частныя правила касательно хозяйственной экономіи показываютъ всю тонкость практическаго ума Посошкова, не оставившаго безъ вниманія самыя, повидимому, микроскопическіе предметы финансоваго изъяна. Самыя мелочныя вещи домашняго обихода онъ разсматриваетъ съ общегосударственной точки зрѣнія, вездѣ онъ старается предотвратить напрасную трату, во всемъ преслѣдуетъ государственное сбереженіе. Предусмотрительность Посошкова въ этомъ отношеніи доходитъ иногда до смѣшнаго. Таковы, на примѣръ, его наставленія объ употребленіи обшивныхъ пуговицъ, «россійскому царству отончительныхъ», причемъ Посошковъ рекомендуетъ употреблять такія, которыя бы «портищевъ пять-шесть износили»; — о лакомыхъ ядахъ и заморскихъ винахъ, «и для здорова вредительныхъ, и для государства истощительныхъ»; о лентахъ и платкахъ, «на утираніе носа», объ орѣхахъ и мелкой рыбѣ, о бумагѣ, «несозидательно истрачиваемой при разметистомъ письмѣ»; съ точнымъ вычисленіемъ надлежащаго количества строкъ на страницѣ «письма уписистаго»; — о тюремщикахъ, «подобно червямъ хлѣбъ въ тлю претворяющихъ» и пр. (I т. 125, 126, 180, 84 и пр. Зав. от. 58, 213 и пр.) «Пчела-муха весьма невелика и собираетъ медъ не корчагами, обаче множество ихъ собираютъ тысячи пудъ! Тако и собраніе богатства царственнаго, аще вси будутъ

жить бережно и ничего напрасно тратить не будутъ, то царство можетъ весьма обогатиться» (I, 85 стр.). Таковы соображенія, которыми руководился Посошковъ въ подобнаго рода предписаніяхъ. Кромѣ того, Посошковъ отлично сознавалъ, что вещественнымъ богатствомъ обуславливается и нравственное, умственное развитіе, какъ съ другой стороны, усовершенствованіе въ доброй нравственности, истинное просвѣщеніе содѣйствуютъ умноженію матеріальнаго благосостоянія. На основаніи этой нерасторжимой связи, въ книгѣ Посошкова мы встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ указаніями злоупотребленій собственно въ практической жизни, указаніе и нравственныхъ недостатковъ своего времени.

Свое политическое обозрѣніе Посошковъ начинаетъ съ духовенства (I, стр. 3 и 4, 9—31). По его мнѣнію, это—высшее сословіе, источникъ религіозно-нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, представители образованія. «Священство—столпъ и утвержденіе всему благочестію, ... они наши пастыри, они и отцы, они и вожди». На духовенство Посошковъ обращаетъ вниманіе прежде всего, потому что поставляетъ въ прямой зависимости отъ него чистоту вѣры, нравственное совершенство и, даже умственное образованіе всѣхъ другихъ сословій: «мое мнѣніе тако мысли моеѣ касается, яко вся наша погибель и спасеніе залежитъ въ пресвитерахъ: аще они будутъ несмыслени, то и люди паствы будутъ несмыслени, а аще пресвитеры будутъ разумны и святы, то и люди паствы будутъ разумительны и святости близко»¹⁾. Но уже въ самомъ духовенствѣ Посошковъ замѣчаетъ множество недостатковъ, прямыхъ уклоненій отъ идеала, нарушенія законныхъ требованій. Оказалось, что духовенство не удовлетворяло вполне своему назначенію и не имѣло должнаго вліянія на народъ. А эти недостатки духовенства, естественно, влекли за собою гибельныя послѣдствія: «въ духовномъ чину, аще будутъ люди неученые, въ писаніи неискусные, аще будутъ пьяницы и инаго безчинства наполнены, то благочестивая вѣра наша исказится и вмѣсто древняго благочестія вси раздуты въ разногласные расколы». Эта мысль, высказанная здѣсь въ формѣ предположенія, находила себѣ подтвержденіе въ жизни, потому что въ невѣжествѣ и небрежности духовенства Посошковъ видѣлъ причину усиленія раскола и распространенія на Руси иновѣрскаго вліянія.

¹⁾ О взглядѣ Посошкова на духовенство скажемъ подробнѣе при разборѣ Завѣщанія отеческаго.

Тѣ, которые должны быть «всему благочестію опора и отъ ересей забрано, и отъ адскихъ волковъ оборона, которые должны людей отвлечать отъ погибельныхъ вратъ», оказались не въ состояніи даже «себя чѣмъ оправдати не только отъ лютерскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола». Видѣлъ я, рассказываетъ Посошковъ, въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома, который «и татаркѣ противъ ея заданія отвѣта здраваго дать не умѣлъ». Сельское же духовенство стояло еще ниже: «сельскіе бо пресвитеры самые люди простые: возростетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ, а что Богъ взыщетъ погибшія души на нихъ, ничего того не знаютъ». Тѣ, которые обязаны были учить пасомыхъ истинному правовѣрію, сами находились въ такомъ религіозномъ невѣжествѣ, что «и вѣра христіанская на чѣмъ основана, не вѣдали», не могли «не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знали, что то есть реченіе вѣра и не до сего-ста, но есть и такіе, что церковныя службы како отправить не знаютъ: отправляютъ наугадъ, какъ кому примыслится; того ради въ градѣхъ въ церквахъ многое несогласіе бываетъ, а о сельскихъ и дивити нечего» (тоже въ проектѣ о школахъ л. 6). «Сельскихъ уже и почитать въ дѣло нечего, тѣ мало и церковныя службы отправляютъ, пекутся паче о пашнѣ да о сѣнныхъ покосахъ». Что касается пастырской обязанности нравственнаго руководства, то «пресвитеры, кѣи и во градѣ живутъ, не весьма знаютъ, въ чѣмъ грѣхъ или въ чѣмъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ, не наставляютъ и отъ того многіе люди въ невѣдѣніи своемъ погибаютъ». Обязанные заботиться объ умственномъ развитіи народа и дѣтей духовныхъ увѣщавать, чтобы они «дѣтей своихъ учили грамотѣ», пастыри сами были «въ книжномъ разумѣніи не весьма довольни», такъ что и по книжкамъ богослуженія отправлять не всегда могли. «Въ Новгородѣ видалъ я новопоставленника діакона: не всегда могъ единныя страницы въ Евангеліи прочести, еже-бы разовъ пяти-шести не помѣшались. А всякая намъ погибель чинится отъ неученыхъ нашихъ пастырей» (о школахъ л. 8). Наряду съ религіознымъ и умственнымъ невѣжествомъ, коренились въ жизни духовенства и нравственные недостатки и пороки: «обязанные о паствѣ своей пецися, дабы вси праведно жили», духовные сами были неисправны отъ «неключимствъ». Какъ во все время нашей исторіи, такъ и во время Посошкова обращалъ на себя вниманіе главнымъ образомъ извѣстный,

особенно отвратительный из духовствъ порокъ. «У насъ попы первые пьяницы, по кабакамъ ходятъ, въ крови дерутся», съ общиною рѣзко-стію заявлялъ Ломоносовъ¹⁾. «Пьянство великъ порокъ пресвитеру носить», разсуждалъ Посошковъ, и съ своей стороны тоже долженъ былъ признаться, что «пьянственная страсть весьма овладѣла попами», а что «пьяные попы гораздо хуже во нравахъ, нежели простолюдины бываютъ»; вынужденъ былъ засвидѣтельствовать существованіе такихъ пресвитеровъ, которые, «напившись до пьяна, по улицѣ ходя, или гдѣ сидя, кричали нелѣпно и бранно, и сквернословили, и дрались, и пѣсни пѣли...»; вынужденъ былъ вслѣдствіе этого совѣтовать, «дабы пресвитеры и діаконы чрезмѣрно до пьяна не напивались. А буде каковымъ случаемъ и напѣтся до пьяна, то шель-бы въ утишное мѣсто и выспался, отнюдь не открывая себя народу».

Таково было русское общество въ лицѣ представителей его высшихъ интересовъ! Посошковъ старается указать причины столь безотраднaго положенія духовенства. Эти причины видитъ онъ съ одной стороны въ небрежности высшей церковной власти, въ злоупотребленіяхъ, а съ другой стороны — въ общей для всей земли русской скудости матеріальной. «Азъ признаваю», говоритъ Посошковъ, «отъ оплошки архіерейскія тако читается, понеже полагаются на служебниковъ своихъ», которые «у новоставленниковъ пріемлютъ дары и пріявъ дары, дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторые псалмы и заложа, дадутъ при архіереи прочитать; архіерей жѣ, видя твердо и разумно читающа, возмнитъ, якобы и во всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство. Отъ такого порядка у иныхъ грамота и плоха». Весьма важнымъ препятствіемъ къ образованію вообще было отсутствіе почти всякихъ къ тому средствъ. Стоило большихъ трудовъ и требовалось во всякомъ случаѣ пройти не всегда удобную практическую школу гдѣ нибудь «въ городѣ, при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ», чтобы выучиться только правильно отправлять Богослуженіе; — требовалось это по той простой причинѣ, что непосредственно научиться было «не по чему: печатнаго двора справщики отъ многого пиятя и отъ роскошнаго житья утыли и не хощутъ яснаго изъявленія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобъ всякій могъ разумѣти, какъ что отправляти».

¹⁾ Объ обязан. духовенства. Лѣтописи Тихонравова, ч. IV стр. 197.

Главная же причина совершенной неразвитости, невѣжества духовенства и крайне небрежнаго выполнения пастырскихъ обязанностей была бѣдность и матеріальная необеспѣченность: «попы обременены земледѣльствомъ и того ради не тако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быть». «Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міра никакого подаванія имъ нѣтъ же и чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть». Поэтому, «у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою и ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отиѣны: мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и паства остаются въ сторонѣ. Въ праздничный день гдѣ было идти въ церковь, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить. Аще пашню попу не пахать, то голодну быть». Отъ бѣдности происходила небрежность въ выполненіи пастырскихъ обязанностей по отношенію къ пасомымъ, въ нравственномъ надзорѣ и руководствѣ: «въ такихъ суетахъ живуще», справедливо замѣчаетъ Посошковъ, «не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упasti. Отъ такого ихъ земледѣлія многіе христіане помирають не токмо сподобившися пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются и умирають яко скоть».

Не ограничиваясь указаніемъ недостатковъ и злоупотребленій, Посошковъ гораздо болѣе даетъ мѣста въ своемъ трудѣ разсужденіямъ о мѣрахъ къ избѣжанію этихъ недостатковъ, предлагаетъ проекты. Сущность ихъ, въ отношеніи къ духовенству, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить пастырей въ матеріальномъ ихъ содержаніи и затребовать отъ нихъ предварительнаго образованія. Нужно освободить ихъ отъ неподобныхъ, унижительныхъ работъ, чтобы «пашни имъ не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ о церковной службѣ, да о паствѣ, а вмѣсто пашни чтобы получать десятую долю отъ приплода, какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ вина и съ прочаго харча» (23 с.). При этомъ нужно измѣнить «гнусныя, многошвенныя, раздранныя рясы и лапти растоптанныя», потому что предъ престоломъ Божиимъ нужно имѣть чистоту въ душѣ и въ одеждѣ. Главное же средство возвысить духовенство до его идеала— образованіе. Съ этою цѣлію «построить бы въ епархіяхъ школы просторныя и собрать всѣхъ духовныхъ дѣтей отъ десяти до двадцати пяти лѣтъ, брать бы и неволею, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума». А для этого нужно выправить азбуку и грамматику, чтобы вся-

кія скрытності откровенны были въ ней; надлежитъ библіи напечатать и въ школы разослать; тако жъ маргаритовъ, сборниковъ, евангеліевъ толковыхъ, четьихъ-миней и пр.; рекоментуетъ также, ради охраненія отъ люторскія, кальвинскія и прочихъ ересей, напечатать книги: Камень вѣры, Розыскъ, Зерцало очевидное, Пращицу. Издать книги о ересяхъ, ихъ исторію, отступленія, чтобъ всѣ знали, что въ нихъ пороку. Сверхъ того, нужно давать школьникамъ читать книги и «гражданскія, бытійскія; не худо бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобъ обо всемъ знали, что доселѣ бывало». Изучившихъ грамматику молодыхъ школяровъ нужно учить риторикѣ и философіи. «Вельми потребно ученикамъ въ доснытаціяхъ подтверждатися». Учителя же должны наблюдать, кто изъ учениковъ къ какому дѣлу склоненъ, къ духовному или къ свѣтскому». Въ концѣ концовъ, «положить недвижимый предѣлъ: буде кой человекъ школьнаго ученія не принесъ и грамматическаго разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь въ пресвитеры и діаконы не посвящати» (о школахъ л. 2 и 3).

«Аще по вышеписанному устроить Богъ о духовныхъ», твердо надѣется Посошковъ, «то пресвитеры будутъ всесовершенные слуги Божіи; и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ и вся Россія умудрилась бы. А сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися».

Свидѣтельство Посошкова о состояніи современнаго ему духовенства и его существенныхъ недостаткахъ вполне согласно и совершенно подтверждается всѣми историческими данными. Жалобы на печальное нравственное состояніе духовенства, которое не въ состояніи было воспитывать погрязшій въ порокахъ народъ, жалобы на невѣжество духовенства, лишавшее его учительской способности въ то время, когда оно болѣе всего нуждалось въ этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православіе отъ своихъ и отъ чужихъ, отъ раскола и западныхъ иновѣрцевъ, жалобы на злоупотребленія матеріальными средствами въ духовенствѣ, — эти жалобы радавались давно и громко, между мірянами, самимъ духовенствомъ и на соборахъ церковныхъ. Даже Крижаничъ, который менѣе всего упоминаетъ и касается духовенства, и онъ предлагаетъ относительно «духовнаго чина» нѣкоторыя требованія, вполне согласныя съ требованіями Посошкова и вызванныя, очевидно, тѣми же недостатками, которые усмот-

рѣлъ Пососковъ ¹⁾. Стефанъ Яворскій рѣзко обличалъ духовенство, которое, по его отзыву, «свои должности позабыша и гладъ слова Божія въ церкви сотвориша» ²⁾. «До того пришло», говоритъ Теофанъ Прокоповичъ, «что пріемшія власть наставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія не вѣдаютъ, слѣпіи слѣпыхъ водятъ» ³⁾. Юридическій памятникъ петровскихъ временъ, Регламентъ, жалуется также на «развращеніе церковнаго причта» (ч. 2-я стр. 2), обличаетъ злоупотребленія при занятіи, на примѣръ, священнослужительскихъ должностей, гдѣ имѣли силу только подкупъ архіерейскихъ слугъ, которые, «обычнѣ бываютъ лакомыя скотины» и родственныя связи (ч. 1-я стр. 39 и ч. 2-я стр. 23 об.). Строго укоряетъ Регламентъ духовныхъ за суевѣрія, которыя они распространяли въ народѣ новоизмышленными святынями и своими, на примѣръ, молитвами, разсылаемыми въ шапкахъ (ч. 1-я стр. 14, 15, 84; ч. 2-я стр. 21). Регламентъ требуетъ строгаго наблюденія за нравственнымъ поведеніемъ духовныхъ, чтобы «не безчинствовали по улицамъ, не шумѣли пьяни въ церквахъ, не ссорились по мужитски, не храбрествовали въ бояхъ кулачныхъ, не ложились бы спать на улицѣ, не ходили по кабакамъ» (ч. 2-я стр. 24 об. и 25) и пр.; особенно же настойчиво и Регламентъ требуетъ образованія въ духовенствѣ (ч. 1-я стр. 23 и 24; ч. 2-я стр. 2 об.). Впрочемъ, настоятельная необходимость въ школьномъ ученіи для духовенства засвидѣтельствована непосредственно самимъ Петромъ Великимъ, который говорилъ патриарху Адріану: «священники ставятся малограмотные, надобно ихъ прежде учить, а потомъ ужъ и въ этотъ чинъ ставить» ⁴⁾. Слова Петра не остались словами: какъ и вездѣ, онъ отвѣчалъ на нихъ дѣломъ, исправленіемъ зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество — науку,

¹⁾ Таковъ напр. проектъ объ освобожденіи духовенства отъ черной работы и т. п. Русск. Госуд. въ пол. XVII ст. т. I стр. 311; также т. II стр. 66, 43 и пр. Особенно сильныя жалобы на вопіющіе недостатки духовенства находимъ въ Стоглавѣ (напр. гл. 5 вопросъ 23 стр. 51) и въ свидѣтельствахъ просвѣщенныхъ предстоятелей русской церкви, напр. Димитрія Ростовскаго (Моск. Унив. Изв. 1871 г. ч. 9 стр. 518 ст. «О дух. регламентъ»), Патр. Юсафа (тамъ-же стр. 505).

²⁾ Пропов. Стеф. Явор. т. I стр. 272.

³⁾ Слова. Часть 2, стр. 67.

⁴⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. XV стр. 115.

снабдивши его средствами возстановить свое учительское значеніе и свое нравственное вліяніе, согласно съ новыми потребностями и новыми условіями ; сообщить духовенству возможные матеріальныя средства, недостатокъ которыхъ мѣшалъ успѣшному и достойному исполненію его обязанностей, — такова, какъ извѣстно, была преобразовательная программа Петра относительно духовенства.

Отъ духовенства, во 2-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ, Посошковъ переходитъ къ воинскимъ дѣламъ (стр. 4—5, 31—44). Онъ сознавалъ всю важность въ государствѣ служенія воинской силы. «Военный людъ», говоритъ онъ, — «стѣна и твердое забрало царству. Царство воинствомъ расширяется». Между тѣмъ, съ чувствомъ горькаго сожалѣнія Посошковъ находитъ въ военномъ вѣдомствѣ слишкомъ много неправдаго, злоупотребленій и описываетъ въ высшей степени бѣдственное положеніе въ ту пору солдатъ. Посошковъ видѣлъ, что русскіе солдаты не вполне удовлетворяютъ своему прямому назначенію: «военный артикулъ не гораздо твердъ, еже бы на войнѣ не смѣшались». Вообще, въ постановкѣ военнаго дѣла замѣчалось много недостатковъ, требовавшихъ немедленнаго исправленія; такъ Посошковъ говоритъ о «нецѣльныхъ въ стрѣлянню, нескорыхъ въ ратоборствѣ орудіяхъ», высказываетъ свое оригинальное мнѣніе о неудобствѣ «древняго повывчая солдатскаго, что только ладятъ одно, чтобы вдругъ выстрѣлить: при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится». Главную причину недостатковъ въ военномъ дѣлѣ Посошковъ видитъ въ крайней скудости и матеріальной необезпеченности солдатъ. «Плоха служба, когда у солдатъ пищи нѣтъ. Истинно слыхалъ я отъ солдатъ, что ради смерти своей». При этомъ Посошковъ рассказываетъ случаи крайней бѣдности солдатъ, доводящей ихъ иногда до самоубійства. «А когда солдатъ и голодень, и холодень, и ходитъ скорчась, то каковой онъ воинъ, что служба воеетъ? Въ такой скудости будучи, какъ солдату не своровать, какъ ему изъ службы не бѣжать? — нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнитъ будетъ радъ. Какая отъ нихъ спорина въ службѣ, когда онъ не желаетъ непріятеля убить, а самъ желаетъ убіенъ быти, дабы ему вмѣсто здѣшнія нужды какое либо упокоеніе пріяти». Много говоритъ Посошковъ о распущенности солдатъ, о дерзостяхъ, которые позволяли даже офицеры къ мирнымъ жителямъ; особенно же обращаетъ вниманіе на военный судъ, который, по обычаю всѣхъ административныхъ учрежденій своего времени, былъ

полонъ страшныхъ несправедливостей. «Солдаты не могутъ смиренно стоять; на притчу кто издается изъ нихъ смиренный человѣкъ. Офицеры чинятъ страшныя обиды, а расправы не сыщутъ на нихъ. Военный судъ еще и жестоко учиненъ, да и жестоко доступать его, понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей; и военный человѣкъ не на равнаго себя не скоро судъ сыщеть» (Зав. отеч. 199 с.). Да и вообще, по мнѣнію **Посошкова**, это «не весьма право, еже простолюдину у солдата на солдата милосердіемъ просить: воронъ ворону глаза не выклюнетъ, свой своему поневолю другъ».

Говоря о средствахъ къ избѣжанію указанныхъ недостатковъ, **Посошковъ** прежде всего признаетъ необходимымъ матеріальное обезпеченіе солдатъ: «нужно служивыхъ беречь, надлежитъ весьма великое попеченіе о нихъ имѣть, дабы они пищею и одеждою были не скудны». Затѣмъ, исправивъ военныя орудія, «учить солдатъ цѣльному стрѣлянью», отличая особенно умѣлыхъ прибавкою жалованья. Наконецъ, «ради общезнательства любовнаго, нужно устроить судъ единъ, каковъ землевладѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, солдату и генералу, — судъ близостный и для низкочинца, судъ безъ понаровки». Только съ устраненіемъ недостатковъ, т. е. когда солдаты «бросятъ свою прыткость и озарничество, когда военный артикулъ гораздо будетъ твердъ» и пр., воинское дѣло удовлетворитъ своей цѣли и солдаты «будутъ на бою яко каменна стѣна».

Историческій очеркъ **Посошкова** о состояніи древне-русскаго воинства составляетъ новый документъ, подтверждающій всѣ историческія данныя. Еще **Котошихинъ**, въ качествѣ, впрочемъ, историческаго факта, свидѣтельствовалъ, какъ солдаты на своей службѣ, даже въ военное время, «мерли съ голоду» (стр. 106). **Крижаничъ**, говоря, что если немногіе «войки отъ голода помирають», то гораздо болѣе «отъ безодѣжья, отъ мраза погибають», — предлагаетъ «первѣе всего промыслить о войкахъ, т. е. о пищѣ, платьѣ, оружіи, также о обученіи ихъ, храбрости» и пр. (т. I, стр. 83).

Болѣе другихъ интересное разсужденіе **Посошкова** заключается въ 3-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ — о правосудіи (стр. 5, 45—111). Тутъ вполне высказался предъ нами любитель правды, котораго мучила всякая несправедливость. **Посошковъ** имѣлъ въ высшей степени высокій взглядъ на правосудіе и вообще убѣжденъ былъ въ громадной важности

суднаго дѣла. «По своему мнѣнію, судное дѣло и управленіе я вельми высоко поставляю, паче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ. Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое. Судія, дѣлающій правду, подобенъ самому Богу, а дѣлающій неправду, уподобляется лживому діаволу. Паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ. Всему добру основаніе нелицепріятный судъ. Отъ правосудія зависитъ и богатство государственное, съ кимъ и собраніе царскія казны будетъ сугубо». Съ другой стороны, «всѣ пакости чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, отъ неразсмотрительнаго правленія». Но ничто, кажется, въ древней Руси не страдало такъ злоупотребленіями, какъ правосудіе. Подробно Посошковъ описываетъ плачевное состояніе его въ свое время. «Всѣ древніе уставы обветшали и отъ неправыхъ судей исказились; того ради, всякія дѣла государевы и неспоры, и сыски неправы, и указы педѣйствительны. Вся бо правители дворянскаго чина, и какъ кому что угодно, такъ то и чинятъ». Лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть исполнительная, ослушаются верховныхъ распоряженій: «государевы указы въ презрѣніи. Се бо нынѣ koliko новыхъ статей издано, а не много въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ». Главнымъ образомъ эта неправда проявлялась въ насиліяхъ богатыхъ надъ бѣдными, знатныхъ надъ мизерными, маломочными: правители знатнымъ нарываютъ, а власть имутъ и дерзновеніе токмо надъ маломочными людьми». «Неправда вельми твердо вкоренилась: кто съ кого сможетъ, тотъ того и давить, а кои люди ядовитые, то маломочныхъ веонецъ разоряютъ; а судьи сильниковъ и ябедниковъ, аще и видятъ, что напрасно нападаютъ, а воспретить не смѣютъ и суда на сильнаго сыскать не можно». На ряду съ указанными несправедливостями, въ судахъ развилось до ужасающихъ размѣровъ взяточничество: «всѣ отъ мала до велика стали быть поползновенны ко взяткамъ»; «иманіе» перешло мѣры излишества: «за гривенное дѣло берутъ по полтинѣ и больше». Съ особеннымъ негодованіемъ вооружается Посошковъ противъ этого укоренившагося порока въ русскомъ судопроизводствѣ, потому что онъ сознавалъ крайне вредныя слѣдствія его: «мзда заслѣпляетъ и мудрому очи». «Отъ взяточничества никакое дѣло никогда право и здраво не будетъ разсуждено, но всячески будетъ на одну сторону криво». Наконецъ, само судопроизводство полно было несправедливыхъ дѣйствій. Напримѣръ, такъ отзывается Посошковъ о по-

вальныхъ обыскахъ: «а что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды и слѣда нѣтъ; всѣхъ свидѣтелей пишутъ за очно» и т. д. Много говоритъ Посошковъ также объ извѣстномъ въ древне-русскомъ судѣ волокитствѣ и о происходящихъ отъ того «въ мірѣ вельми многихъ пакостяхъ»; рассказываетъ случаи разоренія вслѣдствіе волокитства, — какъ многіе безвинно цѣлые годы просаживали въ тюрьмѣ, какъ нѣкоторые подсудимые, забытые въ безконечныхъ процессахъ, помирали съ голоду въ тюрьмахъ. Также жалуется Посошковъ на безцѣльное задерживаніе постоянно накапливаемыхъ преступниковъ: «ниги, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ да въ колодникахъ пройти нельзя» (=Зав. от. 239 с.). Тяжело отзывалась неправда судебная вообще на жизни народной и благосостояніи государственнымъ: «отъ неправого суда много чинится и воровства, и разбоевъ; всякія многія обиды содѣваются въ людѣхъ ни отъ чего иного, а токмо отъ неправого суда. Крестьяне, оставя дома, бѣгутъ отъ неправды и російская земля во многихъ мѣстахъ заустѣла и все отъ неправды, и какія гібели нчиняется, а все отъ неправды». Постоянное нарушеніе правосудія религіозному взору Посошкова представляется уже особымъ, непосредственнымъ дѣйствіемъ духа злобы: онъ считаетъ судей, какъ и вообще всѣхъ чиновъ, во всѣхъ дѣлахъ вмѣсто правды чинящихъ неправду, запечатлѣнными въ руку печатію антихриста (Зерцало л. 137 об.).

Само собою разумѣется, что Посошковъ напрягъ всѣ силы своего практическаго ума, чтобы изобрѣсти мѣры къ возможному искорененію судебной неправды, — и эта глава его сочиненія вышла особенно обильна проектами. Но Посошковъ сознавалъ, что важности дѣла соотвѣтствуетъ его трудность: «умъ мой не постигнетъ столь великаго дѣла», какъ устройство правосудія; и только «елико ми Богъ дарова и не безъ страха» Посошковъ берется излагать свои мнѣнія. Сообразно религіозному началу, и «первое мнѣніе о судействѣ» у Посошкова вышло «сицевое: егда кто опредѣленъ будетъ къ управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всемогущую, литургію и молебное пѣніе воспѣлъ и въ томъ моленіи просилъ-бы, еже-бы подалъ ему Богъ правость и виновность во всякомъ дѣлѣ распознавать» (= Зав. от. 219—221 с.). Далѣе Посошковъ предлагаетъ цѣлый рядъ совѣтовъ судьямъ, какъ вести себя, чтобы избѣжать обычныхъ несправедливостей: помнить постоянно о колодникахъ, безъ замедленія рѣшать дѣла и пр. Относи-

тельно обысковъ Песошковъ предлагаетъ сложный порядокъ допросовъ, очныхъ ставокъ, увѣщаній, предлагая даже образцы, какъ и что говорить; главнымъ образомъ при этомъ Песошковъ желаетъ дѣйствовать на религіознонравственное чувство подсудимыхъ. Для искорененія взятокъ, Песошковъ совѣтуетъ сдѣлать такую плату за различныя дѣла въ судахъ <и кто возьметъ лишку, хотя малое число, взять на немъ штрафу, за всякую излишнюю копѣйку по рублю>. Для избѣжанія волокитства, Песошковъ совѣтуетъ установить сроки для рѣшенія дѣлъ, подъ строгою отвѣтственностію подъячихъ. Отыскивая по всѣмъ статьямъ судопроизводства неудобныя или несправедливыя основанія, Песошковъ высказываетъ замѣчательную мысль о пересмотрѣ старыхъ законовъ и объ изданіи новаго уложенія. <Ни малостію, ни жесточію, ни измѣнными судіями, ни иными какими вымысли учинить правды невозможно, аще не сочинить всякимъ дѣламъ недвижимаго расположенія особливимъ сочиненіемъ. Аще и самыя жесточайшія казни судіямъ учинить, а древняго уложенія не измѣнить и новаго регула не учинить, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установиться. При этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія самый способъ составленія новаго уложенія, предложенный Песошковымъ. Здѣсь вполнѣ выказалась чисто народная натура Песошкова и его стремленіе оцѣнить и оберечь нѣкоторыя своеобразныя — общинныя стороны русской жизни. Онъ ставитъ обязательнымъ свободное участіе въ этомъ общемъ дѣлѣ всего народа. <Для установленія правды надлежитъ первѣе соорудить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшать>. Для этого избрать <разумныхъ, правдолюбивыхъ и смысленныхъ> людей изъ всѣхъ безъ исключенія сословій, потому что даже <и въ Мордвѣ разумные люди есть>. Потомъ <освидѣтельствовать тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосемъ, а не подъ принужденіемъ>. Я знаю, говоритъ онъ, что на это вознепшуютъ, яко бы азъ народосовѣтіемъ самодержавную власть снижаю, но самая истинная правда того требуетъ, — <безъ многосовѣтія и безъ вольнаго гедоса никоими дѣлы невозможно>. Своимъ проектомъ о составленіи новаго уложенія Песошковъ возвышается и надъ своимъ великимъ предшественникомъ на политико-литературномъ поприщѣ — Кривжаничемъ, который, какъ мы видѣли, также обратилъ вниманіе на эту не менѣе разрушительную въ его время язву общественную — неправосудіе и который также настоятельно требовалъ правды.

(I, 7, 89; II, 21, 222). Но не только тогда не осуществилось это желаніе Крижанича, а даже и послѣ; Посошковъ не надѣялся, чтобы сильныя люди согласились установить правду, «дабы не быти самимъ отъ праваго суда потиснутымъ»; онъ прямо высказывалъ опасеніе, что «сильники» постараются даже препятствовать насажденію правды, будутъ «препинати въ сочиненіи праваго изложенія». И Посошковъ остался правъ въ этомъ случаѣ, потому что несправедливости стараго суда пережили петровское время и позднѣе вызывали новыя жалобы, вполнѣ подтверждающія слова Посошкова¹⁾. Тѣмъ не менѣе, своею мыслью объ измѣненіи стараго уложенія и изданіи новаго «свода», Посошковъ является не только современникомъ Петра, а его сподвижникомъ, единомышленникомъ: извѣстно, что Петръ Великій замышлялъ увѣнчать свое царствованіе изданіемъ свода законовъ; дѣло было начато, новое уложеніе составлялось, какъ смерть Петра положила конецъ этому дѣлу.

Первая глава второй третицы посошковскаго «трекратнаго трекратія» занята разсужденіемъ о купечествѣ и торговлѣ (стр. 5—6, 112—139). Какъ истый политико-экономъ, онъ убѣжденъ въ громадной важности для государства торговли, считая купечество «украшеніемъ царства». «Купечество воинству товарищъ: воинство воюеть, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ». «Торгъ дѣло великое! Купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества и малое государство быть не можетъ. Яко душа безъ тѣла не можетъ быть, такъ и воинство безъ купечества. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкій человекъ не потребенъ былъ» и проч. Поэтому, нужно «о купцахъ попеченіе имѣть неоскудное; подъ великимъ охраненіемъ блюсти ихъ надлежитъ и отъ обидъ оберегати, дабы во убожество не входили и Его Величеству приплодъ бы несли, интересъ его умножали. Между тѣмъ, положеніе купечества было далеко незавидное; въ общественной жизни оно не пользовалось никакимъ уваженіемъ и стояло въ ряду самыхъ низшихъ, презрѣнныхъ сословій: несмысленные люди по словамъ Посошкова, ни во что ставили купечество, гнушались имъ, болѣе не ставили

¹⁾ Напр. Кн. М. М. Щербатовъ описываетъ состояніе русскаго судопроизводства въ чертахъ совершенно сходныхъ съ Посошковымъ; и онъ напр. свидѣтельствуетъ „о презрѣннн узаконеніи“, о „лихоимственной продажд правосудія“ и пр. О поврежденіи нравовъ. Рус. стар. 1870 г. ч. 2, стр. 4 и 5.

купечество и въ личную скорлупу, на грошъ готовы были промѣнять его. Торговня операціи купцовъ сопровождалась странными злоупотребленіями. Едва только возникшее, купечество не могло сообразоваться съ новыми формами и требованіями; оно не составляло даже особаго сословія: «люди всякаго чина: и отъ синелита, и отъ офицеровъ, и отъ дворянства, и отъ приказныхъ, и отъ церковныхъ причетниковъ, и крестьяне, торговали пролазомъ, утайкою, воровски, безъ пошлиннаго платежа». Самая торговля «чинилась весьма неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ, цѣну берутъ непрямую, между собою общества не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ — и тако вси погибаютъ. Обманами всѣхъ весьма изъять и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, и въ цѣнѣхъ облыгаютъ», и пр. и пр. Посошковъ предлагаетъ прежде всего выдѣлить купеческое сословіе, возвысить его въ государствѣ, воспретивъ торговлю всѣмъ, которые не хотятъ «промышлять правымъ лицомъ, съ платежомъ пошлины». Буде же у кого желаніе есть въ купеческій чинъ вписаться, надлежитъ ему быть подъ вѣдѣніемъ магистратскимъ и пошлину платить». Для надзора за честностію въ торговлѣ, «ради недвижимна въ купечествѣ правды», Посошковъ совѣтуетъ избрать изъ купцовъ же десятскихъ, сотскихъ и пр., а на товары установить таксу (Зав. от. 189—192 с.).

Торговля, естественно, обращала на себя и прежде вниманіе русскихъ полководцевъ. Но если и во время Посошкова она далека была отъ правильной органической постановки, то неудивительно, что мы встрѣчаемъ отзывы о болѣе неудовлетворительномъ состояніи русской торговли въ болѣе ранніе періоды. Котошихинъ описываетъ самую первобытную форму торговли въ его время: «торгуютъ всякихъ чиновъ люди, вездѣ, всякими торговыми промыслами»; берутъ съ нихъ, въ качествѣ пошлины въ казну, «что доведется взять» (стр. 111 и 192) и пр. Крижаничъ свидѣтельствуетъ о крайней неразвитости русской торговли: «земля сія», говоритъ онъ о Россіи, «мало торговницъ имаетъ и товаровъ», потому что «люди не умѣтельны къ торгованію, — разумъ косны и туны, требуютъ обостренія, то есть поученія; а къ тому лѣнь противится» (I, 8, 13, 42 стр.). Въ видахъ государственнаго обогащенія и Крижаничъ совѣтуетъ усилить торговлю; проектируетъ прегражденіе «всякаго самоторжія» и нѣкоторыя правила, обезпечивающія цѣлесообразность торговыхъ отправленій (I, 12, 13, 325, 20).

Какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ разсужденія о торговлѣ, слѣдуетъ въ 5-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ разсужденіе «о художествѣ», т. е. о ремесленной производительности на Руси (стр. 6, 140—153). Посошковъ посвящаетъ этому частному вопросу цѣлую главу, въ видахъ важности предмета съ точки зрѣнія государственной экономіи и какъ человѣкъ лично заинтересованный; — потому что и самъ Посошковъ былъ промышленникъ, изобрѣтатель, механикъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, возмущали его злоупотребленія въ этой сродной и излюбленной имъ сферѣ дѣятельности. «Въ художественныхъ мастерствахъ весьма неисправно дѣлается у насъ, начинается Посошковъ. Первое злоупотребленіе въ этомъ отношеніи Посошковъ видитъ въ неразвитости добраго мастерства (= Зав. от. 185 с.). Это же зависитъ отъ недостаточнаго обученія и вообще отъ неправильной постановки дѣла въ ученіи ремесла: ученикъ, «отдавшись въ наученіе лѣтъ на 5—6 и годъ-другой поживъ, да мало-мало понаучась, прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, и цѣну спуститъ, — и мастера оголодитъ, и себя не накормитъ, да такъ вѣкъ свой изволочитъ — ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ». При недостаткѣ же настоящихъ мастеровъ, «много у насъ гнѣтъ добра», безъ всякаго примѣненія и пользованія имъ. Что же касается самостоятельнаго развитія художествъ, изобрѣтеній, то всякій бѣтается руки приложить, потому что ничѣмъ не ограждена непринесновенность открытій: «не смѣютъ вымысловъ своихъ объявить, полезе вымыслиая и дѣючи пробу, наубытчится, а егда достигнетъ, другіе, увидя у него, начнутъ дѣлать тая-жь дѣла и цѣну опустятъ и тако корыть отнимаютъ». Въ отвращеніе этихъ и подобныхъ злоупотребленій, Посошковъ совѣтуетъ закономъ оградить строгое исполненіе «уреченнаго срока» въ наученіи ремесламъ у мастеровъ; требуетъ ручательства мастеровъ въ своихъ издѣліяхъ; проектируетъ устройство новыхъ фабрикъ, даже табачныхъ плантацій и т. п. Особенное вниманіе Посошковъ, какъ человѣкъ религіозный, обращаетъ на «искомое мастерство», которому, по его мнѣнію, «наидаче всѣхъ художествъ научиться надобно» и надзирателямъ за которыми «надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ». Посошковъ тѣмъ болѣе останавливается на этомъ, что «такъ небрежительно иконы винутъ», по его словамъ, «что иныя страшно и видѣти, — тѣлесныя члены пинутъ какихъ невидано ни у какого человѣка и ни въ комъ человѣкѣ не обрѣщени» (= Зав. от. 188). Посошковъ

даже предлагать краткую теорию иконописи и подробно излагает программу особой иконной азбуки, каковую «надлежит сдѣлать и написать русскими манеромъ». Нужно удивляться энциклопедическимъ познаніямъ Посеникова и его удивительной предусмотрительности!

Вопросъ о ремеслахъ не пройденъ молчаніемъ и у Крижанича. «Ремесла, по его мнѣнію, необходимы для королевства, нежели лучшія рудоконныя и золотыя горы». Влагоразумно, по этому, имѣть особенную «скорбь о ремеслахъ». Для благоустройства ремесленного производства и Крижаничъ предлагалъ нѣкоторыя мѣры, повторенныя послѣ Посениковичемъ, такъ напр. онъ требовалъ также, чтобы «всякій ученикъ ученіе свое оканчивалъ у одного учителя (I, 30 и т. д. стр.).

Въ статьѣ о разбойникахъ, которая слѣдуетъ непосредственно за статьёю о художествѣ (стр. 6, 154—170), Посениковъ предлагаетъ въ высшей степени невыгодную картину общественнаго спокойствія и безопасности въ древней Россіи. Это величайшее зло, какъ извѣстно, особенно привилось въ Россіи и если остатки его исцоренялись уже на нашей памяти, то въ до-петровскую эпоху оно царило во всей силѣ. Нѣтъ, поэтому, ни одного болѣе или менѣе обстоятельнаго сочиненія о состояніи тогдашней Россіи, въ которомъ не упоминалось бы о разбойникахъ. Котошихинъ вообще относительно грабежей и разбоевъ въ русской землѣ дѣлаетъ замѣчаніе, что «натура московскихъ людей небогобоязливая», и указываетъ далѣе отсутствіе всякой безопасности даже въ городахъ: «по улицамъ грабятъ и убиваютъ»; въ случаѣ же какой нибудь ночной церемоніи, «считается того дня мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ больше ста человекъ» (стр. 17). Онъ же пишетъ, что учрежденъ былъ особый «разбойной приказъ», въ который приводили «князей, бояръ и простыхъ людей, изманныхъ на разбоѣ, или татѣбѣ, или въ смертномъ убійствѣ и въ подмогѣ, и въ мшикъ воровскихъ дѣлахъ» (стр. 90). Съ свидѣтельствомъ Котошихина согласно показаніе Крижанича. «Многіе чинятся разбой и татѣбѣ», говоритъ послѣдній. «Едва преминетъ ночь, въ которую не валилось бы многіхъ убійныхъ (въ Москвѣ), особенно во время великихъ праздниковъ, когда многіе ушваются». Однажды напр. «на что-то было 15 мертвецовъ на одномъ только Земсковѣ дворѣ. Также и въ Москвѣ многіе разбой чинятся» (I, т. 162 стр.). При Петрѣ Великомъ, вслѣдствіе всеобща-народнаго возбужденія и усилившейся скудости, грабежи и разбой усилились. «Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ

и даже басурманских», сознается Посошковъ, «нѣтъ такихъ разбоевъ, каковы у насъ на Руси». Разбойничество до того сдѣлалось общераспространеннымъ, что приобрѣло нѣкоторую систематическую организацію, «ибо не токмо по 10 или 20 человекъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человекъ въ артели и больше». Русскій народъ до того свылся съ этимъ возмутительнымъ зломъ, что иногда рѣшительно симпатизировалъ ему; такъ, обыкновенно помѣщики и князья, не ради крайности, а просто для охоты и развлечения дѣлались подорожными разбойниками, «великими озорниками и губителями»¹⁾. Простой народъ до того пренебрегался и освоился съ грубыми насильными воровъ и разбойниковъ, что считалъ это дѣло самымъ обыкновеннымъ, если даже не законнымъ; поэтому напр., «сосѣди, если и слышатъ и видятъ, какъ сосѣда воры разоряютъ и до смерти замучиваютъ, на впручку нейдутъ и ворами даютъ волю». Итакъ, «чинятся вездѣ разбой, деревни разбиваютъ и сожигаютъ, крестьянъ жгутъ, до смерти зачитываютъ». Прямую причину усиленія разбоевъ Посошковъ видитъ въ слабости законовъ и злоупотребленіяхъ подъячехъ. «Указы на воровъ у насъ учинены весьма малостиво ворами, такъ что и помки не боятся: войнашь вора или разбойника у насъ не могутъ съ нимъ разстаться, — посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его, будто добраго человека, и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ десять и двадцать, такъ что ихъ много уходитъ». Еще болѣе приносила вреда въ данномъ случаѣ потачка отъ судей, которые уличившихся въ разбоѣ, не только знатныхъ лицъ, а даже и слугъ отъ «сильнаго лица, или ябедоватаго, или свойственнаго собѣ, или хлѣбосольца, отпускаютъ на волю, такъ что крестьяне и дворовые, надѣючись на своихъ помѣщиковъ, смѣло воруютъ». Но еще болѣе спасала разбойниковъ отъ преслѣдованія «молитва денежная».

Объ истребленіи всеконечномъ воровъ и разбойниковъ мое мнѣніе лежитъ сицкое, пишетъ Посошковъ: «учинить сотскихъ, десятскихъ..., чтобы тыи накрѣпко смотрѣли, чтобы никто и изъ иноскихъ персонъ безвѣдома никуда не уѣзжалъ, а брали бы отпусенныя письма. Буде кто вѣдаетъ о разбойникахъ, объявилъ бы безъ утайки (а буде утаитъ — смертная казнь). Дать страхъ судьямъ и подъячимъ, чтобы ворами не потакали

¹⁾ Множество примѣровъ, подтверждающихъ слова Посошкова, мы находимъ въ запискахъ современника Желябунскаго.

и не берегли ихъ. Древніе указы о ворахъ многоплодные отставить и учинить указъ новый, краткостный».

Седьмая и осьмая главы Книги о скудости и богатствѣ содержатъ разсужденія о положеніи крестьянъ, ихъ отношеніи къ помѣщикамъ и о землѣ, какъ главной и исключительной статьѣ крестьянскаго содержанія и богатства (стр. 7, 171—208). Кромѣ этихъ двухъ главъ, специально занятыхъ крестьянствомъ, многія отдѣльныя замѣчанія о крестьянахъ разсыяны и въ другихъ главахъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Посошкова, такъ что вопросъ о положеніи крестьянъ является однимъ изъ преобладающихъ въ сочиненіяхъ Посошкова. А это, при множествѣ самыхъ разностороннихъ предметовъ, затронутыхъ Посошковымъ, несомнѣнно доказываетъ важность, которую онъ придавалъ устройству крестьянскаго сословія въ общей системѣ тогдашняго государственнаго строя. Посошковъ весьма подробно разсматриваетъ положеніе русскаго крестьянина въ 1-й половинѣ XVIII вѣка, говоритъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ въ его жизни, указываетъ много дѣльныхъ мѣръ, которыя могли бы упрочить его благосостояніе. Изъ сочиненій Посошкова мы узнаемъ, что печальный бытъ крестьянъ въ ту пору обуславливался общою поустановившеюся еще организациею государства. Главнымъ бѣдственнымъ для крестьянъ была та же, замѣчаемая во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ сферахъ государственной жизни, бѣдность: «крестьянское житіе скудостне» — такъ начинается Посошковъ главу о крестьянствѣ и далѣе подробно излагаетъ свой взглядъ на причины этой скудости. Бѣдственное положеніе крестьянъ происходитъ «ни отъ чего инаго, токмо отъ своей ихъ дѣности, а потомъ, отъ неразсмотрѣнія правителей, отъ помѣщичья наемлія и отъ небреженія ихъ» (= Зав. от. 176 с.). Обыкновенная тѣснота и скученность крестьянскихъ поселеній также весьма часто служила причиною «вселокачнаго разоренія, потому, въ тѣснотѣ аще у кого загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, ни одного двора не останется, у инаго ни хлѣба, ни смота не останется». Важнымъ препятствіемъ къ народному благосостоянію были столь многочисленные въ ту пору разбои и грабежи. Совершенное отсутствіе грамотности тоже давало себя чувствовать въ практической жизни крестьянства. Неблагоданѣренныя люди находили полную возможность безирепятственно злоупотреблять народнымъ невѣжествомъ: пріѣдетъ въ деревню, говоритъ Посошковъ, кто иабудь «съ указомъ или безъ указа, да скажетъ, что указъ у него

есть, то тому и вѣрять, и отъ того приѣмлютъ себѣ излившіе убытки; потому что всѣ крестьяне слѣпы, ничего не видятъ и не разумѣютъ. Многіе безъ указа пріѣхавъ, навости имъ чинятъ великія и въ поборахъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ». При изслѣдованіи причинъ народнаго убожества, не могла не обратить вниманія на себя совершенная разобщенность, враждебныя отношенія между крестьянами. Посошковъ такъ много придаетъ этому значенія, что высказываетъ надежду: «аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, союзно, другъ другу обидъ не чинили, то бы всѣ были сыты и житіе ихъ было святое». Наконецъ, причину народной бѣдности Посошковъ видитъ въ неумѣнныя крестьянъ обращаться съ источниками своего довольства, въ ихъ хозяйственной безтактности, «несмыслии». Какъ строгій практикъ и специалистъ-хозяйинъ, Посошковъ осуждаетъ крестьянъ за то, что они губятъ молодые лѣса, рубятъ на дрова строши деревья, обрываютъ непосильные орѣхи и тѣмъ губятъ «царственную прибылицу, понеже слѣные орѣхи идутъ въ Персиду, въ Шведы и во ныня мѣста», ловятъ недорослую рыбу, отъ чего не только царскій интересъ, но и у ловцовъ тѣхъ прокорка пропадаетъ» и пр. и пр. Въ противовѣсъ указаннымъ причинамъ скудости крестьянской, Посошковъ предлагаетъ положительныя мѣры къ улучшенію ихъ быта. Такъ онъ проектируетъ надзоръ за добросовѣстностію въ трудахъ крестьянскихъ, чтобъ никто не сталъ лежебочить, не изгулялся, и лежа, не потрудився, не ѣлъ бы хлѣба». Для предохраненія отъ непредвидимаго разоренія, напр. въ пожарѣ, Посошковъ предлагаетъ новую распланировку селъ: «не силошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами». Противъ открытыхъ разбоевъ, желаетъ ввести дружный отпоръ всего населенія деревни, или даже совокупныхъ силъ нѣсколькихъ деревень, «съ ружьемъ, съ крочьемъ, съ дубьемъ». Чтобъ ввести грамотность въ народъ, Посошковъ совѣтуетъ даже «поневолятъ» крестьянъ учить дѣтей. Въ качествѣ учителей онъ рекомендуетъ единственно образованныхъ въ селахъ лицъ, которые и доселѣ суть едва ли не самые популярныя цивилизаторы простонародья, дьячковъ. Наконецъ, Посошковъ желаетъ оградить строгими правилами цѣлость частныхъ статей общественнаго хозяйства, особенно лѣса.

Далѣе Посошковъ разсматриваетъ положеніе крестьянъ въ отношеніи ихъ къ помѣщикамъ. Въ то время, не смотря на всѣ заботы и усилія Петра Великаго объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, указы его имѣли

мало силы, отъ тяжести цѣлыхъ милліоновъ, по выраженію Посошкова, тѣнувшись подъ гору, въ противоположную сторону. Помѣщики наши еще до Петра умѣли утвердить огромныя права надъ своими крестьянами: еще по словамъ Котошихина, «вѣдали, судили своихъ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, сами налагали подати, сколько съ него взяти». Правда, въ жалованникѣхъ на помѣстья грамотахъ помѣщикамъ внушалось беречь крестьянъ, но самныя эти безпрестанныя подтвержденія и постоянныя побѣги крестьянъ должны свидѣтельствовать о слабомъ соблюденіи подобныхъ внушеній. Между тѣмъ, при существованіи крѣпостнаго права и соединеннаго съ нимъ вѣчно-обязательнаго труда, устройство быта крестьянъ не могло никогда достигнуть прочнаго обезпеченія, такъ какъ, при корыстныхъ расчетахъ большинства помѣщиковъ и при переходахъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому — то по куплѣ, то по наслѣдству — положеніе ихъ было подвергаемо безпрестаннымъ измѣненіямъ. Посошковъ такъ характеризуетъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ: «помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобовосимая; есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную мѣру не дадутъ крестьянамъ одинаго дня, еже бы что на себя сработать и тѣмъ крестьянство въ нищету пригоняютъ. Который крестьянинъ станетъ посетѣе, на него и подати прибавятъ. Многіе говорятъ: крестьянину-де не давай обрости, но стриги, яко овцу, догола. И тако твоя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у много и козы не оставляютъ». Въ разореніи крестьянъ и вообще въ тяжеломъ ихъ положеніи Посошковъ находилъ объясненіе другаго въ высшей степени вредно отъмывшагося общественаго зла — крестьянскихъ побѣговъ. «Отъ нужды», продолжаетъ Посошковъ, «доми свои оставляютъ и бѣгутъ въ зарубешныя мѣста; чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ». А сколько велико было количество бѣжавшихъ, видно изъ выраженной Посошковымъ увѣренности, что если всѣ крестьяне возвращени будутъ изъ бѣговъ, то «во всей Россіи всю пустоту населятъ; даже порожнія пустоши будутъ населяться». Еще Крижанничъ ставилъ одною изъ причинъ «нуждъ русской земли» пустоту, невоздѣланность ея, что, въ свою очередь, объяснялъ крутымъ, жестокимъ законостаніемъ (т. I стр. 155, 297).

Осознавая всю невыгоду положенія помѣщичьихъ крестьянъ, Посошковъ не могъ, однако, дойти до мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права; напротивъ, онъ убѣждалъ, что положеніе крестьянъ потому и плохо,

что они еще мало укрѣвлены за помѣщиками, какъ ихъ полная собственность: «крестьяномъ помѣщики *не вѣковыя владѣльцы*, того ради они ихъ *не берутъ*; прямой ихъ владѣлецъ Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Чтобъ оградить своихъ односельчанниковъ отъ грубаго произвола помѣщиковъ, Посошковъ совѣтуетъ «указнымъ распоряженіемъ» предотвратить насилія, «чтобъ крестьяномъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить». Много я размышлялъ, говорить Посошковъ, «како бы право поборы съ крестьянъ собирать», — и вотъ предлагаетъ новый способъ поборовъ, не по воротамъ и избному дыму, какъ это прежде было, а по надѣлу земли. Главною основою крестьянскаго труда и богатства Посошковъ считалъ землю; ее онъ называетъ самымъ гонимымъ данникомъ великаго государя и къ ней исключительно желаетъ привязать рабочія руки крестьянъ, даже воспрещающа имъ другія занятія, какъ напр. торговлю. Надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ поземельными участками долженъ былъ привести къ двойной цѣли: къ опредѣленію податныхъ сборовъ въ казну и къ опредѣленію размѣра оброка и барщинныхъ работъ въ пользу помѣщика. Для удобства, Посошковъ предлагаетъ разверстать землю на цѣлыя дворы, на поддворы, четверти и осьмныя доли двора. И по той землѣ расположить подати надлежащія въ казну и прочіе поборы. При введеніи системы поземельнаго сбора, необходимо было прежде всего размежевать землю, и Посошковъ весьма подробно говоритъ о способахъ размежеванія, о составленіи межевыхъ плановъ, канцеляріи и проч.

Въ высочайшемъ взглядѣ на крестьянскій трудъ Посошковъ сходится съ Крижанничемъ, который также въ земледѣліи видѣлъ «всему богатству корень и основаніе: тежакъ бо кормитъ и богатитъ и себя, и ремесленника, и торговца, и боярина, и краля». Но такъ какъ на взглядъ Крижаннича русскій народъ и въ тежачествѣ былъ востокъ, то авторъ «Политики» и совѣтуетъ обратить особенное вниманіе «на умноженіе и на совершеніе тежачества», какъ одного изъ «наилучшихъ и наиболѣе необходимыхъ промысловъ» (т. I стр. 41 — 43). Впрочемъ, въ разсужденіи о земледѣліи и соприслассающихъ къ этому частныхъ вопросахъ Крижанничъ далеко не такъ обстоятеленъ и свѣдущъ, какъ крестьянинъ Посошковъ.

Въ IX-й и послѣдней главѣ Книги о свудости и богатствѣ Посошковъ сгруппировалъ все, частію уже высказанное имъ въ предшествующихъ главахъ, о государственномъ хозяйствѣ и о сборахъ въ царскую

казну (стр 8, 209—259). Онъ находитъ и въ этой области крупныя упущенія и злоупотребленія. «Собранное надобно блюсти: охраненіе добрый товарищъ собирая» — таково общее начало, положенное Посошковымъ въ основаніе главы. Но не смотря на всё финансовыя затрудненія и государственную скудость, въ Россіи не умѣли какъ должно пользоваться собраннымъ. «Въ Новгородѣ видѣлъ я», рассказываетъ Посошковъ въ примѣрѣ, «двѣ палаты наклады были конской сбруи и иныхъ полковыхъ принасовъ, и все то сгнило и пропало, и весь тотъ припасъ вырли изъ палатъ лопатами, и на коликъ сотъ рублей того было, Богъ вѣсть. Въ такихъ небреженіяхъ много казны съ сего свѣта погибаетъ». Въ собираніи царскаго интереса также, по словамъ Посошкова, не весьма право дѣлалось: «ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи содрать, а елико ни нудятся, тожко доскутъе сдирають; хоцуть излишнюю пошлину взять, да и истинную истеряли». Кромѣ насилій надъ бѣдными крестьянами, Посошковъ находитъ неблагоразумныя поборы въ торговлѣ, именно поборы мелочныя: «чтобы сборы пополнить выислили сборы поземельные, подушныя, хомутейныя, банныя» и пр. и пр. Между тѣмъ за этими мелочными сборами «нельзя быть сборамъ пошлиннымъ великимъ» и т. д. Но особенно при банкротствѣ казны и разореніи народа возмутительны были злоупотребленія, которыми сопровождалсь сборы пошлинъ. «Люди приходятъ въ оскудѣніе отъ многихъ сборовъ, потому что коликъ разныхъ сборовъ есть, толикъ и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особые. Всѣ они кормятся тѣми же государевыми деньгами, — сборныя деньги крадутъ. И того ради, неспоры никакіе сборы, а люди всё тонѣютъ». Не смотря на всё заклятія и присяги, служилые люди такъ скоро «въ грѣхъ впадаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пробудутъ». При сборахъ пошлинны, напригѣрѣ съ торговли солью, «бурмистровъ, цѣловальниковъ, управителей, работниковъ, надзирателей тысячъ 5—6 есть, а всѣ они, будто черви, точатъ тое-жъ соль, нищу приобрѣтають отъ тоа-жъ соли», между тѣмъ какъ народъ «отъ безсолицы умираеть». «И питейный сборъ весьма несправно дѣется, и отъ того царскаго интересу много тратится». Неправности въ этомъ случаѣ кроются въ продажѣ настоящаго вина, въ корыстолюбіи бурмистровъ, завѣдывающихъ питейными сборами, и въ самоволіи помѣщиковъ, которые и ногою съ государевымъ питьемъ на свою землю не пускають, питья отнимають, посуду

разбиваютъ, а строятъ свои кабаки, называя ихъ кваснями. Наконецъ, Посошковъ обращаетъ вниманіе на плавленіе монетъ: «о денежномъ дѣлѣ нужно тщаніе великое приложить. О семъ не однимъ умомъ, но острыми и твердыми уми помыслить, какъ бы деньги устроити, дабы онѣ прочны, непорочны и похвальны были». Разсужденіе о деньгахъ вызвано было постепенно върадывавшимся злоупотребленіемъ: сравнивая старинныя и современныя монеты, Посошковъ замѣтилъ, какъ серебро въ нихъ постепенно ухудшалось; «а нынѣ иноземцы приглашаютъ прилагать въ деньги мѣди». Посошковъ счелъ своею обязанностию предупредить правительство «о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, яко велики къ воровству способны».

Параллельно раскрытію злоупотребленій въ государственномъ хозяйствѣ и сборахъ, Посошковъ предлагаетъ мѣры къ ихъ исправленію. Рекомендую вообще бережливость, онъ предлагаетъ свои практическія соображенія, напр. о матеріалѣ для нестройныхъ параблей, о канатахъ, употребляемыхъ на казенныхъ судахъ, и проч. Вмѣсто «противныхъ и неприличныхъ» мелочныхъ сборовъ, Посошковъ предлагаетъ свою систему сборовъ «постоянныхъ, недвижимыхъ и никогда ненарушимыхъ». Въ предосторожность отъ противозаконныхъ расхищеній собираемой казны, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, начиная съ выбора въ бурмистры особенно надежныхъ, честныхъ лицъ и кончая обезпеченіемъ ихъ посредствомъ опредѣленнаго жалованья. Какъ специалистъ въ винномъ дѣлѣ, Посошковъ много разсуждаетъ о средствахъ извлеченія изъ него пользы государственной. Главнымъ образомъ въ этомъ отношеніи онъ желаетъ подчинить производство и продажу вина исключительно надзору государственному, установить опредѣленную доброкачественность и цѣну винамъ. Наконецъ, подробно говоритъ Посошковъ объ исправленіи денежнаго дѣла, при чемъ, кромѣ цѣнности самаго матеріала, обращаетъ особенное вниманіе на изображеніе царскаго наименованія на монетахъ: «мы не серебро почитаемъ, ниже мѣдь цѣнимъ, но какъ честно и сильно именование Его Величества; у насъ толь слабо Его Пресвѣтлаго Величества слово, аще бы повелѣлъ на мѣдной золотыковой цѣтѣ положить рублевое начертаніе, то бы она за рубль и ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно».

Въ предложенномъ анализѣ Книги о скудости и богатствѣ мы постарались извлечь историческія свѣдѣнія, познакомиться со взглядомъ Посошкова на современное состояніе Россіи, съ ея тогдашними недостатками, требовавшими немедленнаго, радикальнаго исправленія. Но нельзя сказать, чтобъ этиги только и исчерпывался интересъ его книги. Изъ множества частныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ здѣсь, считаемъ не лишнимъ въ заключеніе остановиться на особенно выпукломъ вопросѣ объ иноземцахъ, въ ихъ отношеніи къ Россіи. Вопросъ этотъ, играющій одну изъ самыхъ видныхъ ролей во всѣхъ сочиненіяхъ Посошкова, въ данномъ сочиненіи разсмотрѣнъ съ точки зрѣнія политической экономіи. Всесторонняя критическая проверка социальнаго положенія Россіи всюду даетъ Посошкову поводъ обращать вниманіе на иностранные порядки, на степень иноземнаго вѣнательства въ нашемъ отечествѣ. Особенно оцутительно было это вѣнательство иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленной производительности. Поэтому, 4-я и 5-я главы Книги о скудости и богатствѣ (о кучествѣ и художествѣ) наполовину посвящены Посошковымъ знакомству съ иноземцами въ русской торговлѣ и промышленности. Что касается взгляда Посошкова на иностранцевъ въ этомъ отношеніи, то основанія его кроются еще въ предшествовавшей исторіи, какъ и самое явленіе иноземцевъ во главѣ русской торговли и промышленности предшествовало эпохѣ Петра. Еще со времени Іоанна III стали приглашать въ Россію изъ Венеціи и другихъ странъ «заморскихъ мастеровъ», и уже съ того времени иноземцы являются въ Россіи въ качествѣ архитекторовъ, типографщиковъ и пр., являются въ службѣ: въ войскѣ, въ посылскомъ приказѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась торговля, гдѣ можно было устроить какое либо выгодное промышленное предпріятіе. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее, сравнительно, образованіе, покровительство вліятельныхъ лицъ, добываемое подкупомъ и взятками, сообщили пришельцамъ рѣшительный перевѣсъ надъ русскими. Само правительство первоначально предоставляло иностранцамъ, какъ учителямъ нашимъ, нѣкоторыя весьма важныя льготы, въ видѣ, напримѣръ, беспошлинной торговли (при Михайлѣ Феодоровичѣ), между тѣмъ какъ русскіе купцы должны были платить пошлины на каждомъ шагѣ при покупкѣ и продажѣ товаровъ. Мало по малу иностранцы захватили въ свои руки всѣ важнѣйшіе торговые пункты въ Россіи. Это зло въ значительной степени осложнилось отъ злоупотребленій, которыя себѣ дозволяли ино-

странцы-торговцы, напимѣрь превышеніе цѣны товаровъ сверхъ договора, ввозъ къ намъ запрещенныхъ товаровъ и т. п. Ропотъ противъ насилья и недобросовѣстности соперниковъ русской торговли послышался еще ранѣе Петра и Посошкова. Алексѣю Михайловичу подана была жалоба отъ русскихъ торговыхъ людей, въ которой, высказавъ жалобы на неправду англійскихъ торговцевъ, они просили государя «не дать имъ, сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и не пушать ихъ къ Москвѣ»¹⁾. Отвсуду слышались жалобы, что «торжешки у насъ стали гораздо худы, потому что ихъ отняли иноземцы»²⁾. Крижаничъ, ратушій вообще противъ всякаго иноземнаго вмѣшательства въ дѣла Россіи, одну изъ главныхъ причинъ государственнаго упадка видитъ въ томъ, «аще въ торгахъ отъ околныхъ народовъ нашъ народъ хитростію ся обмалаетъ и нищаетъ». «Иноподское торгованіе — земля разореніе» и пр. Поэтому, Крижаничъ требовалъ совершеннаго изгнанія иностранцевъ изъ Россіи и предоставленія всѣхъ отраслей торговли и промышленности исключительно Русскимъ (т. I стр. 39, 325, 23, т. II стр. 73, 271, 57).

Какъ патриотъ и человѣкъ коммерческій, Посошковъ считалъ своею обязанностію явиться обличителемъ зла, происходящаго отъ иностранцевъ. Онъ горько жалуется на ихъ несправедливости, со всею дерзостію совершавшіяся въ прежнее время, и радуется наступленію новаго времени, новыхъ порядковъ. «Плохо ли иноземцамъ было надъ нами лезать тогда, когда наши монархи въ купеческія дѣла не вступали, а управляли бояре. Пріѣхавъ, они, иноземцы, засунуть сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто — другое, а за сто сдѣлаютъ они прибыли себѣ полмилліону. Цѣны наши деньги, они всякимъ своимъ товарамъ цѣну возвысятъ, наложатъ цѣну двойную да тройную». Въ мастерскихъ работахъ они «только о томъ и пекутся, чтобъ деньги взять за работу. Имъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатѣли-бъ, а мы бы отъ нихъ изъ рукъ глядѣли». «А нынѣ, слава Богу, монархъ нашъ вся сія самъ разсмотрѣлъ, и поддѣвать имъ уже нельзя» (стр. 122, 212). Такимъ образомъ, Посошковъ надѣялся на Петра Великаго, по его мнѣнію, лучше прежнихъ царей умѣннаго обезпечить интересамъ русской торговли. Но на этомъ Посошковъ не успокоивается: онъ желаетъ предостеречь Государя, установить болѣе опредѣленные отношенія къ иноземцамъ. Онъ

¹⁾ Ученныя Записки. Казан. Унив. 1857 г. № 4 стр. 60.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева. Т. IX стр. 304 и 316.

силится возбудить ожесточенную войну противъ иностранныхъ купцовъ, требуетъ самыхъ радикальныхъ враждебныхъ мѣръ противъ нихъ и уже надѣется на безусловную побѣду. «Хотя они и хитры, а еще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе, упрямство свое и гордость нѣкото отложить: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ». Крепѣ восстановленія русскаго купечества, Посошковъ стремится торговня сношенія съ иностранцами подчинить опредѣленнымъ основаніямъ; онъ предлагаетъ: допускать только обоюдную торговлю съ иноземцами (нѣну товаровъ), и то съ позволенія «командира купеческаго управленія»; установить строгій контроль за доброкачественностію привозимыхъ товаровъ и мастерскихъ издѣлій, производимыхъ ими въ Россіи; предполагаетъ опредѣлять «настоящую цѣну» ихъ товарамъ. При томъ, подъ опасеніемъ штрафа, «только тѣ надлежитъ заморскіе товары покупать, безъ коихъ намъ пробыть не мочно, а нима ихъ нѣмецкія затѣйки и прихоти ирѣостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили», и пр. (стр. 119, 144, 124, 138). Въ этихъ видахъ — ограниченія иностранной торговли на Руси, Посошковъ, съ обычною практичностью, стремится изгнать всякіе признаки роскоши и нерасчетливости въ жизни русскаго народа. Онъ вооружается, напр., противъ привоза стеклянной посуды, непрочныхъ матерій, пуговицъ, платковъ, суконъ солдатскихъ, «потому что нани русскія сукна, аще и дороже заморскихъ стануть, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выйдуть»; «наипаче же запретить касаться заморскихъ нитій» и пр. «Нѣмцы только выхваляютъ то, отъ чего бы пожитое кой нитъ приналъ; они какую бездѣлицу ни привезутъ, то надсѣдаясь хвалятъ, чтобы мы больше у нихъ купили» (стр. 125, 127, 135, 124). Подобныя подозрѣнія къ иностранцамъ Посошковъ повторяетъ и въ доношеніи къ Головину. «Дивлюся и недоумѣваюся, пишетъ онъ здѣсь, что сказываются нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою, во всякихъ дѣлахъ себя и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что виѣняютъ. Они ради, чтобы мы въ повошеніи были и всегда ихъ за господъ себѣ нѣли» (Соч. Пос. т. I стр. 272 — Зерцало л. 208). Поэтому, «вѣрять имъ вельми опасно, — нивъ, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ дураки». Такія же подозрѣнія относительно русскихъ цивилизаторовъ высказывалъ и другой знаменитѣйшій русскій патріотъ — Ломоносовъ. Стремясь къ очищенію отечества отъ иноземцевъ и самостоятельному развитію русской промыш-

ленности, онъ съ негодованіемъ вооружался противъ недобросовѣстности нѣмцевъ-учителей. Говоря, напр., о совершеннейшей неразвитости аптекарскаго искусства въ средѣ русскихъ людей, онъ замѣчаетъ: «стыдно и досадно слышать, что ученики російскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, никакихъ лекарствъ составить не умѣютъ; а ради чего? — зачѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ-нѣмцевъ, русскіе-же у нихъ при рѣшетѣ и при угольѣ до старости доживаютъ, учениками и управяютъ»¹⁾.

Итакъ, Посошковъ всюду подозрѣвалъ несправедливости иностранцевъ и стремился къ освобожденію Россіи отъ всякихъ услугъ съ ихъ стороны. Въ то же время онъ былъ полонъ національной гордости, самоувѣренности въ силѣ и способностяхъ русскаго человѣка: «иноземцы такіе-жъ люди, какъ и мы; когда у насъ гражданскій уставъ будетъ твердъ, то наши художники могутъ превъшать ихъ». «Иноземцы не отъ небеси пришли, а такіе-жъ люди, что и мы, и у нашихъ людей такія-жъ руки». «Нѣмцы умнѣе насъ науками, а наши острою не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно». Что же касается торговли съ иностранцами, то «мы можемъ прожить и безъ ихъ товаровъ, а они безъ нашихъ (матеріальныхъ) прожить не могутъ. Того ради, подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовать предъ нами (стр. 147, 282, 273, 122). Насъ, Россіянь, благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ, и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ, пива у насъ предорогія, меду у насъ преславныя; табаку намъ можно кораблями за море отпускать; полетонъ можно на всю Европу наготовити»; однимъ словомъ, «добра у насъ много» (стр. 136, 137, 150, 141 = Рус. гос. въ пол. XVII ст. I т. 47 стр.). Но высказывая столь заманчивыя и отрадные для патріотическаго сердца предположенія и надежды, Посошковъ, однако, сохранилъ себя отъ крайняго увлеченія, — онъ воздержался отъ огульнаго порицанія иностранщины и не требуетъ безусловнаго разрыва съ ней; напротивъ, какъ человѣкъ практически разсудительный, Посошковъ съ завистію смотрѣлъ на добрые порядки, введенныя въ чужихъ земляхъ, на знанія, которыми располагаютъ иноземцы»²⁾. Отсюда, поставляя въ необходимость русскому народу «свой умъ дер-

1) Соч. Ломоц. изд. Смирдина. Т. I, стр. 646.

2) Примѣры уваженія иностр. порядковъ: т. I стр. 71, 84, 87, 140, 165 и пр. Зерцало I. 208.

жати» (стр. 138), въ то же время Посошковъ вовсе не прочь отъ пересадки въ Россію чужестранныхъ добрыхъ плодовъ науки и опытности, и, вооружаясь исключительно противъ причинъ государственнаго разоренія, противъ того, «чтобъ русскія деньги изъ царства вонъ не ушли», онъ настоятельно желаетъ, чтобъ русскіе люди переняли иноземныя мастерства (стр. 127, 151). А для этого, естественно, вытекала необходимость «добыти мастеровъ добрыхъ. Надлежитъ Его Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ отъ военныхъ, отъ мастеровыхъ, отъ докторовъ, аптекарей...., аще и съ трудомъ, а вельми надобно ихъ добыти и учениковъ имъ дать, чтобъ тому мастерству нашихъ русскихъ людей научили» (151, 152 = у Крижанича I т. 31, 39, 76, 134 стр.). «Буде кто иноземецъ прїѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго, тому дать домъ и отдать ему въ наученіе человѣкъ десять и больше, чтобъ училъ ихъ прилежно и нескрѣтно; и буде выучитъ противъ себя, надлежитъ съ награжденіемъ его отпустить, съ честію, чтобъ, на то воздаяніе зря, и иные мастеровые люди выѣзжали и всякія бы мастерства въ Руси размножали» (стр. 145). Высказанныя желанія Посошкова были въ то же время желаніями и Петра, который сознавалъ недобросовѣстное поведеніе иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленности¹⁾, и который поощрялъ въ Русскихъ переимчивость иностранной техники²⁾. Такимъ образомъ, мысли Посошкова сходились съ мыслями Петра, хотя послѣдній и не могъ никогда сдѣлаться сторонникомъ національнаго антагонизма въ такой мѣрѣ, какъ Посошковъ. Петръ былъ посредникомъ между цивилизаціей Запада и русскимъ народомъ, между тѣмъ какъ Посошковъ, во многихъ отношеніяхъ, оставался старовѣромъ, исходя изъ традиціонно-религіозныхъ воззрѣній на все иноземное-ино-вѣрное, — но объ этомъ рѣчь ниже.

Разсмотрѣнное сочиненіе Посошкова вызываетъ читателя на многія мысли. Прежде всего приходится пожалѣть, что остался въ безвѣстности этотъ трудъ человѣка, принадлежащаго, по своимъ началамъ, къ кругу тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ личностей, которыя жертвуя собою, готовы

¹⁾ Напр. Пол. Соб. Закон. Россійск. Имп. Т. I № 3017.

²⁾ Журналь Минист. Народ. Просв. 1876 г. № 2 стр. 310.

были нести слово правды къ царямъ и народамъ. Посошковъ опоздалъ съ своимъ трудомъ, чтобъ обратить на него и на себя вниманіе преобразователя Россіи, между тѣмъ какъ онъ имѣлъ несомнѣнное право на это вниманіе, могъ сдѣлаться государственнымъ дѣятелемъ, сподвижникомъ въ трудахъ великаго Императора, которому крайне нужны и дороги были люди, подобные Посошкову. Извѣстно, что Петръ Великій, выдающеяся чертою духовной природы котораго было правдолюбіе и ненависть ко всякой лжи, всегда самъ требовалъ правды отъ своихъ подданныхъ. «Весело слышать, — говорилъ онъ, — когда сыны отечества королю говорятъ явно правду»¹⁾. Но если сочиненіе Посошкова не получило прямого, дѣйствительнаго значенія въ свою пору, то за нимъ всегда неотъемлемо останется важное значеніе въ исторіи цивилизаціи русскаго народа вообще и его литературѣ въ частности. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно что по духу своему сочиненіе Посошкова представляетъ въ нашей литературѣ единственное въ своемъ родѣ произведеніе, въ которомъ убогій, мизерный крестьянинъ дерзаетъ указывать самодержавному владыкѣ недостатки и ошибки его правленія и смѣло даетъ ему совѣты въ томъ, какъ улучшить бытъ народа, защитить слабаго отъ сильнаго, воцарить правду на землѣ. Полной чести и вниманія Посошковъ заслуживаетъ и за то, что, высоко чтя царскую власть, онъ далекъ былъ отъ языка льстецовъ. Напротивъ, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ, найдется весьма много выраженій, которыя раскрываютъ печальную правду предъ глазами государя, обнаруживаютъ ошибочность и безуспѣшность многихъ его начинаній, и весьма мало можно подыскать мѣстъ, которыя бы отзывались неискреннею восторженностью и напыщенною хвалою. Притомъ, Посошковъ имѣлъ въ виду представить свое сочиненіе Петру уже въ ту пору, когда Императоръ могъ думать, что, послѣ продолжительныхъ трудовъ и постоянныхъ заботъ, онъ уже устроилъ окончательно свою державу. Слѣдовательно, представляя Петру печальную картину тогдашней Россіи, Посошковъ рисковалъ оскорбить самолюбіе царственнаго труженика.

Мы не останавливались на проектахъ Посошкова, и не наше дѣло судить объ ихъ экономическомъ достоинствѣ, тѣмъ болѣе, что мы имѣ-

¹⁾ Достоп. новѣств. и рѣчи Петра Великаго. Москвитянинъ 1842 г. част. II, анекд. 6-й.

емъ таковыя отзывы судей, болѣе компетентныхъ въ данномъ отношеніи. Что же касается нравственнаго достоинства мыслей Посошкова, то, не укоряя его за то, что онъ подчинялся ипогда попятіямъ своего времени и являлся въ сочиненіяхъ твердымъ, хотя во всякомъ разѣ безсознательнымъ поборникомъ многихъ идей, самовластно господствовавшихъ въ то время (какъ на примѣръ: взглядъ на одного человѣка, какъ на законную собственность другаго, допущеніе купли и продажи людей, требованіе смертной казни и пр.), и извиняя всю ошибочность подобныхъ воззрѣній духомъ того времени.—должно сказать, что Посошковъ высказалъ весьма много мыслей, совершенно вѣрныхъ въ своихъ основаніяхъ, проводилъ порою такія воззрѣнія, которыя были совсѣмъ чужды тогдашнимъ общимъ понятіямъ и которыя между тѣмъ имѣли важное общественное значеніе. Его описаніе всесторонняго состоянія русскаго государства и народа, составляя во многихъ чертахъ теперь уже достояніе исторіи, изобличаетъ въ авторѣ глубокое пониманіе русскаго быта. Его совѣты отличаются здравымъ практическимъ взглядомъ, въ нихъ видно близкое знакомство съ тогдашнимъ бѣдственнымъ положеніемъ народа, что особенно было важно въ ту эпоху, когда Петръ пересаживалъ въ Россію иностранныя порядки, не всегда притомъ соображаясь съ народнымъ духомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ, Посошковъ, какъ представитель народа, современникъ реформъ Петра, прекрасно оцѣнилъ эти реформы, не увлекаясь на сторону защитниковъ старины, но и не находя безъ исключенія хорошиими нововводимыя порядки въ томъ видѣ, какъ они заводились. Смѣлые, всегда жизненные и въ большинствѣ разумные проекты Посошкова останавливаютъ и теперь на себѣ вниманіе, заслуживаютъ и въ настоящее время глубокаго уваженія. Такъ на примѣръ, въ высшей степени замѣчательнъ предлагаемый Посошковымъ способъ составленія новаго уложенія, — способъ, въ которомъ должны были выразиться не одни только юридическія понятія государственной власти, но и всѣ живыя потребности и нужды цѣлаго народа. Замѣчательнъ проектъ общаго совѣта господъ и дворянъ о дѣлахъ своихъ и крестьянскихъ. Разсужденія о неправомъ судѣ и введеніи правосудія не лишены смысла и значенія и въ настоящее время, потому что Россія только съ недавняго времени получила настоящій судъ, построенный на вполнѣ правыхъ основаніяхъ. Къ разряду свѣтлыхъ мыслей Посошкова принадлежатъ также мысли: о возстановленіи духовенства, о матеріальномъ его обезпеченіи, объ образованіи, объ устройствѣ обще-

ственных благотворительных заведений, о межеваніи и проч.: всѣ эти проекты обличаютъ въ Посошкова мыслителя, во многихъ отношеніяхъ далеко опередившаго свой вѣкъ. Выписки, приведенныя нами изъ разныхъ мѣстъ книги Посошкова, показываютъ, какой ясный взглядъ имѣлъ этотъ простой русскій человѣкъ на различныя причины общественныхъ и домашнихъ неурядицъ. Эти взгляды человѣка еще первыхъ дней XVIII столѣтія сдѣлали бы честь многимъ людямъ даже нашего времени. Въ приводимыхъ нами словахъ Посошкова отражается личность его самого и дѣлается совершенно яснымъ его право на названіе замѣчательнаго русскаго дѣятеля, изшедшаго изъ среды народа и вытерпѣвшаго на своемъ вѣку много бѣдствій и горя, которыя основательно познакомили его съ русскою жизнью и сообщили его сочиненіямъ достоинство истины.

„Зерцало очевидное“.

Библиографическія замѣчанія о составѣ и редакціяхъ Зерцала очевиднаго.

Зорко слѣдилъ Посошковъ за теченіемъ современной жизни, чутко прислушивался онъ къ волненіямъ въ общественномъ сознаніи. Какъ человекъ прежде всего религіозный, онъ прежде всего оглядѣлъ общенародное колебаніе религіозной мысли, шатаніе русской православной вѣры. И однимъ изъ первыхъ, по времени написанія, явилось у Посошкова «Зерцало очевидное», — громадное богословско-полемическое сочиненіе, своимъ объемомъ превосходящее всѣ другія сочиненія Посошкова. Двойная опасность грозила тогда русскому православію; съ двухъ сторонъ, два равно опасныхъ врага тревожили его миръ и неприкосновенность. Внутри русской церкви въ ужасающихъ размѣрахъ поднялся расколъ, какъ неразумное стояніе въ старинѣ, какъ протестъ преобразованіямъ, оппозиція всякой новизнѣ въ жизни вообще и въ сферѣ церковной особенно; съ другой стороны, извнѣ дѣятельно вторгался еще болѣе пугавшій русскихъ людей врагъ — лютеранство, ближайшимъ образомъ, и вольнодумство вообще, какъ направленіе крайняго либерализма, какъ прямая противоположность старовѣрческой косности и консерватизма. Врагъ всякихъ крайностей, порожденныхъ петровскою эпохою, Посошковъ рѣшился въ своемъ сочиненіи подвергнуть сильной критикѣ оба крайнія направленія, взялся поразить обоихъ враговъ въ ихъ основаніяхъ, разбить въ принципѣ тѣ источники, изъ которыхъ возникалъ и распространялся съ одной стороны духъ крайняго обскурантизма, съ другой — духъ опаснаго вольнодумства, т. е. русской расколъ старообрядства и основоположенія лютеранства. Отсюда двѣ части «Зерцала очевиднаго», два обстоятельныхъ, законченныхъ полемическихъ трактата, вошедшихъ въ составъ его: «Зерцало на раскольниковъ обличеніе» и глава «О иконоборцахъ».

Въ настоящее время не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Зерцало Посошкова существовало въ двухъ редакціяхъ — полной и сокращенной. Судя по сравнительной количественности сохранившихся экземпляровъ, сокращенная редакція была распространена гораздо болѣе. По крайней мѣрѣ намъ извѣстны теперь четыре сохранившіеся экземпляра сокращенной редакціи Зерцала: два экземпляра, принадлежавшіе Погодину и легшія въ основу его печатнаго изданія, третій экземпляръ, принадлежавшій Костромскому Бѣлбажскому монастырю, и четвертый экземпляръ, оказавшійся во Флорицовой пустыни (Нижегор. губ.)¹⁾ Въ полной же редакціи Зерцало Посошкова, насколько намъ теперь извѣстно, сохранилось только въ единственномъ экземплярѣ²⁾, который принадлежитъ Казанской Духовной Академіи и хранится въ ней подъ № 1663. При существованіи въ печати только сокращеннаго Зерцала, полная его редакція доселѣ не только оставалась неизвѣстною, но даже и самое существованіе ея только развѣ предполагалось. Между тѣмъ, по сравнительному богатству содержанія и по интересу цѣлой второй половины (о иконоборцахъ), полная редакція Зерцала, и независимо отъ изданной уже въ сокращенной редакціи своей первой части, представляется замѣчательнымъ богословско-полемическимъ произведеніемъ древне-русской письменности, любопытѣйшимъ литературнымъ памятникомъ, такъ что и единственный имѣющійся списокъ ея въ рукописи академической бібліотеки является безусловно и дорогою рѣдкостью.

Зерцало очевидное (таково именно заглавіе полной редакціи) въ рукописи занимаетъ 245 листовъ, во 2-ю долю листа, убористой скорописи. По объему своему оно по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе сокращеннаго изданія; по содержанію же представляетъ подробнѣйшее развитіе тѣхъ главныхъ пунктовъ и существенныхъ доводовъ полемики Посошкова, которые составили собою редакцію сокращенную, съ присоединеніемъ и

¹⁾ Свѣдѣнія о послѣднемъ экземплярѣ мы получили отъ извѣстнаго нашего палеографа, А. Е. Викторова, который разсматривалъ эту рукопись.

²⁾ Малочисленность сохранившихся намъ списковъ какъ этого, такъ равно и другихъ сочиненій Посошкова — его Заявщанія отеческаго, Книги о скудости и богатствѣ, — свидѣтельствующая о малораспространенности этихъ сочиненій и въ свое время, объясняется, по нашему мнѣнію, содержаніемъ этихъ сочиненій. Достаточно указать на то, что они переполнены рѣзкими жалобами на иностранцевъ и самыми беззастѣнчивыми укорами ихъ; а иностранцы, какъ извѣстно, имѣли въ ту пору громадный вѣсъ и вліяніе на Руси.

совершенно новыхъ предметовъ обсужденія, даже не упомянутыхъ въ редакціи сокращенной. Но прежде всего, существенная разница между двумя редакціями очевидна уже во внѣшнемъ планѣ книги и распорядкѣ частей. Въ сокращенной редакціи все сочиненіе дѣлится на 26 главъ, между тѣмъ какъ въ полной редакціи — только на 23. Напримѣръ, пятая и шестая главы погодинскаго изданія: «О распятіи Христовѣ» и «О разбойникахъ, съ Нимъ распятыхъ» въ рукописи соединены въ одну шестую главу; десятая и одиннадцатая — «О причащеніи тѣла Христова» и «О мерзости запустѣнія» — въ одну десятую; шестнадцатая и семнадцатая: «О символѣ вѣры» — въ пятнадцатую: «О символѣ вѣры и о книжномъ исправленіи». Двадцать вторая глава: «О направленіи заблудшихъ» въ рукописи представляетъ собою «третье предисловіе книги». Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ варіантовъ между печатнымъ погодинскимъ изданіемъ и полною редакціею академической рукописи, въ послѣдней есть цѣлыя громадныя бесѣды, каковыхъ въ первомъ нѣтъ; напр., въ главѣ 18-й «О сложеніи перстовъ» (соотвѣтствуетъ погодинской 22-й) приложены лишнія: «бесѣда первая объ отпадшихъ отъ благочестія», «бесѣда вторая о томъ же», «еще православнымъ совѣтъ», «бесѣда третья православнымъ», «бесѣда четвертая раскольникамъ». Глава 5-я: «О крестѣ» (соотвѣтствуетъ погодинской 4-й) содержитъ въ себѣ въ рукописи пять бесѣдъ (вмѣсто трехъ) и два приложенія къ раскольникамъ, и пр. Кромѣ того, почти каждая глава въ полной редакціи оканчивается «приреченіемъ», въ которомъ, обыкновенно, Посошковъ обращается къ заблудшимъ съ послѣднимъ словомъ относительно разсмотрѣннаго пункта, съ окончательнымъ выводомъ изъ всей главы. Наконецъ, въ полномъ спискѣ находимъ цѣлыя главы, совсѣмъ пропущенныя въ сокращенной редакціи, — это 2-я глава: «О жи, яко изыде она отъ діавола» и 23-я: «О иконоборцахъ и люторскомъ безумномъ мудрованіи». Въ высшей степени замѣчательна и любопытна эта послѣдняя глава, представляющая и по содержанію, и по построенію совершенно особое, законченное полемическое сочиненіе противъ лютеранъ.

Подлинность полной редакціи Зерцала и принадлежность его Посошкову не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Обиліе доказательствъ этого прямыхъ, фактическихъ, совершенно освобождаетъ насъ отъ обязанности указывать на внутреннее родство Зерцала очевиднаго съ другими сочиненіями Посошкова, на его очевидное сходство съ Завѣщаніемъ

отеческимъ во многихъ пунктахъ содержанія, по складу, языку и по общему направленію и характеру. Самъ Посошковъ оставилъ непререкаемыя доказательства подлинности Зерцала. Такъ напр. въ Завѣщаніи отеческомъ онъ говоритъ между прочимъ: «о раскольничихъ лжеправостяхъ *явилъ въ книгѣ Очевиднаго Зерцала*» (стр. 4). Очевидно, Посошковъ ссылается на свое собственное сочиненіе и притомъ на полную его редакцію, такъ какъ доселѣ извѣстная сокращенная редакція Зерцала носитъ и иное заглавіе. Далѣе, въ Завѣщаніи отеческомъ сказано, что «о символѣ» говорится въ 15 главѣ Зерцала (Зав. от. 88 стр.), что 18 глава Зерцала посвящена вопросу «о перстосложеніи» (стр. 76), — всѣ эти ссылки, несходныя съ погодинскимъ изданіемъ сокращеннаго Зерцала, буквально соотвѣтствуютъ полному списку рукописи. Весьма важное значеніе въ вопросѣ о подлинности полнаго Зерцала имѣетъ въ частности глава о иконоборцахъ. На эту главу неоднократно ссылается также самъ Посошковъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и отсутствіе ея въ доселѣ извѣстномъ сокращенномъ спискѣ Зерцала служило прямымъ поводомъ къ сомнѣнію въ подлинности послѣдняго. Такъ напр. въ предрѣчїи къ Завѣщанію отеческому Посошковъ говоритъ: «для извѣстія зловѣрія люторскаго *въ Очевидномъ Зерцалѣ* прочти 23 главу» (Зав. от. 6 стр.). Въ томъ же Завѣщаніи, въ 3 главѣ, Посошковъ дѣлаетъ такую ссылку: «а прочее, аще кто восхощетъ о люторскомъ житїи, той да зрѣть *въ Очевидномъ Зерцалѣ, въ 23 главѣ*, — тамъ бо многія ихъ пакости можетъ узрѣти и уразумѣти» (стр. 49). Доселѣ эти ссылки Посошкова не имѣли никакого смысла, потому что ничего соотвѣтствующаго имъ въ печатномъ текстѣ сокращеннаго Зерцала не находилось; теперь же, съ открытіемъ полной редакціи, онѣ вполне объясняются, находя въ ней точнѣйшее себѣ соотвѣтствіе. Наконецъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь приписки, находящіяся въ нашей рукописи и прямо свидѣтельствующія о принадлежности сочиненія рукописи Посошкову. Ссылкою на автора рукопись начинается и оканчивается; въ началѣ книги имя автора скрыто въ формѣ древняго, такъ называемаго, числоваго тайнописанія, а въ концѣ — оно прямо обозначено. Именно, послѣ заглавія и стихотворныхъ эпиграфовъ на книгу, положенныхъ св. Димитріемъ Ростовскимъ, въ концѣ 1-го листа значится:

«Писавша имя 63 числа имать въ себѣ званно,

«Прозваніемъ же ^ш 512 являетъ всѣмъ ся званно».

Число 63 есть сумма славянскихъ цифръ, входящихъ въ имя — Иванъ, а 512 — сумма цифръ фамиліи — Посошковъ. На послѣднемъ же листѣ рукописи, непосредственно за окончаніемъ сочиненія, стоитъ приписка: <трудивыйся Иванъ Посошковъ прощенія просить>.

Что касается происхожденія разныхъ редакцій Зерцала, то можно полагать, что обѣ онѣ принадлежали самому Посошкову и что <Зерцало очевидное>, т. е. редакція полная, предшествовало появленію <Зерцала на раскольниковъ обличенія>, т. е. редакціи сокращенной. На заглавныхъ листахъ списковъ Зерцала приводятся, обыкновенно, стихотворные эпиграфы св. Димитрія Ростовскаго на эту книгу. При этомъ, одно стихотвореніе озаглавливается: <на книжицу, Зерцаломъ названную>, а другое: <на книжицу малую>; въ рукописи, сверхъ того, поставлено предъ вторымъ стихотвореніемъ заглавное замѣчаніе: <и паки повторяя (т. е. Д. Ростовскій), написа сие>. Эти надписи наводятъ на мысль, что Димитрій Ростовскій неоднократно перечиталъ Зерцало, что ему извѣстны были обѣ редакціи Зерцала: полная редакція — вообще <книжица, Зерцаломъ названная> и сокращенная редакція — <книжица малая>. Очевидно, представлялъ ихъ Димитрію Ростовскому самъ Посошковъ, каждую въ отдѣльности и притомъ сначала полную редакцію, а потомъ уже сдѣланное извлеченіе изъ полной, сокращенную редакцію, такъ какъ стихи <на малую книжицу> Димитрій Ростовскій написалъ, <паки повторяя>, т. е. уже во второй разъ читая трудъ Посошкова, послѣ перваго ознакомленія съ нимъ по редакціи полной.

Послѣ этихъ библиографическихъ замѣчаній, вызванныхъ еще совершенною неизвѣстностію въ литературѣ полной редакціи Зерцала вообще и казанской академической рукописи въ частности, начнемъ историко-литературное обозрѣніе ея содержанія. По сущности дѣла, по совершенно самостоятельному характеру внѣшняго построенія главы <о икоборцахъ> и, наконецъ, для удобства въ разсмотрѣніи, дѣлимъ Зерцало очевидное на двѣ особыя части.

I.

„Зерцало на раскольниковъ обличеніе“

(I—XXII гл. Зерцала очевиднаго).

Полемическая противораскольническая литература въ Россіи до Посошкова.—Историко-литературное значеніе его сочиненія.—Состояніе раскола въ началѣ XVIII в. по Посошкову.—Взглядъ Посошкова на расколъ. — Существенные приемы и характеръ полемики Посошкова.

«Зерцало на раскольниковъ обличеніе» Посошкова посвящено специальному разсужденію о расколѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣтныхъ, самыхъ выдающихся явленій въ современной жизни. Заявившій себя въ это время во всей силѣ и упорствѣ, расколъ однако не былъ уже тогда новостью въ русской жизни. Точно также и сочиненіе Посошкова не было первымъ въ своемъ родѣ; оно слѣдовало за многими другими, въ которыхъ былъ уже указанъ путь и направленіе въ полемику съ расколомъ.

Русскій расколъ, сущность котораго характеризуется возведеніемъ обряда, простой формы на степень божественныхъ догматовъ, священныхъ правилъ, былъ явленіемъ жизненнымъ, подготовленнымъ всею многовѣковой жизнію русскаго народа, съ самаго начала его историческаго существованія. Догматизированіе обряда, слѣпое пристрастіе къ формѣ и вѣра въ нее, доходящая до поруганія здраваго смысла, естественно вышли изъ особыхъ условій односторонняго направленія всей древне-русской жизни церковно-религіозной. Своимъ возникновеніемъ расколъ предупредилъ реформу Петра. Грустнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ вѣками взлелѣяннаго, закрѣпленнаго умственнаго невѣжества, съ одной стороны, и крайне-обрядоваго направленія — съ другой, явилось церковное разно-

гласіе и раздѣленіе, со всею силою и полнотою обнаружившееся еще въ началѣ второй половины XVII вѣка. Церковныя исправленія, начатыя Никономъ, послужили сигналомъ къ обнаруженію разногласія, къ выдѣленію разномыслящихъ изъ нѣдръ православной церкви и образованію изъ нихъ особаго общества, пріобрѣтшаго въ нашей исторіи печальную извѣстность подъ именемъ русскаго раскола старообрядства. Ревнители старины увидѣли въ реформахъ Никона посягательство на разореніе и искорененіе отцепреданнаго православія и благочестія, рядъ новшествъ, введенныхъ въ среду святой древности, новую вѣру, которою врагъ Божій — Никонъ вздумалъ затмить свѣтлосіяющее русское православіе. Вѣрныя чада прародительскаго благочестія собрали все, что они находили нарушеннымъ въ національной русской вѣрѣ, и составили себѣ по истинѣ новую вѣру, прикрытую авторитетомъ древне-русскаго, до-никоновскаго, только ни въ какомъ случаѣ не подлиннаго, старообрядчества. Еще опредѣленнѣе и энергичнѣе поднялся расколъ при Петрѣ. Всестороннее преобразование древняго національнаго порядка и новое устройство Россіи вывело расколъ изъ сферы церковно-богослужебной и обнаружило въ немъ оппозицію противъ всякаго рода преобразованій, протестъ не только церковнымъ новшествамъ, а и преобразованіямъ чисто гражданскимъ, нововведеніямъ государственнымъ. Прогрессивная и цивилизаторская дѣятельность Петра возбудила въ раскольникахъ рѣшительное фанатическое упорство и противодѣйствіе, какъ окончательное, по ихъ ложно-апокалипсическому воззрѣнію, проявленіе новаго, антихристіанскаго духа.

Страшныя смуты, производимыя оппозиціонною партією, разумѣется, очень скоро, съ самаго обнаруженія послѣдней, обратили на себя вниманіе правительства и церкви. Большой Московскій соборъ, разсуждавшій о новоявившихся «еретикахъ и раскольникахъ», нашелъ возможнымъ принять противъ нихъ мѣры только карательныя, какъ единственно находящіяся въ распоряженіи, при отсутствіи мѣръ болѣе гуманныхъ, образовательныхъ¹⁾. Результаты были, однако, слишкомъ не блестящи. Гоненія только укоренили въ раскольникахъ антипатію и ненависть, придали имъ бѣольшую выгоду въ глазахъ толпы, выгоду гонимыхъ: у нихъ явились свои страдальцы, свои мученики... Прикрываясь авторитетомъ под-

¹⁾ П. С. З. т. I № 412; Приб. къ Акт. Истор. V, стр. 427, 486, 487.

вига, страданія, раскольники проповѣдывали, что православіе падаетъ, что патріархъ и его духовенство отступили отъ истины. Конечно, страшное впечатлѣніе производили ихъ выходы противъ именъ, съ которыми набожные русскіе люди привыкли соединять нравственное освященіе и неприкосновенность. «Патріархъ, архіереи—еретики, измѣнники православію!»¹⁾, — и это говорили люди, тоже облеченные нравственнымъ авторитетомъ, начитанностію, готовностію страдать за истину. «Намъ не даютъ высказать истины, обличать неправду; вмѣсто того, чтобъ обращаться съ нами кротко, убѣждать съ тихостію, они насъ пытаются и жгутъ!» Само собою разумѣется, что подобныя заявленія со стороны раскольниковъ имѣли непосредственный смыслъ вызова къ полемикѣ, къ борьбѣ словесной. Духовенство, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, понимало этотъ вызовъ, чувствовало свою обязанность; но въ то же время оно съ горечью должно было сознаться въ своемъ безсиліи, неподготовленности для защиты своего ученія и паствы. «Како оплакати имамъ нерадѣніе наше пастырское о цѣлости церкви святыхъ?» взывалъ Стефанъ Яворскій, обращая свое слово къ духовенству и подобными напомниманіями желая «отъяти поношеніе еретиковъ, соблажняющихся о невѣжествѣ духовныхъ ли о лѣности»²⁾. Но безсиліе духовенства въ борьбѣ съ расколомъ было настолько очевидно, что не одни только образованные пастыри русской церкви усиленіе раскола поставляли въ зависимость отъ невѣжества и недостатковъ духовенства. Посошковъ, при всемъ глубочайшемъ своемъ уваженіи въ принципѣ къ духовенству, долженъ, однако, былъ сознаться, что «вина гибели раскольниковъ токмо отъ неученыхъ священниковъ; аще бы попы были разумѣтельны, то ни коими дѣлы раскольникамъ въ простомъ народѣ множитися было бы не возможно и возникнуть имъ было бы некако. А нынѣ вельми вкоренилась раскольницкая ересь. А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ, ибо и отъ дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ обличить и запретить крѣпко не разумѣютъ, или на пѣвзязи склоняются». (О школахъ ркп. л. 1 об.; Соч. Пос. I, 4 и 10 стр.).

При такихъ критическихъ обстоятельствахъ, тѣ немногія личности, составлявшія счастливое исключеніе изъ тогдашняго духовенства, которыя

¹⁾ Соловьевъ. Чт. о Петрѣ В. стр. 27.

²⁾ Камень вѣры т. I стр. 204, 206, 208.

чувствовали въ себѣ силу къ умственному труду, тѣмъ болѣе сочли своею обязанностію выступить на защиту попираемаго православія и пораженіе раскола съ оружіемъ слова. Тѣмъ болѣе и для насъ должны быть цѣнны труды этихъ немногихъ избранниковъ, въ ряду которыхъ мы съ гордостію должны поставить и своего крестьянина Ивана Посошкова.

Кромѣ «Зерцала» Посошкова, въ полемической противораскольнической литературѣ второй половины XVII и первой XVIII в. отмѣтимъ, какъ самыя крупныя и обстоятельныя, слѣдующія сочиненія: «Жезль правленія» Симеона Полоцкаго, «Увѣтъ духовный» патріарха Іоакима, «Пращица» Питирима, еп. Нижегородскаго, и «Розыскъ о брынской вѣрѣ» Димитрія Ростовскаго. Чтобы составить понятіе объ общемъ направленіи и характерѣ тогдашней полемической литературы на Руси, познакомясь въ общихъ чертахъ съ этими поименованными сочиненіями.

Сочиненіе Симеона Полоцкаго: «Жезль правленія»¹⁾ имѣло своимъ назначеніемъ «нелѣпыя упразднити расколы и крамольные истребити мятежи, во еже бы всеѣмъ единого Бога едиными усты воспѣвати». Достиженію этой цѣли служить двѣ части сочиненія, изъ которыхъ въ 1-й по пунктамъ «возобличаются» основныя положенія (въ числѣ 30) главнаго расколоучителя Никиты; во 2-й, по тому же плану, опровергаются 70 положеній другаго «равнаго Никитѣ хулителя на церковь — Лазаря попа». Въ виду того, что «мнози нынѣ въ російской церкви возстають, молву и смятеніе творящїи, клеветуше и нелѣпыми лжуще лалями, годствуютъ намъ — говорить авторъ — отвѣтствовать на безуміе, на ложь и клеветы, да узрять буйство свое, да нещуютъ безъ возобличенія быти неправедная своя обличенія» (Жезль правл. стр. 4, 71). И вотъ, Полоцкій предлагаетъ «многимъ трудомъ сооруженный жезль правленія, утвержденія, наказанія и казненія... Се воздвизаемъ жезль мысленный, вѣримъ на спасеніе и правленіе, колеблющимся на утвержденіе, непокоривымъ въ наказаніе, волковъ хищныхъ на пораженіе» (ч. I, л. 7 об.). Въ предисловіи самъ авторъ охарактеризовалъ направленіе своего сочиненія: «да не безмѣрны явимся въ обличеніи, неже во ученіи». Сообразно этому,

¹⁾ При написаніи «Жезла», Полоцкій обильно пользовался противораскольническимъ сочиненіемъ Паисія Лигарида: «Отвѣты обличительныя на церковныхъ противниковъ». Это сочиненіе, составленное по опредѣленію собора 1666 г., написано было на греческомъ языкѣ и переведено Полоцкимъ. Др. и нов. Россія 1875 г. ч. 3 стр. 17.

прямля обращенія къ раскольникамъ занимають въ книгѣ, сравнительно, мало мѣста. Обыкновенно, поставивъ извѣстное положеніе расколуучителей, въ своемъ изобличеніи Полоцкій исключительно занимается его разсмотрѣніемъ. Только иногда, какъ бы между прочимъ, и большею частію въ концѣ своего отвѣта Полоцкій обращается съ своими замѣчаніями къ раскольникамъ. Но и этого достаточно, чтобъ видѣть сущность его взгляда на расколъ и объяснить характеръ его полемики. Полоцкій смотритъ на расколъ, какъ на плодъ невѣжества и слѣдствіе ожесточенія въ борьбѣ, обусловливаемого гордостью раскольниковъ, приводящаго ихъ къ упомраченію, побуждающаго даже на клевету. «Никита съ своими единомышленниками безуменъ есть, невѣжда и клеветникъ»; расколъ — «слѣпота, безуміе, вражда, злоба и клевета безстудная» (стр. 41, 103).

Въ разумѣ грамматическомъ, по свидѣтельству Полоцкаго, расколуучители были столь скудоумны, что не владѣли искусствомъ правильно читать; «ихъ чтеніе — слѣпыхъ невѣждъ чтаніе», они «не умѣютъ чести по препинаніямъ», — а это и было причиною многихъ заблужденій, потому что «не на своихъ мѣстахъ положивъ словесъ препинаніе», они «растерзаютъ православное разуміе» (л. 99, 23). Тѣмъ болѣе раскольники были невѣжды въ языкѣ греческомъ, на который, однако, они ссылались: «Никита прилагаетъ, яко гречестіи книги суть растлѣнны, а самъ онъ не вѣсть алфа гречески прочести» (л. 42 об., 78, 81, 117 об. и др.). Но «поврежденные умомъ», они «не точію въ граматіцѣ погрѣшаютъ, но и еретичествомъ развращаютъ», потому что не въ силахъ понять многое въ Словѣ Божіемъ: «на богословіе вооружися, море хотѣ изслѣдити, на брезѣхъ тонуть. Слѣпїи невѣжды, ввсегда вознести очеса своя мрачная въ солнце богословскія премудрости, паче помрачуются. Не вѣдая и не постизая силы словесъ предложенныхъ», они «нестерпимыми лжами клеветуютъ на церковь, здравая и полезная мертвяще и скаредующе» (л. 122 об., 43 об., 20, 113 об.). Въ то же время, какъ «орудіе прегордаго, праклятаго діавола», какъ «чада эхидны», раскольники заражены духомъ гордости: «прегордый Никита уподобився умомъ падшей денницѣ, горделивецъ, той же гордости и люди учить» (л. 81 об., 83, 35).

Сообразно такому взгляду на расколъ и его причины, Полоцкій и направляетъ свои обличенія. Опровергая заблужденія раскольниковъ, онъ не довольствуется только указаніемъ на свидѣтельства Слова Божія, пи-

савій отеческихъ и древнѣйшихъ памятниковъ богослужебной письменности, но тщательно раскрываетъ смыслъ приводимыхъ свидѣтельствъ, смыслъ непонятый или ошибочно перетолкованный раскольниками. Мало того, онъ часто обращается къ грамматикѣ и посвящаетъ «слѣпыхъ невѣждъ въ грамматическомъ разумѣ» въ правильный, научный разборъ извѣстныхъ выражений, приводитъ грамматическія правила, чтобы показать, какъ «сама грамматика нашу правду явѣ творить» (л. 76, 23, 44, 98, 101 об., ссылается даже на руководство М. Смотрицкаго л. 118 об.). Иногда Полоцкій приводитъ даже греческія выражения, чтобы показать по нимъ вѣрность перевода или исправленія нашихъ книгъ (напр. л. 75 об., 95 об., 116). Съ цѣлю окончательнаго убѣжденія раскольниковъ, возставшихъ противъ всякихъ исправленій, Полоцкій указываетъ на тождественность всего содержимаго нашею церковію съ православною греческою (л. 107, 111 и др.); доказываетъ законность исправленія «всякой дерзости и погрѣшенія (прежнихъ) писателей и прилагателей»; защищаетъ доброе дѣло Никона; наконецъ, отсылаетъ сомнѣвающихся въ «патріаршую книго-хранильницу убѣдиться тамъ, что новыя исправленія «нѣсть развратъ и поврежденіе, но древности подражаніе» (л. 116 об., 22 об., 106). Наряду съ этими обличеніями и увѣщаніями, Полоцкій умоляетъ раскольниковъ отложить гордость, смириться и присоединиться къ церкви. Нельзя, впрочемъ, сказать, что полемика Полоцкаго отличается миролюбивымъ тономъ: для нашего времени странно звучать часто встрѣчающіяся въ книгѣ бранныя выраженія. Въ своихъ обращеніяхъ къ православнымъ, Полоцкій заповѣдуетъ «далече бѣжать отъ лестнаго ученія», отгоняя «исы, лающіе на церковь», предлагаемымъ жезломъ (л. 21 об., 12, 11 об., 35 и др.).

Взглядъ Симеона Полоцкаго на расколъ и характеръ его полемики могутъ служить образцовыми за все время тогдашнее, потому что и послѣдующіе расколообличители, какъ отчасти увидимъ, держались тѣхъ же взглядовъ на расколъ и пользовались въ сущности тѣми же приѣмами обличенія.

«Увѣтъ духовный» патріарха Іоакима также представляетъ двѣ части, изъ которыхъ въ 1-й — «возглашеніи російскому народу» — предложено «изъявленіе на раскольниковъ, како возстапа на св. церковь, кіими словеса простой народъ прельщаху и на тѣ развращенная словеса свидѣтельства святыхъ книгъ положенныя»; во 2-й части послѣдова-

тельно опровергаются пункты Соловецкой челобитной, «да увѣсть всякъ скверное ихъ челобитье, составленное не Бога боявшеся, не народа срамящеся, являюще свое безумство»¹⁾. Свое увѣщаніе авторъ направляетъ исключительно къ православнымъ, «да не лестію безумныхъ раскольниковъ сведенъ будетъ кто и погибнетъ отъ пути праваго» (л. 53 об.). Что же касается самихъ раскольниковъ, то ихъ, «безумныхъ, никоими словеса не возможно увѣщати, точію наказати ихъ подобаетъ». Поэтому, имъ предложены только «краткая вѣщанія, искореняющія ихъ буйство, и изъ старыхъ книгъ свидѣтельства» (л. 64). Вообще, Увѣтъ во многомъ напоминаетъ сочиненіе С. Полоцкаго: кромѣ общности взглядовъ и приемовъ, находимъ обширныя буквальныя заимствованія²⁾. Главнѣйшею причиною раскола и Іоакимъ поставляетъ также невѣжество, въ связи съ народными инстинктами непокорства и самоволія. Раскольники «держаютъ въ богословскія глубины умъ свой пуцати, а на брезвѣ грамматическаго разума утопаютъ»; но заблуждаются они не отъ невѣжества только своего, а «наипаче отъ непокорства и суетумдрствія: надме ихъ древній змій-дѣволъ», которому они являются послушными орудіями и сотрудниками (л. 2 об., 96, 43).

Въ своей полемикѣ Іоакимъ опровергаетъ главные пункты раскола, указанные въ челобитной, раскрытіемъ истиннаго смысла священнаго Писанія, свидѣтельствами св. Отецъ, богослужебными книгами, постановленіями соборовъ; наконецъ, онъ предлагаетъ «явное и руками осязаемое свидѣтельство» въ памятникахъ древности, которые можно видѣть «въ ризницѣ патріаршей». Законность всего, что возбуждало ропотъ въ расколѣ, доказываетъ практикою греческой церкви, «откуда все пріяхомъ» (л. 9). Что касается исправленія книжнаго, то указываетъ на испорченность книгъ переписчиками, что зависѣло и отъ трудности греческаго языка, съ котораго даже «и учащемуся философскихъ и богословскихъ наукъ переводити книги было трудно, яко языкъ мудрый» (л. 135 об., 192 об.). Вѣрность исправленій доказываетъ грамматически, приводя иногда и

¹⁾ Увѣтъ дух. л. 63 об. При этомъ буквально приводитъ цѣлыя пункты Солов. челобитной; такъ на л. 68—приведенъ 7-й пунктъ; на 72 л.—8 п., на 76 л.—9-й; на 77 л.—10; на 80 л.—11-й; на 83 л.—13-й и т. д.

²⁾ Напр. Увѣтъ л. 81 об.—Жезль л. 43—44; Увѣтъ л. 99—105—Жезль л. 44—47; 85—90 об.—50—53; 126—138=56 об.—60 об.; 122—125 об.—63 об.—65 об.; 112—117=65—68; 119—121 об.—68 об.—69 об.

греческій текст подлинника (напр. л. 122, 135). Въ своихъ обращеніяхъ къ раскольникамъ Іоакимъ умоляетъ ихъ оставить заблужденія, далеко не всегда, впрочемъ, выдерживая при этомъ спокойствіе тона.

Посошковъ, занятый вопросомъ о мѣрахъ, пріятствующихъ распространенію раскола, между прочимъ, соовѣтуетъ распространить въ народѣ книгу Пращу, о которой отзывается съ особенной похвалой (Соч. Пос. I, 16). «Пращица духовная къ раскольникамъ, иже безстуднѣ хулами наскакують на святую церковь», представляетъ собою громадное противораскольническое сочиненіе, трудъ современника Петра Великаго — Пятирима, епископа Нижегородскаго, оконченный имъ въ 1717 году (Пращица л. 410 об.). По свидѣтельству издателя Пращицы, Пятиримъ былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ борьбѣ съ расколомъ, «проходилъ многи добри и пустыни, бесѣдуя съ раскольники, многократно любопряся съ ними словесно и письменно» (л. 417). Его Пращица состоятъ изъ 240 отвѣтовъ на вопросы, предложенные раскольниками. Пятириму уже извѣстны были Жезль Правленія и Увѣтъ духовный, на которые онъ часто ссылается и которые имѣлъ въ виду восполнить, не повторяя изложеннаго въ нихъ (л. 174 об., 105, 107 об., 112 об., 145 и пр.)¹⁾. Пятиримъ исполнилъ свое намѣреніе, обративъ вниманіе, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, кромѣ заблужденій догматическихкихъ и обрядовыхъ, на жизнь раскольниковъ, на очевидные плоды ихъ лжеученія; онъ написалъ, по его словамъ, «о преступленіяхъ, презорствахъ, развращеніяхъ и прочихъ злобахъ и злыхъ дѣлахъ раскольниковъ» (л. 17). Разоблачая внутреннюю жизнь въ расколѣ, Пятиримъ приходитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ; онъ нашель, что раскольники «укловились на путь злый, развратный, народъ развращають, честный бракъ отמעщуть, живутъ въ великомъ скардествѣ, мнози живутъ безъ крещенія» и пр. (л. 357 об., 166, 409 об.). Пятиримъ раскрываетъ истинныя причины силы и успѣха расколоучителей: хитрость, обманъ, которыми они если не могутъ привлечь «имущихъ умъ», то привлекають «простѣйшихъ, неученыхъ, предъ которыми они, и волки суще, преобразуются въ овцы ложнымъ пощеніемъ, лицемѣрнымъ смиреніемъ, притворною кротостію» (л. 113 об., 126, 11 об., 241, 380).

¹⁾ Въ своей Пращицѣ Пятиримъ обосновывается между прочимъ также на извѣстномъ въ ту пору, но подложномъ, неподлинномъ сочиненіи: «Соборное дѣяніе на еретика армянина, мниха Мартина».

Чтобъ ввести раскольниковъ въ сознание своей неправоты, Птириимъ показываетъ ихъ родство съ древними, осужденными ересями (л. 11, 414), перечисляетъ множество толковъ ихъ, враждующихъ между собою (л. 30, 32, 56 об.), указываетъ нелѣпность нѣкоторыхъ раскольническихъ положеній, «всякія укоризны и смѣха достойныхъ» (л. 109, 232), свидѣтельствуемъ подложность нѣкоторыхъ книгъ, находящихся въ обращеніи между раскольниками (напр. л. 294 об.), уличаетъ въ прямой лжи и клеветѣ на нѣкоторыя строго-православныя книги (напр. л. 322 об., 70) и пр. и пр. Утверждая новость ихъ старовѣрства (напр. л. 30, 55), Птириимъ доказываетъ чистоту древняго правовѣрія, содержаемаго церквію и неизмѣнность всего принятаго отъ Константинопольской церкви (л. 383 и пр., 37 и др.). Чтобъ установить правильный взглядъ раскольниковъ на книжныя исправленія, Птириимъ доказываетъ испорченность книгъ, для наглядности сопоставляя правильный и искаженный текстъ во множествѣ выписокъ изъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ (напр. л. 39 об., 40—53). Въ то же время, правилами соборовъ, свидѣтельствами св. Отцевъ, писаніями древне-русскихъ писателей, иногда даже правилами грамматики и указаніемъ на греческій текстъ (напр. л. 22 об., 249), доказываетъ точность исправленій. Въ концѣ концовъ, Птириимъ, обыкновенно, обращается къ раскольникамъ съ увѣщаніемъ покаяться, ободряя при этомъ надеждою на милость Божию и прощеніе; православнымъ же заповѣдуетъ блюстися «отъ исовъ, отъ злыхъ дѣлателей, понеже безстуднѣ лають на Святую Церковь, зане дѣла ихъ злы и плоды ихъ мерзки» (л. 18).

Болѣе цѣнный по своему содержанію трудъ, выродившійся изъ полемики съ расколомъ, представляетъ «Розыскъ о брынской вѣрѣ» святаго Дмитрія Ростовскаго. Вызываемый постоянно въ своей пастырской дѣятельности въ столкновенія съ расколомъ, этотъ святитель, кромя устныхъ увѣщаній, рѣшилъ письменно «вѣру, ученіе и дѣла раскольниковъ подлиннымъ розыскомъ разыскать, испытаніемъ разложить и здравымъ разсмотрѣніемъ увидѣть, что въ нихъ есть» (Розыскъ л. XV, 404). Во всѣхъ трехъ частяхъ, т. е. въ розыскѣ о вѣрѣ, ученіи и дѣлахъ раскольниковъ, авторъ пришелъ къ результатамъ, уже извѣстнымъ намъ изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій: онъ разыскалъ вездѣ только невѣжество, ожесточеніе, хитрость и обманъ. «Вѣру обрѣтохомъ, извнѣ лжесловесными лыценными красящуюся, внутри же есть яко содомское обла-

ко — праха и смрада исполнено» (л. 11 и 12); оказалось, что вѣра у раскольниковъ совершенно потеряла свой истинный смыслъ и значеніе, расколоучители утратили даже понятіе о ней: «вѣрѣ учаще, что есть вѣра — не знаютъ, самаго реченія: вѣра — истолковать не умѣютъ. Старая икона, книги, осмиконечный крестъ, — то ихъ вѣра». Даже «нравы и обычаи своя и самая худая дѣла вѣрою нарицаютъ» (л. 2, 3, 9, 82). Таково и ученіе, таковы и дѣла, разысканныя св. Димитріемъ въ расколѣ. Свое невѣжество обнаружили раскольники вездѣ, гдѣ только взялись богословствовать: не слыша о богословіи, дерзнули догматизовать и, хотя показатися богословцами, показались бусловцами, еретиками. Требезумніи, слѣпшіи, черныя сажы умомъ потемнѣвшіи, «отъ своего мужичьяго умствованія» предлагаютъ «словеса, иже суть тьма, мгла, мракъ, бредня», и тѣмъ являютъ «крайнее русаковъ ослѣпленіе» (л. 55, 9, 57, 78, 452).

Преимущественно въ своей полемикѣ св. Димитрій усиливается доказывать, что вѣра, содержащая раскольниками подъ именемъ старой, въ сущности «нѣсть вѣра старая, но новая, новыхъ ересей исполнена» (напр. л. 49, 57, 64 и пр.). Съ цѣлю доказать новостъ и ложность ихъ вѣры, вромѣ указаній на догматическія и обрядовыя отступленія раскольниковъ, св. Димитрій ссылается: на раздробленіе ихъ вѣры во множествѣ толковъ, каковыхъ въ Брынскихъ лѣсахъ онъ насчиталъ 20 (л. 65, 565), на ихъ недостойную истинной вѣры взаимную вражду, на характеръ ихъ пропаганды, на хитрость и обманы, которыми раскольники пользуются для своихъ цѣлей (напр. л. 559, 598, 125 и пр.); фактически уличаетъ ихъ въ наглої лжи (л. 323, 491); распутываетъ ихъ перетолкованія Свящ. Писанія (л. 129, 151, 211); указываетъ ложность ихъ предсказаній; противорѣчія въ ученіи (л. 259, 38, 485); ссылается на возмутительныя для нравственнаго чувства мученія, истязанія, оргіи, практиковавшіяся въ расколѣ (л. 569, 585) и пр. и пр. Впрочемъ, изблечить «всѣ неправости и кривотолки раскольниковъ не достанетъ и силъ, и времени. Нѣкоторыя же лаянія ихъ недостойны и отвѣта» (л. 385, 609, 529). Чтобъ остаться вполне справедливымъ, Димитрій указываетъ на нѣкоторыя добрыя дѣла въ расколѣ: пощенія, молитвы и т. п., но доказываетъ при этомъ, что и эти «добрыя дѣла вся въ нихъ суть яко не добрая» (напр. л. 535, 626).

Но особенную цѣну придаютъ сочиненію Димитрія Ростовскаго историко-богословскія разсужденія, которыми оно переполнено. Эти разсужденія

возводятъ трудъ Димитрія Ростовскаго на степень возвышеннаго умозрительнаго богословія. Положенія раскола служатъ, обыкновенно, поводомъ св. Димитрію къ развитію христіанскихъ истинъ; такъ онъ раскрываетъ умозрительное ученіе объ иконахъ, о мощахъ, объ образѣ и подобіи Божіи въ человѣкѣ, о смыслахъ въ Св. Писаніи (л. 175, 218, 225, 291, 368 и пр.). При этомъ, обыкновенно, онъ предлагаетъ и исторію догмата въ церкви, исчерпывая ученіе о немъ со всевозможною подробностію. Нерѣдко св. Димитрій, въ общемъ потокѣ своего богословствованія, предлагаетъ вопросы чисто философскіе, такъ, напр., много разсуждаетъ на вопросъ, что есть время (л. 236).

Въ ряду разсмотрѣнныхъ нами сочиненій, по всей справедливости весьма замѣтное мѣсто должно занять современное имъ «Зерцало, на раскольниковъ обличеніе» — Посопкова, какъ сочиненіе, не только своею обширностію превосходящее ихъ (кромя расвѣ Працицы), но и по полнотѣ и основательности содержанія, силѣ убѣжденія, чистотѣ и искренности побужденій, ни мало не уступающее имъ. Правда, здѣсь мы не встрѣтимъ того глубокаго богословствованія и обширной ученой эрудиціи, не найдемъ того обилія ораторскихъ движеній, той строгой систематичности расположенія частей и строгой логичности изложенія, которыми отличается, напримѣръ, трудъ Димитрія Ростовскаго и др.; но мы найдемъ здѣсь всё-же вполне обстоятельное и основательное опроверженіе всѣхъ пунктовъ раскольническаго заблужденія, даже болѣе близкое знакомство съ расколомъ; найдемъ то же святое, задушевное желаніе спасти душу ближняго, являющееся особенно цѣннымъ въ произведеніи человѣка, своимъ положеніемъ призваннаго только «дрова сѣщи», по выраженію Димитрія Ростовскаго. Впрочемъ, это званіе автора и горькая его судьбина, вѣроятно, были причиною того, что разсматриваемое сочиненіе, носомѣнно полезное всегда и драгоцѣнное въ ту пору, не получило надлежащаго хода, не удостоено было и отпечатанія, не смотря на желаніе автора (Соч. Пос. т. I, стр. 16). Тѣмъ не менѣе, высокопросвѣщенныя личности того времени, имѣвшія случай познакомиться съ Зерцаломъ, высказали тогда же свое правдивое сужденіе о немъ. Мы имѣемъ въ виду того же святителя Димитрія Ростовскаго, который, прочитавъ предложенный ему списокъ Зерцала, высказалъ свое неподдѣльное желаніе увидѣть автора замѣчательнаго сочиненія. «Книжица воистину благопотребна», писалъ онъ о Зерцалѣ, «великое раскольникамъ обличеніе и постыжденіе;

книжица эта достойна въ свѣтъ произвестися»¹⁾. Самъ Посошковъ въ полной редакціи своего Зерцала свой «неученый, неисправный, простосложный» трудъ прикрываетъ авторитетнымъ именемъ Ростовскаго святителя: «блаженный преосвященный Димитрій Ростовскій и Ярославскій митрополитъ свидѣтельствовавъ (книгу — Зерцало), повелѣлъ ми, переписавъ ю, у себя въ домѣ не держати, но ради общія пользы повелѣлъ въ міръ ю пустити (Зерцало л. 243 об.). Кромѣ того, Димитрій Ростовскій написалъ, какъ увѣряетъ рукописный списокъ Зерцала, «мудролюбія его пастырскаго метросочиненные стихи» къ этому сочиненію. Между прочимъ, эти «стихи Преосвященнаго Митрополита Димитрія Ростовскаго, написанные 1709 лѣта, сице вѣщаютъ:

Мала книжица сія, но разумъ въ ней многій;
 Мала ларчикъ, но скарбъ въ себѣ хранить не убогій...
 Та книжица раскольниковъ сильна побѣждати,
 Вся же правовѣрныя пользы исполнати» (л. 1 об.).

Необыкновенно быстрое усиленіе раскола, «всю Россію потрясшаго и не только простыхъ и безкнижныхъ, но и множество книжныхъ людей соблазнившаго» (Зерц. л. 137 об.), съ другой стороны, сознание безсилія невѣжественнаго духовенства въ борьбѣ съ нимъ, — вызвали написаніе Зерцала. Кромѣ настоятельной нужды въ обличеніи раскола, Посошковъ чувствовалъ къ такому труду достаточно въ себѣ силы и энергіи, потому что онъ непосредственно, опытно знакомъ былъ съ расколомъ и изъ этого знакомства вынесъ крайнее отвращеніе и негодованіе къ нему. «Буди всѣмъ сіе извѣстно», заявляетъ онъ, «еже и азъ изначала хромахъ недугомъ раскольничи болѣзни» (л. 143). Извѣстно также, что ближайшіе родственники Посошкова были заражены расколомъ: еще его родители колебались подъ вліяніемъ раскола: «то учили меня креститься тремя персты», пишетъ Посошковъ, «а то стали учить снова, ежебъ двомя персты креститься» (л. 143 об.); родная сестра его, Анна, была нераскаянная раскольница: «ходя по домамъ, она и иныхъ съ истиннаго пути совращала и къ своему зловѣрію присоединяла» (л. 138); родной своякъ Посошкова былъ зараженъ расколомъ и оставлялъ дѣтей своихъ некрещенными (л. 103 об.). Если Посошкову не удалось повліять на близкихъ къ себѣ лицъ, то по крайней

¹⁾ Письмо къ Θεологу. Обзор. Русск. дух. литер. кн. 1 ст. 371.

мѣрѣ, «Богъ не оставилъ» его самого «въ невѣдѣніи быти» (л. 143 об.), и онъ могъ говорить о себѣ: «я твердъ въ истинномъ благочестіи и непопозволененъ на раскольничья словеса» (л. 20 об.). Впрочемъ, этимъ не ограничились столкновения Посошкова съ раскольниками. Послѣдніе долго не оставляли его въ спокойствіи, всячески желая привлечь на свою сторону. Онъ рассказываетъ въ своей книгѣ, какъ не разъ его обманомъ зазывали «въ раскольничьи сонмища и убѣждали: буде хочешь въ рай, пристань къ намъ; аще къ намъ пристанешь, то всѣ твои грѣхи очистятся и будешь съ нами въ раю» и проч. (л. 152). Съ своей стороны и Посошковъ, такъ или иначе заинтересованный расколомъ, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для изученія его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, во всей силѣ его аргументовъ и возраженій противъ православной церкви. Побужденіемъ къ изученію раскола для Посошкова было, между прочимъ, и рано задуманное имъ и начатое написаніе Зеркала. Такимъ образомъ онъ передаетъ случай, внушившій ему это намѣреніе: «нѣкогда призвалъ меня къ себѣ славный ереси вождь, зовомый Козьма Ксенофоновъ, и началъ убѣждать пристать къ нимъ»... «И во иное время призвалъ онъ меня паки на Слово Писанія»... и пр. Результатомъ этихъ совѣщаній было то, что «и онъ на меня осердился, и азъ на него, — и тако разыдохомся: не сотворилъ онъ лова во мнѣ, умъ мой не омрачился, но бодръ бысть. И видя въ нихъ такую погибель, у Бога прося милости, начахъ сію книжицу сочиняти» (л. 15 об., 16). Для этой-то цѣли, Посошковъ специально занялся расколомъ, — «учился, по его выраженію, прелести раскольничей» (л. 242 об.). Онъ вступалъ въ постоянныя пренія съ предводителями и учителями раскола: «много разглагольствовахъ съ наставниками раскольничими: съ Кузьмою Ксенофоновымъ, со Алексѣемъ, словомымъ философомъ, съ Ерофеемъ Андреевымъ, съ Михайломъ и со иными учителями именитыми» (л. 36, 34, 63 об., 75 об., 143 и др.). Въ этихъ разглагольствахъ Посошковъ «обличалъ славныхъ учителей о несмысленныхъ ихъ глаголахъ и являлъ, по елику возмогалъ, истинное ученіе» (л. 140). Въ то же время, самъ онъ тщательно старался вывѣдать и изучить отъ своихъ собесѣдниковъ всю догматику раскола: «много азъ учителей именитыхъ вопрошивалъ» объ основаніи законоположенія раскола, «много вопрошивахъ: откуда что взяли», «вопрашивахъ о книжномъ разумѣніи», «спрашивалъ, чего ради тако глаголютъ» и проч.

(л. 84 об., 71 об., 127, 136 об., 238). Однако, Посошковъ скоро сталъ замѣтнымъ для раскольниковъ, и они совершенно отплатулись отъ него, какъ чловѣка не только непреклоннаго, но и вреднаго для нихъ: «всѣ лжеучители», говоритъ онъ, «пересташа ко мнѣ ходити и своей прелести мя учити, и ни въ каковая разглагольства уже со мною не входятъ: вси бо скрышася отъ меня. Азъ всячески увѣщавахъ ихъ, дабы со мной поне не о большихъ вещахъ поглаголати, но никто не пришелъ ко мнѣ» (л. 242). Наконецъ, Посошковъ «много ко всѣмъ учителямъ раскола письма руки своея вопросительныя посылалъ, дабы, сошедшея между собою, помыслили и дали бы мнѣ отвѣтъ чистый» (л. 72 об.). Но такъ какъ и въ этомъ случаѣ «ни единъ отвѣта явнаго не далъ», вси «быша нѣмы на отвѣтъ» и «чистаго отвѣта ни о чемомъ не учинили, ни по единому письменному вопрошенію письменнаго отвѣта не получилихъ» (л. 71 об., 63 об., 127, 72 об.); то Посошковъ пытался и самъ изслѣдовать основанія раскола, — съ этою цѣлію онъ «много искалъ въ Божественномъ писаніи, съ прилежаніемъ прочиталъ» нѣкоторыя книги, чтобы видѣть, нѣтъ ли въ нихъ какого «разнствія» (л. 29 об., 75 об.). Но во всякомъ случаѣ, съ разрывомъ Посошкова съ раскольниками, истощились для него средства къ изученію раскола: «и того ради прекратися и сія книжица» (л. 242 об.).

Итакъ, Посошковъ употребилъ всѣ возможныя усилія съ своей стороны къ полнѣйшему изученію раскола, и если что написалъ въ своемъ Зерцалѣ, то написалъ основываясь на данныхъ непосредственно, изъ первыхъ устъ воспринятыхъ имъ отъ раскольниковъ; его Зерцало, такимъ образомъ, не есть продуктъ школьной учености, — оно написано подъ вліяніемъ живой, устной борьбы, частныхъ разговоровъ и диспутовъ. Въ этомъ нельзя не видѣть одно изъ цѣнныхъ достоинствъ труда Посошкова. Благодаря его ближайшей связи и сношеніямъ съ раскольниками, мы имѣемъ въ Зерцалѣ точную исторію, по которой можно составить самое вѣрное и непогрѣшимое представленіе о тогдашнемъ расколѣ. Онъ писалъ на основаніи только того, что самъ непосредственно подслушалъ и подсмотрѣлъ въ расколѣ, что, по его выраженію, онъ «своимъ подлымъ ухомъ слышалъ и своимъ подлымъ окомъ видѣлъ» (л. 94, 136, 104 об., 132 об.). И только «елико отъ устъ ихъ слышалъ, на та очерченія и написахъ изъявленія. А о чемомъ не слышалъ, о томъ и писати мнѣ было невозможно» (л. 242). Посошковъ самъ сознается, что въ его

изслѣдованіяхъ раскола встрѣчались пункты, которыхъ «довѣдаться по-
линно не могъ» онъ (л. 42, 242 об.), — поэтому, и «не вся расколь-
ничи сквернословія и очерненія вписана суть» (л. 242, 2 об., 239 об.).
Но во всякомъ разѣ, отъ этого не произошло большаго ущерба для
полноты и обстоятельности сочиненія, такъ какъ, по сознанию же автора,
«вся *главная* раскольничи ереси изъяслена имъ»; и въ началѣ своего
сочиненія онъ говоритъ: «взираи въ сіе духовное Зерцало почасту и
со вниманіемъ: вся бо главнѣйшая очерненія и сквернословія расколь-
нича, и суемудрія ихъ, и утвержденія ихъ узриши и уразумѣши».

Богатству и цѣнности содержанія въ разсматриваемомъ сочиненія соот-
вѣтствуетъ чистота намѣреній и побужденій, руководившихъ авторомъ.
Внѣшнія обстоятельства: усиленіе раскола, знакомство съ нимъ Посош-
кова, послужили только поводомъ, толчкомъ, возбудившимъ Посошкова
къ дѣятельности. Дѣйствительныя же побужденія къ осуществленію до-
бровольно воспринятой имъ на себя миссіи крылись въ самомъ Посошковѣ,
въ его душевномъ настроеніи, глубокой религіозности, въ истинно-хри-
стіанской ревности о церкви и православіи. Посошковъ не могъ равно-
душно смотрѣть на страшныя колебанія и сильнѣйшую смуту въ церкви;
онъ, какъ «любитель правды» вообще, тѣмъ болѣе не могъ молчать,
«видя правду отвержену и пограну» въ области вѣры. «Бога истин-
наго въ свидѣтели являю, яко не могъ утерпѣти, видя въ вѣчную по-
гибель отъ незнанія своего многихъ людей грядущихъ, еже бы имъ о
погибели ихъ не возвѣстити и еже бы праваго пути имъ не показати...
Вѣсть Господь, яко иногда и нужду свою домовную презрѣвъ, въ немъ
(то есть въ Зерцалѣ) потрудихся, дабы съ закопавшимъ въ землю талантъ,
отъ Бога данный мнѣ, въ сопричтеніи не быти» (л. 244). На благо-
честивый взглядъ Посошкова казалось даже преступнымъ оставаться без-
участнымъ зрителемъ нравственной гибели ближнихъ: «страшно есть всѣмъ
намъ, въ мірѣ живущимъ», говоритъ онъ, «еже не пецися всякому о
спасеніи погибающихъ чловѣкъ: наипаче жъ о подъятіи падшаго чело-
вѣка въ ересь какую или расколь» (л. 8). Поэтому, онъ желалъ всѣмъ
внушить, чтобъ и «простолюдинове тцаніе имѣли неоскудное о настав-
леніи заблудшихъ». Впрочемъ, присущее Посошкову сознаніе своей ми-
зерности, недостойности, съ особенною силою обнаружилось въ написаніи
этого сочиненія: онъ сознавалъ, что онъ всетаки вторгается въ чуждую
для его званія и образованія область; чувство своего недостойства, не-

призванности не давало ему совершенно покоя. Поэтому вышло, что въ сочиненіи, гдѣ Посошковъ дерзнулъ на обличеніе другихъ, онъ особенно счелъ нужнымъ и «вельми свойственнымъ свое смиреніе являти» (л. 213 об.), и здѣсь-то особенно часто встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «азъ о себѣ совершенно вѣмъ, яко паче всѣхъ человекъ грѣшенъ есмь; всѣхъ человекъ грѣшнѣйшій есмь»; «во грѣсѣхъ презлише грѣшенъ есмь», поэтому «азъ недостойнъ есмь вамъ и о безуміи вашемъ возбраняти; азъ предъ Богомъ и многократно васъ грѣшѣе; и по самому бытію не мое сіе дѣло» (л. 213 об., 244, 143, 55 об., 85 об., 9). Но «еще и грѣшенъ есмь неизчислимыми грѣхами и во всѣхъ своихъ дѣлахъ неправъ предъ Богомъ: обаче не могу вашего зловѣрія терпѣти, ежебы на васъ не ворчати, понеже сокровище Отца вашего небеснаго расхищаете». «Не самохвалія ради своего, а отъ любви Божія начахъ сіе изъявленіе зеркальное сочиняти». «Не хитрости ради какыя состроихъ сіе Зерцало, но отъ самыя ревности и любви христіанскія потрудихся въ немъ ради общія пользы. Токмо едина ревность на таковое великое дѣло мя подвиже» (л. 51, 243, 244, 9).

Итакъ, Посошковъ рѣшился предложить «отъ малосмыслія своего слово», и вышло это слово чуждымъ всякихъ притязаній на ученость, не избличающее въ авторѣ и тѣни самоиѣнія, — задушевное, простое, безыскусственное, но въ то же время слово вѣское, полное силы. «Понеже убо прстець сый, просто и писахъ. Ради удобопоемности положихомъ, елико Богъ дарова, словеса, разглаголанная съ нѣкими доводами бесѣдою простою, а не риторскою», такъ что «всякому просту человекъ можно сущіе глаголы безъ толкующаго уразумѣти» (л. 242 об., 3). Но эти, дѣйствительно, удобопоемныя слова, повторяемъ, вышли весьма сильны и вѣски; вѣски уже потому, что «ту изнесомася всѣ приличныя глаголы, изъявляющіе расколы: изъ Св. Евангелія, изъ Апостольскихъ Дѣяній и посланій, изъ словесъ Златоуста и прочихъ святыхъ Отець», — и все это «разглаголанное своими нѣкими доводами» (л. 2 об.).

Зерцало свое Посошковъ назначилъ для всѣхъ христіанъ — «како отпадшихъ, тако и не отпадшихъ, наипаче-же для тѣхъ, кіи отъ расколынича сквернословія въ сомнѣніе внидоша» (л. 243, 9). Онъ «моленіемъ умоляетъ всѣхъ, хотящихъ спастися, не возгнушатися, но съ любовію прочитати Зерцало» (л. 243). Преимущественно онъ всетаки предлагаетъ свое Зерцало православнымъ, «кіи въ расколъ еще не впади»,

объщая имъ отъ «частаго, нелѣпнаго погляданія въ Зерцало сугубую пользу: узрѣть лжеученіе раскольниковъ и, ложь ихъ познавъ, очимъ заплевати» (л. 238 об.). Что же касается раскольниковъ, то Посшковъ предвидѣлъ заранѣе безуспѣшность Зерцала между ними: «имъ уже моя бесѣда не пользуется; кто уже пораженъ отъ діавола душевною слѣпотю и не желаетъ отъ окалянія духовнаго чистъ быти, то вѣмъ, яко той не восхоцетъ сего Зерцала и въ руки взяти, понеже въ немъ вся ихъ сквернословія ясно зрима суть и Божественнымъ Писаніемъ всѣхъ отпадшихъ во очи, яко острымъ рожномъ, поретъ» (л. 3). Тѣмъ не менѣе, Зерцало направлено было непосредственно на раскольниковъ, и съ ними почти исключительно Посшковъ имѣетъ дѣло.

Изложенію самого Зерцала предшествуютъ три предисловія, въ которыхъ авторъ развиваетъ мысль объ обязанности «всякаго человѣка осматривати себя, на коемъ пути стоитъ и по какому пути шествуетъ», — необходимость, поэтому, зеркала духовнаго и потребность такового преимущественно въ его время, когда «умножишася духовныя недуги у насъ въ Россіи». Затѣмъ Посшковъ обращаетъ вниманіе прямо на раскольниковъ, которые, «возлюбиша шествовати путемъ широкимъ, возлюбиша жити по своей волѣ» и «познати не могутъ, что ратуютъ на самого Бога». Въ послѣднемъ предисловіи Посшковъ говоритъ объ обязанности всѣхъ непоколебимыхъ въ православіи заботиться о подъятіи падшихъ и исправленіи погибающихъ. Содержаніе самаго сочиненія составляютъ: подробное разсмотрѣніе заблужденій раскольническихъ относительно извѣстныхъ пунктовъ Христіанскаго вѣроученія и обширныя увѣщанія. Построеніе главъ отчасти напоминаетъ извѣстныя и Посшкову сочиненія: Камень вѣры и Розыскъ. Обыкновенно, Посшковъ въ началѣ главы предлагаетъ православное ученіе относительно извѣстнаго догмата или обряда: отъ Священнаго Писанія, твореній Отеческихъ, иногда исторіи церковной; затѣмъ уже обращается къ раскольникамъ, опровергаетъ ихъ доводы, наконецъ призываетъ къ истинѣ. По содержанію же своему Зерцало болѣе всего приближается къ Працицѣ Пятирима. Та же жизненность, то же непосредственное сближеніе съ расколомъ, то же разсмотрѣніе раскола преимущественно съ практической стороны, отличающія Працицу, еще съ большею рельефностію выступаютъ въ трудѣ Посшкова, вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ условій его написанія. Впрочемъ, Посшковъ не могъ находиться подъ вліяніемъ Працицы, такъ какъ Зерцало

по крайней мѣрѣ на 8 лѣтъ опередило своимъ явленіемъ Пращицу ¹⁾. Весьма вѣроятно, что напротивъ, Пятиримъ усвоилъ направленіе Посошкова.

Что касается теоретической стороны въ сочиненіи Посошкова, то, какъ мы уже замѣтили, у него нѣтъ той строгой научности и силы діалектики, которыми особенно отличается Розыскъ святителя Дмитрія Ростовскаго. Тѣмъ не менѣе, и Посошковъ обнаружилъ въ Зерцалѣ обширную богословскую начитанность. По силѣ и богатству доказательствъ, приводимыхъ отъ Священнаго Писанія и твореній Отеческихъ, Зерцало рѣшительно возвышается надъ Увѣтомъ и уравнивается со всѣми вышеупомянутыми сочиненіями.

Уклоняясь отъ послѣдовательнаго изложенія содержанія Зеркала, мы сдѣлаемъ изъ него выборку историческихъ данныхъ о тогдашнемъ состояніи раскола; затѣмъ, изложимъ взглядъ Посошкова на расколъ и причины его явленія; наконецъ, укажемъ существенные приемы и характеръ полемики Посошкова.

Послѣ знакомства со взглядами на расколъ современныхъ Посошкову представителей просвѣщенія, было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ ожидать отъ этого «неука», простаго крестьянина, новости взглядовъ и воззрѣній. Поэтому, если мы и не услышимъ отъ Посошкова ничего особенно выдающагося своею новизною и оригинальностію въ этомъ отношеніи, всетаки позволяемъ себѣ поставить ему въ заслугу и то, что онъ не отсталъ отъ своихъ наиболѣе видныхъ современниковъ и въ воззрѣніяхъ на расколъ держался тѣхъ же здравыхъ понятій, которыя проводили, напр. Симеонъ Полоцкій и св. Дмитрій Ростовскій, и которыя поддерживаются наукою доселѣ, пользовался тѣми же средствами и способами въ борьбѣ съ расколомъ, къ которымъ прибѣгаютъ и современные намъ миссіонеры.

Вовлеченный въ борьбу между реакціей и реформой въ области духовной жизни, Посошковъ въ своемъ сочиненіи отобразилъ современное броженіе умовъ, — то сильное движеніе, которое направлено было противъ исправленія книгъ, противъ новизны вообще и преимущественно въ области церкви. Изъ Зеркала мы узнаемъ, что расколъ коренился главнымъ образомъ на почвѣ невѣжественной массы престопагодья, изъ котораго выродился и

¹⁾ Зерцало въ 1709 г. уже несомнѣнно существовало, такъ какъ къ этому времени относится надпись на него Дмитрія Ростовскаго (Рукоп. г. 1-й); а Пращица окончена только въ 1717 году.

самъ Посошковъ. «Въ нынѣшняя времена», говоритъ онъ, «дѣволъ напалъ на нашу російскую страну и еще и не обрѣлъ себѣ помощника отъ великихъ лицъ,... обаче сыскалъ себѣ способниковъ отъ нижня чреды: мало-смысленныхъ пресвитеровъ и чернецовъ, и простыхъ некнижныхъ мужиковъ,... уловилъ простаго народа многое множество, еже и исчислити невозможно» (л. 166). Лишенные всякаго правильнаго воспитанія, не понимавшіе духа Христіанства, но неприкосновенно соблюдавшіе традиціонныя правила о двуперстіи, седмпросфоріи и пр., даже простолюдины, возбужденные теперь видимою опасностію своего стариннаго православія, фанатически возстали на защиту церковной старины, ревностно занялись спорными вопросами богословія: начались пренія, доходящія до ожесточенія, о новшествахъ въ церкви, о книжномъ исправленіи, о двуперстіи и проч. Все это оставалось часто совершенно чуждымъ истинной религіозности; но уже чисто-формальная постановка дѣла, самые споры, независимо отъ содержанія ихъ, заключали въ себѣ долю привлекательнаго: на этомъ поприщѣ находили умственную пищу тѣ классы общества, которые не принимали ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ, касавшихся общества и государства, и должны были довольствоваться скромною ролью молчаливыхъ и безучастныхъ зрителей при энергическихъ мѣрахъ правительства, стремившагося впередъ и не обращающаго вниманія на настроеніе умовъ въ народѣ. Между тѣмъ, въ движеніяхъ раскольничихъ всякій мужикъ - начетчикъ пріобрѣталъ право и возможность увлекать народъ своимъ красноречіемъ, рассчитывая на завидную и привлекательную роль общественнаго дѣятеля, народнаго вождя. Вопросы вѣры при этомъ изъ цѣли превращались часто въ средства, и результатами споровъ было не возстановленіе вѣры, а ея совершеннѣйшее извращеніе во множествѣ раскольническихъ шаекъ, возвышавшихся одна надъ другою своими нелѣпостями и религіознымъ невѣжествомъ.

Посошковъ сознавалъ обаятельность для человѣка самостоятельнаго дѣйствованія и стремленіе къ самовластію поставлялъ въ непосредственной связи съ появленіемъ раскола: «нѣсть на семъ свѣтѣ веселостнѣе человѣку самовластія, и еще не вознудаети благоразумнымъ удержаніемъ того самовластія, то породитъ оно самонѣніе и высокоуміе,... и тѣмъ высокоуміемъ многіе впадаютъ въ вѣчную погибель. Умножися сего недуга и у насъ въ Россіи: мнози церкви святыя отрекошася и о томъ тцаніе имѣють, еже бы жити въ непокорствѣ и по своей волѣ,

яко кто хочетъ. Всѣмъ бо намъ людей осуждати весьма любо, а хулити и того любѣе, себя же самого мнѣти прочихъ чловѣкъ разумнѣйша приносить чловѣку превышнюю сладость» (л. 3 об. = Зав. от. 2 — 4 стр.) Отсюда происходитъ часто неразумное стояніе на своемъ, стремленіе спорить, отстаивать свои мнѣнія, хотя бы совершенно непонятныя, даже завѣдомо ложныя. Такъ большею частію и было въ расколѣ. По выраженію Посошкова, раскольники, принявшіе на себя роль защитниковъ православія, «охочи претися»; при этомъ въ большинствѣ случаевъ выходило, что «раскольницы всеу труждалися: за что прутся, и сами того не знаютъ». «Въ душевной слѣпотѣ ничего не разумѣютъ, а нудятся спорить о томъ, чего въ ихъ головахъ нѣтъ и не бывало. Стоять они за что восхоцуть, и отъ неразумнѣнія и упорства своего души своя губять» (л. 45 об., 128, 46). Такое неразумное упорство раскольниковъ, при ихъ крайнемъ невѣжествѣ, могло, естественно, возбуждать только удивленіе въ людяхъ незараженныхъ. «Удивленію подлежить», говоритъ Посошковъ, «еже наши россійстїи народове толь прѣсти, что и въ азбуцѣ не знаютъ какъ кое слово нарицають, а о божественныхъ великихъ дѣлахъ нудятся разумѣти и прутся съ разумными людьми» (л. 46). Не удивительно, что разумные люди ловили прущихся въ несходныхъ противорѣчїяхъ, въ родѣ того напр., что отвергая и не признавая патріарха, раскольники задорно отстаивали просфору за его здоровье: «сами вы не вѣдите, чего суетитесь: именъ царскаго и патріаршаго и слышать не хотите, а о заздравныхъ ихъ просфорахъ умираете». (77 л.) Вслѣдствіе желанія всякаго болѣе или менѣе популярнаго начетчика быть авторитетомъ въ дѣлѣ вѣры, независимо отъ своихъ собратій, расколъ явился во множествѣ оттѣнковъ, со всевозможными видоизмѣненїями, на какія только была способна изобрѣтательность Аввакумовъ, Онуфріевъ, Акулинъ и проч. «Отъ того вы и заблудили», говоритъ Посошковъ раскольникамъ, «за еже въ васъ мнози начаша учительни быти и вдашася въ различные толки, разыдошася въ разные, развращенные пути: въ поповщину, безпоповщину, христовщину, моусеовщину, бородашовщину, елинарщину, волосатовщину, онуфріевщину, аввакумовщину, федосіевщину, космовщину и во иные многіе пути розыдошася, ихъ же и исчислити невозможно. Колико учителей ни возстанеть, толико и законовъ изобрѣтають, и многоразличные учителя тако кудесятъ, что и сами себя не узнають» (л. 83 об., 84 = Зав. от. стр. 3).

«Взыскаша инаго пути и поидоша разными стежками, и вси заблудиша, по стремнинамъ высокомыслия своего ходяще (41 л.). Оставивъ Божій корабль, свой сотвористе и правите — овъ предъ себя, овъ назадъ, инъ направо, инъ налѣво (л. 85 об.). Кійждо лжеучитель свой путь изобрѣтаеть и всякъ своимъ путемъ ведетъ людей къ погибели (90 л.). И въ коемъждѣ уставѣ или вѣрѣ вси учителя разногласны, и каждый изъ нихъ глаголетъ: мы право вѣруемъ; кійждо свой уставъ хвалить, а прочихъ осуждаетъ. И того ради, между собою имѣють распри великія, междоусобіе бываетъ и споръ, и драки бываютъ (л. 96, 94 об., 111).

Сильнѣйшимъ возбужденіемъ русскаго народа въ то время объясняются и успѣхи раскола. Пососшковъ предлагаетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о размѣрахъ народнаго протеста «новой церкви». Исчислити невозможно лжеучителей, говоритъ онъ: «распространишася во всѣхъ предѣлахъ російскихъ и зарубежныхъ странахъ множество ихъ; и тако улови ихъ діаволь, яко самое малое число Христовыхъ овецъ остася, еже ересьямъ ихъ не причастны» (л. 42 об., 157). «Азъ быхъ», рассказываетъ Пососшковъ, «въ Новгородѣ на страстной недѣлѣ у церкви Дмитрія Солунскаго; приходъ тамо многонародный, а не бысть ни единого причастника: вси бо вкушъ отрекошася, отъ лжеучителей развращени суть, яко едва сотая часть обрящется благочестія держащихся» (л. 159 об.). О перстосложеніи, напримѣръ, говоритъ Пососшковъ: «аще и самое древнее преданіе знаменатися тремя персты, но за преумноженіе лжеучителей изсяче триперстное сложение: вси бо прости народи сложилися на многословіе раскольниче» и пр. (л. 143 об., 144).

Очевидно, народъ находилъ поводы недовольства господствующей церкви, а съ другой стороны и расколъ имѣлъ для него нѣчто привлекательное. Церковь заподозрѣна была въ религіозныхъ новшествахъ, между тѣмъ какъ расколъ гордился своимъ старовѣріемъ: вотъ коренная опора раскола, по свидѣтельству всѣхъ противораскольническихъ сочиненій, опровергавшихъ эту опору. Но были, безсомнѣнія, и другія, менѣе замѣтныя, но не менѣе сильныя причины усиленія раскола. Мы уже знакомы съ тѣми мѣстами изъ сочиненій Пососшкова, гдѣ онъ прямо обвиняетъ въ этомъ безпечность и невѣжество духовенства, оказавшагося слишкомъ несостоятельнымъ въ защитѣ интересовъ православія. По его свидѣтельству, были пресвитеры малосмысленные, которые не только поучать па-

сомыхъ и предохранять ихъ отъ религіозныхъ колебаній, а и сами были «истинства правовѣрія не вѣдущи и того не разумѣючи, въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасенье», которые нерѣдко «за пѣнѣзи» не только скрывали раскольниковъ, а сами отрицались отъ церкви и становились «проклятыми распопами» (л. 59., 57, 108). Гораздо въ болѣе выгодныхъ условіяхъ стоялъ расколъ: на сторонѣ его была живая проповѣдь «книжниковъ», людей разумныхъ, начетчиковъ. При всемъ своемъ невѣжествѣ и умственной односторонности, по признанію Посошкова, «все раскольницы, а наипаче двухъ ересей: поповщинныя и безпоповщинныя, лежма лежатъ на книгахъ и всегда учатся, хотя истины познати и не могутъ» (л. 96 об.). Это лежаніе на книгахъ дѣлало расколоучителей непобѣдимыми въ столкновеніяхъ съ православнымъ духовенствомъ и слишкомъ возвышало ихъ въ глазахъ массы непросвѣщеннаго люда. А какъ раскольники пользовались книжными знаніями для достиженія своихъ цѣлей, это раскрываетъ намъ Посошковъ своимъ собственнымъ опытомъ. Въ такомъ видѣ передаетъ онъ приемы одного расколоучителя, который на основаніи книгъ хотѣлъ убѣдить Посошкова «пристать къ нимъ»: «призвалъ меня славный ереси вождь, Козьма Ксенофоновъ, на слово Божественнаго Писанія; началъ ми читати книги и яко пѣсь кусе вырывать: разгнувъ книгу, строку или двѣ прочтетъ, да перекинувъ 5—6, паки прочтетъ строку-другую, да тако по книгѣ перелистывая листы, рѣчь къ рѣчи подбираетъ, кое реченіе къ ихъ зловѣрію согласно» (л. 152). Посошковъ справедливо замѣтилъ своему собесѣднику, что «такъ читая и рѣчь подъ рѣчь подбирая, и святыхъ грѣшными поставишь». Тѣмъ болѣе, разумѣется, легко было такими маневрами направлять убѣжденія непосвященной въ книжную мудрость массы, согласно своимъ видамъ. «Разиня ротъ», по выраженію Посошкова, «слушаютъ простые люди раскольщиковъ и, видя ихъ многословіе, вѣрятъ имъ» (л. 85 об.). Последніе же пользуются умственною темнотою народа для успѣха своей пропаганды: они «развѣшася во вся страны Россіи и ходя по градамъ, селамъ и деревнямъ, всякими разными образы людей Божіихъ, наипаче-жъ простой народъ съ истиннаго пути соврацаютъ». «Живя въ похоронбахъ, скрываясь, яко мыши, въ норы, или клопы — въ щели, тайно излазя изъ щелей, людей кусаютъ». «Нынѣ непрестанно по домамъ поныряюще, всякаго чина людей къ злочестію своему приводятъ». Чтoby произвести болѣе глубокое впечатлѣніе на своихъ слушателей, расколо-

учители, по свидѣтельству Посошкова, не пренебрегали и сторонними средствами, на примѣръ лицемѣріемъ: «они ходятъ по домамъ и глаголютъ тихимъ гласомъ, со воздыханіемъ, яко-бы болѣзнуя о погибающихъ» (л. 25 об., 42, 6, 54 об.); прибѣгаютъ къ обманамъ: «раскольничіи учителя другъ передъ другомъ вымышляютъ, како бы что солгати правовѣрнымъ на развращеніе, чудеса сказуютъ, видѣнія повѣствуютъ». Чтобъ дѣйствовать на вѣщныя чувства народа, раскольники распространяютъ различныя «хульныя картины, а простые люди, видѣвши изображенія, ужасаются и послѣдуютъ ихъ ложному ученію, понеже простымъ людямъ вельми страшно и имовѣрно является еже очима своими узрять».

Таковы, въ общихъ чертахъ, свѣдѣнія, переданныя Посошковымъ о тогдашнемъ состояніи раскола, объ его силѣ и пропагандѣ. Постоянно также Посошковъ обращается къ внутренней жизни раскола и знакомитъ насъ (какъ и Пителинъ) съ страшными преступленіями и безнравственностію, практиковавшимися въ семейной жизни раскольниковъ; знакомитъ также съ гнусными обрядами, въ которыхъ выражалась до-нельзя извращенная религіозность отщепенцевъ русской церкви. «Издаша новыя уставы», говоритъ, на примѣръ, Посошковъ, «литургію отправляютъ въ подполіяхъ, причащаются ягодами, младенцевъ сожигаютъ и вырѣзываютъ ихъ сердце для причастія. Блудъ въ святость почитаютъ; вмѣсто поповъ, служатъ простые мужики и дѣвки: се бо и азъ видѣхъ, еже оскверненнымъ сосудамъ баба очистительную молитву давала» (л. 85, 87), и пр. и пр. Къ чести Посошкова и въ доказательство справедливости его извѣстій, нужно указать на очевидную воздержность его отъ всякихъ преувеличеній. Разоблачая дурныя стороны раскола, онъ въ то же время съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ указываетъ и хорошія. Кромѣ признанія обширной вѣчитанности раскольниковъ, Посошковъ указываетъ также на свѣтлыя проявленія нравственности въ нѣкоторыхъ сектахъ, на «воздержаніе въ яденіи, питіи» и пр., хотя и видитъ въ этомъ «токмо блазнь едину», такъ какъ діаволь хитръ есть и вся сильныя добродѣтели отъя отъ нихъ, а въ чемъ силы нѣтъ, то остави» (л. 105 об.).

Что же видитъ въ расколѣ самъ Посошковъ, каковы были взгляды на расколъ здравомыслящихъ простецовъ, не предзанятыхъ современниковъ?

Ближайшее знакомство съ расколомъ, во всей силѣ его аргументовъ и основоположеній, здравое разсмотрѣніе и оцѣнка ихъ, въ то же время знаніе Священнаго Писанія и твореній отеческихъ, привели Посошкова

въ убѣжденію, что расколъ есть порожденіе религіознаго невѣжества, сильное въ своемъ грубомъ, неразумномъ упорствѣ. «Возмнивъ себя разумнѣе прочихъ челоуѣковъ и положившись на свой разумъ», раскольники поколебались въ «неподвижномъ стояніи на Священномъ Писаніи» и не могли удержаться въ истинномъ его пониманіи, потому что «разсудокъ ихъ кривъ» оказался и «огрубѣ отъ великаго упорства». Неразумнѣе же Писаній и было причиною того, что раскольники разсѣялись по всевозможнымъ дебрямъ заблужденія, прикрываясь и оправдываясь извращеннымъ смысломъ, «кривымъ толкованіемъ Писаній». На это-то невѣжество въ разумнѣи Писаній и напираетъ особенно Посошковъ, опровергая главнымъ образомъ въ этой области всѣ пункты старовѣрческой догматики. «Кто есте вы?» обращается Посошковъ къ раскольникамъ, — «простые не ученые мужики, и въ Божественномъ Писаніи не искусни есте, не знаете ни худа, ни добра, ни грѣха, ни спасенья, по просту рещи — ни уха, ни рыла: но яко скоть безсловесный и упрямство и непокорство имѣете діавола». «Все вы скудоумни и не разумѣете ничего: гдѣ Писаніе повелѣваетъ идти направо, а вы идете налѣво, всякое слово Писанія разсуждаете opakъ и отъ криваго разсужденія искривились вы» (л. 54, 46, 36 об.). Совершенная тупость раскольниковъ въ пониманіи «даже явныхъ глаголовъ въ Божественномъ Писаніи», поставлявшихъ бѣлое чернымъ, сладкое горькимъ, правое неправымъ (л. 68 об.), выводили Посошкова изъ терпѣнія, такъ что онъ безцеремонно величаетъ раскольниковъ «скотомъ безсловеснымъ, дураками», замѣчая, что «ни въ самыхъ дуракахъ, ни въ младенцахъ несмысленныхъ такого безумія никто не обрящетъ». Неоднократно Посошковъ сравниваетъ раскольниковъ съ слѣпными червями, которые расползаются всѣ врозь: такъ точно и раскольники расходятся всѣ съ прямого пути, и «очи имуть, а не видятъ, уши имуть — и не слышатъ, яко истуканные идола» (л. 101 об.).

Какъ на очевиднѣйшій признакъ невѣжества раскольниковъ, Посошковъ указываетъ на страшные безпорядки, поддерживаемые старовѣрами при богослуженіи (л. 131); указываетъ на такъ называемыя тратиматы, то есть совершенно безсмысленныя вставки и прибавленія къ тексту богослужбныхъ пѣсенъ, напримѣръ «ай не не не най не ай нани сотвори» и т. п., которыя получили санкцію въ глазахъ раскольниковъ, непонимавшихъ конечно, «что то за невенайки» (л. 131). Впрочемъ, такими же не-

вѣждами являлись раскольники и въ самыхъ элементарныхъ религіозныхъ свѣдѣніяхъ: пустившись въ пренія о вѣрѣ, «раскольничя законоположители и глагола сего не разумѣютъ, что именуется вѣрою, но, яко спящии во снѣ, глаголютъ и еже глаголютъ ничего не вѣдаютъ. Не безуміе ли сіе есть, еже двуперстное сложеніе нарицають вѣрою, иконы старыя нарицають вѣрою, книги Іосифовскія нарицають вѣрою?» (л. 238, 150 об. = Розыскъ л. 2, 9).

Всѣ эти размышленія приводятъ Посошкова къ сожалѣнію о раскольникахъ, взявшихся не за свое дѣло, отвергнувшихъ авторитетъ людей призванныхъ, свѣдующихъ. «Время вамъ», обращается онъ къ раскольникамъ, «въ то не вступати, чего не смыслите. Вамъ, безумія вашего ради, не подобаеъ книгъ читати и о недовѣдомыхъ вами словесахъ разсуждати: не на пользу бо вамъ книги за безуміе ваше. По вашему разуму достаточно вамъ овощи продавати, бобръ чесати, землю копати... По моему суду, лучши ти есть иди на разбой, нежели людей Божіихъ совращати» (л. 130, 126). Впрочемъ, не неразуміемъ только объяснялъ Посошковъ заблужденія раскольниковъ, — онъ, очевидно, заподозривалъ ихъ въ намѣренномъ упорствѣ и искаженіи истины. Въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ, что «раскольники обыкоша между строкъ читати и чего нѣсть въ Писаніи, то утверждати», что и въ своихъ излюбленныхъ книгахъ они выбираютъ только «плевелы на смущеніе православнымъ, а здравая словеса минуютъ» (л. 29 об., 101). Расколоучителей же Посошковъ подозрѣваетъ въ низкихъ, корыстныхъ побужденіяхъ: по его мнѣнію, они только ищутъ богатства, «отъ кого насытитися и руки своя наполнити» (л. 112 об.).

Какъ человѣкъ въ высшей степени религіозный, Посошковъ не ограничиваетъ причины раскола только невѣжествомъ и грубымъ упорствомъ народа: его набожному взору казалось очевиднымъ въ расколѣ участіе и духа злобы, непосредственная связь съ явленіемъ на землѣ антихриста. Мысль эта, высказанная, какъ мы видѣли, въ другихъ противораскольническихъ сочиненіяхъ, съ особенною силою проводится Посошковымъ и является у него даже въ своеобразныхъ, оригинальныхъ формахъ.

Прежде всего Посошковъ видитъ въ расколѣ непосредственное продолженіе ересей, почти непрерывно волновавшихъ церковь, — дѣйствіе того же духа «самоиѣнія», чрезъ посредство котораго діаволь всегда нарушалъ миръ церкви. Такимъ, дѣйствительно, и долженъ былъ пока-

заться расколъ, въ эпоху своего сильнѣйшаго развитія превзошедшій своими нелѣпостями и искаженіемъ православія всѣ ереси. Во всякомъ случаѣ, это мнѣніе Посошкова не одностороннее: оно высказано было почти всѣми извѣстными апологетами православія. Симеонъ Полоцкій, на примѣръ, говоритъ: «демонъ, ратовавшій на церковь въ первомъ Адамѣ, дерзнулъ брань двинути и на втораго и не преста козлотворити, древле — Аріежъ, Несторіежъ.., нынѣ же — новоявлшимися Никитою, Аввакумомъ, Лазаремъ» и пр. (Жезель правд. л. 12 об.). Питиримъ тоже, какъ мы видѣли, расколъ поставлялъ въ родство съ древними ересями; притомъ, находилъ его лютейшимъ «самаго льва рыкающаго — Арія», «еретика Аввакума» называлъ «новымъ Несторіежъ» (Пращица л. 11, 414 об.). Дмитрій Ростовскій проводитъ родословную раскольниковъ отъ самаго сатаны чрезъ посредство жидовъ, Льва Исаврянина, Лютера и др. (Розньскъ 198 л.). Сообразно такому установившемуся тогда воззрѣнію, и Посошковъ видитъ въ расколѣ не только отпрыскъ бывшихъ ересей, но «изъ безумныхъ безумнѣйшую и изъ проклятыхъ проклятую» ересь, самихъ «всесовершенныхъ адскихъ воиновъ» (л. 69 об., 81 = Зав. от. 89 стр.). «Всѣхъ прежде бывшихъ еретиковъ», обращается Посошковъ къ раскольникамъ, «вы несравненно превысили: Арій, Несторій... при васъ злобою младенцы быша». «Они хулиша по части: овѣи Божество отъ Христа отымаху, овѣи челоувѣчество безъ души сказываху.., вы же вся та своимъ хуленіемъ исполниша и усугубиша, приложиша» (л. 69 об., 67, 73 и др.). Мало того, не ограничиваясь церковію христіанскою, Посошковъ, въ порывѣ сильнѣйшаго возбужденія, приравниваетъ раскольниковъ къ врагамъ Божиимъ въ цѣломъ челоувѣчествѣ, находитъ ихъ «злѣе жестоковѣйныхъ жидовъ и поганыхъ идолопоклонниковъ: жидове бо, не познавъ, Бога распяли, росіейстѣи же раскольницы волею сыновства Божія отрекошася. Иновѣрцы же и истиннаго Бога не знающіи не дерзають глаголати тако дерзко» и пр. (л. 89, 67, 70, 17, 132 об. и др.).

Много и съ непоколебимою силою убѣжденія Посошковъ говоритъ также о непосредственной связи раскола съ усиліями духа злобы. Діаволь, «крѣпко вооружившійся на народъ христіанскій, пустилъ въ міръ 4 удицы», символизируетъ Посошковъ, «и отъ всѣхъ 4 странъ уловляетъ ими. На востокъ обрѣтъ Арія..., потомъ нападе на сторону западную и тамо обрѣте папу Формоза и зацѣпи цѣлую страну римскую; потомъ нападе на южную страну и тамо обрѣте два вѣрныя раба: Лютера и Кальвина.

Нынѣ же діаволь нападе на нашу страну и въ ней обрѣте не два друга, а многочисленное множество, ихъ же числа не бѣ, всю Россію поколеба» (л. 25). Сообразно этому, Посошковъ въ учителяхъ раскола видитъ посланниковъ діавола, которые «въ міръ посланы — да прельщаютъ народы, да совращаютъ съ истиннаго пути, еже бы уготовати путь антихристу». Въ ихъ ученіи усматриваетъ «законъ злобный, отъ начальника злобы — діавола данный». Посошковъ указываетъ даже признаки, по которымъ онъ видитъ въ расколѣ бѣсовское ученіе; онъ проводитъ параллель и находитъ полное соотвѣтствіе между тѣмъ, что «любо діаволу и что принято въ расколѣ» (л. 95). Раскольниковъ называетъ сынами діавола, орудіемъ его: «либо отъ діавола въ міръ вы придосте, либо діаволь вселился въ васъ, дѣйствуетъ вами, яко бы каковымъ орудіемъ. Духъ діавола что хочетъ, то ими и творить» и пр. (л. 77 об. Соч. Пос. т. II, 133). Посошковъ простираетъ родство раскольниковъ діаволу и на слѣдующія степени: онъ находитъ и внучатъ діаволу — въ любящихъ и слушающихъ расколоучителей, «понеже лжетворцы сынове суть діавола, а лжелюбители внучата его. Сынове діаволи своихъ чадъ, а діавольскихъ внучатокъ, лжею питають, лжею утѣшаютъ, а тив, яко младенцы, ротъ розиня, у нихъ слушають и лжи навывкають». Самое безумное упорство и неразумная ревность раскольниковъ, ихъ «мысленное затмѣніе», отъ котораго они неспособны понимать самыхъ простыхъ вещей, по мнѣнію Посошкова, суть результаты козней діавола (т. II, 239, 133).

Точнѣе опредѣляетъ Посошковъ связь раскола съ діаволомъ чрезъ посредство антихриста. Своимъ ученіемъ о наступленіи царства антихриста, раскольники дали поводъ Посошкову, опровергавшему это ученіе, высказать мнѣніе, что «есть и теперь антихристь, но не прямо и не естественно (естественный антихристь имать быти одинъ и той при кончинѣ вѣка сего), а дѣлами». И это-то проявленіе антихриста дѣлами Посошковъ видитъ въ раскольникахъ: «при Христвѣ быша антихристы и нынѣ въ васъ есть, яко-же Иванъ Сусловъ» и др. (л. 134 об.). Составленіе раскола съ апокалипсическимъ змѣемъ встрѣчается еще у патріарха Іоакима, Симеона Полоцкаго и Дмитрія Ростовскаго¹⁾; но Посошковъ высказывается гораздо опредѣленнѣе. По его мнѣнію, рас-

¹⁾ Напримѣръ Увѣтъ духов. л. 33; Жезлъ правленія л. 123 об.; Розыскъ стр. 69.

кольники призваны отъ діавола служить предтечами антихристу: «еже ему надлежало самому творити, то все вы сотворили есте и путь ему управили. Истиннии вы предтечи антихристовы и путь ему готовите»... (л. 135, 11 об. = Розыскъ 105 стр.). Поэтому, и объ ученіи раскола Посошковъ точнѣе выражается, какъ о законѣ исшедшемъ «отъ самаго седмоглаваго звѣря, сирѣчь отъ антихриста». Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ видитъ въ современномъ расколѣ исполненіе пророчествъ о наступленіи временъ антихриста: «миѣ сіе не дивно, еже вы путь антихристу ирѣготовляете: подобаетъ тако быти», и онъ доказываетъ, что «вся апостольская прореченія на нашихъ російскихъ раскольникахъ сбылася»: «о горе наше! во очесѣхъ нашихъ пророчество Аюстола сбытесе» и пр. (л. 135, 22 об., 87, 90 об., 141, 95 об. и др. = Жезлъ правл. л. 34). Посошковъ пытается даже символически показать соотвѣтствіе дѣлъ раскольниковъ свойствамъ антихриста: «Ясно показано Іоанну Богослову, яко у антихриста семь главъ и тѣи вси главы исполнены именъ хульныхъ: они прообразовали возложенную днесь отъ посланиковъ антихристовыхъ на семь тайнъ церковныхъ хулу. Паки изъявлено, яко будетъ антихристъ хулити Бога и селеніе Его: и сіе не дѣйствуется ли днесь?»... (л. 12).

Развивая апокалипсическій взглядъ на раскольниковъ, высказанный въ общихъ чертахъ и другими расколо-обличителями, Посошковъ заходитъ, какъ мы замѣтили, гораздо далѣе другихъ и высказываетъ мысли чисто своеобразныя, по крайней мѣрѣ не встрѣчающіяся въ знакомыхъ намъ противораскольническихъ сочиненіяхъ. На основаніи пророчества Іоанна Богослова въ Апокалипсисѣ о печати антихриста, которою онъ запечатлѣетъ хулящихъ имя Божіе, Посошковъ убѣдился, что эта печать антихриста находится уже въ дѣйстви, что имѣющій придти антихристъ заклеимилъ многихъ изъ русскаго народа. «Азъ отъ всѣхъ свидѣтельствъ твердо увѣрихся, яко нынѣ совершенно дѣйствуетъ антихристово запечатлѣніе. Оно печатается на челѣ и рѣцѣ произволенія человѣческаго, а не на видимомъ челѣ и рѣцѣ плоти. Того ради, никто не можетъ его познати собою», а только, «по дарованію Божію, присмотрѣвъ со стороны по дѣламъ и всему намѣренію чловѣка узнать его можно» (л. 138 об.). По всѣмъ признакамъ, Посошковъ усмотрѣлъ, что закоренѣлые раскольники «вси запечатлѣни суть антихристовою печатію въ чело» (л. 15, 35 об. и др.). Поэтому, Посошковъ постоянно проводитъ строгое

разграниченіе между запечатлѣнными раскольниками и не подвергшимися еще запечатлѣнію, считая первыхъ безвозвратно погибшими, потерявшими всякую надежду исправленія и спасенія. Кто «запечатлѣнъ антихрестою печатію, уже покаяться не можетъ: уже бо самъ собою не владѣеть, но владѣеть имъ живой въ немъ духъ лести, иже въ него вниде и вселися въ немъ», — таковымъ уже неизбѣжно «быть въ адской пропасти» (л. 9, 65, 39). Это запечатлѣніе, дѣлая невозможнымъ христіанину обращеніе къ свѣту истины, поражаетъ «сугубою слѣпотою», — чему явнымъ доказательствомъ служатъ наши раскольники, которые «ничего право зрѣти и право разумѣти не могутъ» и которые сдѣлались «сынами тьмы непроедѣтими» (л. 240 об.). Напрасны и всякія усилія обратить запечатлѣнныхъ на путь покаянія; всякій православный въ силахъ только сожалѣть и молиться о нихъ (л. 15). Посошковъ рекомендуетъ при этомъ довольно наивный способъ, по которому можно узнать подвергшагося печати антихриста. Этотъ способъ состоитъ въ испытаніи по Зерцалу: «егда обрящещи отпадшаго отъ церкви, то прочти сѣбѣ бесѣду («о покаяніи» или «главизну о хульникахъ изъявленную и бесѣдами въ тонкость расположенную), и аще умилится, возжелаетъ покаянія, той не запечатлѣнъ, а который рожу свою отворитъ отъ тебя, то вѣдая вѣдай, яко запечатлѣнъ есть: обличеніе бо безумному мозоліе ему есть; и по сему можно во единомъ часѣ познать, кто есть волкъ и кто овца Христова стада» (л. 65, 17 об.).

Увѣщательный элементъ въ сочиненіи Посошкова опредѣляется уже самымъ взглядомъ его на расколъ и близко напоминаетъ знакомыя намъ увѣщанія современныхъ ему борцовъ православія. Только при чтеніи полнаго Зеркала чувствуется его сравнительно особенная простота, настойчивость, задушевность. Неподдѣльная ревность автора, не могущаго только, какъ онъ выражается, свой умъ вложить въ заблудшихъ (л. 235), становится до осязательности очевидною. Происходя самъ изъ простецовъ, зная по опыту опасность и соблазны для нихъ раскола, Посошковъ и хочетъ дѣйствовать преимущественно на простецовъ, убѣжденіями самыми доступными для всякаго, и дѣйствуетъ, нужно сознаться, сильно, — не мощными аргументами, не блескомъ краснорѣчія, а главнымъ образомъ силою своею внутренняго убѣжденія, силою своего сердечнаго слова, которое и бываетъ особенно дѣйственно въ своемъ вліяніи на такія же простые сердца. Могутъ иногда показаться даже наивными его замѣ-

чательно простосердечные доводы; такъ, истощивъ весь запасъ своей аргументаціи, онъ, обыкновенно, заканчиваетъ такимъ полновѣснымъ доказательствомъ: «ей-ей не право вѣруете; ей-ей истину вамъ сказую, яко грѣшите напрасно; азъ твердо вѣмъ, что вы заблуждаетесь; Господа ради, умоляете, размыслите сами» и т. п.

Въ ряду всѣхъ полемиическихъ доводовъ Посошкова особеннаго вниманія заслуживаетъ мысль его о распространеніи просвѣщенія въ средѣ раскольниковъ. Исходя изъ воззрѣній на расколъ, какъ на продуктъ народнаго невѣжества, Посошковъ, представитель новаго времени, разумный сторонникъ великаго преобразователя, сознательно убѣжденный въ пользѣ науки, старается внушить это убѣжденіе и закоренѣлой въ невѣжествѣ народной массѣ, рекомендуетъ просвѣщеніе, какъ самое дѣйствительное средство познать истину, избѣгнуть вѣчной гибели. Правда, Посошковъ сознавалъ уже невозможность образования для застарѣлыхъ въ невѣжествѣ своихъ современниковъ, но, какъ передовой отецъ и въ своей собственной семьѣ, онъ старается внушить заботливость о дѣтяхъ, ратуетъ о молодомъ поколѣніи, стремится его извлечь изъ той умственной тьмы, которая подавляла и губила отцовъ. Въ высшей степени замѣчательны его слова, гдѣ примѣрами и клятвами Посошковъ старается внушить довѣріе къ школьному обученію, увѣрить въ полезности науки: «Господа ради, отложите вы свое сомнѣніе и отдайте безъ замедленія дѣтокъ своихъ къ грамматическому ученію; егда ваши дѣтки научатся единой токмо грамматикѣ, то въ васъ книжнаго разумнія свѣтъ воссіяетъ, а безъ того, koliko вамъ, бѣднымъ, ни суетиться, а кромѣ вѣчныя погибели не обрѣсти... Вельми подобаетъ вамъ дѣтокъ своихъ научить грамматическаго разума. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, почесому были велики и славны? — явѣ есть, яко книжныя премудрости въ достатокъ научилися... И вы, Господа ради, отложите всѣ свои нужды: отберите чадъ и отдайте ихъ въ наученіе грамматическое» и пр. и пр. (л. 132). Посошковъ даже старается поддѣйствовать на темные народные инстинкты, лишь бы только расположить въ пользу науки: «егда дѣти ваши научатся», говоритъ онъ раскольникамъ, «то и вы сильнѣе будете и никто противу васъ стояти не будетъ». Во всякомъ же случаѣ, Посошковъ не сомнѣвался въ дѣйствительной пользѣ грамотныхъ дѣтей и для ихъ отцовъ: «аще у васъ есть желаніе о книжномъ разумніи, то чадъ своихъ отдайте въ нау-

ченіе. Егда они достигнуть синтаксиса, то во глаголѣхъ всякихъ и въ сочиненіи силу будутъ познавать и вамъ будутъ возвѣщать, гдѣ право и неправо; тогда и вы будете достовѣрны, за что вамъ достоинъ упорно стояти. А безъ науки отнюдь не подобаетъ въ книжное исправленіе вступати». Поэтому, «дондеже дѣти ваши изъ училищъ изыдутъ, Господа ради, умолкните. Не научась книжнаго разума, безъ ума нечего много претися, надобно первѣе въ конецъ книжный разумъ познати, да тогда уже въ него вступати» (л. 132 об.). Но Посошковъ хорошо зналъ современное общество, онъ зналъ, что сгремленіе къ грамотности вызоветъ многихъ противниковъ въ массѣ народа, и потому энергично предостерегаетъ отъ внушеній послѣднихъ: «если кто въ васъ не поведить вамъ дѣтей своихъ въ науку отдавати, то вы прожените того человѣка отъ себя яко пса, понеже той изъ тьмы пришелъ и отъ самаго сатаны, и внутрь себя адскую тьму имѣетъ, и васъ въ ту же тьму совлещи хочетъ» (л. 132 об.).

Мысли Посошкова о просвѣщеніи, какъ самоѣ радикальномъ орудіи противъ раскола, являются въ высшей степени знаменательными. Эти мысли не устарѣли и для нашего времени: онѣ постоянно повторяются и теперь. Распространеніе образованія въ темныхъ слояхъ русскаго народа, такъ желанное Посошковымъ, и теперь считается потребностію дня, хотя и теперь оно во многомъ остается не болѣе, какъ только желаніемъ.

Что касается вообще полемическихъ приемовъ Посошкова, то большею частію онъ слѣдуетъ программѣ другихъ противораскольническихъ сочиненій; поэтому, мы ограничимся возможно краткимъ ихъ указаніемъ. Подробно разсматриваетъ Посошковъ всѣ пункты раскольничьяго заблужденія и предлагаетъ опроверженія, основываясь на словахъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отецъ. При этомъ съ особеннымъ благоразуміемъ онъ пользуется тѣми твореніями древне-христіанской и древне-русской письменности, которыя сохранили свой авторитетъ и у раскольниковъ, часто ссылающихся на частныя выраженія этихъ книгъ въ борьбѣ съ православіемъ. Въ этомъ нельзя не видѣть въ высшей степени полезной и рекомендующей автора особенности Зеркала, такъ какъ, кажется, ни въ одномъ изъ тогдашнихъ полемическихъ сочиненій не обращено такого вниманія на излюбленныя раскольниками клиги, неточность выраженія или неправильность пониманія которыхъ нерѣдко составляли существенныя опоры раскола. Такъ, Посошковъ постоянно ссылается на книгу «О

вѣрѣ» и на сочиненія Кирилла Іерусалимскаго, поставляя на видѣ при этомъ раскольникамъ, что эти «книги они лобжутъ, а что въ нихъ написано топчуть; что въ нихъ на спасеніе писано, того не видятъ и не разумѣютъ, а токмо видятъ, кѣи отъ неискусныхъ справщиковъ плевелы вкинуты». Разсмотрѣвъ всѣ основы раскола, Посошковъ пришелъ къ тому заключенію, что «ни на что они не опираются», что «ихъ опоры хуждши павлинаго пера, основаніе своихъ законовъ они утвердиша на сыпучемъ песцѣ» (Соч. Пос. II, 71, 116, 259 стр.) и пр. и пр. Въ большинствѣ случаевъ вполне удачно Посошковъ низвергаетъ эти основанія, разоблачая «гаданія и кривыя толкованія» раскольниковъ, доказывая «безумство» ихъ пониманія извѣстныхъ мѣстъ, «обличая, обнажая и предлагая» всѣ ихъ аргументы (напр. л. 72, 16 об., 105 и др.). Въ самомъ расколѣ Посошковъ находитъ его осужденіе, потому что жизнь и поступки его послѣдователей противорѣчатъ постоянно ученію и убѣжденіямъ ихъ. «Вы бѣдныя суетумы», говоритъ напр. Посошковъ, «и любимой своей книгѣ дѣете сопротивленіе, понеже прочитаете тая, а скажете иная и отъ отецъ своихъ сами ся отлучили» (л. 94). Раскольники ссылались, какъ на основы своего ученія, на вселенскіе соборы, но «та ссылка вамъ къ винѣ, а не къ оправданію», говоритъ Посошковъ и далѣе подробно указываетъ на извращеніе соборнаго ученія въ расколѣ (л. 72, 108). Вслѣдствіе сбивчивости взглядовъ на дѣла вѣры и неустановленности религіозныхъ убѣжденій, раскольники впадали въ грубыя противорѣчія между собою, взаимно уничтожающія другъ друга и служившія, по Посошкову, очевиднымъ свидѣтельствомъ ихъ неправоты (л. 33 об.). Часто также Посошковъ развиваетъ, всѣдъ за Дмитріемъ Ростовскимъ, мысль о несправедливыхъ претензіяхъ раскольниковъ на старовѣрство и доказываетъ новостъ ихъ вѣры. «Напрасно на душу свою лжете, еже нарицаете новую свою вѣру старою вѣрою: нѣсть бо въ вашей вѣрѣ ни слѣда старыя вѣры, понеже всѣ уставы старыя вѣры отвергосте и новыя, отъ себя сочиненныя, держите» (л. 72 об.; также л. 26, 81, 84 об., 95, 240). Какъ на самое явное доказательство ложности ученія раскольниковъ, Посошковъ указываетъ на лживость всѣхъ ихъ пророчествъ; такъ напримѣръ, кончину міра «уже вѣщи четыредесяти лѣтъ на вѣждо годъ прорицаютъ и день сказуютъ, и послѣдователи ихъ той день не піютъ ни ядятъ, въ саванъ обогнувшія въ гробъ ложатся. Егда той день минетъ, паки инаго дня ждуть: аще и

видать свое лжепророчество, обаче не престаая пророчествуютъ, а послѣдователи не отменютъ ихъ, но что не соврутъ, тому и послѣдуютъ». «Подобно объ антихристѣ прорицали и лицо сказывали, и вся та лжепророчества минуша, обаче и нынѣ не престаая прорицаютъ». «Лжепророчествовали и на Никона и доводами доводили, и лѣтами учили, и имя ему звѣрино исчисляли, яко той антихристъ. Егда же Никонъ скончался, стали на инья лица прорицать». «По симъ ложнымъ пророчествамъ мочно и самымъ простымъ людямъ познать, яко лживи суть пророцы», заключаетъ Посошковъ (л. 89 об., 135 об., 161, 134). Чтобъ разсѣять сомнѣнія раскольниковъ относительно книжнаго исправленія, какъ главнаго камня претыканій для раскольниковъ, Посошковъ много разсужденій посвящаетъ этому предмету. Онъ указываетъ раскольникамъ на испорченность до-никоновскихъ книгъ отъ старыхъ переписчиковъ и справщиковъ: «отъ неразумія прежнихъ справщиковъ всѣ бѣды потрясошася. Ни они грамматики, ни они риторики, ни иныхъ каковыхъ наукъ коснулись, и тако правя, наблудили что кошки» (л. 126 об.). Посошковъ указываетъ также на «многотрудность къ переводу греческаго языка», съ котораго переводились наши книги, и, вслѣдствіе этого, «невозможность въ переводѣ быти безъ погрѣшенія»; указываетъ на постепенное искаженіе книгъ: «преписующе, ово отъ забвенія, ово отъ незнанія правописанія изрониша, ово же уметвующе измѣниша, а тако и въ печать внесоша». Поэтому, «невозможно было никими дѣлы, еже не поправить книги послѣди (л. 130 об.). Доказавъ, такимъ образомъ, законность исправленія книжнаго, Посошковъ энергически оправдываетъ Никона отъ взводимыхъ на него нарѣканій, разоблачаетъ гнусныя лжесвидѣтельства, которыми раскольники возбудили народъ, гласящія напр. «яко бы онъ повелѣлъ книги печатать какъ ни есть, лишь бы не такъ, какъ было до него; яко-бы онъ нарочно, ради погибели человѣчскія, въ книгахъ многія рѣчи премѣнилъ» (л. 19, 38, 118)¹⁾. Чтобъ смыть всякую тѣнь съ Никона, Посошковъ говоритъ о тщательномъ вниманіи, приготовленіи и средствахъ, съ которыми онъ приступалъ къ книжному исправленію: «усмотрѣвъ неправости въ книгахъ, онъ не дерзнулъ ихъ править собою, аще и високаго ума былъ, но послалъ къ патріархамъ и въ древнія обители, собралъ самыя старыя книги» и пр. — рассказываетъ исторію

¹⁾ Такую наглую клевету на Никона Посошковъ объясняетъ внушеніями діавола, «повеже Никонъ великія шкоды діаволу подѣлалъ» л. 158.

исправленія (л. 131 об., также л. 144, 160 об. и др.). Правильность же произведенных Никономъ исправленій Посошковъ, какъ человекъ простой, доказываетъ самыми простыми и наглядными способами; онъ совѣтуетъ сличать новыя книги съ старыми — неспорченными еще: «аще кто не имать ми вѣры», говоритъ онъ, «той возьми соборникъ старыя печати и прочти, и узриши очима» (л. 76, 144) и проч. А чтобъ познакомиться съ древнѣйшими памятниками церковно-русской письменности, Посошковъ приглашаетъ въ библіотеки: «аще кто не имать ми вѣры, аще кто отъ раскольниковъ въ сомнѣніе о новоисправленныхъ книгахъ приведенъ, той да идетъ въ патриаршую книгохранильницу или на печатный дворъ и тамо да видитъ своимъ очима древнія рукописныя книги, и да разсмотритъ самъ, право ли въ новопечатныхъ книгахъ напечатано или неправо, и тамо зря, будетъ безсумнителенъ» (л. 120, 144 об.).

Съ задушевнымъ прискорбіемъ сѣтуя о бывшихъ сынахъ святой церкви, которые, «изъ добрыя воли своея Бога отреклись и учинилися сынами діаволими», Посошковъ умоляетъ ихъ осмотрѣться и отвергнуть лжеученіе. Уже помимо всякихъ догматическихъ доказательствъ и авторитетныхъ свидѣтельствъ, а явленіемъ чудесъ, которыхъ онъ былъ въ своей жизни свидѣтелемъ (напр. л. 95 об., 214 об., 216, 137), также отъ собственныхъ соображеній здраваго смысла, Посошковъ доказываетъ превосходство православія. Вызывая постоянно и самихъ раскольниковъ на добросовѣстное, непредубѣжденное размышленіе и располагая такимъ образомъ ихъ къ свободному, сознательному управленію собой, въ то же время, Посошковъ поставляетъ предъ ихъ глазами и тѣ побудительные мотивы, которые особенно могли дѣйствовать на дѣтское воображеніе простаго народа: указываетъ на будущія мученія, которымъ неминуемо подвергаются еретики, указываетъ на историческіе примѣры Ананіи и Сапфиры, Арія и др., указываетъ на діавола, какъ ихъ патрона и мздо-воздавателя, на свойство его воздаяній и пр. (л. 92, 21 об., 80, 63 об., 82 об.). Сверхъ сего, Посошковъ молитъ раскольниковъ «не быть аспидами, затыкающими уши отъ увѣщаній. Азъ же не умолкая глаголю вамъ: покайтеся.... Аще и великъ свой гнѣвъ на мя воздвигните, не умолкая буду вопити. Аще же меня не послушаете, то буди вамъ по намѣренію вашему, азъ же чистъ есмь отъ погибели вашей: елико ми Богъ дароваль, толико изрекъ. Аминь (л. 51 об., 68, 107, 39 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ Посошковъ обращается съ увѣщаніями вообще ко всѣмъ раскольникамъ безразлично, всѣхъ убѣждаетъ, всѣхъ ободряетъ и вдохновляетъ надеждою на милость Божію и прощеніе въ случаѣ покаянія; но главнымъ образомъ, какъ мы замѣтили выше, онъ имѣетъ въ виду и хочетъ подѣйствовать на сомнѣвающихся и колеблющихся отъ раскола. Что же касается до нераскаянныхъ, «запечатлѣнныхъ отъ антихриста» раскольниковъ, то ихъ Посошковъ умоляетъ по крайней мѣрѣ не совращать другихъ, рекомендуя имъ лучше заняться разбоемъ, чѣмъ убивать души вѣрующихъ (л. 39, 130). Кромѣ молитвенныхъ обращеній, разсѣянныхъ по всей книгѣ, въ которыхъ Посошковъ проситъ Бога соблюсти православныхъ христіанъ отъ козней раскольниковъ, въ своихъ обращеніяхъ къ православнымъ Посошковъ настоятельно требуетъ рѣшительнаго удаленія отъ раскола, порванія всѣхъ связей съ зараженными «недугомъ раскольниковымъ»: «удаляйся отъ нихъ какъ отъ ядовитаго змія, бѣгай какъ отъ пса», постоянно повторяетъ Посошковъ (напр. л. 21 об., 17, 93, 139 об., 159 об. = Прац. л. 18; Жезль правл. л. 17; Просвѣтитель стр. 322). «Всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ неоплошно смотрѣти, дабы раскольничи вѣры ничѣмъ не прикоснулись и содружія бы съ ними никакого не имѣти, и отъ спребыванія съ ними бѣжати бѣгомъ стрѣлолетнымъ». «Ни въ какомъ дѣлѣ — ни въ домовномъ, ни въ торговомъ, ни въ молитовномъ, ни въ пищомъ не подобаетъ съ ними сообщатися» (л. 241, 13).

Тонъ увѣщаній и обличеній Посошкова вообще миролюбивый, ласковый, хотя и не безъ исключеній. Для нашего времени сочиненіе показалось бы слишкомъ рѣзкимъ, даже часто ругательнымъ; между тѣмъ, у Посошкова это была дань своему времени. удовлетвореніе требованіямъ современнаго вкуса, даже было дѣломъ необходимымъ при тогдашней жесткости нравовъ, потому что «изъ проклятыхъ проклятій раскольницы, если писать имъ смиреніемъ — не внимали, писать поучительно — не слушали» (л. 69 об.). Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ является даже слишкомъ умѣреннымъ, его бранныя выраженія значительно сглажены въ сравненіи съ современными полемическими трудами. Уже патріархъ Іоакимъ часто называлъ раскольниковъ окаянными дураками, съ которыми «не токмо глаголати, но и зрѣти на которыхъ, яко на певъ бѣснующихъ, не годствуетъ» (Увѣтъ л. 40, 65 об. и др. = Просвѣтитель стр. 63). Пятиримъ тоже постоянно къ имени раскольника присоединяетъ неслестные

эпитеты, въ родѣ слѣдующихъ: мерзкіе, скверные, проклятые, звѣрие, пси безстудные, «злохуленіемъ лающіе на Церковь» и т. п. Питиримъ высказываетъ даже мысль, что раскольники, за ихъ «мерзкое, блудное житіе и за непокорство, достойни истребленія», и вполнѣ одобряетъ насильственные мѣры, употребленныя Петромъ Великимъ въ отношеніи къ раскольникамъ (Прац. л. 358 об.). Даже святитель Дмитрій Ростовскій не могъ освободиться отъ недостатка своего времени: онъ также называлъ раскольниковъ псами, лающими на Церковь, окаянными хулителами, сравнивалъ ихъ съ ядовитыми пауками, хищными волками и пр. (напр. Розыскъ л. 37, 162, 524, 561). Но особенно выдается неспокойнымъ изложеніемъ Жезлъ правленія. У Полоцкаго часто встрѣчаются такіа неблагозвучныя для современнаго уха выраженія: «клеветши, окаяние, свинія еси, вепрь гнусный, лись, губяй виноградъ церковный. Еже смрадный возлищъ въ садѣ благая дрѣвеса губить и свинія сквернымъ носомъ въ вертоградѣ рыеть, тако и скотоумный Никита въ вертоградѣ Писаній» и т. п. (Жезлъ правл. л. 15, 17, 23 и др.). Изъ выраженій: гонзайте ихъ, подобаетъ обезглавити сего Голиафа (т. е. расколъ) (л. 17, 13 об.) и т. п. видно, что Полоцкій не прочь былъ и отъ насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ раскольникамъ.

Посошковъ, какъ по преимуществу выходець изъ народа, въ средѣ котораго выработались такіа правила приличія и вѣжливости, какъ челоуѣкъ къ тому же менѣ другихъ знакомый съ литературными требованіями и, во всякомъ разѣ, не менѣ другихъ проникнутый негодованіемъ на раскольниковъ, разумѣется, менѣ всякаго былъ гарантированъ отъ употребленія выраженій дерзкихъ, оскорбительныхъ. Безцеремонно и, очевидно, не подозрѣвая себя выходящимъ изъ границъ приличія (такъ это было естественно и законно въ то время), Посошковъ обзываетъ раскольниковъ дураками, безумными, уродами и пр. Крайніа нелѣпости, невѣжество и упрямство раскольниковъ часто возмущали добродушіе Посошкова и его миролюбивое настроеніе, нарушали спокойное изложеніе мыслей, вызывая на рѣзкіа выраженія: «о, безумнаго безумія, о, трепроклятаго мудрованія отчаянныа главы! невозможно васъ проклятыми нареци, но трепроклятыми, девятипроклятыми»... и т. п. Встрѣчаются, наконецъ, и у Посошкова выраженія, свидѣтельствующія о желаніи его насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ раскольникамъ; такъ, онъ ублажаетъ Никона за то, что онъ «дрѣвеса, не плодущая добра, посѣкалъ

и въ огнь вметаль»; также Посошковъ считалъ бы дѣломъ божественнаго внушенія императору, еслибъ онъ рѣшился сихъ зловредныхъ чловѣковъ отъ земли истребити» (л. 161). Вообще же говоря, своимъ тономъ «Зерцало на раскольниковъ обличеніе» оставляетъ, сравнительно, очень благопріятное впечатлѣніе. Посошковъ не желалъ никого оскорблять; именемъ Бога, ласково, даже униженно умоляетъ онъ «не отринуть глаголы его», исполнить его совѣты, испрашивая прошенія за рѣзкія выраженія, допущенныя имъ. «Господа ради, не злобьтесь на суровые мои глаголы, не гнѣвайтесь на мя, не оскорбляйтесь на мя, еже сынами діаволими назвахъ васъ. Не слагая писахъ вамъ, но не гнѣвайтесь на меня, азъ бо возбуждая васъ тако воскричахъ, да познаете свое паденіе» (л. 77 об., 61 об., 108 об., 109, 103 об. и др.). И Посошковъ льститъ себя надеждою, что его воззваніе услышатъ, что его извинятъ, что «только отдавшіеся въ сыновство діаволу сего моего необычнаго воскричанія не утрашатся, но только возругаются». Нѣтъ, «воскричаніе» на расколъ было тогда слишкомъ «обычно», необычнымъ же представляется намъ это сознаніе въ своей рѣзкости, извиненія Посошкова; необычны были въ то время это истинно-христіанское смиреніе, уваженіе личности и въ послѣднемъ невѣждѣ-раскольникѣ. Нисколько не унижая предшественниковъ и современниковъ — сотрудниковъ Посошкова въ великомъ дѣлѣ ратоборства за православіе, мы не можемъ, однако, не сказать, что Посошковъ и тутъ возвышался надъ своими современниками, что для своего времени это былъ совершенно не заурядный чловѣкъ.

II.

„О иконоборцах.“

(XXIII глава Зерцала очевиднаго).

Отношеніе Русскихъ къ иновѣрцамъ до Петра Великаго. — Двоукое направленіе полемики съ иновѣрцемъ при Петрѣ В., особенно дѣленію новаго русскаго общества на партіи консервативно-охранительную и прогрессивно-либеральную. — Отношеніе Посошкова къ этимъ партіямъ въ вопросѣ объ иновѣрцѣ. — Полемическая противо-католическая литература въ Россіи до Посошкова. — Взглядъ Посошкова на католиковъ. — Сущность и характеръ полемики Посошкова.

Вопросъ объ отношеніи Посошкова къ иностранцамъ имѣетъ полнѣйшій интересъ уже въ силу его особенной выпуклости въ сочиненіяхъ Посошкова. Какъ мы имѣли случай выше замѣтить, иновѣрцы составляютъ одинъ изъ двухъ полюсовъ, противоположный расколу, между которыми лавируетъ Посошковъ, стараясь сохраняться отъ уклоненій на «шукъ или мнимое десно» съ пути золотой середины. Такое значеніе этого вопроса опредѣляется тогдашнею историческою жизнію, когда, по выраженію Крижанича, «затопила насъ множина инородниковъ», когда «нѣмцы тако обѣли Русь, что все благо земли сея пожирали»¹⁾. Но между тѣмъ какъ русскій политико-экономъ негодуетъ на иностранцевъ изъ-за пожиранія благъ русскихъ, масса народа озлобленно вооружалась противъ иностранцевъ изъ-за другихъ побужденій, вслѣдствіе своихъ національных особенностей, сложившихся подъ вліяніемъ своеобразной религіозности русскаго человѣка. Посошковъ является выразителемъ того и другаго взгляда на иностранцевъ. Объ его недовольствѣ иностранцами съ политико-экономической точки зрѣнія мы уже говорили; но гораздо интереснѣе его религіозный взглядъ на нихъ, обнаружившійся въ особомъ специальномъ

¹⁾ Русское государство въ пол. XVII в. т. I стр. 182 и т. II стр. 154.

разсужденіи Посошкова объ иконоборцахъ, подъ которыми онъ разумѣтъ нѣмцевъ, лютеранъ, Въ этомъ случаѣ Посошковъ является выразителемъ общественнаго мнѣнія всей до-петровской Россіи, мнѣнія, сложившагося исторически, подъ вліяніемъ тѣхъ, уже въ XVII вѣкѣ ясно опредѣлившихся взаимныхъ отношеній, въ которыхъ стоялъ русскій народъ къ ино-вѣрцамъ.

Русскіе люди, равно заключившіеся въ тѣсной сферѣ національной исключительности, односторонности, искони чуждались всѣхъ другихъ націй. Исключительно религіозное національное сознание, при отсутствіи живаго просвѣщенія, въ большей части русскаго народа изстари доходило до религіозно-фанатической нетерпимости и иногда отзывалось уже почти гордостью, тщеславіемъ своею вѣрою, своимъ православіемъ. Всякое сближеніе съ иностранцами считалось нечистотою и казалось оскверненіемъ. Поэтому, напр., Русскіе не удостоивали иноземцевъ даже рукопожатія; извѣстно также, что наши Великіе Князья и Цари послѣ торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ пословъ, обыкновенно обмывали руки, къ которымъ во время этихъ пріемовъ прикладывались послы и которыя считались оскверненными такимъ прикосновеніемъ. Такія убѣжденія проникли въ литературу и въ ней получили полную санкцію. Въ кормчихъ предлагались напр. такого рода правила: «аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, измывши, молитву сотворити и у латинской церкви не стояти»¹⁾. Такая религіозная нетерпимость въ отношеніи къ чуждымъ національностямъ особенно рѣзко стала обнаруживаться въ русскихъ людяхъ XVI и первой половины XVII в., когда особенно усилилась борьба русской церкви съ католицизмомъ и все болѣе и болѣе возрастали столкновения и сношенія съ Западомъ. Во всей же своей силѣ эта вражда, по крайней мѣрѣ извѣстной части русскаго общества, къ иностранцамъ высказалась при Петрѣ Великомъ, когда сближеніе съ Западомъ достигло самыхъ широкихъ размѣровъ. Русскіе люди никакъ не могли примириться съ стремленіемъ Петра внести въ сферу древне-русской жизни свѣтъ общечеловѣческаго просвѣщенія, заимствовавъ его у другихъ народностей, западно-европейскихъ націй. Смотри на все иностранное, какъ на свое русское, съ православнорелигіозной точки зрѣнія, все западное оцѣнивая по началамъ православной вѣры и церкви, русскіе люди боялись

¹⁾ Сборн. кормчей Солов. библ. № 858 л. 367.

заимствовать у европейцев даже самые житейские, чисто внешние обычаи, общечеловѣческія науки и искусства, считая ихъ противными православію и опасаясь за непоколебимость своего народнаго религіознаго характера. По свидѣтельству Котошихина, русскіе люди страшились даже посѣщенія чужихъ странъ, чтобъ «свою вѣру не отѣнить» (О Россіи въ царств. А. М. стр. 41). Крайнія воззрѣнія на иностранцевъ народа, какъ извѣстно, раздѣлялись и высокопоставленными, авторитетными людьми времени; таковъ напр. патріархъ Іоакимъ, писавшій особое завѣщаніе противъ иностранцевъ¹⁾.

Впрочемъ, независимо отъ предубѣждений, были и другія обстоятельства, способствовавшія зарожденію и усиленію враждебнаго въ Русскихъ чувства къ иностранцамъ. Ненависть къ нимъ вызванá была цѣлымъ рядомъ жестокостей, грабежей и насилій, жертвою которыхъ сдѣлалась Россія еще въ смутныя времена, столь богатые примѣрами свирѣпства Поляковъ. «Ни одинъ народъ подъ солнцемъ» — свидѣтельствуешь Крижаничъ — «искони вѣковъ нѣсть былъ тако изобиженъ и осрамленъ отъ инородниковъ, яко же мы, славяне, отъ нѣмцевъ» (Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I стр. 182). Сильно возмущалось національное русское чувство оскорбительными отзывами, злословіемъ и презрѣніемъ, съ которыми, обыкновенно, иноземцы относились къ русскимъ людямъ. «Даютъ они собаки-злословы, хулятъ и пишутъ, что Русскіе больше всѣхъ народъ воровскій, разбойничій, пьяный, развратный, нечистый, свинскій» и пр. (т. II стр. 158, 261 и др.). Русскій народъ, оказывается, не былъ застрахованъ и отъ грубыхъ физическихъ насилій со стороны пришельцевъ: «нѣмцы и дурни ляхи на Руси привыкли нещадно бить бѣдныхъ селянъ, приговаривая: эти люди варвары, варваровъ же треба токи бити» (т. I стр. 171). Весьма естественно послѣ этого, что въ душѣ русскаго человѣка глубоко накипѣло искреннее отвращеніе къ иноземцамъ. Даже благоразумный славянинъ — Крижаничъ, послѣ вышеприведенныхъ его словъ, въ порывѣ оскорбленнаго патріотизма, не могъ удержаться, чтобы не прибавить: «на сичеву срамоту нѣсть нужды словами отвѣчать (иноземцамъ), но палками бы дать имъ памятило, пусть споминають, на коемъ мѣстѣ видѣли они варваровъ». Но кромѣ этихъ насилій и оскорбленій, иноземцы посягнули на самое дорогое достояніе

¹⁾ Ист. царств. П. В. Устрялова т. II гл. 4-я.

русскаго челоуѣка, на его святую вѣру и тѣмъ затронули самыя коренныя его инстинкты, усилили вдвойнѣ антипатію къ себѣ. Исконныя, опасенія русскаго челоуѣка за свою вѣру въ столѣновеніяхъ съ иновѣрцами имѣли дѣйствительныя основанія. Въ самой Москвѣ, при первыхъ уже опытахъ сближенія съ иновѣрцами, стали появляться русскіе люди, увлеченныя лютеранствомъ. Подъ его вліяніемъ возникла на Руси ересь Башкина и Косого. Вообще, раціоналистическое ученіе, по словамъ старо-русскихъ крылошанъ, было «мнозѣми похваляемо и пріемлемо и любимо отъ многихъ, и познаваемо, яко истинно есть»¹⁾. Ясное доказательство иновѣрнаго вліянія при Грозномъ даетъ также соборъ московскій 1554 года на иконоборца, дьяка Висковатаго²⁾. Своеволіе иновѣрцевъ во время междуцарствія простерлось до того, что они открыто дозволяли себѣ поруганіе православной церкви. Лжедмитрій самъ говоритъ о себѣ: «по законамъ Русскихъ, нельзя иновѣрнымъ входить въ церковь, но я нарочно во время вѣнчанія моего велѣлъ быть въ церкви лютеранамъ и кальвиннамъ; слышалъ, что они ругались надъ образами, сидѣли и спали въ церкви» и пр.³⁾. Опасность совращенія для русскихъ не миновала и при Петрѣ, потому что Посошковъ и теперь откровенно признавался: «только мы просты, что не токмо кто ученый иновѣрецъ, но хотя бы самый послѣдній земледѣлецъ иновѣрный о чесомъ спросилъ насъ, то не знаемъ, какъ имъ отвѣдъ дать» (Додош. къ Ст. Яв.). А иностранцы, какъ это видно изъ примѣровъ Тверитинова и Лубкина,⁴⁾ и теперь во зло употребляли свое вліяніе на русскій народъ и продолжали колебать въ немъ древнее, коренное устройство церкви. «Мнози изъ русскаго народа, — свидѣтельствуеетъ также Посошковъ, — научившеся отъ иноземцевъ, отъ правыя своя вѣры въ зловѣріе начинаютъ отклоняться и развращенныя законы начинаютъ принимать, свои же отиѣщутъ» (Зав. от. стр. 4, 5). Гибельное вліяніе гостей и ихъ притязанія, естественно, возбуждали прежде всего лицъ, по самому своему положенію обязанныхъ блюсти чистоту православія. «Виждь, православный народъ, — говорилъ напр. Стефанъ Яворскій противъ неблагонамѣренныхъ иноземцевъ, — кѣи между вами распространяются, величаются и почествуемы бывають... Приидите при-

1) Истинны показаніе, инока Зиновія, стр. 15.

2) Словарь историч. о рус. писателяхъ М. Евгенія т. II. стр. 19.

3) Ист. госуд. російскаго Карамзина т. XII примѣч. 9.

4) Ист. Рус. церкви Филарета ч. 2-я стр. 81.

падемъ предъ Господомъ и предъ всѣми его угодниками, да сей вредъ, сія злохульная плевела исторгнутся отъ насъ»¹⁾). Еще ранѣе сознавая и болѣе или менѣе уже удовлетворявшаяся потребность въ умственной борьбѣ съ врагами православія, такимъ образомъ, еще съ болѣею силою почувствовалась и при Петрѣ. Но полемика съ иновѣріемъ получила теперь нѣсколько иной характеръ, — она пошла въ двухъ отчетливо опредѣлившихся и рѣзко расходящихся направленіяхъ. Въ основу этого раздѣленія, кромя двойственности врага, легли нѣкоторыя чисто соціальныя условія тогдашней русской жизни, которыя мы здѣсь и считаемъ нужнымъ прежде всего отмѣтить.

Борьба христіанскихъ исповѣданій на Западѣ въ это время еще не улеглась окончательно; вся Европа въ это время раздѣлялась на два враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ стоялъ католицизмъ, съ своимъ подчиненіемъ авторитету и со всѣмъ богатствомъ внѣшняго, обрядоваго элемента, на другой — протестантизмъ, съ свободою изслѣдованія, съ наиболѣе развитымъ внутреннимъ, духовнымъ элементомъ. Вмѣстѣ съ вѣроисповѣдными разностями, у католиковъ и протестантовъ были свои политическіе, нравственные взгляды, различныя научныя приемы, различныя типически отчеканенныя на правленія въ мышленіи и дѣйствованіи; словомъ, были двѣ особыя цивилизаціи, выросшія одна на почвѣ католицизма, другая на почвѣ протестантизма. Это двойство не могло не отразиться, хотя въ малой мѣрѣ, и на русскихъ людяхъ, на которыхъ въ око, прорубленное Петромъ въ Европу, такъ рѣзко пахнуло, по выраженію Посошкова, «вѣтромъ иноземскихъ ученій.» Необыкновенный наплывъ въ Россію иностранцевъ, давшій широкій просторъ обмѣну религіозныхъ мыслей, и вся внутренняя реформа Россіи, предпринятая и веденная подъ сильнымъ вліяніемъ протестантской цивилизаціи, неизбѣжно перенесли и въ Россію борьбу двухъ началъ, двухъ направленій. Россія представляла собою почву достаточно удобную и подготовленную для этой борьбы; здѣсь уже и безъ того обнаружались двѣ враждебныя партіи, два крайнія направленія — старовѣрческое и реформаторское. И двойное направленіе западно-европейской мысли, колеблющейся между крайностями католическаго консерватизма и лютеранскаго либерализма, легко могло привиться на Руси. Оно совпадало съ общимъ раздѣленіемъ стремленій всего русскаго народа, съ одной

¹⁾ Собр. пропов. Ст. Явор. т. I слово въ нед. 7-ю по пасхѣ.

стороны, въ одной своей части, старовѣрчески стоявшаго за старину, а съ другой стороны, въ другой части, пропагандировавшаго реформу. Частиѣ же, это двоякое направленіе встрѣтило себѣ наиболѣе удобную почву въ новой, реформаторской половинѣ общества; оно совпало съ подраздѣленіемъ этой половины на партіи сравнительныхъ консерваторовъ и либераловъ, и еще рѣзче отгѣнило разновидности этихъ партій.

Дѣло въ томъ, что русскіе люди, составлявшіе собою, такъ называемый, лагерь новаторовъ, ставшіе на сторонѣ реформы, далеко не представляли изъ себя тѣсно сплоченнаго общества лицъ, проникнутыхъ совершенно одинаковыми убѣжденіями и одними взглядами. Не всѣ увѣровавшіе въ Петра Великаго съ равнымъ увлеченіемъ подхватили его мысли и начинанія, съ одинаково беззавѣтною преданностію къ нему и довѣріемъ къ его дѣлу взялись за новую работу. Ближайшее, благодаря раскрытію историческихъ данныхъ, знакомство съ эпохою Петра В. дало основаніе различать въ ряду лицъ, на которыхъ привыкли часто и доселѣ смотрѣть безразлично, вообще какъ на сторонниковъ новаго времени, какъ на родныхъ, присныхъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», — различать цѣлыя партіи, отъ пылкихъ, съ жаромъ юношескаго увлеченія, приверженцевъ его и ярыхъ проводниковъ его начинаній, до старчески осмотрительныхъ, опасливыхъ его только доброжелателей, не столько содѣйствующихъ открыто царю, сколько стушевывающихся за другими, дѣйствующихъ съ оглядкою, не столько вдохновенныхъ новымъ вѣяніемъ времени, сколько напуганныхъ быстрымъ полетомъ царственной мысли, гигантскимъ движеніемъ державной руки. Съ одной стороны, безусловная вѣра въ благо новыхъ порядковъ и радость за счастливую будущность обновленнаго отечества; съ другой — опасенія, боязнь за исходъ всѣхъ начинаній, боязнь за царя-реформатора, тревога за миръ и благоденствіе православной Руси. Съ одной стороны, искреннѣйшее желаніе всѣ силы свои предложить на помощь царю-строителю, весь животъ свой положить за его святое, великое дѣло; съ другой — затаенное недовольство слишкомъ быстрымъ и рѣзкимъ образомъ дѣйствій, гнѣдящееся въ глубинѣ души желаніе выждать, осмотрѣться, не упускать сразу изъ подъ ногъ твердую почву стараго московскаго быта и порядковъ, на которыхъ возросла и воспиталась вся крѣпъ русскаго національнаго духа. Ближайшимъ образомъ это различное отношеніе къ реформѣ могло высказаться въ различіи взглядовъ новыхъ людей на характеръ древне-русской жизни, характеръ

чисто церковный, на религиозность и обрядность, которымъ былъ такъ преданъ и которыми такъ гордился древнерусскій человекъ, — во взглядахъ на значеніе, важность и цѣну этого народнаго характера, на большую или меньшую необходимость соблюсти его, застраховать отъ всякихъ посягательствъ со стороны царя-реформатора. Такъ какъ при низкомъ уровнѣ до-петровскаго просвѣщенія, при чрезвычайно слабомъ развитіи свѣтской литературы, церковь съ своимъ духовенствомъ все еще стояла во главѣ русской жизни, давала тонъ русскому обществу; то и различіе взглядовъ на характеръ русской жизни, а отсюда и различное отношеніе къ реформѣ, со всею ясностію обнаружилось въ представителяхъ русскаго духовенства. Самое различіе опредѣлившихся направленій — консервативно-охранительнаго и либерально-прогрессивнаго, какъ слабый отголосокъ и какъ бы нѣкоторое отображеніе на Руси борьбы двухъ иноземныхъ цивилизацій, прежде всего получило церковный характеръ, обнаружилось въ столкновеніи различныхъ богословскихъ направленій, въ двойственности полемики съ иновѣріемъ и даже приурочивалось — хотя это было далеко неточно — къ католичеству съ одной стороны и къ протестантству съ другой. Духъ и направленіе католичества, болѣе консервативнаго и неподвижнаго, сравнительно съ лютеранствомъ, гораздо болѣе соответствовали стремленіямъ той половины русскаго общества, которая желала въ большей или меньшей степени остаться вѣрно старому московскому быту, что либо удержатъ изъ него. Поэтому, многіе русскіе пастыри, подозрительно смотрѣвшіе на реформы Петра Великаго въ сферѣ церковной жизни, желавшіе такъ или иначе попрепятствовать этому дѣлу, отклонить эти реформы, невольно усвоили себѣ то направленіе консервативное, каковымъ характеризовалась и проникнута была цивилизація католическая; испытывая на себѣ большую или меньшую долю вліянія религиозной борьбы Запада, эти пастыри естественно стали противодѣйствовать крайностямъ новаго либерализма на Руси, вступали въ полемику съ заражавшими русскій воздухъ лютеранскими воззрѣніями. Другая же половина русскаго общества, безусловно довѣрившаяся реформѣ, склонная безъ всякихъ исключеній все старое повергнуть и дать мѣсто новымъ порядкамъ, уже по самому характеру своихъ стремленій, склонялась на сторону направленія наиболѣе либеральнаго и, такимъ образомъ, ненамѣренно совпадала въ направленіи съ цивилизаціею лютеранскаго Запада. Представители этой партіи, также подъ нѣкоторымъ воздѣй-

ствиемъ борьбы богословскихъ направленій Запада, начали полемику съ принципами и направленіемъ католичества.

Мы имѣемъ въ виду двухъ великихъ предстоятелей русской церкви времени Петра Великаго, ученѣйшихъ святителей — Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича. При всей неоспоримой солидарности ихъ въ общихъ взглядахъ на дѣла Петра Великаго и сочувствіи преобразовательнымъ реформамъ и просвѣтительному движенію, — въ подробностяхъ, во взглядѣ на средства и границы реформы, они были люди рѣзко различающихся воззрѣній. Стефанъ Яворскій стоялъ во главѣ одного направленія, былъ представителемъ партіи новыхъ консерваторовъ, а Теофанъ Прокоповичъ стоялъ во главѣ противоположнаго направленія, былъ блестящимъ представителемъ другой партіи — увлеченныхъ либераловъ, прогрессистовъ. Первый поставилъ себѣ цѣлю борьбу съ развившимся по Россіи, подъ вліяніемъ лютеранъ, духомъ либерализма, свободомыслія во всеѣхъ, не исключая и области церковныхъ дѣлъ и жизни; другой, напротивъ, какъ человекъ всецѣло преданный реформѣ, началъ борьбу съ католичествомъ, подъ вліяніемъ котораго — какъ тогда казалось — росла консервативно-охранительная партія русскихъ людей, поднимался духъ оппозиціи новымъ реформамъ. Вслѣдствіе такого-то различія въ направленіи полемики этихъ двухъ святителей, не только въ свое время, во взаимныхъ столкновеніяхъ ихъ между собою, а и долго послѣ, прочно держался крайній взглядъ на нихъ. До послѣдняго времени въ Стефанѣ Яворскомъ хотѣли видѣть представителя русскаго, такъ сказать, православнаго католичества, какъ съ другой стороны, въ Теофанѣ Прокоповичѣ — представителя русскаго православнаго протестантства. Между тѣмъ, спокойное и свободное отъ предзанятости изученіе сочиненій Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича рѣшительно разубѣждаетъ въ непреложности такого на нихъ взгляда и обнаруживаетъ чистоту православія того и другаго несомнѣнною и нимало не запятанною. Борьба между ними и въ свое время была, несомнѣнно, слѣдствіемъ недоразумѣнія или, въ крайнемъ случаѣ, дѣломъ личностей. Ни тотъ ни другой изъ нихъ не былъ сторонникомъ инославнаго исповѣданія, но тотъ и другой были усвоителями только разныхъ *направленій*, характеризовавшихъ протестантство съ одной стороны и католичество — съ другой. Совпаденіе вышло почти совершенно случайное, и если каждый изъ нихъ испытывалъ на себѣ вліяніе западныхъ богослововъ, то вліяніе это во всякомъ

случаѣ было чисто внѣшнее, формальное, оно не коснулось сущности религіозныхъ, строго-православныхъ убѣжденій ни Стефана Яворскаго, ни Теофана Прокоповича. Во имя единого чистаго православія одинъ цѣлю себя поставилъ борьбу съ протестантствомъ, а другой — съ католичествомъ. Каждый, естественно, читалъ полемическія сочиненія, подходящія только къ своей цѣли, проникался однимъ направленіемъ, и, такимъ образомъ, становясь противникомъ одной инославной доктрины, пенамѣренно становился — такъ по крайней мѣрѣ это могло казаться — какъ бы сторонникомъ другой. И если намъ теперь, въ усиліяхъ выяснить направленіе того и другаго, удобно ловить ихъ въ крайностяхъ, подчеркивать въ ихъ сочиненіяхъ двусмысленныя, неточныя выраженія; то въ ихъ время, для нихъ самихъ, слѣдить за собою и, отражая одно инославное ученіе, упредить себя и отъ другаго, въ православіи, соблюсти себя отъ всякихъ крайностей и самонаиболѣе неточностей было далеко не столь легко и удобно. Мысля себя сыномъ церкви православной и обороняя еѣ отъ того или другаго инославнаго ученія, каждый изъ нихъ, конечно, могъ и не подозревать, что онъ, такъ сказать, переписалъ, сказалъ слишкомъ много, что сочиненія его могутъ бросить тѣнь на него уже съ другой стороны, такъ какъ противоположность-то каждому данному инославному ученію и составляло именно другое инославное исповѣданіе. И тѣмъ болѣе замѣнательнымъ представляется то, что отлично различая борьбу двухъ разныхъ направленій, даже уклонившись по этому поводу въ личную полемику, и Стефанъ Яворскій, и Теофанъ Прокоповичъ не смѣшали направленія съ самою доктриною и, во имя перваго, болѣе или менѣе свободно распорядясь въ формальной постановкѣ православія, какъ почвы нейтральной, они не коснулись сущности, догматовъ. Если Теофанъ Прокоповичъ позволялъ себѣ порицать, до известной степени, бездушную обрядность, практиковавшуюся въ жизни русской церкви; то православіе его въ этомъ случаѣ нимало не страдало, осталось непоколебимо. Только съ точки зрѣнія русскаго церковника, да со стороны діаметрально расходящагося направленія строго-консервативнаго за такое необычное тогда, свободное отношеніе Теофана къ порядкамъ и обычаямъ церковной жизни можно было заподозрить его въ протестантствѣ, сущность котораго и характеризуется именно крайнимъ свободомысліемъ и религіознымъ вольнодумствомъ. А съ своей стороны, уличаемый изъ-за обрядности въ протестантствѣ, только Теофанъ Прокоповичъ съ своими

сторонниками и могъ уличать Стефана Яворскаго въ католичество за его непонятную на взглядъ перваго стойкость за обрядность. Во всякомъ случаѣ, исторія уже давно простила этимъ великимъ пастырямъ русской церкви какъ ихъ взаимное раздраженіе, такъ и ихъ нѣкоторыя дѣйствительно допущенныя увлеченія и крайности, какъ напр. неблаговидную и неприличную рѣзкость Теофана Прокоповича въ отношеніи къ освященнымъ давностію порядкамъ церковной жизни. Исторія считаетъ и имя Теофана Прокоповича въ ряду своихъ незабвенныхъ, полезнѣйшихъ дѣятелей, на ряду, ближайшимъ образомъ, съ именемъ Стефана Яворскаго, такъ какъ они взаимно дополняли другъ друга и своею каждый одно-стороннею дѣятельностію, въ общемъ совершили, въ великую эпоху русской исторіи, тѣмъ болѣе важное и великое дѣло: они нанесли рѣшительный ударъ католицизму и поставили «камень претканиа» протестантству на Руси, т. е. своею двойною борьбою доставили полное торжество въ Россіи единому чистому православію. Въ исторіи же русской цивилизаціи эти два лица должны быть поставлены во главѣ новаго періода, какъ представители двухъ партій, порожденныхъ петровскою реформою и начавшихъ собою въ двухъ замѣтно разнившихся направленіяхъ новую русскую жизнь.

Это-то раздѣленіе новаго русскаго общества на консерваторовъ-охранителей и либераловъ-прогрессистовъ, имѣвшее въ основаніи своемъ различіе общихъ взглядовъ на значеніе и цѣну древняго церковнаго характера русской жизни, на большую или меньшую необходимость преобразованій въ этой области, а — въ связи и зависимости отъ этого — и различное отношеніе къ двумъ разнохарактернымъ инославнымъ исповѣданіямъ, прямо или косвенно вліявшимъ на настроеніе умовъ въ Россіи, обнаружилось главнымъ образомъ, конечно, въ интеллигентныхъ слояхъ общества. На сторонѣ Стефана стояли тогдашніе русскіе епископы и вообще духовенство, какъ непосредственно заинтересованное въ дѣлѣ измѣненія общахъ основъ и всего строя русской жизни, какъ терявшее, подъ вліяніемъ новыхъ либеральныхъ началъ, свое старое значеніе и авторитетъ. На сторонѣ же Теофана Прокоповича стояло большинство свѣтскихъ ученыхъ людей того времени, въ ряду которыхъ прежде всего нужно упомянуть извѣстныхъ тогдашнихъ либераловъ-прогрессистовъ Татищева и А. Кантемира. Что касается простаго народа, то онъ въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ особяхъ, не отвернувшихся безусловно новизны, то же становился въ то

или иное отношеніе къ новому времени, относился положительно или отрицательно къ реформамъ. Прорывавшіяся наружу волненія народныя въ переходную эпоху служатъ очевиднымъ доказательствомъ великаго колебанія народныхъ мнѣній и симпатій подъ впечатлѣніемъ реформъ. Не безучастнымъ оставался народъ и къ новымъ движеніямъ въ сферахъ собственно религіозной, къ раздѣленію богословскихъ направленій, богословской мысли, ратовавшей или противъ католичества или противъ лютеранства. Люди изъ массы выдающіеся, энергичные, имѣвшіе болѣе свѣтлый и правильный взглядъ на положеніе вещей, сознательно стоявшіе подъ знаменемъ православія, строго отличали все прививавшееся къ нему извнѣ и чутко усматривали источники опасеній для чистоты народной жизни, сложившейся въ духъ и подъ опекою православія. Они съ тою же благочестивою ревностію, которая одушевляла и великихъ предстоятелей церкви, готовы были дать рѣшительный отпоръ грозившимъ опасностямъ, принимали на себя смѣлость высказать энергичный протестъ противъ новаго, занесеннаго извнѣ и прививавшагося на Русь духа инославнаго ученія и порядковъ. Въ ряду такихъ лицъ прежде всего должно поставить Посошкова.

Крайне интересующійся вообще всѣмъ, касающимся вѣры и благочестія, онъ уже однимъ расколомъ вовлеченъ былъ въ сферу церковныхъ вопросовъ и принималъ живѣйшее и дѣятельное участіе въ ихъ правильной постановкѣ. Что же касается иностранцевъ, то они уже вслѣдствіе политико-экономическихъ только соображеній вошли въ программу литературной дѣятельности Посошкова; начавшееся же, подъ влияніемъ ихъ, въ русскомъ обществѣ колебаніе религіозной мысли и взглядовъ еще болѣе приковало къ нимъ вниманіе Посошкова, такъ что сочиненія его, при изслѣдованіи силы иновѣрскаго вліянія на тогдашнюю Русь, являются документомъ первостепенной важности.

Само собою разумѣется, у Посошкова нельзя выслѣдить сознательное, *намѣренное* слѣдованіе той или другой изъ вышеуказанныхъ партій новаго русскаго общества, ставшихъ въ различныя отношенія къ разнымъ исповѣданіямъ. Если въ общемъ раздвоеніи русскаго общества на два великихъ лагеря — старообрядцевъ и западниковъ Посошковъ сохранилъ возможную объективность, выдержалъ среднее направленіе, то тѣмъ, конечно, проще онъ могъ избѣжать крайностей тогда, когда подраздѣляющія разности, въ самомъ возникновеніи своемъ, обязаны были существенно долею борьбъ ученыхъ направленій и витали, главнымъ образомъ, въ

области мысли, въ области возвышеннаго богословствованія. Все это сферы, превышающія степень «удобопоемности» Посошкова, для него недоступныя, поэтому и высказаться рѣшительно и опредѣленно въ пользу того или иного направленія Посошкову было невозможно. Онъ, естественно, стоялъ ниже уровня той умственной, научно-богословской борьбы, которая ожесточенно велась между этими направленіями тамъ, на ихъ родинѣ, и которая отразилась у насъ на Руси въ различіи направленій, усвоенныхъ образованными представителями русскаго общества. Если могло отозваться на Посошкова это раздвоеніе современной ему русской мысли, то единственно своею практической стороною, т. е. въ своемъ примѣненіи къ жизни, къ реформѣ, непосредственно отношенія къ иностранцамъ-иновѣрцамъ. Разсматриваемый съ этой практической стороны, Посошковъ представляется намъ рѣшительнымъ сторонникомъ Стефана Яворскаго, совершенно солидарнымъ съ нимъ во взглядахъ религіозныхъ и вообще социальныхъ. Что же касается Теофана Прокоповича, то мы не можемъ точно охарактеризовать отношеній къ нему Посошкова, а тѣмъ болѣе представлять послѣдняго антагонистомъ партіи перваго. Отсутствие всякихъ данныхъ къ тому въ сочиненіяхъ Посошкова, а также фактъ — насколько онъ истиненъ — обращенія Посошкова и къ Теофану Прокоповичу съ своими проектами (стр. 13) убѣждаютъ насъ въ томъ, что Посошковъ не питалъ какой либо личной неприязни къ Теофану Прокоповичу, что онъ не былъ вовлеченъ въ борьбу новыхъ направленій, даже, быть можетъ, не сознавалъ и не различалъ ту умственную борьбу, которая велась въ интеллигентныхъ слояхъ общества. Совершенно естественно и непринужденно вышло, что онъ исключительно направилъ свою полемику противъ лютеранъ и игнорировалъ католичество, что онъ вообще усвоилъ консервативно-охранительное направленіе, силился сберечь старый религіозный складъ русской жизни, со всеми ея обрядами, правилами и пр., что онъ, не высказываясь относительно либеральнаго направленія Теофана Прокоповича, не только опредѣленно сталъ на сторонѣ умѣреннаго направленія Стефана Яворскаго, но даже сошелся съ послѣднимъ въ частныхъ мысляхъ, въ подробностяхъ своей литературной работы. Вышло такъ у Посошкова, повторяемъ, совершенно естественно, безъ всякихъ намѣренныхъ разчетовъ, вышло потому, что такъ писалось, а писалось такъ, какъ всегда у него, подъ вліяніемъ живыхъ событій и впечатлѣній, которыя давала ему современность.

Несомнѣнно прежде всего то, что направленіе Стефана Яворскаго несравненно болѣе соотвѣтствовало стремленіямъ большинства русскихъ людей. Находя себѣ поддержку въ возбужденіи народа реформою, оно если не выражало собою убѣжденій и дѣятельно выработанныхъ понятій всего русскаго народа, то ближе подходило къ воззрѣніямъ какъ той его части, которая возмущалась всякимъ нарушеніемъ стараго покоя, безусловно возстала противъ реформы, такъ и той, которая, мирясь съ реформою, не желала порывать окончательно связей съ стариннымъ бытомъ Россіи. Далѣе, не мало можно насчитать историческихъ причинъ того, что лютеранство представлялось тогда болѣе замѣтнымъ, сравнительно съ католичествомъ, и гораздо сильнѣе притягивало къ себѣ вниманіе русскаго человѣка. Ближайшимъ образомъ нужно отмѣтить быстрое размноженіе въ Россіи нѣмцевъ-лютеранъ при Петрѣ Великомъ, такъ что русскіе люди невольно были заинтересованы и непріятно поражены наплывомъ этихъ нежеланныхъ гостей. Съ другой стороны, и само лютеранство, какъ извѣстная доктрина, поражало русскихъ людей своею сравнительною новизною, между тѣмъ какъ къ католичеству послѣдніе давно уже приглядѣлись, — оно одною пресловутою увіею приобрѣло уже хотя и печальную, но обширную извѣстность на Руси. Наконецъ, едва ли не болѣе всего могло имѣть значеніе то, что лютеранство, съ своимъ рационалистическимъ элементомъ и либеральнымъ направленіемъ, несравненно болѣе, нежели католичество, расходилось съ церковнымъ складомъ и обрядовымъ направленіемъ русской жизни, а потому и представлялось, съ русской точки зрѣнія, болѣе разрушительнымъ и опаснымъ.

И вотъ, Посошковъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ изъ всѣхъ иновѣрцевъ почти исключительно имѣетъ дѣло съ лютеранами. О нихъ онъ при всякомъ подходящемъ и даже неподходящемъ случаѣ говоритъ, къ нимъ постоянно обращается, противъ нихъ направляетъ свою полемику, наконецъ, противъ нихъ однихъ пишетъ цѣлую большую полемическую статью «О иконоборцахъ». Католиковъ для Посошкова какъ бы совсѣмъ не существуетъ, — такъ сравнительно рѣдко упоминается ихъ имя на всемъ протяжении сочиненій Посошкова и такъ это рѣзко бросается въ глаза при изобиліи имени лютеранъ, которое встрѣчается чуть не на каждой страницѣ. Изъ всѣхъ причинъ, которыя могли обусловить рѣзко различающееся отношеніе Посошкова къ католикамъ съ одной стороны и къ лютеранамъ съ другой, самую главную былъ для него чистый религіозный

взглядъ на тѣхъ и другихъ, взглядъ свободный отъ притѣси какихъ либо низменныхъ побужденій, отъ какихъ либо житейскихъ расчетовъ, даже очищенный отъ политическихъ соображеній. Тутъ Посошковъ исключительно смотритъ на иновѣрцевъ съ религіозной точки зрѣнія и сравнительная мѣра истины и благочестія тѣхъ или другихъ изъ нихъ служитъ для него мѣриломъ ихъ оцѣнки. Полагая исходнымъ пунктомъ древнюю апостольскую церковь и потомъ слѣдя исторически за постепенными уклоненіями отъ нея, Посошковъ, естественно, въ лютеранствѣ усматривалъ самую крайнюю грань заблужденія, далеко опередившую и католичество, видѣлъ высшую степень еретичества. Лютеръ и въ началѣ, еще въ рожденіи своемъ «по отпаденіи Формозовѣ отъ восточной церкви», уже «учинился измѣнникъ Христовъ, а потомъ собственнымъ своимъ отпаденіемъ и отъ Формозова отпаденія *повторилъ свою измѣну*» (Зерц. оч. л. 218). «Той бо въ началѣ съ римляны отъ восточной церкви отпалъ, а потомъ и та западнаго костела вѣра явилась ему тяжелоносна, отвергъ и ту отъ себя, и отъ высокоумія своего устроилъ себѣ самую легкостную вѣру» (Зав. от. стр. 162). Съ этой точки зрѣнія, конечно совершенно послѣдовательно и, резонно, Посошковъ и называетъ Лютера еретикомъ еретиковичемъ. Онъ «не токмо восточной, но и западной церкви учинился противникомъ, — и учинился онъ сугубый еретикъ, перелитро-ванный въ еретичествѣ своемъ, первѣе былъ въ римскомъ отпаденіи, а потомъ высочайшую себѣ ересь обрѣлъ, бысть *еретикъ еретиковичъ*» (Зав. от. 45 и 46 стр.). Итакъ, очевидно, въ представленіи Посошкова католичество является отпаденіемъ менѣе важнымъ и менѣе грѣшнымъ, сравнительно съ лютеранствомъ; оно и исторически ближе связывается съ древнимъ апостольскимъ православіемъ, да и по существу своему остается болѣе «тяжелоносно», сравнительно съ «легкостною» вѣрою лютеранскою. Сообразно важности предмета, наибольшей опасности лютеранства, Посошковъ и напрягъ всѣ силы своего ума, всю силу своей начетческой діалектики на борьбу именно съ лютеранствомъ, вѣроятно, совершенно незамѣтно для себя самого, игнорируя католичество, какъ ересь менѣе опасную. При видѣ сильнѣйшаго врага, онъ упускалъ изъ вида опасности менѣе грозящія, тѣмъ болѣе, что односторонне направленному взгляду Посошкова и все даже чуждое лютеранства представлялось иногда окрашеннымъ въ лютеранскій свѣтъ. Всѣ безразлично «другіе народы» мыслятся имъ какъ «избавшіе себѣ въ учителя Мартина»; нѣкоторые

отступленія отъ православія, лежація на главѣ католичества и только удержанныя въ лютеранствѣ, выдаются, въ жару увлеченія полемикою, какъ бы за спеціальныя измышленія лютеранскія (напр. объ опрѣснкахъ — Зерц. оч. л. 196).

Итакъ, въ обнаружившемся раздѣленіи взглядовъ въ новомъ русскомъ обществѣ на иновѣріе, а въ связи съ этимъ — на церковный строй русской жизни, на границы реформы, Посошковъ всецѣло стоитъ на сторонѣ Стефана Яворскаго. Онъ совершенно совпадаетъ съ послѣднимъ въ направленіи своей литературной дѣятельности, усвоивъ себѣ тотъ же консервативно-охранительный взглядъ и занявшись полемикою исключительно съ либеральнымъ духомъ и ученіемъ лютеранства. Въ своемъ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ, между прочими полезными книгами, рекомендуетъ своему сыну и знаменитый «Камень вѣры» Стефана Яворскаго; стало быть, Посошковъ знакомъ былъ не только съ характеромъ практической дѣятельности тогдашняго первосвятителя русской церкви, а и съ направленіемъ его литературной дѣятельности. Посошковъ какъ нельзя болѣе сочувствовалъ Стефану Яворскому, видѣлъ въ немъ не ви́шній, официальный только, но и дѣйствительный, по его внутреннему, душевному настроенію, столпъ и опору русскаго православія, оборону его отъ внушавшихъ тогда наибольшую тревогу опасностей. И Посошковъ вдвойнѣ благоговѣлъ предъ великимъ русскимъ святителемъ; одушевленный общимъ съ нимъ дѣломъ, занятый одинаковыми съ нимъ заботами, Посошковъ съ увѣренностію обращался непосредственно къ своему высокопоставленному единомышленнику, смѣло адресовалъ ему свои доношенія, записки, мнѣнія.

Прежде чѣмъ займемся разсмотрѣніемъ статьи «О иконоборцахъ», и мы предложимъ нѣсколько замѣчаній о Камнѣ вѣры, какъ трудъ не только однородномъ съ сочиненіемъ Посошкова и извѣстномъ Посошкову, но и самомъ цѣнномъ изъ всѣхъ, выродившихся въ полемикѣ съ лютеранствомъ.

Камень вѣры представляетъ собою явленіе интересное въ нашей древнеотечественной письменности уже по самой судьбѣ своей. При своемъ появленіи, еще только въ рукописи, онъ надѣлалъ, какъ извѣстно, слыхомъ много шума, вызвалъ цѣлую бурю въ литературѣ, а на автора навлекъ «многія страсти, досажденія, поношенія, клѣветы и навѣты отъ нѣкихъ недоброхотныхъ ему человекѣ», приведшихъ своими навѣтами даже самого «государя въ малое усомнительство» относительно автора¹⁾.

¹⁾ Сказаніе о творцѣ книги въ концѣ I-го т. Камня вѣры стр. 8.

Сочиненіе это направлено было противъ распространявшагося въ Россіи лютеранскаго духа, ближайшимъ образомъ промивъ лжеученія, пересаженнаго на русскую почву Тверитиновымъ, — тѣмъ Тверитиновымъ, который «прильпился баше къ нѣкому врачу-иновѣрцу, отъ него же врачевныя хитрости навывающъ, души своей разслабу воспріять, и, недугомъ еретичества поврежденъ бывъ, тѣлесемъ убо врачъ мяшеса быти, душамъ губитель вселютѣйшій явися»¹⁾. Въ виду усиливающагося релігіознаго шатанія, Стефанъ Яворскій принялъ на себя трудъ «камнемъ вѣры заградити диру, юже татіе прокопаша», и, «да не возмнѣтъ противницы своимъ бусловіемъ насъ посрамленныхъ быти», рѣшилъ имъ «отвѣчати я въ твердости дѣла нашего суда всего міра требовати» (Кам. вѣры т. II, стр. 23, 118). Такъ какъ «противницы любопренія держались и отъ насъ писанія истязали», то Стефанъ Яворскій, не ограничиваясь только обличеніемъ еретиковъ, и отъ себя въ широкомъ объемѣ предложилъ имъ ученіе православное. Камень вѣры его, еромъ полемическаго значенія, поэтому, имѣетъ цѣну, какъ положительное раскрытіе православныхъ догматовъ. Стефанъ Яворскій старается, обыкновенно, прежде утвердить православный догматъ, а потомъ уже опровергаетъ заблужденіе еретиковъ. Каждая глава Камня вѣры раздѣляется на 2 части: положительную, гдѣ доказывается «твердость камене вѣры» и отрицательную, гдѣ исправляется «претыканіе противниковъ». Согласно со всѣми вообще апологетами православія, и Стефанъ Яворскій видитъ въ лютеранствѣ одно изъ порожденій злаго начала, орудіе козней діавола на единую христіанскую церковь; поэтому, онъ и называетъ лютеранъ «учениками діавола», «діавольскою злобою помраченными», «діаволу порабощенными», «духомъ демонскимъ дышущими», «седмоглавога звѣря служителями», и пр. (т. I, стр. 109, 277, 274; т. II, 4, 67 и др.). Съ другой стороны, источникъ живучести ереси онъ усматриваетъ въ слабости ея ученія, въ потворствѣ чувственности человѣческой, и съ этой точки зрѣнія называетъ лютеранъ «плотскими человѣками, въ сластѣхъ житейскихъ утопшими» (I, 275) и т. п. Не малую долю успѣха лютеранства Стефанъ Яворскій приписывалъ недобросовѣстности его учителей и распространителей. «Въ писаніяхъ они — по его словамъ — пролазки ищутъ, окаянніи»; «вельми хвалясь писаніемъ», они, однако, по ковар-

¹⁾ Приложение къ I-му т. Камня вѣры стр. 9.

ству, «не сподна писаніе наводять»; въ своей пропагандѣ они, обыкновенно, «ищутъ уловити неискусныхъ». «На прельщенія неискусныхъ часть нѣкую писанія наводяще, прочіи глаголы, разуму совершенному приличные, утаиваютъ» и пр. (I, 22, 292, 350, 109; II, 154 и др.). Въ виду этого, Яворскій во имя справедливости требуетъ, чтобъ еретики въ своихъ основоположеніяхъ «приводили писаніе полное», чтобъ поступали «подъ совѣстію, аще тую имѣютъ» (I, 110). Вообще же Стефанъ Яворскій сравнительно рѣдко спускается къ простой бесѣдѣ съ еретиками; по большей части онъ, только вызванный извѣстнымъ заблужденіемъ, занять спеціальнымъ и всестороннимъ раскрытіемъ православно-христіанскихъ догматовъ, витаетъ въ области возвышеннаго богословствованія. Сочиненіе его производитъ впечатлѣніе основательнаго ученаго трактата; онъ постоянно приводитъ доказательства отъ «правилъ логическихъ», «отъ ученія метафизическаго», «яко же философія учитъ» и пр. (напр. I, 175, 148, 276 и др.). Иногда Стефанъ Яворскій углубляется въ совершенное философствованіе, такъ напр. въ одномъ мѣстѣ онъ пускается въ различеніе «степеней метафизическихъ: естество, существо, тѣло, одушевленное, животное, человѣкъ» (I, 174). Въ полемикѣ Яворскаго видѣнъ человѣкъ не только умный и обширно начитанный, но и учившійся, опытный, привыкшій къ школьнымъ диспутамъ, умѣющій бороться съ противниками «чиномъ діалектическимъ и аргументами», старающійся изобличать не только внутреннюю несостоятельность ихъ мнѣній, но также и ихъ непослѣдовательность и нелогичность. Общій тонъ полемики его суровъ и рѣзокъ¹⁾.

По всей справедливости, весьма видное мѣсто въ ряду апологетовъ православія, въ полемикѣ съ лютеранствомъ, въ петровскую эпоху долженъ занять Посошковъ съ 23-ю главою своего Зеркала очевиднаго, т. е. съ его разсужденіемъ «О иконоборцахъ». Впрочемъ, значеніе Посош-

¹⁾ Ивѣстенъ еще въ полемической противо-лютеранской литературѣ «Рожденецъ духовный» Пафнутія, монаха Переяславля-Залѣскаго монастыря. Сочиненіе это, впрочемъ, извѣстно только по описанію г. Ф. Терновскаго (Пр. об. 1863 г. ч. 12). Оно — продуктъ живой устной борьбы Пафнутія съ Тверитиновымъ — имѣетъ форму собесѣдовательную и состоитъ изъ 46 возраженій противъ православія съ опроверженіями ихъ. Возраженія большею частію догматическаго характера. Изложеніе его отличается краткостію, отрывочностію, серьезностію.

кова доселѣ здѣсь никѣмъ рѣшительно не подозрѣвалось, да никто и не могъ обратить на него вниманія съ этой стороны, по той простой причинѣ, что глава О иконоборцахъ извѣстна въ литературѣ исключительно по ссылкамъ только самого Посошкова и сохранилась, какъ пока оказывается, въ единственномъ спискѣ полнаго Зерцала еще не изданной рукописи, принадлежащей библиотекѣ Казанской Академіи. По своему содержанию, глава эта служитъ отвѣтомъ на общее заглавіе, данное ей Посошковымъ въ оглавленіи Зерцала очевиднаго: «О иконоборцахъ и о лютерскомъ безумномъ мудрованіи, и на вся ихъ неправая толкованія явное обличеніе. И зряи тамо, можетъ всякъ познати, яко лютерове соблазнилися зря на Мартиново ученіе и далеко отлучились отъ праваго пути». Тутъ разсмотрѣны и по возможности обличены Посошковымъ всѣ извѣстныя въ народѣ, преимущественно практическія особенности лютеранства. Обличенія постоянно переплетаются обширными увѣщаніями еретиковъ и нравственными приложеніями и предупрежденіями православнымъ.

Посошковъ не счелъ нужнымъ отдѣлить главу О иконоборцахъ отъ главнаго своего полемическаго труда и поставилъ ее какъ непосредственное продолженіе, какъ составную часть противораскольническаго Зерцала. И дѣйствительно, она представляется совершенно однородною по общности своего характера, цѣли, связана съ нимъ единствомъ направленія, тона и пріемовъ полемики. Связующимъ пунктомъ этихъ двухъ сочиненій у Посошкова стало также и общее къ нимъ заключеніе, поставленное въ концѣ книги: «Приложеніе или послѣдованія сему очевидному зеркалу, учиненное ради подтвержденія или возбужденія читающимъ е». Здѣсь Посошковъ, обращаясь преимущественно къ православнымъ, одновременно и совмѣстно предостерегаетъ ихъ отъ двойной опасности — со стороны раскола и со стороны лютеранства, — такимъ образомъ, сразу имѣетъ въ виду и расколъ, и лютеранство, о которыхъ разсуждалъ въ двухъ частяхъ книги отдѣльно. По своему же содержанию, по самостоятельности разсматриваемаго предмета, наконецъ, по своей обширности и богатству матеріала, глава О иконоборцахъ составляетъ отдѣльное, совершенно самостоятельное и весьма почтенное сочиненіе. Разсматривать ее такъ даетъ намъ право даже самое построеніе ея: она снабжена своимъ особымъ предисловіемъ, имѣетъ особый, совершенно самостоятельный распорядокъ въ изложеніи мыслей, въ исчисленіи частей,

свой правильный и до конца выдержанный планъ. Есть даже нѣкоторыя основанія думать, что и самъ Посошковъ разсматривалъ ее какъ бы самостоятельную, только прикладную часть къ противораскольническому Зерцалу; иначе трудно объяснить не только своеобразное построение, но также и полное отсутствіе ея въ сокращенныхъ спискахъ Зеркала, редакція которыхъ, мы предполагаемъ, принадлежала самому же Посошкову. Извлеки сущность содержанія первыхъ 22 главъ полнаго Зеркала въ редакцію сокращенную, Посошковъ могъ свободно опустить послѣднюю главу, безъ всякаго ущерба полнотѣ сочиненія, какъ не имѣющую ничего общаго съ содержаніемъ первыхъ.

Такъ какъ глава О иконоборцахъ доселѣ остается совершенно неизвѣстною, то мы считаемъ нелишнимъ предпослать нѣсколько замѣчаній объ ея планѣ, построении и расположеніи матеріала. Глава «О иконоборной ереси и о возносляющихъ ю» (— точное заглавіе ея) занимаетъ собою 74 большихъ листа рукописи. Она подраздѣлена на нѣсколько бесѣдъ и главъ. Сначала поставленно общее ко всей статьѣ предисловіе, въ которомъ Посошковъ кратко передаетъ исторію всѣхъ козней діавола въ христіанской церкви, сущность лжеученія всѣхъ ересей, начиная съ Арія и константинопольскихъ императоровъ, продолжая католичествомъ и лютеранствомъ, заканчивая русскимъ расколомъ. «Нынѣ надлежитъ ми слово», заключаетъ Посошковъ предисловіе, «о нововыданномъ лжеблагочестіи, отъ Люторовъ прившедшемъ, т. е. о иконоборной ереси», такъ какъ «нынѣ нѣдцы, зря на люторская лжесловія, начинаютъ шататися». «Бесѣда 1-я иконоборцамъ», слѣдующая за предисловіемъ, содержитъ въ себѣ общее обращеніе къ лютеранамъ, характеристику ихъ ереси, указаніе ея опасности и т. п. Непосредственно за этою бесѣдою, и какъ бы составныя ея части, слѣдуютъ въ рукописи, иногда не отдѣленные красною строкою (очевидно, по недосмотру переписчика или по сбивчивости его представленія о планѣ статьи), 6 главъ, въ которыхъ подробно разбираются и обличаются самыя коренныя и очевидныя заблужденія лютеранъ: о постѣ, о поклонахъ, объ иконахъ, объ опрѣснокахъ (заглавіе это пропущено въ рукописи), о Пресвятой Богородицѣ (заглавіе опущено), о святыхъ Угодникахъ Божіихъ, о животворящемъ крестѣ (заглавіе опущено). Порядокъ въ расположеніи матеріала, построение каждой главы и здѣсь удержаны тѣ же, что въ противораскольническомъ Зеркалѣ, т. е. сначала, обыкновенно, излагается ученіе православной церкви о томъ или

другомъ пунктѣ, приводятся основанія Священнаго Писанія, св. отцовъ и другія доказательства, затѣмъ указываются уклоненія, заблужденія лютеранъ и, наконецъ, предлагается обличеніе ихъ, разоблаченіе ихъ лжи. Такой порядокъ въ раскрытіи мыслей напоминаетъ также книгу Стефана Яворскаго «Камень вѣры», хотя впрочемъ параллель этихъ сочиненій, какъ ниже увидимъ, не можетъ быть проведена далѣе общаго порядка въ развитіи сочиненія и простирается на частности. Въ концѣ каждой главы, обыкновенно, Посошковъ предлагаетъ «вопросъ лютеромъ», т. е. послѣднее обращеніе къ нимъ, послѣднее слово относительно разсмотрѣннаго въ главѣ пункта и окончательный приговоръ имъ отъ человѣка, сильнаго своимъ православіемъ и потому какъ бы власть имѣющаго. За пересмотромъ отдѣльныхъ пунктовъ лютеранскихъ заблужденій въ перечисленныхъ шести главахъ слѣдуютъ:

«Бесѣда 2-я къ православнымъ» о необходимости «намъ, во православіи сущимъ, отнюдь лютеровскому ученію не внимати, но твердо стояти, яко столпу, на каменномъ основаніи утвержденному, еже ни на шее, ни на мнимое десно шататися».

«Бесѣда 3-я иконоборцамъ», въ которой Посошковъ «восхотѣлъ, кромѣ вышеявленныхъ свидѣтельствъ, отъ бытія, въ мірѣ дѣющагося, нѣкая разглагольства предъ очи лютеранъ предложить». Въ этой бесѣдѣ Посошковъ, не касаясь лжеученія собственно, обращаетъ вниманіе на жизнь Лютера, силится разочаровать лютеранъ въ личности ихъ учителя, доказать имъ его нравственную несостоятельность.

«Бесѣда 4-я къ лютерамъ», въ которой Посошковъ обращается съ словомъ убѣжденія присоединиться къ Восточной церкви, покинуть свои заблужденія, заводя при этомъ снова рѣчь о нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ уже выше пунктахъ, особенно объ иконопочитаніи.

Затѣмъ слѣдуетъ «Вопросъ лютерамъ», гдѣ Посошковъ «уже напо слѣдокъ вопрошаетъ всѣхъ лютерства держащихся» относительно ихъ заблужденій и главнымъ образомъ опять останавливается на иконахъ, какъ пунктѣ въ ихъ ученіи самомъ ненавистномъ, съ точки зрѣнія православныхъ людей. Какъ извѣстно, представители старо-церковной партіи даже въ борьбѣ съ русскими вольнодумцами любили обвинять ихъ въ иконоборствѣ¹⁾. Для лютеранъ же имя иконоборца было на Руси самымъ обыкновеннымъ, — оно положено и въ заглавіи сочиненія Посошкова.

¹⁾ Журн. Мпн. Нар. Просв. 1880 г. Іюнь, стр. 262.

Въ заключеніи Посошковъ обращается къ Богу съ горячею молитвою — сберець русскихъ людей отъ паденія, а уже отпадшихъ и изъ «россійскаго народа большую часть уловленныхъ» возвратитъ въ лоно свѣтлаго православія, — «да будемъ со всѣми Тебѣ угодившими отъ вѣка, Боже нашъ, славити и воспѣвати Тя, Господа Бога, въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь».

Такъ какъ по своему общему направленію, господствующему тону и по приѣмамъ полемики, глава О иконоборцахъ совершенно напоминаетъ вышерассмотрѣнное противораскольническое Зерцало, то мы и не будемъ подробно останавливаться на этихъ пунктахъ. Намъ интересенъ взглядъ Посошкова на иновѣрцевъ и характеръ его отношеній къ нимъ.

Какъ строгій ревнитель православія, слишкомъ живо интересующійся вопросами, возникавшими на почвѣ религіи, Посошковъ не могъ, разумѣется, не обратить вниманія на опасность православія съ другой стороны, извнѣ, отъ иновѣрцевъ. И вотъ, съ такою же ревностію, какъ и при полемикѣ съ расколѣмъ, онъ старается ближе познакомиться съ основоположеніями лютеранства, изучить свойства этого противника, чтобы, соображаясь съ ними, начать наступательную борьбу. Посошковъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ выспросить лютеранина, поспорить объ ихъ вѣрѣ; такъ напр. онъ бесѣдовалъ о лютеранствѣ съ ахтырскимъ полковникомъ Перекрестовымъ и отъ него «кое-что узналъ» (Зав. от. стр. 33). Наконецъ, вообще Посошковъ свидѣтельствуетъ, что онъ «много ишѣлъ лютеранъ въ знакомствѣ у себя и много въ нихъ поискалъ евангельскаго исправленія» (Зерц. оч., 23 глава, л. 229). Не ограничиваясь устными бесѣдами, Посошковъ обращался и къ книгамъ лютеранскимъ, «искалъ *въ законѣ* Мартина Лютера» (л. 190 об.). Результатомъ изслѣдованій Посошкова было крѣпкое убѣжденіе его въ несостоятельности лютеранства. Посошковъ не нашелъ въ нихъ и «единныя черты правыя»; «не обрѣтохъ у нихъ не токмо Св. Евангелія, но ниже священной Библии послѣдованія: вся заповѣди Божіи отвергше, держать заповѣди отца своего Лютера, — той ихъ законодавецъ, а не Богъ» (л. 229). Прежде всего Посошковъ обращаетъ вниманіе на историческое происхожденіе лютеранства и находитъ въ немъ непосредственное продолженіе и возстановленіе иконоборческой ереси, осужденной седьмымъ вселенскимъ соборомъ. «Мы вельми вамъ удивляемся — обращается Посошковъ къ лютеранамъ, — не дивно тѣ ереси расширять, кіи еще не освидѣтельство-

ваны и возражены не были. Сія же иконоборная ересь не нова, но древняя и всѣмъ совершенно извѣстная: много бо она толкована и отъ церкви святыхъ отринута» (л. 166 об.). Истинную причину, коренного виновника лютеранства, какъ и раскола, Посошковъ, съ своей религіозной точки зрѣнія, видитъ въ діаволѣ, который «всякими образы тщится благочестіе древнее истребити. Въ началѣ онъ истреблялъ христіанство «явнымъ лицомъ, наглою», когда же это не удалось, «онъ вымыслилъ хитрость злопагубную: прикрылъ своихъ воиновъ одеждами овчими, злыи свой ядъ прикрылъ извѣтомъ благочестія. Сначала извелъ перваго адскаго воина Арія, ... Несторія, ... Въ послѣднее время всю западную страну отвратилъ отъ благочестія. Наконецъ, діаволъ напалъ на нѣмецкіе народы и устроилъ имъ вождя, усугубленнаго законопреступника Лютера и поострилъ его на новыя ереси. И другаго адскаго воина извелъ на всеконечное попраііе христіанства — Ягана Кальвина» (л. 164—166 об.). Этимъ взглядомъ на происхождение лютеранства опредѣляется и общій характеръ «слова» Посошкова, обращеннаго къ лютеранамъ. Онъ смотритъ на нихъ именно какъ на орудіе діавольскихъ козней; Лютера онъ называетъ постоянно сатанинымъ, адскимъ посланникомъ, избраннымъ судомъ діавола, не только діавольскимъ послушникомъ, но даже пособникомъ, который не только выполнялъ «подушенія блуднаго бѣса, а и отъ себя діаволу помогъ», т. е. и своего прибавилъ (л. 200). «Яганъ Кальвинъ — второй адскій воинъ, діаволу услужливѣйшій Лютера», потому что онъ «своею противностію всѣхъ превзошелъ» и, не ограничиваясь иконами, даже «крестъ святыи изъ церкви изверже» (165 об.). Посошковъ не соглашается даже съ общимъ названіемъ лютеранъ христіанами и усвоетъ имъ имя антихристіанъ. Ближайшую точку соприкосновенія лютеранства съ ученіемъ діавольскимъ Посошковъ усматриваетъ главнымъ образомъ въ гордости, высокомиѣнни лютеранъ, какъ грѣхъ, преимущественно характеризующемъ нравственное существо и дѣятельность духа злобы. «Гордость бо осилъ діавольскій, симъ осиломъ самъ онъ удавился и отъ небесъ отлучился, симъ осиломъ и Мартипа удавилъ» (л. 200). Уже въ католичествѣ усматривая дѣйствіе діавольской гордости, внушившей напѣ даже безумное желаніе приравняться апостолу Петру; Посошковъ еще большій элементъ гордыни усматриваетъ въ лютеранствѣ. Лютеръ «вся учинилъ отъ презѣльня своя гордости»; онъ «возложилъ на ся гордость превеликую, тому же и послушниковъ своихъ научилъ.

И то гордостное учение не евангельское, а дiавольское» (л. 165, 224 об., 200). На ряду съ гордостію, внушившею Лютеру неповиновение закону Божию и отцепеданному вѣроученію, другимъ источникомъ лютеранскихъ заблужденій, источникомъ столь же дѣйственнымъ и опаснымъ, является, по Посошкову, вытекающая изъ гордости же, безразсудная самонадѣянность, дерзкая увѣренность въ себя, надежда на свои собственные силы. Не допускаемая нигдѣ, даже въ частной жизни, самоволія, самоумія и пр., въ принципѣ вооружаясь противъ самонадѣянности, Посошковъ тѣмъ болѣе основательно не допускалъ ничего такого въ области вѣры, какъ не всегда подлежащей и часто превышающей законы человѣческаго пониманія. Образно такъ Посошковъ представляетъ паденіе Лютера, который, отвергну авторитетъ слова Божія, «восхотѣ, яко древній дiаволь, самъ собою большій быти», поставилъ себя «умнѣ Бога»: «выбѣжавъ изъ ограды церковныя, началъ онъ жить по своей волѣ; мысленный волкъ, видя его по пустыни вѣвка сего блудяща внѣ ограды церковныя, отъ Бога за отверженіе закона не охраняема, похитилъ его; видя его благодати Божія пуста, вшелъ въ него и вселился, и аможе восхотѣлъ, тамо его и повелъ» (л. 181 об., 167 об.). Дiавольская гордость и дерзкая самонадѣянность помрачили здравый умъ Лютера и стали непосредственною причиною проповѣданныхъ имъ заблужденій: «За возгорженіе и за презрѣніе Божіихъ заповѣдей благодать Божія отнялась отъ Лютера — и того ради, что онъ надѣлалъ, того и самъ не вѣдалъ», такъ какъ «самъ не свой былъ и князя міра волю исполнялъ». Въ порывѣ негодованія противъ Лютера, «лютого губителя душъ христіанскихъ», Посошковъ доходитъ даже до несправедливости къ нему; по его мнѣнію, онъ «весь учинился закону христіанскому противенъ», что онъ «ни глаголетъ, то все сплошь ложь»; «весь онъ гноекъ, вѣсть ни во единомъ словеси его цѣлости, но вся его словеса гнила суть» и пр. (л. 186 об., 180 = Зав. от. 162; л. 181 об. 211, 224). Вслѣдъ за самимъ Лютеромъ и всѣ увѣровавшіе въ него его ученики «погубили здравое разсужденіе въ себя», отъ «высокомнѣнія обуися разумъ ихъ» (л. 185). И Посошковъ не безъ ироніи называетъ постоянно лютеранъ «высокоумами», «высокомыслами», «безумными мудрецами», которые своимъ «глубоко буимъ разумомъ все изничтожили», «вся Божія преданія отвергли», «на вся древняя преданія возгордѣли» (л. 220 об., 232, 192). Умственное помраченіе еретиковъ особенно выразилось въ ихъ отношеніи къ Св. Писанію: «дiаволь заслѣпилъ

имъ очи душевныя и, ослѣпя, вложилъ имъ на Св. Евангеліе толки развращенныя» (л. 166). Разоблачая основоположенія лютеранства и замѣчая постоянныя ихъ противорѣчія ученію Св. Писанія, Посошковъ пришелъ къ тому убѣжденію, что они не понимаютъ и не знаютъ слова Божія, что «читая біблію не знаютъ, что въ ней написано». «Мартинъ въ Евангеліе смотрѣлъ, да знатно дѣло, что зажмурился онъ читалъ» и потому «не на ту дорогу улучилъ» (л. 181 об., 226 об.). «Слышимъ мы о васъ, — обращается Посошковъ къ еретикамъ, — что и у васъ книги есть, а чудно, что ничего въ нихъ написаннаго не видите, развѣ лежатъ они у васъ подъ лавкою, а вы на тѣхъ лавкахъ сѣдя, вмѣсто книгъ на вѣтеръ зря разсуждаете». «По всему явѣ есть, яко вы біблію токмо именовъ какъ назвать знаете, а что въ ней написано, ничего того не знаете и что ни дѣдете, то все бредите. Явѣ есть, яко межъ строкъ читаете и на *αἴρ* (*αἴρ*) смотря разсуждаете». Вслѣдствіе «гибели ума и отъ земнаго мудрованія», лютеране, хотя, съ общною гордостію, и «мнятъ себя быти мудры и сказуютъ о себѣ, яко они всѣхъ вѣрѣ правѣ», однако, на самомъ дѣлѣ, впали «во всеовершенное безуміе», явились всецѣло объюродѣвшими и своею борьбою на истинное христіанство унизились хуже «зловѣрныхъ жидовъ», за свою хулу на Духа Святаго и Богоматерь стали «худши басурмановъ» (л. 200, 229, 187 об., 180, 194 об., 197).

Но особенно возмущало Посошкова нравственное паденіе, къ которому быстро приблизились лютеране, шествуя «широкимъ, легкостнымъ путемъ свободы». Набожному русскому человѣку казалось самую высшую степень безнравственности и развращенія пренебреженіе къ церковнымъ обрядамъ, заявленное лютеранами. Посошковъ преимущественно останавливается на этихъ практическихъ отступленіяхъ лютеранъ и объясняетъ ихъ самыми низкими, чувственными инстинктами человѣческой природы. Постоянно Посошковъ обращаетъ вниманіе на безнравственность самого Лютера, стараясь всю его измѣну православію вывести изъ сластолюбія: «Люторъ ради сквернаго блуда, стыдъ свой прикрывая, всѣ древніе законы переломалъ, дабы не зазорно было ему жить въ мірѣ семъ», едѣлся «явный измѣнникъ Христовъ, ни чимъ же лучше Иуды Искаріотскаго, но еще горши: погубя свое христіанство, не раскаялся, но еще зло къ злу приложилъ... яко скифъ или жидовинъ церковныя сокровища пограбилъ, пресвитеровъ побилъ» и пр. Божія благодать отъялась отъ него

за гордость и яко діаволь во тьму претворися, въ скверное житіе ввалися» (л. 199 об., 167 об., 181 об. = Зав. от. стр. 158 и друг.). Обращая вниманіе на жизнь лютеранъ, Посошковъ находилъ полнѣйшее несоотвѣтствіе ея съ идеаломъ христіанской жизни, совершенный разладъ въ дѣлахъ съ словами, въ поступкахъ съ евангельскими требованіями, и это даже въ тѣхъ людяхъ, которые смѣли называть себя «евангеликами»: «они токмо единими усты святое Евангеліе чтуть, а сердцемъ и дѣлами своими вельми далече отстоятъ отъ него» (л. 166). Часто и въ разныхъ сочиненіяхъ Посошковъ говоритъ отдѣльно о нѣкоторыхъ обрядовыхъ отступленіяхъ лютеранскихъ, которыя въ глазахъ его становятся явнымъ знакомъ полного упадка у нихъ христіанскаго благочестія, а въ своемъ источникѣ связываются съ «послабою» лютеранскаго ученія. Такъ онъ останавливается на томъ напр., что лютеране, обыкновенно перетолковывая всѣ правила «по своимъ прихотямъ», «яко свиньи, ничего въ грѣхъ не ставятъ, дной не разбирають, все у нихъ безгрѣшно, въ страшные дни жуются и посягаютъ,... наядшися, напившися и табаку натянувшися, къ причастію приступаютъ», не исполняютъ законныхъ омовеній, а «яко скотъ, въ плотской сквернѣ ходять», не соблюдаютъ постовъ, «яко безсловесный скотъ или яко мордва, закона не имущая, по вся дни мясо ядятъ» и пр. (л. 171 = Кн. о ск. и бог. стр. 135; Рожн. дух. возраж. 25; Зав. от. стр. 167, 94, 168; Зерц. л. 189, 220, 208 об.). Между прочимъ, Посошковъ, какъ строгій буквалистъ въ церковныхъ правилахъ, упрекаетъ лютеранъ за то, что они запрещенную «кровь скотскую своимъ глубоко буйнымъ разумомъ присудили ясти, для смаку во всякія своя яди кровь влагаютъ и ядятъ въ сладость,... ово начиня кишки ядятъ, нарицающе ихъ колбасами» (л. 220 об., 189 = Зав. от. стр. 35). Вѣрхомъ нечестія и развращенія лютеранъ представляется Посошкову поведеніе ихъ на молитвѣ. Въ угоду своей изнѣженной плоти и «отъ превысокія своея гордости», лютеране, какъ въ жидовскихъ сонмищахъ, молятся сидя, «въ кирки своя вшедѣ, въ шапкахъ, въ шляпахъ и въ парухахъ, сѣдши въ кресла, слушаютъ своя обѣдни, сѣдятъ яко на торжици или яко въ корчемницѣ», творя тѣмъ «не моленіе, но поруганіе Богу». «Тако возгордѣша и облѣнишася, еже не хоцуть ни мало тѣла своего потрудити, или бы его, ради спасенія своего, удручити, и ради Бога не хоцуть и единого своего члена двигнути». «Отъ великія лѣности истинный покловъ отставили и хоцуть

поклоны отправляти единымъ токмо помышленіемъ», которые «пользовати человекъ не могутъ», въ которыхъ «токмо едина блазнь». Лютеръ, «отъ своея презлишніа лѣности, издалъ новый, отъ вѣка неслыханный поклонъ, еже токмо на умѣ о поклонѣ помыслить и то помышленіе за истинный поклонъ повелѣлъ вмѣнати» (л. 182 об. = Зав. от. стр. 96, 99, 150; Зерц. 180 об. = Рожн. дух. возраж. 26). Опровергая этотъ пунктъ ученія лютеранъ, Посошковъ между прочимъ остроумно уподобляетъ умственные поклоны ихъ тому, «аще кій человекъ отъ мраза озябнетъ и помыслить о теплотѣ, то и безъ теплыа храминны согрѣется», или «аще кто отъ глада о пици помыслить и не ядши сытъ будетъ» (л. 177 об., 178) и т. п. Наконецъ, Посошковъ вообще замѣчаетъ преобладаніе чувственности въ лютеранахъ сравнительно съ русскимъ народомъ, въ ту пору еще не перенявшимъ и не знавшимъ вкуса въ комфортѣ европейской жизни. «Люторове ни о чесомъ тако не пекутся, яко о собраніа богатства и славы міра сего. Суетамъ міра сего предежать. По всему своему бытію, вси они свѣта сего люди, а не грядущаго». «Вси вкупѣ уклонишася, кои въ украшеніе домовое и во всякое вешелюбіе, иніи въ сластолюбіе и лакомство и въ неправедныа прибитки, иные же въ блюдолюбіе несютное». «Всѣ великое въ ризахъ и въ пищѣ презлишество имѣють, со излишними украшенными. И то, стало бытъ, житіе ихъ не евангельское, но свѣтское; они пьютъ и ядятъ съ музыками и со всякимъ веселіемъ жизнь провождають», «скача и играя внити въ царство небесное» надѣются; спятъ на мягкихъ постеляхъ, носятъ «златотканныа одежды», надѣвають «парики соплетенныа и пудромъ напудренныа»; «благовонія ради, нюханія при себѣ носятъ и женамъ своимъ сочиняа ароматики, ради нюханія повелевають носить»; упражняются во «французскихъ танцахъ», услаждаются «музыками, скрипциами» и пр. и пр. (л. 211, 206 об., 190, 226, 234, Зав. от. 160 и др.)¹⁾. Поричая эту роскошную, веселую жизнь, Посошковъ видитъ въ ней прямое уклоненіе отъ идеала евангельской жизни, ближайшій поводъ къ нарушенію всяческихъ уставовъ церкви и правилъ вѣры. «Вмѣсто бдѣнія церковнаго, люторане бдѣнія чинятъ на вечеринкахъ и вмѣсто бдѣннаго труда, предъ Богомъ сущаго, трудятся въ танцахъ и въ скаканіи, и тако въ ноци утрудившися, спятъ даже до

¹⁾ На заразительный примѣръ «излишества и распутства» нѣмцевъ жаловался и Крижаничъ. — Рус. гос. вѣ пол. XVII в. т. II стр. 152.

обѣда: таковое ихъ житіе стало быть не евангельское, но языческое» (л. 206 об.).

Роскошь и изнѣженная, «слабая» жизнь лютеранъ, со великими сластями міра сего, даетъ Посошкову основаніе предполагать въ ней также одно изъ условій, содѣйствовавшихъ умственною растлѣнію еретиковъ. Находя ихъ вообще умственно повредившимися, духовно больными, Посошковъ не безъ ироніи обращается къ нимъ: «кто не посягнется вашему безумію? гдѣ вы свой разумъ подѣвали: на ренскомъ ли его прощили, или продали, на картахъ ли его проиграли, или на танцахъ ходя растеряли?! Явѣ есть, яко со сладостными брашны и со украшенными потравами и разумъ свой весь съѣли» (л. 191 об., 197, 230, 228; Зав. от. стр. 97). Въ то же время Посошковъ отлично сознавалъ, вслѣдъ за Яворскимъ, что слабость ученія Лютера, потворство чувственности и санкція личнаго произвола преимущественно и привлекають къ нему послѣдователей, служатъ залогомъ силы и живучести ереси. Уже при самомъ возникновеніи ея, по жнѣнію Посошкова, Лютеръ рассчитывалъ на эту слабую струну въ человѣческомъ существѣ и, установляя правила «легкостныя», прямо дѣйствовалъ на «сластолюбцевъ», пріусвоая себѣ «роскошелюбивый народъ». «Разстрига Мартынь Лютый предложилъ предъ очи сластолюбцевъ нѣкія главы евангельскія, яко медь сладкій, внутри же тѣхъ евангельскихъ словесъ сокрылъ лютый свой ядъ, т. е. погубительное толкованіе. И по истинѣ онъ *Люторомъ* словяше, ибо лютую ересь предъ народъ сластолюбивый всѣя... Люди, кіи возненавидѣли воздержное житіе, возлюбили слабое ученіе Мартиново. Сластолюбцы, яко безсловесные птенцы врановы, розинувъ ротъ, слушаютъ и развращенная словеса въ сладость пріемлютъ» и пр. (л. 165, 168 об., 170 об., 218 и др.; Зав. от. 162 с. и др.).

Кромѣ нравственной распущенности, проявляющейся въ жизни лютеранъ, Посошковъ еще съ большею энергіею обличаетъ отсутствіе въ нихъ всякихъ моральныхъ принциповъ въ человѣческихъ сношеніяхъ, особенно въ сношеніяхъ съ чужеземцами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ въ Посошковѣ говоритъ уже не столько религіозное чувство, сколько оскорбленный патріотизмъ, при живыхъ воспоминаніяхъ о страшныхъ насиліяхъ и несправедливостяхъ, которыя вытерпѣлъ русскій народъ въ прежнее время и отъ которыхъ еще не освободился вполне и во время Посошкова. Онъ вооружается здѣсь противъ тѣхъ же обмановъ, безчест-

ности иностранцевъ, противъ которыхъ ратовалъ еще и Крижаничъ. Разсматривая сношенія съ инновѣрцами исключительно съ политико-экономической точки зрѣнія, Крижаничъ пришелъ уже къ выводамъ самымъ не лестнымъ для нравственной репутаціи иностранцевъ. «О государь! — обращался онъ въ своей Политикѣ, — во вѣки вѣчные не вѣруй инороднику, еже бы какую корысть онъ принесъ. Нещадно насъ инородцы перехитряють и обманываютъ, землю нашу пустошатъ и разоряють, все наше благо и имѣніе выгребаютъ... Со стороны нѣмцевъ всегда нужно бояться клятвопреступленія» и пр. (Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I, стр. 4, 8, 155; т. II, стр. 82, 83). Съ жалобами Посошкова на несправедливости иноземцевъ въ торговыхъ оборотахъ мы уже знакомы по Книгѣ о скудости и богатствѣ; но стоитъ обратить вниманіе также на характерныя выраженія объ иностранцахъ въ главѣ объ иконоборцахъ и въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова. Напримѣръ въ Отеческомъ завѣщаніи онъ пишетъ: «иноземцы насъ обманываютъ да деньги выманиваютъ, а правды намъ никогда не скажутъ» и пр. (стр. 57). Гораздо рѣзче и подробнѣе высказывается Посошковъ въ главѣ о иконоборцахъ; съ особеннымъ негодованіемъ обличаетъ онъ здѣсь отсутствіе моральныхъ началъ въ отношеніи иностранцевъ къ русскимъ людямъ. Вотъ напр. цѣлая рѣчь Посошкова противъ недобросовѣстнаго поведенія ихъ въ Россіи, не безынтересная въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что она раскрываетъ предъ нами господствующее въ народѣ рускомъ мнѣніе объ иностранцахъ и объясняетъ народное недовольство и протесты противъ усиленія въ Россіи иноземческаго вліянія, иностраннаго элемента. Таковы были учителя, просвѣтителі и руководители, приставленные Петромъ Великимъ къ русскому народу, въ глазахъ сего послѣдняго: «Нѣсть въ нихъ не токмо евангельскія, но ниже христіанскія правды. Они того и въ грѣхъ не вмѣняютъ, еже насъ обманываютъ и деньги выманиваютъ; они еще то и въ премудрость себѣ поставляютъ, еже кого въ чемъ торговомъ или воинскомъ дѣлѣ обмануть. Къ сему же еще и добра они мало помянутъ... Развѣ въ нихъ сотнй человекъ сыщется добрый, еже бы вѣрить мочно и ежебъ намъ Россіянамъ радѣлъ отъ всея души, или бы добродѣтель, ему сдѣланную, памятовалъ. Истинно, татарове, аще и магометанскую вѣру держать, обаче правды въ нихъ больши, нежели у лютеранъ обрѣтается, ибо и малую добродѣтель памятствуютъ. Азъ не могу къ лютеранамъ и прочимъ нѣмецкимъ народамъ примѣни-

тиса, что они добра отнюдь не помнят; худши бо скота они, понеже скотъ, аще и безсловесенъ, обаче помнитъ, кто его кормитъ, а они подобни токмо волкамъ: волка колико не корми, а онъ къ лѣсу смотритъ. Тако и сіи народи намъ не надежни суть; что они добро не творять, то все единовѣрцамъ своимъ и единоплеменнымъ нарываютъ» и т. д. (л. 207 об., 208).

Осмотрѣвши лютеранъ со всѣхъ сторонъ, обследовавши всѣ «растлѣнные и неплодные» пункты ихъ заблужденій, Посошковъ, со свойственною старымъ людямъ серьезностію и рѣзкостію, обыкновенно, заканчиваетъ: «откуда на васъ ни посмотришь, уподобилися вы уроду», «по образу является яко человѣцы, а разсужденіе ваше внѣ человѣча разума», «нѣсть въ васъ человѣча разума, но токмо безсловеснаго скота», «нарицаетеся люди разумны, а дѣлаете безумно», «самое разсужденіе ваше свинское», «бродите вы въ своей вѣрѣ яко скотъ, не имущій пастыря» и т. п. (л. 202 об., 233, 201 об., 196, 222 и пр.). Собственная искренность Посошкова, непоколебимая сила его убѣжденія и радостное, возвышающее духъ сознание обладанія истиною даютъ Посошкову право смотрѣть на лютеранъ, такъ сказать, свысока, какъ на людей неразумныхъ, ошибающихся, жалкихъ, и оправдываютъ въ сочиненіяхъ Посошкова часто встрѣчающіяся довольно наивныя разсужденія. Такъ напр. немалый источникъ удивленія доставляетъ Посошкову то безстыдство лютеранъ, что они «отъ своего буйства», да еще насъ же православныхъ «буими нарицають»; «паче всего дивно, еже насъ заирають и пререкують; въ своей гордости «о смиреніи и слышать не хотящии, еще и смиренныхъ дураками нарицають»; «самѣхъ нѣтъ хуже», а они еще «насъ всѣхъ ничтожатъ», «не осмотра себя, да насъ порицають»; презирая иконы, они «насъ же порокують и идолопоклонственниками нарицають» и пр. (л. 204, 203, 200, 227, 208, 234, 231 и др.). Впрочемъ, Посошковъ совершенно основательно, съ своей точки зрѣнія, объясняетъ эти странныя явленія: «природные уроды — говорятъ онъ — никогда себя безумными не нарицають, но прочихъ всѣхъ дураками называютъ; такъ и Лютеране, сами обезумившиися, ... указують на насъ» (л. 234 об.).

Опровергая по возможности всѣ догматическія и преимущественно обрядовыя уклоненія лютеранъ, Посошковъ дѣйствуетъ на основаніи тѣхъ же средствъ и при помощи тѣхъ же пріемовъ, которыми пользовался въ поле-

микъ съ расколѣмъ. Обличая частные пункты лютеранскаго богословія и обрядовъ, Посошковъ, обыкновенно, разсматриваетъ предметъ всесторонне и выставляетъ всю силу православныхъ аргументовъ противъ нихъ, такъ что является очевидно обширная начитанность Посошкова въ обличительной богословской литературѣ. Такъ напр., онъ подробно развиваетъ православнохристіанское ученіе о пастыряхъ истинныхъ, чтобъ изобличить лжеучительство Лютера и другихъ; говоритъ подробно о трудности пути, вводящаго въ царство небесное, вопреки «легкостному ученію лютеранскому»; съ особенною силою и настойчивостію распространяется о необходимости иконопочитаія, о важности и обязательности постовъ, указывая при этомъ ихъ историческое происхожденіе и христіанское назначеніе. Желая разочаровать лютеранъ въ личности ихъ вождя, Посошковъ неоднократно говоритъ о немъ, передаетъ частные факты изъ его жизни, компрометирующіе его нравственную добропорядочность. Усматривая же въ лютеранствѣ извращеніе чистаго евангельскаго ученія, Посошковъ увѣщаетъ лютеранъ обратиться къ Евангелію, какъ непрерываемому источнику христіанскаго вѣдѣнія и непреложному уставу истинно христіанской жизни. «Молю васъ, прочтите вы Библію, ... вникните и разсудите хорошенько»; «прочтите Писаніе подлинникомъ и съ совершеннымъ вниманіемъ, и вся глаголы, въ немъ сущіе, разсмотрите въ тонкость, да тогда ужъ и въ толкованіе вступайте, а на вѣтеръ глядя нечего много разсуждать». Прочтите (такую-то главу) подлинникомъ, а не перечнемъ и не борзая, и тамо ясно узрите»... «Возрите вы (въ такую-то книгу) съ истиннымъ вниманіемъ» и «тамо узрите ясно» и т. п. Повѣрьте богодухновеннымъ писателямъ, потому что они «смыслили побольше вашего Мартына» (л. 201, 191, 185 и пр.).

Вслѣдствіе же перетолкованія и извращенія смысла нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія лютеранами, для которыхъ, по живописному выраженію Посошкова, «якоже слѣпому злато за блато виѣняется, тако и ясное писаніе тьмою ся кажетъ», Посошковъ требуетъ добросовѣстнаго, трезваго осмысленія текстовъ, раскрытія ихъ истиннаго значенія, согласно со всемъ евангельскимъ ученіемъ. Онъ рѣзко порицаетъ лютеранъ, которые пользовались отрывочными евангельскими выраженіями и вслѣдъ за самимъ Лютеромъ, изъ всего Евангелія «хапавшимъ токмо единныя словеса», то же, обыкновенно, въ единичныхъ фразахъ «ощупывали» себѣ оправданіе, «минуя все, за одно слово хваталися» (л. 204 об.; Зав.

от. 33 стр. и др.). Приводя напр. опорный пункт иконоборцев — известныя слова: не сотвори себѣ кумира, Посошковъ требуетъ: «вы то слово первѣе осмотрите съ прилежаніемъ, *какихъ* подобій не велѣлъ Богъ строити, *чею ради* ихъ нестроити, да тогда св. иконы и порочьте» и пр. (л. 191). Посошкову удается иногда подиѣтить даже нарушеніе лютеранами и ихъ ученія, а потому онъ отсылаетъ ихъ «посмотрѣть въ люторскихъ своихъ книгахъ»; но представляя лютеранъ беззащитными, неосновательными, даже и съ этой стороны, Посошковъ заключаетъ: «аще и тамо не обращете (себѣ подтвержденія), то что вы возглаголете? — явѣ есть, яко лучши вамъ молчати и усть своихъ противъ православныхъ христіанъ не отверзати» (л. 202 об.).

Въ ряду прочихъ средствъ и усилій убѣжденія, Посошковъ и здѣсь, какъ въ полемикѣ съ раскольниками, пытается дѣйствовать угрозами наказанія и обѣтованіемъ прощенія. Съ одной стороны онъ пугаетъ со-вратившихся въ лютеранство «сугубымъ наказаніемъ», потому что ихъ грѣхъ уже объявленный, обличенный, стало быть грѣхъ вѣдѣнія, «грѣхъ сугубный — и проклятіе (влечеть) сугубое же» (л. 167). Съ другой стороны, Посошковъ привлекаетъ отпадшихъ снова въ лоно любвеобильной матери Св. Церкви, обѣщая ей матерински-милосердное всепрощеніе покаявшимся чадамъ. «Егда образумитесь и на покаяніе приидете, то отъ всѣхъ тѣхъ люторскихъ богопротивныхъ дѣлъ, во адъ низводящихъ, будете свободни... и съ самимъ Господомъ Богомъ будете во царствіи Его небесномъ и во обществѣ со святыми рабы Божиими въ нескончаемыя вѣки вѣковъ весилитися. Аминь» (л. 234).

Говоря о полемикѣ Посошкова противъ иновѣрцевъ, нельзя также не упомянуть о нѣкоторыхъ приемахъ его увѣщаній, бросающихся въ глаза своею оригинальніостію. Посошковъ неоднократно свидѣтельствуеетъ, что онъ имѣлъ въ виду простыхъ, неученыхъ читателей, для которыхъ писалъ просто; съ этой цѣлію онъ «предлагалъ самыя поемныя дѣла, еже не токмо высокоумные люди (каковыми называютъ себя лютеране), но и самыя поселяне могли явпо разумѣти» (л. 233 об.). Отсюда и многія изъ увѣщаній Посошкова запечатлены неподдѣльнымъ простонароднымъ характеромъ, пропитаны иногда народнымъ юморомъ, выражены простымъ русскимъ языкомъ, переполнены сравненіями и уподобленіями изъ области, дѣйствительно, самыхъ «удопоемныхъ» предметовъ. Такъ напр. въ разсужденіи объ опрѣснокахъ, отстаиваемыхъ лютеранами на

томъ основаніи, что и опрѣенокъ суть такой же хлѣбъ, что существенной разницы между имъ и кислымъ хлѣбомъ нѣтъ, Посошковъ глубоко-мысленно и серьезно доказываетъ, что для чего же нибудъ да существуетъ «разное званіе: ово папошникъ, ово валенець, ово коровай, ово калачъ, ово сайка, ово кренга, ово витушки, ово баранки». «Аще и едино вислое тѣсто, а разнымъ соороемъ соороенное приемять себѣ разное названіе, яко же и во всемъ мѣрѣ дѣется: егда то кислое тѣсто большимъ короваемъ испечено будетъ, то нарицають хлѣбомъ, а егда сваявъ маленькимъ короващечкомъ испечено будетъ, то наричють колобомъ, индѣ же нарицають ихъ басманами; егда же тое тѣсто расучать потонѣе, то нарицають лепешками; а егда ту лепешку «согнувъ испекуть, то наричють овне сгибнемъ, овне же мяконькимъ, иніи-жъ шашлыккомъ. Егда же тое кислое тѣсто, растворя пожиже и изливъ на сковороду, испекуть, то уже нарицають блинами, а не хлѣбомъ. А вы, — обращается Посошковъ къ лютеранамъ, — опрѣенокъ называете хлѣбомъ, не можете опрѣенокъ съ кислымъ хлѣбомъ разобрать!» и т. д. (л. 206, 188 об.). Обличая безнравственную, распущенную жизнь лютеранъ, Посошковъ, со свойственною старымъ обличителямъ рѣзкостью и съ обычнымъ у Посошкова одушевленіемъ, проводитъ параллель между ними и истинными послѣдователями апостольскими: «святіи апостольстїи преемницы жить по вашему не умѣли, но трудились до поту лица своего, молились до утружденія, постились съ великимъ алканіемъ; вмѣсто хлѣба ядоша быліе, вмѣсто ренскаго пили воду мутную; вмѣсто златотканныхъ одеждъ носили многошвенныя рубища; вмѣсто постель пуховыхъ спали на голой землѣ; вмѣсто свѣтлыхъ овѣтлицъ жили въ темныхъ вертепахъ; вмѣсто французскихъ танцевъ во всенощныхъ бдѣніяхъ нощи провождали; вмѣсто множества пѣнязей премножество вшей имѣли; вмѣсто твердыхъ храминъ на дожди и на свѣгу безъ покровъ пребывали; вмѣсто музыкъ и веселія, и о малыхъ своихъ грѣсѣхъ день и ночь плакали» (л. 226) и пр. Нѣкоторыя изъ увѣщаній и обращеній Посошкова къ иновѣрцамъ поражаютъ своею наивностію. Такъ напр. онъ упрекаетъ совратившихся въ лютеранство за то, что они предъ своимъ совращеніемъ *не спросились* благочестивыхъ христіанъ (л. 231). Обличая иконоборцевъ, Посошковъ требуетъ, чтобы они, въ доказательство своей правоты, сотворили чудо: «вшедше во святую церковь, крикните силою люторскою и во органы со скрипциами зыграйте, вопіюще на св. иконы,

дабы онѣ пали на землю и разбились во прахъ» (л. 234). Точно также доказывая святость креста, Посошковъ предлагаетъ, для увѣренія въ этомъ порицающихъ крестъ, «искусити видимымъ дѣломъ», т. е. ни болѣе ни менѣе, какъ «поймать демона и возложить на него крестъ», чтобы видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на него эта операція. И Посошковъ совершенно серьезно увѣряетъ, что «сотрясется, не утерпитъ, побѣгнетъ» (л. 203 об.).

Доказывая необходимость почитанія святыхъ угодниковъ и св. иконъ фактомъ чудесъ, совершаемыхъ ими, Посошковъ, между прочимъ, повѣствуетъ о нѣкоторыхъ чудесныхъ явленіяхъ, совершившихся на его памяти и частію даже на немъ самомъ. Разказы эти представляются не безъ интересными въ литературномъ отношеніи, а потому мы выписываемъ ихъ здѣсь. «Нѣкогда азъ, еще въ малыхъ лѣтахъ сушь», рассказываетъ Посошковъ, «одержимъ быхъ трясавичною лютою болѣзнію, яко не чаяли и живу ми быти, понеже марта съ 25 дня одержимъ ею быхъ даже до августа мѣсяца. И аще и вельми болѣвъ бѣхъ, обаче родители мои дерзнуша мя везти къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. И егда тамо быхомъ, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы взя мя отецъ къ литургии и съ великимъ трудомъ поддержимъ быхъ, едва до херувимскія пѣсни достояхъ. Во время же херувимской пѣсни взя мя жаръ великъ и отецъ мой изведъ мя изъ церкви положилъ за алтаремъ на камени, и егда жаръ той отыде, востахъ и начахъ ясти и пити, и къ Москвѣ уже не на одрѣ мя повезоша, но на конѣ сѣдя, верхомъ поѣхаль. Тако бо Святыхъ Божиихъ молитвами споспѣшествуеми!» (л. 214 об.). Въ подтвержденіе чудотворной силы иконъ, Посошковъ, кромѣ ссылки на «многая неисчислимая чудеса, отъ святыхъ иконъ содѣвавшаяся» и уже записанныя, приводитъ разказъ о чудесныхъ случаяхъ, совершившихся въ его время. Ни въ малѣйшей степени не заподозривая вѣру Посошкова въ истинность чудесъ, имъ разказанныхъ, и не сомнѣваясь въ ихъ подлинности, нельзя однако не усмотрѣть нѣсколько тенденціозный подборъ ихъ, соотвѣтствующій цѣлямъ полемики именно съ лютеранствомъ. Въ одномъ разказывается, какъ лютеранинъ по повелѣнію Богородицы крестился въ «русское крещеніе», а во второмъ — какъ двѣ лютеранки наказаны были за непочтеніе къ иконамъ.

«Былъ нѣкто на Москвѣ иноземець люторскаго зловѣрія, чиномъ аптекаръ; и будучи въ Кіевѣ, впаде въ болѣзнь смертную и самъ въ себѣ

можна, яко къ смерти болить. И се въ соннозъ видѣніи явился ему образъ Пресв. Богородицы, иже тамо надъ враты градными поставленъ быше, и отъ того образа слышашеся ему гласъ, къ нему глаголющъ, по имени зывающъ: аще ты крестишися въ христіанскую вѣру, то не умреши. Онъ же рече: азъ, Святая Мати Возія, крещенъ есмь и къ Тебѣ, Пресвятѣй Богородицѣ, вѣру имѣю. И отъ того образа бысть гласъ вторицею: Азъ вѣмъ, яко крещенъ еси, еже и Меня чтиши, того бо ради и явихтися да будетъ не тща вѣра твоя, еже ко Мнѣ имаши. Обаче глаголю ти, аще не крестишися въ *руское крещеніе*, то отъ одра сего не имаши встати. И той аптекаръ обѣщася креститися. И аще во снѣ обѣщася, обаче и явѣ бысть здоровъ и не по многъ времени поѣхалъ къ Москвѣ, и пріѣхавъ, повелѣніе Богородично и свое обѣщаніе забы, живяше по прежнему въ люторской вѣрѣ. Егда же бысть Великаго Государя Царя Петра Алексіевича походъ къ Архангельскому городу и той аптекаръ по наряду былъ съ нимъ, Государемъ, съ аптекарскими припасы. И будучи тамо, впаде въ тую-жъ болѣзнь, ею же въ Кіевѣ болѣзновалъ. И тогда той аптекаръ позна свой грѣхъ и обѣщаніе, и воспомяну глаголь Пресвятныя Богородицы, отъ святныя ея иконы къ нему бывшій, — нача просити святаго крещенія восточныя церкви. Прочіе-жъ тамо бывшіе лютеране начаша ему претити и Великому Государю доносить, яко бы онъ отъ великія болѣзни умомъ повредился и просить крещенія внѣ своего ума. Онъ же крѣпяшеся и неумолкая крещенія російскаго прошаше и глаголаше дабы такъ не умрети. И Великій Государь послалъ къ нему ближняго своего боярина князя Бориса Алексіевича Голицына. И повелѣ ему освидѣтельствовати, въ цѣломъ ли онъ умѣ російскаго крещенія просить. И по свидѣтельству явился онъ въ разумѣ цѣлъ и просить крещенія отъ истиннаго своего намѣренія, вся бывшая о себѣ повѣдая ему по ряду. И Великій Государь, то увѣдавъ, повелѣлъ его крестити, и бысть отъ святныя купели воспріемникомъ вышеупомянутый бояринъ Борисъ Алексіевичъ. Въ крещеніи наречено бысть ему имя Антонъ. И по крещеніи той аптекаръ бысть здоровъ, якоже и первее. И егда онъ пріѣхалъ къ Москвѣ, то всѣ лютеране вознегодоваша на него и ругаху его. И онъ, видя руганіе великое, преселися изъ нѣмецкія слободы въ огородную слободу, въ близъ церкви Харитона Исповѣдника и довольная лѣто во благочестіи поживъ, скончася въ православіи ».

«Еще же и во очесѣхъ нашихъ въ прешедшемъ 707 году содѣяся чудо сицевое, еже и нашими очесы видѣно бысть:

«Изъ сала Краснаго несену бывшу образу Пресвятныя Богородицы, нарицаемому Тихвинскаго преводу, за Язу рѣку, въ домъ Никиты Мокеева; и егда той образъ людіе несоша подлѣ житнаго двора, иже за Мясницкими вороты, клирики же идуще пояху пѣснь пресвятѣй Богородицѣ: стыду постиже карета иноземческая и въ ней сѣдяху двѣ иноземки лютерскаго зловѣрія; возница же у нихъ былъ російскаго благочестія. И егда ту святую икону узрѣ; оная той возница и коней поодержа, дабы пропустить ту св. икону прежде себя, понеже въ то время бысть вельми сухо и отъ коней и отъ колесницы пыль велія подымашеса. Сидящія же въ той каретѣ иноземки безстудно на возницу свою возопиша, рекуще, какая-де диковина, что икону несутъ, — поѣзжай мимо! О ле чудесе! ибо во время объѣзжанія ихъ, на ровномъ мѣстѣ, егда изравнишася противо того образа, хотяще миновати: се внѣзапу невидимою силою Божию подъяся та ихъ карета, яко на рукахъ подъятая и обратися взнагъ и съ ними вкупѣ. И тѣ иноземки разбишася даже до крове и карета ихъ сокрушися, а возницу откинуло въ сторону и бысть не врежденъ» (л. 216 об. и 217).

Исходя изъ воззрѣній на лютеранъ, какъ на людей помраченныхъ, ошибавшихся въ томъ, чего только «поврежденные умомъ познати не могутъ»; Посопковъ постоянно старается ввести ихъ въ сознаніе своей ошибки, заставляетъ одуматься, освободиться отъ того умственнаго затмѣнія, въ которомъ они находятся, стряхнуть съ себя тяготѣющій на нихъ умственный кошмаръ. «Вберите въ головы своя разумъ», «возьмите умъ свой въ голову и рассмотрите», «осмотритесь вы прилежно, высокомысліе свое отриньте, время бо вамъ высокомысліе свое оставити и воспріяти древнее смиреніе простотное». «Всячески годствуетъ нынѣ покаяться, дондеже окна зрѣнія нашего не затворилися. О горе, горе тѣмъ, иже вѣдая согрѣшаютъ». «Господа ради, нынѣ о Мартинѣ и о себѣ рассмотрите и прожените его, яко врага и губителя своего и приобщитесь святныя восточныя церкви» и пр. пр. (л. 218 об., 235, 225 об., 236, 231). Посопковъ рѣшительно теряется въ изысканіи средствъ спасти добровольно гибнущихъ, не находитъ словъ, которыми бы можно было разубѣдить ихъ; онъ готовъ бы силою, искусственно пересадить въ нихъ свои убѣжденія, «втиснуть» въ ихъ головы свои мнѣнія: «вы,

люторстіи наслѣдницы, хотя съ трудомъ втисните вышеписанные глаголы въ разумъ свой». «Не худо вамъ поразмыслить о себѣ, на отцевъ своихъ смотрѣть нечего, понеже вы разумная тварь, а не скоть. Нѣкогда бо свинья поросятица впала въ мельничную трубу и колесомъ сломало ю; а поросята, аще и видѣли, что матку ихъ сломало, не разсудили того, въ тую жь трубу посвакали и тако вси пропали. То ты поросята отъ неразумія своего сдѣлали, а вы не поросята, можно и поразсмотря въ отцовскую погибель бросатися» (л. 204 об., 219).

Обличенія и суровыя порицанія лютеранъ часто смѣняются у Посошкова выраженіями сочувствія къ ихъ положенію, искренними и задушевными словами сожалѣнія о нихъ; послѣдовательное и ровное теченіе мыслей прерывается часто болѣе или менѣе посторонними разсужденіями, различными восклицаніями. Напр.: «О бѣдныя, бѣдныя лютеране! какъ вы толь безумно учинили, еже повѣрили Мартину?» «О бѣдныя, бѣдныя високоумы, кто не подивится вашему безумію?» «О злыя злобы Мартиновы на Господа нашего! о вражды его прелестныя на Создателя вашего! о и вашего безумія неизмѣримаго» и пр. (л. 173, 226 об., 170, 229 об.). Постоянно при этомъ Посошковъ высказываетъ свое искреннее сокрушеніе, что лютеране съ самаго начала не сожгли Лютера, что они не прогнали его отъ себя, а приняли «гнилое слово за здоровое, злой плодъ за добрый» (л. 202, 203, 219, 220).

Всѣми силами своей вѣрующей души Посошковъ жаждетъ остановить лютеранство, усматривая уже въ средѣ его крайнюю степень извращенія религіознаго чувства въ явленіи атеизма. Посошковъ довольно подробно излагаетъ не безынтересныя свѣдѣнія объ основныхъ мнѣніяхъ тогдашняго атеизма въ томъ видѣ, въ какомъ они носились въ русскомъ народѣ и воспринимались русскими людьми. «Нѣщцы изъ васъ уже глаголють и не токмо глаголють, но и стоять въ томъ, яко нѣсть на свѣтѣ Бога, но сей свѣтъ самъ о себѣ стоитъ; нѣсть у него ни создателя, ни владѣтеля, но мы-де сами собою и всѣмъ свѣтомъ владѣмъ. И кой-де человекъ уменъ, той умно и живетъ, а кой глупъ, тотъ глупо и живетъ. И вси-де человекъ пока живы, то ихъ и приобрѣтеніе; а егда-де кто умереть, тутъ ему и конецъ весь; и ни царства небеснаго, ни муки вѣчныя, ни воскресенія мертвыхъ не сказуютъ; но егда-де кто умеръ да сгниль, тутъ-де ему и конецъ весь. И всѣхъ христіанъ нарицаютъ безумными: егда-де кой человекъ умеръ, то уже-де больше нечего

спрашивать, а они-де отъ безумія своего надѣются по смерти и по сгнитіи плоти наки возстати. Да сказуютъ-де Бога быти, да аггеловъ, да бѣсей сказуютъ, да будто инымъ будетъ по смерти царство небесное—лучши здѣшняго, а инымъ будто будетъ мука безконечная,—злѣе здѣшнихъ мукъ. Яко-де человекъ бредитъ во снѣ, подобно-де тому нарицаеміи христіане бредятъ. То-де издѣли волочаги, обманщики, выманиваючи у богатыхъ людей деньги» и т. д. (л. 222 об.). Нельзя не замѣтить, какъ дикі и безумны казались эти атеистическія мнѣнія для искренно, всецѣло вѣрующаго и запертаго для всякихъ сомнѣній ума и сердца русскаго христіанина. Тѣмъ не менѣе, Посошковъ уже предчувствовалъ живучесть этой аномаліи человѣческаго разсудка и высказалъ замѣчательное предположеніе, постепенно сбывающееся и въ наше время: «вскорѣ или не вскорѣ», онъ сказалъ еретикамъ, «обаче діаволь намѣреніе свое въ васъ исполнить! вси бо вы, яко кальвиняне, тако и люторане будете въ безбожіи, — куда васъ діаволь наклонилъ, туда вамъ и придется пасть». «Лихо было діаволу съ мѣста стронуть, а уже когда кого стронетъ, то уже и овладѣетъ имъ... Се уже мнози изъ васъ начали въ безбожіе вступати, а мало по малу и всѣ отеистами будете». «Потому, еже аще кто въ люторство склонится, тотъ уже и въ безбожіе ввидетъ и отеистомъ будетъ».—Вси вы отъ діавола пойманы есте первыми паденьми и вельми близки есте и къ послѣдному паденію отеистскому, т. е. къ безбожной ереси, кая въ васъ уже и началась бытъ» (л. 223 об., 192, 237; Зав. от. стр. 157 и пр.). Тѣмъ съ большею заботливостью Посошковъ старается предостеречь православныхъ отъ заразы лютеранства, какъ прямой дороги къ атеизму, и ввести ихъ въ сознаніе всей гибельной опасности этого духовнаго «василиска».

Вопросъ объ отношеніи православныхъ къ лютеранамъ разсмотрѣнъ въ главѣ О иконоборцахъ весьма подробно и составилъ собою содержаніе особыхъ «бесѣдъ къ православнымъ». Сущность содержанія этихъ бесѣдъ формулирована самимъ Посошковымъ въ излюбленной его фразѣ, дѣйствительно, весьма удачной и характерной: «намъ, во православіи сущимъ, подобаетъ твердо стояти, яко столпу, на каменномъ основаніи утвержденному, еже ни на шее ни на мнимое десно шататися: ни въ люторская лжесловія ни въ римская многословія, ни въ раскольничья бласловія» (л. 204 об.). Посошковъ и здѣсь говоритъ о тѣхъ же заблужденіяхъ лютеранскихъ, но обращаетъ свою рѣчь исключительно

къ православнымъ, уже предъ ними выясняя всю очевидность лжи «люторскихъ, и римскихъ лжесловій», предостерегая ихъ отъ возможности уклоненія. «Намъ не подобаетъ имъ ревновати, понеже въ нихъ разумъ токмо свѣтскій, а духовнаго разума, ко спасенію ведущаго, и слѣду нѣсть, но вся свѣцкая». «Намъ надобно въ Господнихъ повелѣніяхъ твердымъ быти, а люторовыхъ повелѣній и близъ себя не припускати». «Аще мы съ ними, люторанами, соединительно жити будемъ, то опасно, дабы и намъ отъ нихъ не навывнути и такожде бы не уклонитися» (л. 207 об., 208 об., 212). Въ виду этого, Посошковъ и желалъ бы искренно прекратить, по возможности, всякія сношенія, порвать всякія связи съ иновѣрцами; онъ многократно совѣтуетъ «весьма отъ нихъ бѣгати; вельми блюстися ихъ», «отревати отъ себя», избѣгать всякаго «сообщенія дружескаго» съ ними, чтобъ «дѣламъ ихъ не навывнути». Сыну своему онъ предписываетъ «и единымъ окомъ не воззирати на ихъ люторская блядословія», «не весьма водиться съ ними, дабы каковому ихъ люторскому ученію не прилѣпитися: всегда бо при водѣ обмочишися, а при огнѣ обожжешся, подобне — при добромъ человекѣ добру научишися, а при зломъ злу и навывнеши». «Ты сыне мой, вельми ихъ бойся и о чесомъ они тебѣ ни будутъ разглагольствовати, не вѣрь имъ, понеже вси люторскіе толки богопротивны суть и правому христіанству весьма вредительны. Господа ради ни на каковыя толки не сдавайся,.. съ нечестивыми люторы отнюдь не водись, содружія съ ними никакого секретнаго не имѣй». Исключеніе Посошковъ допускаетъ только ради какой либо «гражданскія потребности» и то съ ограниченіемъ, — дозволяя только «легкостно знаться» съ ними (Зав. от. стр. 162, 168). Часто Посошковъ не только въ завѣщаніяхъ сыну и наставленіяхъ православнымъ, но и въ обращеніяхъ къ самимъ лютеранамъ откровенно заявляетъ, что русскимъ людямъ должно избѣгать ихъ, какъ «людей вредныхъ и крайне опасныхъ». «Россія илюгонародна есть и не всякъ человекъ Писаніе вѣсть; того ради и содружіе съ вами имѣть не весьма годствуетъ,—всегда бо подлѣ пчелы медъ, а подлѣ жука дермо». «Православнымъ христіаномъ вельми страшно хлѣбосоольство и содружіе съ вами имѣти, дабы въ люторскихъ сѣтяхъ не увязнути». «Намъ вельми надобно отъ васъ блюстися и бѣжати отъ васъ, яко отъ лютаго змія-василиска,.. потому, еже кто аще въ люторство склонится, то тотъ уже и въ безбожіе внидетъ и отеистомъ будетъ» и пр. (л. 219 об., 237, 223). Мудрено

ли, что напуганному взору Посошкова представлялось въ лютеранствѣ все опаснымъ, разрушительнымъ и не видѣлось уже «ни единныя черты здраваго разсужденія», «ни единныя черты полезнаго житія, которая вела бы въ царство небесное»?! (Зав. от. стр. 165). Даже въ программѣ школьнаго обученія, въ Завѣщаніи сыну, Посошковъ, при перечисленіи языковъ полезныхъ для изученія, допустилъ весьма замѣтный пробѣлъ, единственно объяснимый религіозными опасеніями Посошкова: онъ не помянулъ нѣмецкаго языка, хотя, конечно, былъ убѣжденъ въ политико-экономической важности сближенія русскихъ съ нѣмцами; — опасность заразы религіозной, очевидно, въ этомъ случаѣ пересилила. Между тѣмъ, Посошковъ тутъ же рекомендуетъ даже польскій языкъ безъ сомнѣнія, менѣе нужный, но за то съ своимъ католичествомъ и менѣе пугавшій Посошкова (стр. 55).

При выясненіи взгляда Посошкова на иновѣрцевъ справедливость требуетъ указать другую точку зрѣнія на нихъ, кромѣ очерченной, также не чуждую Посошкову. И крайне подозрительное его отношеніе къ нимъ не могло заслонить въ его глазахъ многое хорошее у нихъ, съ чѣмъ соглашался Посошковъ, что онъ положительно одобрялъ, чему завидовалъ. Это новое доказательство добросовѣстности и безпристрастія Посошкова рѣзко выдѣляетъ его изъ ряда древне-русскихъ книжниковъ и обличителей, обыкновенно не склонныхъ и не способныхъ ни на какія уступки изъ принятаго общаго направленія и руководившихся принципомъ порицать — такъ порицать безусловно, бить — такъ бить до конца. Посошковъ же съумѣлъ сохранить себя отъ увлеченія одною какою либо точкою зрѣнія на предметъ, — онъ слишкомъ рельефно разграничивалъ въ данномъ случаѣ свои взгляды религіозные отъ политико-экономическихъ и не смущался явно противорѣчащими итогами того и другаго, а съ благороднымъ безпристрастіемъ одинаково повѣдалъ въ своихъ сочиненіяхъ эти итоги. Послѣ указанной сейчасъ религіозной точки зрѣнія Посошкова, съ которой онъ не нашелъ въ иновѣрцахъ ни единныя черты здраваго разсужденія, сплошную ложь, считаемъ умѣстнымъ напомнить взглядъ Посошкова на иновѣрцевъ съ политико-экономической точки зрѣнія, гдѣ Посошковъ становится ихъ даже панегиристомъ, гдѣ онъ съ похвалою и завистію указываетъ на доброе гражданское устройство и образцовый экономическій бытъ у нихъ. И въ разсматриваемой главѣ о иконоборцахъ, не смотря на вообще обличительную цѣль ея, Посошковъ, ска-

завши напр. о недобросовѣстности лютеранъ въ отношеніи къ русскимъ, продолжаетъ: «есть слухъ о нихъ, что въ своихъ земляхъ вельми они всякими своими житейскими поступками добры». При этомъ, Посошковъ, на основаніи какихъ-то свѣдѣній, своеобразно объясняетъ, какъ лютеране себѣ «зажили такую славу»: «издревле, до Мартынова бытія, нѣкто былъ у нихъ пришлецъ или и изъ нихъ выродокъ; той оставилъ у нихъ гражданскіе уставы, какъ купеческіе, такъ и художественные, и воинскіе, и судейскіе: и *всѣ житейскіе ихъ уставы вельми добры, кромѣ вѣры*. И тако они у себя по тѣмъ древнимъ уставамъ *добры и разумны* въ своихъ земляхъ» (л. 208). Уже изъ этого одного отрывка видно, что Посошковъ признавалъ за иновѣрцами и правственными качества: доброту и гражданскія доблести во взаимныхъ отношеніяхъ; кромѣ того, онъ несомнѣнно признаетъ за ними образованіе, довольно высокую степень цивилизаціи. Такъ напр. часто приводя или ихъ показанія о своей научности, или общепринятія названія ихъ мудрыми, истину знающими, Посошковъ нисколько не оспариваетъ этого въ принципѣ, а только еще болѣе удивляется ихъ заблужденію, еще съ болѣею несомнѣнностію убѣждается въ дѣятельномъ участіи діавола, помрачающаго человѣческой умъ, побѣждающаго земныхъ мудрецовъ. Сопоставляя иногда лютеранъ съ нашими раскольниками, Посошковъ, очевидно, самый этотъ фактъ—приравненія ученыхъ людей къ безумнымъ простецамъ—представлялъ уже въ нѣкоторомъ родѣ униженіемъ, оскорбленіемъ первыхъ (л. 177). Такимъ образомъ, несомнѣнно слѣдуетъ и отсюда, что Посошковъ иновѣрцевъ въ интеллигентномъ отношеніи ставилъ неизмѣримо выше, къ ихъ образованности, хотя только земной, свѣтской, вѣтренной, относился все же съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Наконецъ, даже въ разсужденіи о Лютерѣ, какъ ни злобился на него Посошковъ праведнымъ негодованіемъ христіанина за пагубу множества чистыхъ душъ, какъ ни называлъ его «безумнымъ», «объюродѣвшимъ», «всесвѣтнымъ дуракомъ» и т. п., а всетаки на самомъ то дѣлѣ признавалъ его ученость, образованіе, всетаки соглашался, что діаволъ *къ ученымъ людямъ* и подослалъ *ученаго* попа, не то что къ нашимъ «буинымъ раскольникамъ, для которыхъ было достаточно діаволу» послать своихъ «способниковъ отъ нижнія чреды: малосмысленныхъ пресвитеровъ и чернецевъ, и простыхъ, некнижныхъ мужиковъ». Нѣтъ, «какъ ко Адаму діаволъ не подослалъ ни вола, ни осла, ни вельбуда, но мудрѣйшаго

звѣря, т. е. змія, дабы Адамъ принялъ отъ него совѣтъ его и повѣрилъ бы словамъ его, понеже той звѣрь паче всѣхъ звѣрей разумнѣйшій, ... тако нынѣ и къ нѣмцамъ подослалъ Мартина Лютора. Избралъ его не изъ земледѣльцевъ простыхъ и ничего незнающихъ мужиковъ, яко вола или осла, но избралъ яко мудраго змія, т. е. *ученаго чело-вѣтка, видимою свѣта мудрованіемъ исполненаго* и священническимъ саномъ почтеннаго» (л. 166, 175).

Сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ, какъ и вообще всѣ сочиненія его, со всею отчетливостію отображаетъ въ себѣ личность автора. Тутъ выступаетъ предъ нами тотъ же Посошковъ, — челоуѣкъ не вполне еще очищенныхъ взглядовъ и очищенныхъ понятій, челоуѣкъ, очевидно, не получившій правильнаго образованія и систематической подготовки къ литературному дѣлу. Наряду съ мыслями совершенно правильными, здравыми, навѣянными Посошкову его религіозною ревностію и внушенными его крѣпкимъ природнымъ умомъ, встрѣчаются и здѣсь мысли, выдающія невѣжество Посошкова, его незнаніе, понятія и взгляды, не выдерживающіе критики. Словомъ, и здѣсь можно наблюдать обычное у Посошкова смѣшеніе здраваго съ нелѣпнымъ, важнаго съ ничтожнымъ, серьезнаго съ смѣшнымъ, новаго съ старымъ. Такъ напр., Посошковъ энергично порицаетъ лютеранъ за то, что они терпятъ у себя въ городахъ и домахъ изображенія и копіи античныхъ статуй, различныя украшенія живописныя и скульптурныя въ античномъ вкусѣ. Посошковъ находятъ въ этомъ достаточный поводъ обвинять лютеранъ въ идолопоклонствѣ. Въ «сливаніи» статуй Посошковъ видитъ уже почесть, воздаваемую имъ лютеранами, предосудительную любовь, которую оказываютъ иновѣрцы «лживымъ богамъ эллинскимъ, поганскимъ идоламъ и небеснымъ знакамъ». Въ выдѣлываніи статуй изъ камня, серебра, мѣди и т. п. Посошковъ усматриваетъ намѣреніе лютеранъ *болѣе* или *менѣе* почтить того или другаго идола; въ поставленіи статуетокъ на люстрахъ, канделябрахъ онъ пресерьезно видитъ «воспаленіе свѣчей въ честь ихъ», приношеніе имъ и пр. «Богъ запретилъ строить подобія солнца, луны и иныхъ тѣмъ подобныхъ знаковъ небесныхъ: Крона, Афродиты, Діа, Ермія и прочихъ, тѣмъ подобныхъ... Люторове же вельми ихъ памятствуютъ и ради незабытныя памяти строятъ ихъ ово отъ дерева, ово же отъ камня, инии жъ и мѣдныхъ сливають и поставляютъ на зданіяхъ и на иныхъ назначныхъ и честныхъ мѣстахъ». «Образу Божію не малыя чести отдать не хотите»,

обращается Посошковъ къ лютеранамъ въ другомъ мѣстѣ, «а истинныя поганскіе идолы не стыдятся прославляете, злаго глагола на нихъ не глаголете,.. явное почитаніе отдаете и память имъ незабытную содѣваете, дабы она до скончанія вѣка влеклась. Ибо, егда у васъ какой триумфъ учинится, то вы прославляете эллинскихъ боговъ, т. е. кумировъ ихъ поставляете ко всенародному зрѣнію: Ариса, Ермія, Діа, Афродиту, Крона и иныхъ подобныхъ симъ, ихъ же поганіи почитали». «Почитающе поганскихъ идоловъ, дѣлаете ихъ во всякихъ украшеніяхъ на серебряныхъ сосудѣхъ отъ серебра, а на золотыхъ сосудѣхъ отъ золота содѣваете и поставляете ихъ на верху тѣхъ сосудовъ. Такожде и во иныхъ украшеніяхъ домовныхъ содѣваете тѣхъ же кумировъ, ово отъ каменія, ово же отъ дерева, а лучшія ради ихъ почести содѣваете серебряныхъ и мѣдныхъ, и оловянныхъ, и поставляете въ срединѣ въ паникадилахъ, въ свѣщныхъ мѣстахъ, дабы воспаленіемъ свѣчъ честь имъ и приношеніе отбравлялось. И по сему стало бытъ въ явные и достовѣрные идолопоклонники» (л. 212 об., 231 об.) Такое недостойное поведеніе лютеранъ представлялось Посошкову тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что своимъ идолопоклонствомъ они подавали соблазнъ и вводили въ невольныя заблужденія и православныхъ, «понеже у насъ мнози и не разумѣютъ, что идолъ у васъ поставленъ среди свѣщника, и отъ невѣдѣнія, не сокруша того идола, вносятъ тѣ паникадилы въ церкви и вокругъ того идола оставляютъ свѣщами» (л. 232). Видимо, Посошковъ придаетъ этому обстоятельству не малую важность и силится доказать, что со стороны православныхъ это бываетъ только грѣхъ невѣдѣнія; со стороны же лютеранъ такое недоумѣнное обстоятельство представляется Посошкову экиднымъ «коварствомъ» и злонамѣреннымъ «пронырствомъ». «Но Богъ видитъ», успокоительно замѣчаетъ Посошковъ, «чіе тутъ пронырство... и той възыщется на васъ грѣхъ, а не на насъ. Кто его (идола) состроилъ, тотъ и идолочтець есть, а не мы». Вообще же Посошковъ не безъ гордости заявляетъ, что идолы, т. е. статуи и всякія украшенія античныя въ Россіи, у православныхъ, «весьма отвержены суть, еже не токмо во образъ ихъ знать, но и имена ихъ не памятствуютъ» (л. 212 об.). Не сомнѣваясь въ справедливости этого показанія, нельзя не замѣтить въ концѣ концовъ, что всѣ эти разсужденія Посошкова о современныхъ «идолахъ» являются нѣсколько наивными. Но они служатъ яснымъ доказательствомъ только того, что Посошковъ

совершенно не был посвященъ въ смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ благородныхъ искусствъ, что онъ допустилъ, такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ ни болѣе ни менѣе, какъ только грѣхъ тоже невѣдѣнія. А строго-церковный взглядъ на вещи и крайне ревнивое храненіе неприкосновенной чистоты Христовой религіи, слишкомъ прозрачно выступающіе главною подкладкою всѣхъ этихъ разсужденій Посошкова, еще болѣе останавливаютъ всякую попытку сказать какой либо упрекъ Посошкову. Совершенно въ томъ родѣ и съ тѣмъ же смысломъ представляется напр. разсужденіе Посошкова объ игральныхъ картахъ. Ревнивый блюститель и охранитель христіанскаго благочестія вездѣ и во всемъ безъ исключенія, и крайне подозрительный къ людямъ измѣнившимъ этому благочестію, Посошковъ повидимому совершенно самостоятельно дѣлаетъ новыя открытія, обличавшія, въ его глазахъ, высшую степень развращенія лютеранъ, усиливавшія мѣру ихъ злочестія. Такъ, въ данномъ случаѣ поруганіе надъ всѣмъ христіанствомъ онъ усматриваетъ даже въ простыхъ игральныхъ картахъ, которыя онъ, повидимому, исключительно усвоитъ лютеранамъ. И Посошковъ серьезно пускается въ доказательства своей мысли. Онъ тщательно разсматриваетъ карты и отмѣчаетъ въ нихъ якобы намѣренное поруганіе христіанской святыни. Напр., на державѣ короля бубнового онъ усматриваетъ изображеніе «герба Христова», т. е. креста; въ трефовыхъ маркахъ, «вмѣсто желудей дубовыхъ» — крестовидные знаки; въ картахъ «винныя масти», т. е. въ королѣ пиковомъ, угадываетъ почему-то пророка Божія, царя Давида» (л. 232 об.).

Въ характерѣ внѣшняго изложенія разсматриваемаго сочиненія мы должны отмѣтить черту, общую всѣмъ сочиненіямъ Посошкова, его необыкновенную простоту, общедоступность. Не смотря на то, что Посошковъ въ данномъ случаѣ полемизируетъ противъ лютеранъ, — людей, по его сознанію, образованныхъ, высокоумныхъ, онъ все же имѣетъ въ виду и назначаетъ свое сочиненіе ближайшимъ образомъ простымъ русскимъ людямъ; вслѣдствіе этого, заботится въ изложеніи о такой простотѣ, пишетъ, по его собственному признанію, столь «поемно», что «не только высокоумные люди, но и самый поселянинъ можетъ ясно уразумѣти» (л. 233 об.). Заботливость Посошкова о простотѣ и популярности отразилась, какъ мы видѣли, даже и на содержаніи сочиненія, внушила Посошкову употребленіе простыхъ увѣщаній, наглядныхъ сравненій, уподобленій и пр. Тою же простотою запечатлѣно и изложеніе сочиненія;

она придала простионародный колоритъ всѣмъ рѣчамъ Посошкова, выразилась во множествѣ пословицъ, поговорокъ, народныхъ оборотовъ, въ припятой Посошковымъ на себя обязанности объяснять смыслъ всѣхъ словъ, не вошедшихъ въ сферу обиходнаго употребленія и предполагавшихъ въ себѣ темноту, неясность для русскаго читателя — простеца ¹⁾).

Что касается порядка въ раскрытіи частныхъ мыслей, то онъ въ сочиненіи Посошкова далеко не представляетъ стройной системы, строгаго плана. Увлекаясь въ обличеніяхъ, Посошковъ постоянно допускаетъ замѣтныя уклоненія отъ предмета, частыя повторенія одного и того же, и дѣлаетъ это совершенно сознательно, потому что часто вставляетъ очень умѣстную оговорку: «о семь пространнѣ выше речеса» или: «о семь пространнѣ ниже речеса». Такую невыдержанность, это «умноженіе словесъ», Посошковъ объясняетъ «нестерпимою досадою» на упорство заблуждающихся, а также желаніемъ тверже запечатлѣть въ умѣ читателей предлагаемыя имъ доводы, многократнымъ повтореніемъ невольно, такъ сказать, вбить въ чужую голову свое убѣжденіе. «О семь пространнѣ выше и не во единомъ мѣстѣ речеса ради неразумія лютеранъ», объясняетъ напр. въ одномъ мѣстѣ Посошковъ. Или: «аще бо и прежде рѣхъ, обаче и нынѣ не умолая глаголю» и пр. (л. 236 об., 234). «За повторенія не зазрите», извиняется Посошковъ въ Отеческомъ завѣщаніи, — «понудила бо мя люторская слабость и гнилые ихъ толки, дабы во многократномъ воспоминаванні паче могли пояти» (стр. 39 и 49).

Уже изъ приводимыхъ нами выдержекъ изъ главы О иконоборцахъ очевидно, что тонъ Посошкова и въ этомъ сочиненіи является по мѣстамъ слишкомъ рѣзокъ; въ сочиненіи встрѣчаются выраженія вульгарныя, даже прямо оскорбительныя, неприличныя. Какъ мы замѣтили о Зерцалѣ противораскольническомъ, явленіе это было слишкомъ обычное для того времени; выраженія ругательныя имѣли полное право гражданства въ русской полемической письменности. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Посошкова нисколько не выдѣляется, сравнительно напр. даже съ Камнемъ вѣры Стефана Яворскаго, человѣка неизмѣримо болѣе цивилизованнаго и облагороженнаго. Не вмѣняя, такимъ образомъ, Посошкову

¹⁾ Посошковъ считаетъ нужнымъ объяснять даже такія слова какъ напр.: притча, восхищать, брачные сыны и т. п.

въ вину его рѣзкости въ полемикѣ, мы за то съ особеннымъ удовольствіемъ и здѣсь отмѣтимъ слишкомъ высокій для простаго русскаго человека уровень понятій о приличіяхъ и вѣжливости въ Посошковѣ, высказавшійся въ его и здѣсь извиненіяхъ за свою рѣзкость, — извиненіяхъ, къ которымъ его ничто не могло тогда особенно обязывать, кромѣ высокоразвитаго въ немъ нравственнаго чувства и его возвышенныхъ понятій о достоинствѣ человеческой личности даже въ ненавистныхъ еретикахъ. «Сіе не судя глаголю, но остерегая отъ лже-евангельскаго житія православныхъ христіанъ, дабы остереглись». «Сіе не судя глаголю—судія имъ Богъ единъ». «Не судя васъ сія глаголемъ, но болѣзнуя о васъ, еже погибаете напрасно» (л. 207, 211, 225 и пр.). Такими и подобными фразами нерѣдко заключаетъ Посошковъ свои суровыя слова обличеній. Точно также и въ окончательномъ послѣсловіи къ Зерцалу очевидному Посошковъ самъ объясняетъ причины своей суровости, винится въ ней, проситъ у читателей себѣ прощенія и молитвъ къ Богу, да не вмѣнитъ Онъ ему этого грѣха. «Аще кто узритъ, яко глаголы написаны иные уничижительно, о семъ вѣдите, яко не ради уничиженія, но ради востыгновенія положени суть тако. И аще кому узрятся иные глаголы суровы, о семъ не скорбите, не руганія бо ради положихъ тако, но ради возбужденія отъ заблужденія. Тако бо ревпость, еже по Господѣ, понуди мя на жестокіе глаголы... Вы тѣ суровые глаголы прилежно разсмотрите и аще уразумѣете, яко о дѣлѣ Божіемъ воскричалъ, то не подобаетъ на мя гнѣватися, но паче годствуетъ... за мя Богу помолитися, да проститъ Богъ моя та согрѣшенія, еже нелѣпо воскричалъ» (л. 243). Подобныя рѣчи въ устахъ простаго древне-русскаго человека представляются явленіемъ насколько рѣдкимъ, настолько же и знаменательнымъ; онѣ высоко ставятъ въ нашихъ глазахъ Посошкова и еще большее уваженіе внушаютъ къ этому замѣчательному выходцу изъ русскаго народа.

Въ заключеніе, сопоставимъ рассмотрѣнное сочиненіе Посошкова О икоборцахъ съ Камнемъ вѣры Стефана Яворскаго. Сущность приемовъ полемики Посошкова, его общій тонъ и даже обычная канва въ раскрытіи мыслей, по которой излагается въ каждой главѣ сначала православное ученіе на основаніи Священнаго Писанія, Св. Отцевъ и пр., потомъ отмѣчается уклоненіе еретиковъ, наконецъ обличеніе ихъ: все это въ общемъ близко напоминаетъ трудъ Стефана Яворскаго. Но, какъ мы видѣли, и это формальное сходство далеко не всегда выдержано, потому

что у Посошкова весьма часто нарушается связь и последовательность въ раскрытіи частныхъ мыслей, на каждомъ шагѣ встрѣчаются уклоненія отъ предмета, забѣганія впередъ, повторенія сказаннаго. Эти недостатки, общіе всѣмъ вообще сочиненіямъ Посошкова, совершенно чужды строго-систематичному труду Стефана Яворскаго. Еще замѣтнѣе разница въ содержаніи. Посошковъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на обрядовыя и только самыя важныя догматическія отступленія лютеранъ, т. е. на пункты ихъ заблужденій наиболѣе очевидныя, наглядныя, служившіе прежде всего и самымъ существеннымъ камнемъ преткнанія и соблазна для православныхъ. Между тѣмъ, Камень вѣры является не только полемическимъ сочиненіемъ, а въ то же время и строго-богословскимъ трактатомъ, гдѣ обстоятельно рассмотрѣны и отвлеченныя вопросы христіанской догматики, гдѣ подробно разслѣдованы нѣкоторыя пункты, даже и не упомянутыя у Посошкова. Объясненіе этой особенности содержанія главы О иконоборцахъ мы находимъ прежде всего въ личности самого Посошкова, этого простого русскаго начетчика, непосвященнаго во всѣ тонкости и глубину богословскихъ умозрѣній въ такой мѣрѣ, въ какой это дѣло доступно было просвѣщенному богослову, Стефану Яворскому. Съ другой стороны, разница въ содержаніи обусловливается и различною цѣлю сравниваемыхъ сочиненій. Между тѣмъ какъ Стефанъ Яворскій имѣлъ въ виду преимущественно лютеранъ, людей сравнительно образованныхъ, и потому могъ безпрепятственно углубляться въ догматическія тонкости, не рискуя быть непонятымъ; Посошковъ назначалъ свое сочиненіе прежде всего именно простецамъ и неучкамъ, на которыхъ, по справедливому сознанію Посошкова, можно было дѣйствовать только простыми словами и которыхъ «никакая увѣщанія и ясная изъясненія и философскіе глаголы пользоваться могутъ» (л. 242 об.). Вообще, сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ отличается отъ Камня вѣры, какъ общедоступное, популярное изложеніе отъ ученаго трактата. Цѣль Стефана Яворскаго была, такъ сказать, теоретическая: обличить лютеранство въ его основаніи, разбить всю сущность его догматики; у Посошкова же ближайшая цѣль была практическая: поразить пункты лютеранскихъ заблужденій не столько сами въ себѣ, сколько въ глазахъ православныхъ и людей, подъ вліяніемъ ихъ «шатающихся, сумнительныхъ». Отсюда и въ содержаніи, у Стефана Яворскаго встрѣчаемъ полнѣйшее, всестороннее обличеніе лютеранскихъ

догматовъ, со всею силою научной аргументаціи и во всемъ богатствѣ богословской эрудиціи; у Посошкова же взято самое наглядное, простое въ разсматриваемомъ предметѣ и самое очевиднѣйшее, доступное — въ качествѣ основаній и доказательствъ. И въ изложеніи, — у Стефана Яворскаго строжайшая система, порядокъ въ развитіи мыслей, выдержанный вездѣ неизмѣнный планъ, а у Посошкова отсутствіе всякой школярности, далеко не вездѣ соблюдаемый порядокъ въ раскрытіи мыслей, изобиліе отступленій, повтореній, допускаемыхъ часто сознательно, съ вѣдома автора и въ цѣляхъ все того же утвержденія однихъ и вразумленія другихъ.

Что касается вліянія Стефана Яворскаго на Посошкова, то оно — если и было — слишкомъ ничтожно, ограничивалось только формальною стороною, общимъ распорядкомъ мыслей и не простиралась вовсе на содержаніе. Посошковъ остался настолько самостоятеленъ и независимъ, что не повторилъ въ своемъ сочиненіи даже всѣхъ пунктовъ, въ которыхъ обличалъ лютеранъ Стефанъ Яворскій (напр. о мощахъ святыхъ, о душахъ святыхъ, о благодвореніи преставльшимся, о преданіяхъ). Посошковъ зналъ сочиненіе Яворскаго и не хотѣлъ повторять его, а хотѣлъ сказать свое, рѣшился предложить свои «разглаголаннныя доводы», которые вовсе не служили какимъ либо экстрактомъ изъ сочиненія Яворскаго, а должны были, по мысли Посошкова, стать дополненіемъ Камня вѣры, стать на ряду съ нимъ, какъ лишнее, прибавленное слово, какъ новость, такъ что Посошковъ могъ рекомендовать его на ряду съ Камнемъ вѣры. И дѣйствительно, сочиненіе Посошкова стало новостью для своего времени, потому что оно было совершенно независимо, оригинально, съ своимъ особымъ складомъ, въ своемъ особомъ родѣ.¹⁾ Для настоящаго

¹⁾ Что касается вышеупомянутаго сочиненія Пафнутія — Рожнецъ духовный, то, вѣроятно же всего, Посошковъ и не зналъ этого сочиненія. Сравнивая же теперь сочиненіе Посошкова съ сочиненіемъ Пафнутія, мы не находимъ въ нихъ ничего общаго, кромѣ совпаденія въ предметѣ обсужденія. Между тѣмъ какъ глава О икоборцахъ представляетъ подробный и законченный разборъ нѣкоторыхъ пунктовъ лютеранскаго ученія, Рожнецъ духовный — насколько можно судить о немъ по описанію — представляетъ отрывочный, чуждый всякой системы разговоръ о разныхъ предметахъ, касающихся вѣроисповѣдныхъ разностей лютеранства съ православіемъ. Здѣсь между прочимъ заходитъ также рѣчь о предметахъ, вовсе и не упомянутыхъ у Посошкова, напр. о монашествѣ, о чинахъ церковныхъ, о крещеніи, о священствѣ, о чинахъ ангельскихъ и пр.

же времени это сочиненіе сохраняет важное историческое значеніе, научный интересъ, такъ какъ оно было слишкомъ современно, имѣло непосредственное, ближайшее отношеніе къ дѣйствительной жизни, служило отвѣтомъ на одинъ изъ жгучихъ, настоятельныхъ вопросовъ той эпохи. Въ литературномъ отношеніи оно представляетъ собою драгоценный памятникъ, совершенно самостоятельное, нисколько независимое отъ другихъ, произведеніе здраваго самобытнаго русскаго ума и усердія, плодъ религіозныхъ убѣжденій и набожной ревности древне-русскаго христіанина, типическій образчикъ древне-русскаго мощнаго стиля, замѣчательно полновѣсныхъ и слишкомъ выразительныхъ реченій.

„Завѣщаніе отеческое“.

Значеніе этого сочиненія. — Завѣщательная литература въ Россіи до Посошкова. —
Идеалы Посошкова сравнительно съ прежде господствовавшими.

«Завѣщаніе отеческое» Посошкова служитъ непосредственнымъ продолженіемъ особаго рода произведеній въ древне-русской литературѣ, которыя изображали, въ различныхъ видахъ, идеалы древней жизни, формировавшіеся подъ вліяніемъ письменности и условій народнаго быта. Вслѣдъ за нѣсколькими предшествовавшими и параллельными однородными сочиненіями, Завѣщаніе Посошкова наполнено наставленіями, которыя, безъ сомнѣнія, имѣли дѣятельную силу въ нашемъ древнемъ обществѣ, ясно выражали его требованія, его пониманіе, стремленія, словомъ—выражали дѣйствительность. Тутъ подведенъ итогъ до-петровской жизни, нарисованъ послѣдній идеалъ, выработанный старо-русскимъ человѣкомъ въ первый моментъ его соприкосновенія съ новыми понятіями новаго времени.

Въ ряду другихъ сочиненій Посошкова, его Завѣщаніе отеческое занимаетъ совершенно самостоятельное положеніе и характеризуется сравнительною общностью своего содержанія. Между тѣмъ какъ въ разсмотрѣнныхъ нами сочиненіяхъ Посошковъ спеціально занимался историко-экономическимъ состояніемъ Россіи, или расколомъ и иновѣріемъ, какъ самыми выдающимися явленіями общественной жизни; въ Завѣщаніи онъ обращаетъ вниманіе на всю жизнь православнаго христіанина, во всѣхъ возрастахъ его развитія, на всѣхъ степеняхъ общественной іерархіи и подъ воздѣйствіемъ всевозможныхъ вліяній. Правда, узкость положеннаго надписанія сочиненія не даетъ, повидимому, права на такое обобщеніе и заставляетъ предполагать въ немъ простое, совершенно частное наставленіе отца своему сыну; но матеріалъ былъ слишкомъ великъ, тема

была слишком широка: въ рамки ея легко укладывались мысли чело-
вѣка, живо заинтересованнаго современнымъ положеніемъ вещей, горячо
преданнаго общественнымъ вопросамъ, — и отцовскія наставленія родному
сыну подъ перомъ автора разрастались въ общіе трактаты о томъ, какъ
нужно жить вообще челоуѣку и какъ поступать въ извѣстномъ положе-
ніи, при извѣстныхъ условіяхъ. Отсюда весьма естественно вытекало то,
что своимъ содержаніемъ Завѣщаніе отеческое вступало въ связь съ дру-
гими сочиненіями Посошкова, потому что касалось и тѣхъ частныхъ,
сравнительно, областей, которыя составляли исключительное ихъ содержа-
ніе. Съ одной стороны, Завѣщаніе отеческое имѣетъ непосредственныя
точки соприкосновенія съ Книгою о скудости и богатствѣ, потому что Посош-
ковъ и тутъ разсуждаетъ между прочимъ «О земледѣльствѣ», «О су-
действѣ», «О художествѣ», «О солдатскомъ бытіи», «О крестьянскомъ
житіи» и пр. Съ другой стороны, оно напоминаетъ Зерцало очевидное,
потому что и тутъ встрѣчаются постоянныя замѣчанія о расколѣ, ино-
вѣрїи и вообще разборъ религіозныхъ вопросовъ занимаетъ самое видное
мѣсто. Болѣе же общимъ началомъ, объединяющимъ всѣ сочиненія По-
сошкова, служитъ ихъ общій характеръ, — характеръ религіозно-прак-
тический, который очевиденъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, еще
яснѣе является въ Зерцалѣ очевидномъ и, наконецъ, съ особенною релье-
фностію обнаруживается въ Завѣщаніи отеческомъ. Но и принимая во
вниманіе сходные пункты содержанія Завѣщанія съ другими сочиненіями
Посошкова, нельзя не замѣтить нѣкоторой между ними разницы въ ха-
рактерѣ изложенія одного и того же матеріала, различій, выдѣляющей
Завѣщаніе отеческое изъ ряда другихъ сочиненій Посошкова и сообща-
ющей разсужденіямъ Завѣщанія интересъ новизны. Дѣло въ томъ, что
въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова, при изобилїи проектовъ, все-же
преобладаетъ элементъ историческій, описательный (который мы и раз-
сматривали): Посошковъ стоитъ тамъ на почрѣ историческихъ данныхъ,
изображаетъ дѣйствительное положеніе тогдашняго общества; между тѣмъ
въ Завѣщаніи, наоборотъ, выступаетъ почти исключительно сторона иде-
альная, если не принимать за исторїю самыхъ бѣглыхъ и случайныхъ
ссылокъ и указаній, изрѣдка попадающихся здѣсь. Тамъ, по меньшей
мѣрѣ на половину, Посошковъ, съ точностію историка, описываетъ, го-
воритъ — какъ есть, какъ существуетъ; тутъ же Посошковъ преимуще-
ственно излагаетъ свои воззрѣнія, какъ должно быть, какъ нужно устроить

жизнь. Во всякомъ разѣ, Завѣщаніе Посошкова представляетъ въ себѣ не точную копию современной ему жизни: тутъ обрисованъ *идеалъ* чловѣка-христіанина, указаны средства приложить къ дѣлу высокія требованія вѣры въ семейной и общественной жизни. Для достиженія этихъ идеаловъ требовались, очевидно, усилія, и нѣтъ сомнѣнія, что самъ Посошковъ сознавалъ трудность полнаго приложенія къ жизни всѣхъ тѣхъ высокіхъ нравственныхъ требованій, которыя онъ носилъ въ своей душѣ и которыя предлагалъ въ своемъ Завѣщаніи, поставляя цѣль жизни и совершенство чловѣка въ выполненіи этихъ требованій. Сущность и характеръ многихъ совѣтовъ Посошкова, совершенно несогласныхъ съ житейскою моралью и, конечно, не выполнявшихся самимъ Посошковымъ (каковы напр. разсужденія его о богатствѣ, повторенія евангельскихъ совѣтовъ), съ несомнѣнностью убѣждаютъ насъ, что Посошковъ желалъ записать въ своемъ Завѣщаніи черты идеальныя, что онъ нарисовалъ, по своему разумію, идеальнаго христіанина; его Завѣщаніе есть подробная картина истинной христіанской жизни, дѣятельной и многоплодной, жизни «по духу», какъ опредѣляетъ ее самъ Посошковъ, строго отличая отъ жизни «по міру сему», образецъ каковой онъ усматривалъ напр. въ лютеранскомъ обществѣ.

Но если Завѣщаніе Посошкова не представляетъ точную копию современной жизни, то, съ другой стороны, и идеальность его является относительною: его нельзя назвать чисто идеальною картиною жизни, образцомъ только воображаемымъ. Конечно, большая часть требованій Посошкова была выше современнаго уровня жизни, во многомъ отступала отъ нея, даже во многомъ шла наперекоръ ей; за то, съ другой стороны, несомнѣнно, что эти требованія господствовали въ представленіи современниковъ Посошкова, что теоретически они признаваемы были тѣми же людьми, которые ихъ нарушали, а по возможности, и осуществляли въ своей жизни. На ряду съ чертами чисто идеальными, въ совѣтахъ и наставленіяхъ Посошкова постоянно и даже большею частію проглядываютъ черты совершенно бытовыхъ, прямо взятыхъ изъ жизни, черты, освѣщающія личность и поведеніе самого Посошкова, живо рисующія намъ ту эпоху. Такимъ образомъ, идеалы Посошкова слагались подъ вліяніемъ народныхъ представленій и взглядовъ, основывались на дѣйствительной жизни и во многомъ заимствовались изъ нея¹⁾. Эта-то жиз-

¹⁾ Рисуя свои идеалы, Посошковъ часто ссылается на факты изъ жизни современной, напр. стр. 167, 194 и др.

ненность идеаловъ Посошкова и даетъ намъ право видѣть въ нихъ не частный взглядъ Посошкова, но воззрѣнія и правила всего современнаго ему русскаго общества, даже болѣе — воззрѣнія всей древне-русской жизни.

Ко времени Петра Великаго и еще ранѣе, при Алексѣѣ Михайловичѣ, окончательно уже сформировался характеръ народной жизни; въ данномъ ей направленіи русская жизнь исчерпала себя и явилась въ послѣдней стадіи своего развитія, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Въ это-то время, какъ представитель народа, Посошковъ и изобразилъ въ своихъ сочиненіяхъ все выработанное долговременною русскою жизнію, всю освященную вѣками мудрость жизни, изобразилъ древне-русскую, до-петровскую жизнь, съ ея хорошими и дурными сторонами. Въ Зерцалѣ очевидно и особенно въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ изобразилъ преимущественно темную сторону жизни, недостатки, требовавшіе неотложнаго, радикальнаго исправленія; Завѣщаніе же его представляетъ обратную сторону медали: тутъ указанъ путь совершенства, идеаль, до котораго только могъ дойти древне-русскій человѣкъ; тутъ изображена свѣтлая, желаемая сторона жизни, хотя и эта свѣтлая сторона не чужда недостатковъ и односторонностей, свойственныхъ тогдашнему времени. Но какъ недостатки народной русской жизни и характера наживались постепенно, подъ вліяніемъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ всей прошедшей судьбы русскаго народа; такъ, съ другой стороны, и доброе начало, идеальная сторона его жизни, записанная въ Посошковскомъ Завѣщаніи, есть достояніе всей древней исторіи нашего отечества. Не только основной взглядъ и мысли, но многія и частныя наставленія Посошкова, относительно вѣры и благочестія, составляютъ, какъ увидимъ, букввальное почти повтореніе правилъ, предписанныхъ еще Владиміромъ Мономахомъ и еще болѣе — Домостроемъ. Что касается правилъ чисто житейскихъ, практическихъ, то въ нихъ совмѣщено, очевидно, достояніе житейской мудрости всѣхъ предыдущихъ вѣковъ, и, во всякомъ случаѣ, еще до Посошкова и даже съ большею подробностію, чѣмъ у него, были попытки ихъ систематизаціи, напр. въ Домостроѣ.

Итакъ, Завѣщаніе отеческое Посошкова есть очеркъ идеальной жизни, сложившейся въ представленіи вообще древне-русскаго человѣка, общій итогъ до-петровской жизни. Такимъ, дѣйствительно, оно и является

намъ, но является только въ бѣльшей его части, а не исключительно. Уже непосредственная близость Посошкова къ эпохѣ преобразованія и къ новымъ началамъ русской жизни, съ одной стороны, и искренняя преданность и сочувствіе Посошкова къ дѣлу реформы (что можно было видѣть изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій) — съ другой, ручаются намъ за то, что Посошковъ не могъ всецѣло изолировать себя отъ вліянія новыхъ началъ новаго времени. Болѣе же короткое знакомство съ Завѣщаніемъ отеческимъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Древнерусскій идеалъ жизни получаетъ у Посошкова новые оттѣнки, принимаетъ особый колоритъ. Идеализируя древнюю жизнь, Посошковъ изрѣдка высказываетъ уже такіе взгляды и убѣжденія, которые не могли быть имъ унаслѣдованы отъ прошлаго періода и которые характеризуютъ наступленіе новой жизни, господство новыхъ понятій. Какъ извѣстно, Завѣщаніе отеческое Посошкова относится еще къ первому періоду литературной дѣятельности Посошкова, когда еще реформаторское движеніе на Руси только готовилось. По самому времени явленія своего, занимая среднее положеніе между Зерцаломъ очевиднымъ — первымъ трудомъ Посошкова, когда онъ занимался исключительно вопросами вѣры, и Книгою о скудости и богатствѣ — послѣднимъ его сочиненіемъ, когда Посошковъ увлекся политикой, духомъ преобразованій; Завѣщаніе, и по самому содержанію и характеру своему, стоитъ, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ. Въ большинствѣ оно тяготеетъ еще къ старому времени, представляетъ кругозоръ домостроевскихъ понятій; въ нѣкоторыхъ же частяхъ оно склоняется уже къ новому времени, предлагаетъ новые, свѣжіе взгляды. Мѣстами Посошковъ пишетъ какъ фанатикъ раскольникъ, проповѣдуетъ неприкосновенность старины, стоитъ за мертвую обрядность, мѣстами же онъ говоритъ какъ настоящій представитель вѣка просвѣщенія. Завѣщаніе отеческое справедливо названо однимъ изъ нашихъ изслѣдователей «звѣномъ, соединяющимъ старины съ новизною, реакцію съ реформою, консервативныя понятія съ прогрессивными стремленіями»¹⁾. Правда, реформаторскаго въ Завѣщаніи отеческомъ Посошкова, сравнительно, еще очень немного, но и это немногое возбуждаетъ интересъ, является особенно цѣннымъ въ историко-литературномъ отношеніи, потому что даетъ возможность прослѣдить постепенное воз-

¹⁾ Брикнеръ — Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г. ч. 9 стр. 50.

ростаніе русскаго человѣка для новой исторіи, даетъ возможность, въ связи съ другими завѣщательными произведеніями древне-русской литературы, прослѣдить постепенное развитіе идеаловъ древне-русскаго человѣка до кануна первыхъ дней новой Россіи.

Представимъ анализъ Завѣщанія отеческаго въ связи съ такими же сочиненіями древней литературы и отмѣтимъ новыя черты идеаловъ Посошкова. Но предварительно — нѣсколько словъ о завѣщательной литературѣ на Руси вообще.

Какъ мы имѣли уже случай замѣтить, Завѣщаніе отеческое Посошкова принадлежитъ къ особому разряду произведеній на Руси — завѣщательныхъ. Форма родительскаго завѣщанія составляетъ видъ литературныхъ произведеній, параллельный пастырскимъ поученіямъ и вмѣстѣ съ послѣдними перешла къ намъ въ Россію изъ Греціи. Встарину чрезвычайно распространены были и пользовались громадною популярностью различные сборники отеческихъ сочиненій, носящіе имена: Златоуста, Златоструя, Измарагда, Златой цѣпи и т. п. Но на ряду съ дѣйствительными выписками изъ твореній Златоуста и другихъ отцевъ церкви, въ этихъ сборникахъ встрѣчается много такихъ сочиненій, которыя, имѣя связь съ сочиненіями Златоуста только по мыслямъ, а иногда и безъ этой связи, были уже чисто русскаго происхожденія. Таковы, между прочимъ: «Поченіе нѣкоего отца духовнаго», начинающееся словами: «сыне мой, чадо мое, приклони ухо, послушай отца своего, внуши глаголы родившаго тя»... «Посланіе нѣкоего отца духовнаго сыну духовному»; «Поченіе нѣкоего христолюбца къ духовной братіи» и множество другихъ поученій съ различными названіями: поученіе къ дѣтямъ, слово о христіанскомъ житіи, слово како жити крестьянамъ и пр. Всѣ эти поученія, заключающія въ себѣ наставленія во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, уже и формою своею весьма близко напоминаютъ извѣстныя намъ завѣщательныя сочиненія. Особенно въ близкой связи съ этими сборниками находится извѣстной Домострой Сильвестра. Протопоповъ, спеціальнѣйшій изслѣдователь поученія Мономаха, нашелъ и его первоисточники въ древнѣйшей русской литературѣ: онъ указалъ на сходныя съ нимъ по содержанію и имѣвшія на него вліяніе — «Слово нѣкоего отца къ сыну» и Поченіе нѣкоего Ксенофонта, «еже глагола къ сынома своимъ».

Общій характеръ всѣхъ завѣщательныхъ сочиненій былъ религиозно-

назидательный. Содержаніе ихъ составляли нравственные правила, жизненные идеалы, согласные съ требованіями лучшихъ людей времени. Цѣль ихъ была — поддержать нравственность и религіозность въ народѣ. Само собою разумѣется, что самое заявленіе и напоминаніе этихъ правилъ вызывалось уклоненіями, жалкимъ нравственнымъ состояніемъ древняго общества, въ большинствѣ котораго, по свидѣтельству исторіи, господствовали, въ полномъ разгулѣ, дикіе инстинкты, грубые пороки и страсти. Столь не высокій уровень общественной нравственности, сглаживая, безсомнѣнія, пѣкоторыя идеальныя черты идеаловъ, предлагаемыхъ въ завѣщаніяхъ, въ то же время отрицательно своею стороною опредѣлялъ въ общемъ противоположный строго-аскетическій характеръ этихъ идеаловъ и упрочивалъ значеніе ихъ въ жизни, вліяніе ихъ на общество. Между тѣмъ какъ жизнь шла впередъ и человѣческая натура требовала удовлетворенія въ развивающихся страстяхъ и порокахъ, единственною охраною общества отъ нравственнаго распадѣнія была религія; другихъ принциповъ, сдерживающихъ дикіе инстинкты, умѣряющихъ излишнее обнаруженіе чувственности, древне-русское общество не выработало. Послѣ этого, совершенно понятно религіозное настроеніе лучшихъ людей стараго времени и строго-религіозной характеръ выработанныхъ ими идеаловъ. Эти свѣтлыя личности, съ своими идеалами, излагаемыми, обыкновенно, въ формѣ завѣщаній, являлись истинными цивилизаторами древняго русскаго общества, которое не имѣло для руководства въ дѣлѣ религіи ни богословской догматики, ни нравственныхъ кодексовъ для назиданія въ жизни или, по крайней мѣрѣ, не могло такими пользоваться. Въ силу этого-то, родительскія завѣщанія, не смотря на свое частное назначеніе, пользовались громадною популярностью въ древней Руси и, несомнѣнно, имѣли важное педагогическое значеніе. При недостаткѣ и даже совершенномъ отсутствіи школъ, завѣщанія являлись почти единственными не только вообще воспитателями общества, а и его образователями, поддерживая и распространяя христіанское просвѣщеніе въ народѣ. Такъ какъ сущность и цѣль истиннаго образованія полагалась тогда не въ пріобрѣтеніи грамотности и научныхъ познаній, а, главнымъ образомъ, въ ближайшемъ знакомствѣ и усвоеніи истинъ христіанской вѣры и благочестія, то недостатокъ школъ достаточно и съ успѣхомъ вознаграждался, вмѣстѣ съ храмовымъ богослуженіемъ, пастырскими поученіями, и — семейными, родительскими наставленіями, завѣщаніями. И нужно особенно выкинуть

въ смыслъ нашей родной, благочестивой древней жизни, чтобы представить себѣ, какъ важно было у насъ слово престарѣлаго, умирающаго христіанина, какъ переходило оно отъ отца къ сыну и внуку и до позднихъ потомковъ, какъ оно, представляя, съ одной стороны, опытъ прошедшей жизни, съ другой — предлагало завѣтъ грядущему. Писатели такихъ подробныхъ и систематическихъ завѣщаній, какъ Духовная Мономаха, Домострой Сильвестра, Завѣщаніе отеческое Посошкова, Духовная Татищева, сами уже указывали болѣе широкое назначеніе своимъ произведеніямъ, нежели какое указываетъ ихъ заглавіе. Такимъ образомъ, по мысли самихъ уже авторовъ, завѣщаніямъ предназначалась широкая роль общественныхъ кодексовъ нравственности, мѣрила нравственной жизни цѣлаго народа. Владиміръ Момахъ, назначая свое поученіе дѣтямъ своимъ, въ то же время предполагаетъ и «иного кого», могущаго «слышать его писаніе»¹⁾; иногда въ поученіи онъ обращается вообще къ христіанамъ и въ концѣ поученія обращается съ просьбою: не осудите меня, дѣти мои и иной кто, прочитавъ это посланіе» (стр. 47). Сильвестръ, предлагая свое «наказаніе и посланіе», повидимому только «единородному сыну Анфиму», въ то же время постоянно употребляетъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «у кого пошлетъ Богъ дѣтей, у кого родится дочь, у кого сынъ или слуга вѣрный есть и т. п.»²⁾. Кромѣ того, онъ предлагаетъ наставленія самаго общаго характера и для всѣхъ безъ различія. «Въ домовитомъ обиходѣ», пишетъ напр. онъ, «вездѣ и всякому человѣку, — государю и государынѣ, сыну и дочери, служкѣ мужеска полу и женска, и стару, и шалу всякое дѣло начати достойно»... (стр. 27). Точно также Посошковъ, хотя и написалъ въ заглавіи своего Завѣщанія: «предлагаю завѣщаніе сіе любезному мнѣ сыну (Николаю)», но въ то же время постоянно повторяетъ выраженія: «еще кто чтый, еще кто восхоцетъ...», «еще коего человѣка...», «на сіе слово всякъ зри и разумѣй...», «еще кто будетъ жену ничтожить...», «изволий да зреть въ Очевидномъ Зерцалѣ...», «то себѣ всякъ вѣждь и пр. и пр.»³⁾. Татищевъ, хотя и назначалъ Духовную непосредственно своему сыну Евграфу, но

¹⁾ Духовная Вл. Мономаха. Изд. 1793 г. стр. 2; стр. 9.

²⁾ Домострой. Временникъ Имп. Общ. ист. и др. Р. 1849 г. кн. 1 стр. 21, 22, 15 и др.

³⁾ Завѣщ. отеч. стр. 39, 41, 48, 70, 71, 76, 88, 104, 114, 152 и др.

въ то же время, очевидно, намѣренно желалъ придать ей характеръ популярнаго жизненнаго руководства, потому что, въ противномъ случаѣ, нѣкоторыя его наставленія теряли бы всякій смыслъ. Такъ напр. извѣстно, что сынъ Татищева былъ уже взрослый, а Духовная неоднократно повторяетъ: «выучись писать» и затѣмъ подробно разсматриваетъ первые шаги въ жизни молодаго человѣка; наконецъ, въ Духовной говорится о выборѣ службы, между тѣмъ какъ Евграфомъ выборъ этотъ былъ уже сдѣланъ — онъ состоялъ на военной службѣ.

Во главѣ завѣщательной древне-русской литературы поставляется, обыкновенно, поученіе Владиміра Мономаха, какъ болѣе раннее, самостоятельное и систематическое произведеніе.

«Духовная великаго князя Владиміра Вс. Мономаха дѣтямъ своимъ» заключаетъ въ себѣ религиозно-нравственныя наставленія и правила житейской мудрости, какъ опытъ жизни лучшихъ людей того времени и преимущественно самого Владиміра Мономаха, изложившаго здѣсь все свое міросозерцаніе, свой взглядъ на жизнь и природу. «Срѣтоша мя послы отъ братьевъ на Волгѣ», рассказываетъ Мономахъ случай къ написанію поученія, «и рѣша: согласиися съ нами, да изгонимъ Ростиславича и волость его отыжемъ. И рѣхъ: не могу съ вами идти и нарушить клятвы. И отпустивъ ихъ, взявъ Псалтырь, въ печали разгнулъ оную и вынулось мнѣ сіе: вскую прискорбна еси душе моя... Потомъ собралъ словеса мнѣ угодныя и сложилъ оныя порядкомъ и написалъ», — эти-то слова онъ и предлагаетъ въ своемъ поученіи. Итакъ, мысли поученія В. Мономаха вынесены имъ изъ чтенія св. Писанія: Мономахъ затвердилъ изъ прочитаннаго все, что особенно падало на его душу, поражало его умъ, или имѣло близкое приложеніе къ жизни его и современнаго ему общества, и сгруппировалъ это въ своемъ родительскомъ наставленіи. Положивъ религиозный починъ поученію, Мономахъ и продолжаетъ въ томъ же религиозномъ направленіи. Кромѣ того, что богомысліе не оставляло его, повидимому, ни на одну минуту, Мономахъ, при всякомъ случаѣ, подробно исповѣдуетъ свойства Божія и благоговѣнно опредѣляетъ отношенія человѣка къ Богу. Прерывая нить своихъ наставленій, Мономахъ иногда предается набожнымъ размышленіямъ, въ которыхъ высказывается все христіанское благодушіе его вѣрующей души. «Разумѣйте, дѣти мои», напр. размышляетъ онъ, «сколь Богъ милостивъ. Мы, грѣшныи и смертныи, когда кто намъ зло сотворить, хо-

щемъ его пожрати, кровь пролити, а Господь, владѣющій жизнью и смертію, согрѣшенія наши терпитъ и пр. и пр. (стр. 10, 11). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ религіозная настроенность автора переходитъ въ возвышенныя, молитвенныя гимны, напоминающіе Псалтырь Давида (стр. 4—7, 9, 12—14, 58—61). Мономахъ усвоилъ духъ этой священной книги, она пришлась особенно ему по сердцу: изображеніе въ Псалтири душевнаго состоянія царя библейскаго, жизнь котораго полна тревогъ, очень походило на состояніе души Мономаха, жизнь котораго была непрерывной борьбой съ родичами. Чувство благоговѣнія предъ чудесами и совершенствами мірозданія подавляло въ Мономахѣ всякія усилія ума понять самыя обыкновенныя явленія природы и жизни, возвышало силу его вѣры и упрочило всецѣло религіозный характеръ постановленій, мыслей и даже выраженій Мономаха. Сильное вліяніе на него имѣла также свято-отеческая литература. Особенно большое сочувствіе обнаруживаетъ онъ къ Василию Великому — и можно указать свойства твореній послѣдняго, ясно отобразившіяся на произведеніи Мономаха. Таково, напр., глубокое сочувствіе Мономаха природѣ и поэтическое вдохновеніе при созерцаніи ея, — свойства характеризующія помянутаго отца церкви. Кромѣ того, Мономахъ самъ ссылается на Василия Великаго, а Протопоповъ находитъ въ Духовной даже буквальные заимствованія изъ словъ Василия¹⁾.

Всѣ наставленія, правила, вообще идеалы Мономаха характеризуются преимущественно религіозно-аскетическимъ направленіемъ. Въ то время, когда Русь только-что приняла христіанство и только-что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ, христіанскихъ понятій, дѣломъ первой необходимости было опредѣлить отношенія къ новому Богу, разъяснить новымъ христіанамъ общее представленіе о Немъ и Его свойствахъ, внушить обязательность не пустаго, формальнаго отношенія къ Нему, какъ это было въ язычествѣ, а внутренней, живой любви, безпредѣльной преданности Его волѣ. Первую, болѣе или менѣе обстоятельную попытку удовлетворить этой потребности и представляетъ поученіе Мономаха. Этотъ замѣчательный князь возвышался надъ современнымъ обществомъ въ пониманіи сущности христіанства и свои религіозныя понятія изложилъ практически, наглядно, примѣнительно къ сознанію

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г. ч. 2 стр. 254.

простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Въ своихъ молитвенныхъ обращеніяхъ излагая существенные пункты христіанскаго представленія о Богѣ, Мономахъ въ практическихъ наставленіяхъ опредѣляетъ отношенія христіанина къ Богу; догматическому ученію придаетъ характеръ дѣятельной религіозности. «Научися, христіанине, быти человекомъ благочестивымъ, научися очами управлять, языкъ воздерживать, умомъ смиренно мудрствовать». «Слезы испустите о грѣхахъ вашихъ». «Паче всего имѣйте страхъ Божій». «Во первыхъ, ходите въ церковь, да не застанеть васъ солнце на постели». И дома «не оставьте ни одной ночи, чтобы не положить нѣсколько поклоновъ земныхъ; если болѣзнь не позволяетъ, то хотя три». Даже на пути «аще и на конѣ сѣдиши, когда иныхъ молитвъ читать не умѣете, то — Господи, помилуй! повторяйте» (стр. 9, 14, 26, 2, 28, 15, 16). Рисуя идеаль христіанской жизни, Мономахъ старается предохранить дѣтей отъ грубыхъ пороковъ, распространенныхъ въ обществѣ: «лжи блюдитесь, пїянства и блуда: въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло» (стр. 22). Съ особенною подробностію Мономахъ останавливается на правилахъ, устанавливающихъ истинныя христіанскія отношенія членовъ общества, — на правилахъ милосердія, смиренія, взаимнаго уваженія, правосудія и пр. «Бога ради, не лѣнитесь добрыхъ дѣлъ. Милостыню творите неоскудну: то бо есть начатокъ всякаго добра. Паче всего убогихъ не забывайте... Сироту, вдовицу оправдывайте, а не отдавайте сильнымъ на погубленіе. Ни праваго, ни виновнаго не убивайте, ни одной души христіанской не погубляйте... Больныхъ посѣщайте, не проходите мимо человека, не сдѣлавъ ему привѣтствія. Болѣе же чтите гостя» и т. д. (стр. 11, 28, 2, 16, 24, 23). Постоянно Мономахъ внушаетъ кротость въ словахъ, поступкахъ, даже въ употребленіи пищи (стр. 7 и 8). Особенное уваженіе внушаетъ къ духовенству: «епископы, игумены, попы, чтите, любите, снабдите, да примете отъ нихъ къ Богу молитву и милость отъ Бога» (стр. 18). Съ особенною силою Мономахъ вооружается противъ гордости, какъ самаго опаснаго и противоестественнаго зла въ общественной жизни: «паче всего гордости не имѣйте въ сердцахъ и умѣ». — Нѣтъ нужды говорить, какъ много значили такія благодушныя, утѣшающія наставленія любимаго князя для скорбной души тогдашняго русскаго человека, какъ смягчали они житейскія невзгоды народа, находящагося въ неблагопріятныхъ соціальныхъ условіяхъ, при повсемѣстномъ отсутствіи въ немъ правильныхъ

юридическихъ понятій, когда право сильнаго носило характеръ почти законности, такъ что враги, козни, насилія — всегда и вездѣ могли найтись при общественныхъ людскихъ вседневныхъ отношеніяхъ.

Во второй половинѣ своего поученія Мономахъ, въ примѣръ дѣятельной христіанской жизни, приводитъ свою собственную, дѣлаетъ перечень своихъ трудовъ на войнѣ, охотѣ и въ управленіи ¹⁾. «Сіе писаніе прочитаючи, потщитесь на вся дѣла добрая», заключаетъ Мономахъ. «Аще всего не исполните, то половину» (стр. 47, 14).

Въ полномъ своемъ развитіи, родительское поученіе является въ половинѣ XVI в., въ сочиненіи знаменитаго современника и руководителя Іоанна Грознаго — іерея Сильвестра — въ Домостроѣ. Это классическое произведеніе нашей древне-отечественной письменности, назначенное въ назидаіе сыну Сильвестра Анфиму, скоро вошло во всеобщее употребленіе и надолго сдѣлалось руководителемъ въ устройствѣ жизни: даже въ наше время домостроевскій элементъ является преобладающимъ въ жизни низшихъ классовъ народа. Много говорили и писали у насъ о происхожденіи Домостроя. Результатомъ этихъ изслѣдованій было сомнѣніе въ самостоятельности, а относительно большей части Домостроя даже въ авторствѣ Сильвестра. Г. Некрасовъ подыскалъ множество первообразовъ нашего Домостроя въ литературахъ: древне-индійской, итальянской, французской, нѣмецкой, чешской; указалъ множество источниковъ его въ нашихъ древнихъ измарагдахъ, золотыхъ цѣпяхъ и пр. ²⁾. Нѣкоторыя же главы Домостроя суть близкія заимствованія изъ священныхъ книгъ — Притчей, Премудрости Соломона и др. ³⁾. Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи и подлинности Домостроя не имѣетъ для насъ прямого значенія, и мы коснулись его только потому, что очевидныя заимствованія Сильвестра изъ другихъ авторовъ даютъ право видѣть въ Домостроѣ голосъ и взглядъ не одного лица, а цѣлаго народа, видѣть въ немъ произведеніе, если такъ можно выразиться, общенародное, возникшее на почвѣ народной жизни и полное общенародныхъ идеаловъ.

¹⁾ Ссылаться въ примѣръ на собственную жизнь было въ обычаѣ древнихъ завѣщателей: его мы находимъ и въ поученіи упомянутаго нами Ксенофонта. Рус. Вѣсти. 1856 г. № 7, стр. 207—223.

²⁾ Чт. въ Общ. ист. и др. Рос. 1872 г. кн. 3-я «О проихс. др.-рус. Домостроя».

³⁾ Прав. Собес. 1860 г. ч. 3-я стр. 289.

Много времени прошло отъ Мономаха до Сильвестра, сильно развилась русская жизнь въ теченіе времени отъ XII до XVI в., но развилась она, къ сожалѣнію, не столько въ хорошихъ своихъ сторонахъ, сколько въ дурныхъ. Такая, повидимому, аномалія въ жизни молодаго народа становится, однако, для насъ совершенно понятною, если мы припомнимъ, что почти весь именно этотъ промежутокъ времени лежитъ въ нашей отечественной исторіи темнымъ пятномъ, носящимъ заглавіе татарскаго ига. Правда, русскій народъ, воспитанный еще въ XII вѣкѣ, благодаря такимъ свѣтлымъ личностямъ, какъ напр. Владиміръ Мономахъ, сохранилъ и теперь свои характеристическія черты, свой національный характеръ: и теперь онъ является народомъ строго-религіознымъ. Но нѣтъ въ немъ уже того живаго, дѣятельнаго христіанства, проповѣдникомъ котораго былъ въ XII в. Владиміръ Мономахъ. Насъ поражаетъ въ Домостроѣ формальность, ваѣшность русскаго, чисто обрядоваго уже христіанства въ XVI вѣкѣ. Да и эта односторонняя религіозность нуждалась теперь въ такихъ многочисленныхъ, точныхъ предписаніяхъ, которыми переполненъ Домострой. Недалеко ушла и народная нравственность, которая, не освободившись еще отъ насилія необузданной, естественной природы человѣческой, дѣятельно заявлявшей себя въ XII вѣкѣ, теперь встрѣтила новыя противодѣйствія въ новыхъ привычкахъ и порокахъ, навѣянныхъ отнѣ, прижитыхъ въ это время. Лицемеріе, двоедушіе, семейный деспотизмъ и т. п., такъ чуждые еще не подвергшагося, такъ сказать, искусственному извращенію сердца Мономаха и безусловно имъ запрещаемые, теперь являются въ извѣстной мѣрѣ законными, получаютъ въ народномъ представленіи даже идеальныя очертанія. Эта нравственная распатанность, обнаружившаяся ко времени Домостроя и въ немъ получившая себѣ нѣкоторую санкцію, была истинною причиною разрушительныхъ, болѣзненныхъ явленій, ознаменовавшихъ петровскую эпоху нашей исторіи (расколъ, предубѣжденіе къ иностранцамъ, сопротивленіе образованію и пр.). Да и теперь еще наше общество далеко не освободилось отъ этихъ нравственныхъ недуговъ, записанныхъ въ Домостроѣ.

Домострой раздѣленъ на главы. Но по содержанію, а въ различныхъ спискахъ и по объему, эти главы рѣшительно перепутываются. Гораздо удобнѣе, по содержанію, раздѣляютъ его на двѣ части: въ первыхъ 25 главахъ, въ которыхъ нужно причислить и послѣднюю, 64-ю,

излагаются правила относительно вѣры и благочестія; а во второй части, въ 38 главахъ — правила экономіи, управленія домою и вообще хозяйства. Для насъ имѣетъ значеніе, конечно, первая часть. Общій характеръ Домостроя чисто религіозно-практическій. Правила вѣры и дѣятельности излагаются въ немъ въ непосредственномъ приложеніи къ жизни, съ точнымъ обозначеніемъ случаевъ, условій и образа ихъ осуществленія.

Прежде всего Сильвестръ заботится о религіозныхъ убѣжденіяхъ своего сына, желая сдѣлать его непоколебимымъ въ христіанскомъ законѣ, «творящимъ волю Божию и хранящимъ заповѣди Его, себя утверждающимъ во страстѣ Божіи и жену поучающимъ, и домочадцевъ наказующимъ». Поэтому, весь Домострой свой Сильвестръ называетъ «писаніемъ христіанскаго житія» и въ самыхъ первыхъ главахъ начинаетъ излагать правила вѣры въ Бога, главные догматы христіанства и правила «како любить Бога». «Имѣй, чадо, великую вѣру въ Бога, все упованіе возлагай на Господа. Страхъ Божій всегда имѣй въ сердцѣ своемъ и память смертную. Всегда волю Бога твори и по заповѣдемъ Его ходи. Будь трудникъ къ Богу, чадо Евангелія» (стр. 104, 37, 4). Подробно и въ разныхъ мѣстахъ Сильвестръ говоритъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка, въ которыхъ должна выражаться его вѣра въ Бога и останавливается, главнымъ образомъ, на богослуженіи и молитвѣ. «Прибѣгай всегда съ вѣрою ко св. Божіимъ церквамъ, заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не погрѣши. Вставай по звону, прійди къ началу». «А въ церкви стой со страхомъ, съ молчаніемъ молися, ни съ кѣмъ не бесѣдуй, не озирайся, на стѣну не приклонися, ни съ посохомъ не стой, ни съ ноги на ногу переступай». Въ жизни домашней Домострой предписываетъ строго соблюдать назначенные для молитвы часы. «Божій долгъ всякому христіанину повечерницу, полунощницу и часы въ дому своемъ всегда пѣти съ кроткостояніемъ, молчаніемъ, молитвою и съ поклоны. Ложася спать, въ землю по три поклона положить. А въ полунощи всегда, тайно возставъ, со слезами къ Богу молитися». И въ веназначенное для молитвы время Домострой совѣтуетъ всегда четки въ рукахъ держать и молитву Іисусову во устахъ держать: 600 разъ глаголи: Господи, Іисусе Христе, помилуй мя, а седьмое сто — Пречистой Богородицѣ, а потомъ пакы обращатися на первое» (стр. 105, 9, 83, 12, 16—19 и др.). Желая всю жизнь хри-

стіанина сдѣлать непрерывнымъ Богослуженіемъ, Домострой и жилища старается приблизить къ храмамъ. Онъ вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность «украсить домъ святыми образы, устроить ихъ благолѣпно, всякимъ украшеніемъ, со свѣтильниками и кадити ладономъ» (стр. 8).

Вмѣстѣ съ правилами, касающимися собственно религіозной жизни человѣка, въ Домострой предлагаются правила нравственныя, имѣющія въ виду воспитаніе строго нравственнаго характера личности. Въ этомъ отношеніи Домострой особенно вооружается противъ гордости и въ противовѣсъ ей настойчиво рекомендуетъ христіанскую добродѣтель — смиреніе. «Буди смиренъ, очи долу поница, умиленъ къ Богу, къ человѣкамъ привѣтливъ, не досадитель, не гордъ. Обидимъ не мсти, хулимъ моли;.. кто излаеть — терпи (5, 8, 111 с.) и пр. Вмѣстѣ съ смиреніемъ, Домострой старается расположить къ милосердію. Первымъ проявленіемъ этой добродѣтели является и тутъ, какъ у Мономаха, гостепріимство: вмѣняется въ обязанность «накормити пріѣзжихъ людей и иноземцевъ». Затѣмъ, Сильвестръ заповѣдуетъ «нищимъ милостыни давати»; совѣтуетъ раздавать нищимъ то, что запасенное въ хозяйствѣ «попортится». Также «въ монастыри, въ больницы, темницы заключенныхъ посѣщай и милостыни подавай» (15, 90, 6, 106). Но особенно Домострой понуждаетъ къ милосердію въ пользу церкви и духовенства. «Къ церкви приходи съ приношеніемъ, со свѣчю, со просфорю, съ фиміамомъ, ладономъ, каномомъ, кутьею и милостынею. И отцу духовному приношеніе давай. Всякихъ плодовъ въ огородѣ первое въ церковь принеси и духовному отцу въ домъ послы» и пр. (9, 6, 105, 21, 79, 10). Домострой предостерегаетъ читателей отъ различныхъ пороковъ, особенно распространенныхъ въ обществѣ: «Паче всего храни чистоту тѣлесную»; вооружается противъ скомороховъ, плясанія, сопѣлей, пѣсней бѣсовскихъ, противъ чарованія, «звѣздочетья, алманаховъ» и пр., называя людей, преданныхъ этимъ «дѣвольскимъ угодіямъ», проклятыми (106, 46, 38 и др.). Энергично возстаетъ Домострой противъ пьянства. Впрочемъ, порокъ этого настолько укоренился въ тогдашнемъ обществѣ, что Домострой не дерзаетъ извлечь его съ корнемъ: «не реку не пяти», прибавлено въ Домострой: «не буди то! но реку не упиватися» (106, 63, 110, 14 с.). Къ «неправедному житію» Домострой относитъ также разрушительныя и возмутительныя пороки общественной жизни: неправосудіе, взяточничество, волокитство (45, 103, 114 с.). Касаясь жизни обще-

ственной, Домострой прежде всего внушает строжайшее повиновение царю, «яко самому Богу». Въ житейскихъ столкновѣнiяхъ съ людьми, «старшимъ себя честь воздавай и поклоненiе твори, среднихъ, яко братiю, почитай, юнѣйшихъ, яко чада, люби» (гл. V, VII). Но съ особеннымъ уваженiемъ Домострой отзывается о духовенствѣ, стараясь внушить полнѣйшее благоговѣнiе «къ симъ духовнымъ навазателямъ и не бурному пристанищу». «Къ священному чину всегда прибѣгай, честь воздавай, припадай къ ногамъ ихъ и во всемъ повинуйся имъ по Бозѣ: велiю вѣру, любовь и повиновенiе и всякое покоренiе предъ ними имѣй» (5, 6, 20, 105 стр.). Гораздо подробнѣе Домострой рисуетъ идеальную семейную жизнь. Но домостроевскiя правила, опредѣляющiя взаимныя отношенiя членовъ семьи, какъ классическiе афоризмы древне-русской мудрости, настолько извѣстны, что было бы излишне подробно ихъ выписывать. Отецъ изображается какъ полноправный, безапелляционный глава и судiя всѣхъ домочадцевъ, начиная съ жены и кончая челядью. Ему вѣняется въ обязанность «жену учить всякому страху Божию, всякому вѣжеству, промыслу и руководѣнiю, и домашнему обиходу, и всякой порядкѣ». Въ отношенiи къ дѣтямъ, отецъ также обязанъ учить ихъ страху Божию, вѣжеству и руководѣнiю. Наконецъ, на попеченiе отца же возлагается заботливость о слугахъ, «какъ о нихъ промыслити во всякомъ ученiи, въ божественныхъ заповѣдяхъ и въ домовомъ строенiи (стр. 1, 107, 50, 31). Заповѣдуя вообще «любвное отношенiе ко всѣмъ», Домострой, въ качествѣ воспитательныхъ средствъ, не только карающихъ, но и поощряющихъ, рекомендуетъ, однако, въ различной степени, вѣжливенькое стеганiе плеткою, возложенiе ранъ, казненiе жезломъ. Идеальныя стороны жены составляютъ—полнѣйшее, безпрекословное повиновенiе мужу и качества, входящiя въ понятiе хорошей, практичной хозяйки. Лишенная всякаго права самостоятельности, она во всемъ должна спрашиваться мужа, просить его совѣтовъ; контроль мужа простирается даже на выборъ женою знакомыхъ, на бесѣды ея съ гостями и т. п. (29, 57, 83, 58 стр.).

Правила практическаго хозяйства занимаютъ большую часть Домостроя, и въ этомъ отношенiи Сильвестръ является рѣшительно специалистомъ. Нужно удивляться практической изворотливости его ума, научающаго, съ изумительною предусмотрительностию и подробностию, искусству,—какъ сохранить равновѣсiе расхода съ приходомъ, какъ откладывать отъ

всякаго приплода со дня рожденія дочери ей на приданое, какъ и когда закупать продукты по дешевой цѣнѣ, какъ все хранить, какъ, наконецъ, пиво варити, медъ сытити, шти варити и т. п.

Такою же практичностію и точностію отличаются многочисленныя въ Домостроѣ правила общественнаго приличія. Таковы, напр., правила: въ гостяхъ садиться на послѣднемъ мѣстѣ, чтобы потомъ хозяинъ перевелъ на высшее; не начинать яди въ гостяхъ, если въ ряду званныхъ будетъ кто «честнѣе»; хвалить всякое брашно поданное, не смотря на его дѣйствительное качество; или напр. наказъ слугъ: «куда пошлютъ въ люди, у воротъ легонько поколотить, у сѣней ноги отереть, носъ выморкать, выкашляться, искусно молитву сотворити... Предъ хозяиномъ лоса не копать, не кашлять, на стороны не смотрѣть» и пр. пр. (стр. 11 — 13, гл. 35). Такою же мелочностію, точностію и подробностію отличаются и всѣ вообще вышеупомянутыя правила Домостроя, подробности которыхъ было неудобно приводить, по ихъ обширности.

Убѣждая сына своего выполнять его «худое ученіе и грубое наказаніе и предсказывая ему за это всякихъ благодатей — временныхъ и вѣчныхъ, Сильвестръ ссылается въ образецъ на свою жизнь: «памятуй, чадо, како мы живомъ. И ты тому же ревнуй и тако твори» (2, 112, 106 — 110 стр.).

Итакъ, Домострой рисуеть намъ идеалъ человѣка строго религіознаго, набожнаго, точнѣйшаго исполнителя всякихъ церковныхъ обрядовъ, жизнь котораго опутана тысячами мальчайшихъ правилъ, предусматривающихъ и опредѣляющихъ каждый его шагъ, каждое движеніе. При этомъ нельзя не замѣтить, что внутренній смыслъ прежней искренней и простосердечной религіозности значительно поколебался. Вниманіе Домостроя обращено почти исключительно только на внѣшность, на обрядъ, съ исполненіемъ котораго неразрывно соединено воздаяніе и который изъ средства возведенъ въ цѣль. Правда, и Домострой говоритъ о милосердіи и т. п. добродѣтеляхъ, свидѣтельствующихъ, повидимому, о жизненности, дѣятельномъ характерѣ проповѣдуемой имъ набожности. Но стоитъ только обратить вниманіе на дѣйствующія здѣсь побужденія, чтобы на половину разочароваться. Истинно-христіанскіе мотивы нравственной дѣятельности въ Домостроѣ являются въ значительной мѣрѣ извращенными и подавленными со стороны побужденій житейскихъ, человѣческихъ: сюда привходятъ такіе не безпредсудительные, въ нравственномъ отношеніи, дѣятели, какъ

стремленіе къ чести, славѣ, практической выгодѣ и т. п. Напр., питаніе нищихъ является здѣсь не столько цѣлю, какъ вообще доброе дѣло, сколько средствомъ пріобрѣсти, кромѣ изды отъ Бога, «отъ людей добрую славу». Милосердіе, вообще, рекомендуется, какъ средство составить репутацію добраго человѣка, котораго бы вездѣ «ждали, встрѣчали и провожали», какъ средство, при маломъ «убыткѣ», снискать «дружбу и добрую славу во вѣкъ» (стр. 15, 111). Съ другой стороны, напр. пьянство и т. п., пороки являются не столько сами по себѣ безнравственными, сколько вредными для репутаціи человѣка, потому что влекутъ «отъ людей срамоту», и т. д. (стр. 14). Наконецъ, есть мѣста, гдѣ Домострой еще непосредственнѣе жертвуетъ внутреннимъ смысломъ поступковъ для лицевой ихъ стороны, гдѣ допускаетъ онъ прямую неправду, проповѣдуетъ лицемеріе. Чтобы сохранить за собою славу добраго человѣка и не нарушить формальныхъ отношеній съ людьми, онъ рекомендуетъ скрытничество, ложь. Чтобы исполнить правило содружія и любовнаго житія съ другими, совѣтуетъ пользоваться всеми средствами, не обращая вниманія на ихъ моральную цѣну; напр., «аще людемъ твоимъ лучитца съ кѣмъ брань», то, чтобы соблюсти свой добрый атворитетъ предъ другими и «утолить» чужихъ, Домострой предписываетъ, не смотря ни на что, бранить и бить своихъ, хотя бы они были и правы, «да еще недруга же напоити и накормити» (стр. 111, 13 и др.).

До такой крайней обрядности и формализма развились, подъ вліяніемъ историческихъ условій, прекраснѣйшія черты національнаго русскаго характера. Животворное сѣмя христіанства, посѣянное въ свѣжую, полную силы натуру славянина, не получило надлежащаго воспитанія. Грубое физическое насиліе дикаго, въ своемъ бездушномъ фанатизмѣ, мусульманства наложило неизгладимую печать на подавленный русскій народъ. Благодаря этому вліянію, и русскій народъ явился фанатикомъ въ своей религіозности, подчиняющимъ интересамъ религіи каждый шагъ своей жизни, но, къ сожалѣнію, фанатикомъ столь же почти бездушнымъ и мелочнымъ, вполне способнымъ воспитать въ своей средѣ такихъ борцовъ православія, которые готовы умереть изъ-за неприкосновенности въ немъ и «единаго аза».

На рубежѣ XVII столѣтія въ исторіи внутренняго направленія и характера русской жизни совершается замѣчательный переворотъ. На рус-

своѣмъ троѣмъ является могучѣй первоимператоръ, который пробудилъ свой народъ, поколебалъ всю внѣшность и формальность въ его жизни, положилъ основу духовной самостоятельности русскаго народа, вывелъ его на путь самобытнаго прогресса. Какъ встрѣтили эту рѣзкую перемену утвердившіяся въ неподвижной обрядности питомцы Домостроя, мы уже знаемъ; съ одной стороны, обнаружилась старовѣрческая оппозиція новому строю, съ другой — неблагоприятное увлеченіе имъ. Среди этихъ крайностей стали люди, которые критически отнеслись къ современному теченію жизни, безъ предубѣжденія встрѣтили новыя порядки, охотно, безъ нравственной ложки согласились подвергнуть старину безпристрастному пересмотру и старались сохранить изъ стараго и усвоить изъ новаго все только истинно хорошее, полезное. Въ рядахъ этой немногочисленной, но лучшей части новаго русскаго общества, состоявшей, конечно, изъ людей, прежде всего, образованныхъ, учившихся и по положенію высокопоставленныхъ, долженъ быть названъ и нашъ Пососшковъ. Его Завѣщаніе представляется рѣдкостнымъ и въ высшей степени дорогимъ памятникомъ, въ которомъ мы знакомимся съ этою умѣренной, среднею партією петровскаго общества, — съ людьми, воспитавшимися на Домостроѣ, но разумно, сознательно отнесшимися и къ новымъ условіямъ и требованіямъ, знакомимся съ воззрѣніями и идеалами здравомыслящаго древне-русскаго человѣка-простолюдина въ высокоинтересный моментъ его исторической жизни. Остановимъ свое вниманіе на этихъ идеалахъ. Само собою разумѣется, тутъ мы не встрѣтимъ совершенно новаго, цивилизованнаго человѣка, освободившагося отъ вліяній своего воспитанія, и весьма естественно, что въ идеалахъ Пососшкова осталось весьма и весьма много домостроевскаго; но за то мы встрѣчаемъ здѣсь очевидную уже способность и полную готовность къ новой жизни, первые прививки новаго духа; встрѣчаемъ людей, принадлежащихъ еще старому времени, но уже усваивающихъ новыя взгляды и убѣжденія, новыя понятія и идеи.

Анализируя Завѣщаніе Пососшкова, нельзя будетъ игнорировать Духовную Татищева, какъ произведеніе совершенно однородное, почти одновременное и рельефно отгѣняющее нѣкоторыя черты особенностей въ характерѣ и содержаніи перваго. Какъ принадлежащая перу извѣстнаго въ свое время вольнодумца, рьянаго сторонника Петра Великаго изъ партіи либерально-прогрессивной, Духовная Татищева, уже по этому самому, имѣетъ черты своеобразнаго характера, рисуетъ идеалы нѣсколько иного склада, про-

пагандируетъ иногда другой строй жизни, сравнительно съ Завѣщаніемъ Посошкова. Съ другой стороны, какъ произведеніе чловѣка, не только вѣрующаго, но, во время писательства — подъ впечатлѣніемъ житейскихъ непріятностей и приготовленій къ смерти — и слишкомъ благбчестиваго, и Духовная Татицева носятъ на себѣ тотъ же преобладающій религиозный характеръ и написана въ такомъ же церковномъ тонѣ. Что касается элемента практическаго, присущаго всеѣмъ сочиненіямъ и идеаламъ Посошкова, то и у Татицева, въ данномъ сочиненіи, онъ является даже въ наибольшей долѣ. Идеалы Татицева построены примѣнительнѣе къ жизни, они ближе поставлены къ дѣйствительности, нежели сравнительно высокіе и болѣе отвлеченные идеалы Посошкова. Въ авторѣ Духовной Татицева со всею ясностію выступаетъ предъ нами чловѣкъ слишкомъ умный, опытный и теоретически и практически мудрый, отлично знающій жизнь и людей, т. е. сильный тѣми качествами, которыя поражаютъ насъ не столько въ Завѣщаніи отеческомъ, сколько скорѣе въ Блггѣ о скудости и богатствѣ Посошкова.

«Завѣщаніе отеческое сыну своему со правоученіемъ за подтвержденіемъ Божіихъ Писаній» Посошкова, въ прекрасномъ изданіи А. Попова составляетъ довольно объемистое сочиненіе. Не отличаясь строгою разграниченностію матеріала и выдержанностію частныхъ сюжетовъ, Завѣщаніе отеческое раздѣлено на главы. Имъ предпослано предрѣчіе къ Завѣщанію, въ которомъ предложено нѣсколько наставленій религіознаго характера, преимущественно о твердомъ и непоколебимомъ стояніи въ православіи, среди «объюродѣвшихъ еретиковъ» и «олазивыхъ раскольниковъ». Первая глава: «Объ отроческомъ житіи» содержитъ наставленія сыну-отроку о нравственномъ и школьномъ самовоспитаніи, преимущественно о храненіи себя въ тѣлесной чистотѣ, а также вообще объ «опасномъ житіи», о точнѣйшемъ выполненіи христіанской добродѣтели смиренія, наконецъ, объ избраніи жены. Вторая глава: «О брачномъ житіи» содержитъ наставленія о святости супружескихъ отношеній. Въ третьей главѣ: «О началѣ мірскаго житія» Посошковъ, полемизируя противъ Лютеранъ, доказываетъ обязательность для христіанъ хранить внѣшнюю, тѣлесную чистоту, соблюдать омовенія и пр.; далѣе предлагаетъ наставленія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, обученіи, даже объ одѣянніи дѣтей, о

воздержаніи въ жизни, особенно о воздержаніи отъ пьянства, объ отпущеніи въ духовному отцу и о необходимости покаянія. Глава четвертая: «О мірскомъ моленіи и молитвѣ» содержитъ спеціальнѣйшій трактатъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка: о временахъ моленія и составѣ молитвы, объ обязательности поклоновъ при моленіи (противъ Лютеранъ), о моленіи во время литургіи. Пятая и самая большая глава: «О гражданскомъ житіи» наполнена многочисленными предписаніями, опредѣляющими нравственный характеръ человѣка, обнимающими домашнюю преимущественно жизнь. Положеніе же человѣка, какъ члена общества, занимающаго извѣстное опредѣленное положеніе, описано Посошковымъ въ особыхъ рубрикахъ, входящихъ въ составъ той же главы: о земледѣльствѣ, о рабскомъ житіи, о художествѣ (т. е. о ремесленникахъ), о купечествѣ, о солдатскомъ бытіи, объ офицерствѣ, о крестьянскомъ житіи и, наконецъ, о нищенскомъ житіи. Такимъ образомъ, общій идеалъ человѣка-христіанина, какъ общественной единицы, разсмотрѣнъ Посошковымъ въ этой главѣ раздѣльно, въ лицѣ всѣхъ частныхъ особей, входящихъ въ понятіе общества. Шестая и послѣдняя глава: «О приказныхъ порядкахъ», съ особыми рубриками: о старомъ подъячествѣ, о судействѣ, — рисуетъ идеалъ «праведнаго судіи» и судейства, чуждаго пороковъ и недостатковъ, которыми заражено было древнее судопроизводство.

Въ эпиграфѣ Завѣщанія отеческаго Посошковъ написалъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Бога вседержителя и всея твари сотворителя, предлагаю Завѣщаніе сіе любезному ми сыну. Прошу тебя, Господа ради, всѣми силами своими держися Создателя своего Бога и да снабдиши (соблюдиши) заповѣди Его святныя и моего отеческаго Завѣщанія да не отгнѣдиши». Эпиграфъ въ высшей степени удачный, потому что въ немъ Посошковъ высказалъ и цѣль своего труда, и его существенный характеръ. Главнымъ побужденіемъ, которое руководило Посошковымъ въ написаніи Завѣщанія, было желаніе его видѣть въ молодомъ поколѣніи осуществленіе идеаловъ, формировавшихся въ его представленіи; видѣть воплощеніе въ жизни высокихъ требованій христіанства, идеаловъ евангельскихъ, какъ ихъ могъ себѣ представить и согласить съ обыденною жизнью авторъ. Сообразно характеру идеаловъ, и все Завѣщаніе Посошкова является съ строго религіознымъ характеромъ. Во имя Бога онъ началъ его писаніе и во имя религіи онъ предла-

гаетъ всё наставленія, вездѣ и во всемъ преслѣдуя религіозныя интeресы. Предлагаетъ ли Посошковъ программу школьнаго обученія, важнѣйшимъ условіемъ онъ при этомъ поставляетъ, чтобы не перенять изъ наукъ чего нибудь «развратнаго для благочестивой вѣры». Зайдетъ ли рѣчь о богатствѣ, Посошковъ скорѣе спѣшитъ передать самое существенное въ этомъ отношеніи правило: «паче же временнаго, ищи богатства вѣчнаго, чѣмъ тебѣ въ безконечныя вѣки жить». Говоритъ ли о выборѣ невѣсты сыномъ, прежде всего и даже «наипаче смиренія и разума», онъ велитъ искать «въ невѣстѣ страха Божія». Предлагаетъ ли правила первоначальнаго воспитанія дѣтей, «начальнѣйшимъ обученіемъ» поставляетъ сообщеніе религіозныхъ понятій и «страха Божія водруженіе». Заговоритъ ли Посошковъ объ одеждѣ, опять-таки невольно уклоняется онъ на свою излюбленную тему и вставляетъ наставленіе: «паче же всѣхъ воспоминаемыхъ украшеній нужно украшати благочестивою, правою христіанскою вѣрою, еже блюсти ю цѣло и непоколебимо». Нужно ли Посошкову воодушевить, утѣшить раба въ его тяжелой судьбѣ, онъ прежде всего поставляетъ ему на видъ, что «за терпѣніе будетъ отъ Бога вѣнецъ соплетатися», что горечь жизни, какъ бы она ни была несносно тяжела, должна вызывать не ропоть, а радость «за вѣщую душевную пользу», что въ бѣдствіяхъ и тяготахъ жизни христіанину «нужно поставлять себѣ находку» и пр. и пр. (стр. 8, 141, 21, 53, 57, 185). Однимъ словомъ, все у Посошкова проникнуто духомъ религіи, на всемъ лежитъ неизгладимая печать ея. Это мы сейчасъ увидимъ въ знакомствѣ и съ самими идеалами Посошкова.

«Не вознегодуй на мя», обращается Посошковъ къ сыну, «за сіе мое Завѣщаніе: не худа ради предложихъ ти сіе, но дабы ты не лишень былъ царства небеснаго» (стр. 140). Вотъ прямая цѣль писанія Посошкова, — цѣль достигнуть общей цѣли всѣхъ стремленій, всей жизни человѣка. Къ достиженію этой цѣли и направлены предлагаемые Посошковымъ идеалы. Этимъ же опредѣлялся и сравнительно возвышенный характеръ послѣднихъ: Посошковъ, въ этомъ случаѣ, витаетъ въ области болѣе идеальной и отвлеченной, нежели напр. Татищевъ, который стоитъ на болѣе утилитарной, житейской точкѣ зрѣнія и, кромѣ нравственныхъ высокихъ цѣлей, преслѣдуетъ, съ неменьшимъ постоянствомъ, цѣли житейскія, не упускаетъ изъ вида практической философіи, гласящей, что «конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ, въ свѣтѣ главный пунктъ — деньги». (Тат. и его вр. 233 стр.).

Первый членъ Посошковскаго катихизиса посвященъ религіознымъ потребностямъ и обязанностямъ человѣка. Посошковъ желаетъ воспитать прежде всего религіознаго, искренно вѣрующаго христіанина. «Господа ради, всѣми своими силами держися своего создателя Бога». «Непрестанно Его прославляй и за всякое дѣло благодареніе Ему возсылай и не преставай въ мысли своей Бога имѣй!» «Ни на единъ часъ Бога изъ мысли своей не испускай: аще стоиши или сѣдиши, аще идеши или лежиши, или что либо твориши, яко во дни, тако и въ нощи, отнюдь изъ мысли своей Бога не выпускай, и кромѣ молитвы, Бога имѣй въ себѣ присно». «Всегда и во всемъ надежду возверзи на Господа» (стр. 1, 28, 135, 142). Рекомендую вообще сыну такое душевное настроеніе, чтобы «Богъ въ немъ жилище свое соороялъ», Посошковъ требуетъ непрерывнаго богомыслія, какъ бы даже повторяя самыя слова Владиміра Мономаха: «егда путемъ идеши или ѣдеши, не моги ты въ то время бездѣленъ быти, но глаголи умомъ своимъ Давыдовы псалмы, кои можешь памятествовати... Между же ими промѣшивай Богомъ данную молитву — Отче нашъ и Пресвятой Богородицѣ поздравительный архангеловъ глаголь... и глаголи не просто, но съ богомысліемъ. Тако творя, всегда съ Господомъ будеши и Господь съ тобою будетъ» (стр. 170, 171). Въ то же время, Посошковъ всячески старается ввести сына въ сознаніе истинной цѣли всѣхъ стремленій христіанина, направляетъ его взоръ въ жизнь загробную, внушаетъ всемірныя усилія къ достиженію царства небеснаго. «Мой совѣтъ буди тебѣ, сыне мой, сичевъ, — еже бы ти никаковыя вещи, на семь свѣтѣ сущія, съ прилежнымъ прошеніемъ у Бога не просити; но токмо да будетъ твое прилежное прошеніе объ оставленіи грѣховъ твоихъ и о полученіи царства небеснаго». «Поревнуй и ищи первѣе царства небеснаго. При попеченіи же о царствіи Божіемъ и о всякой правдѣ, вся благая, не токмо грядущая, но и настоящая, приложатся», (стр. 102, 21, 136). Какъ самое дѣйствительное и надежное средство не потеряться во всѣхъ случайностяхъ жизни, не пропасть отъ тяготъ и горечи житейской, Посошковъ внушаетъ сыну непоколебимое упованіе на Бога и безпредѣльную вѣру во святой промыслъ Божій: «ни о какомъ злосключеніи своемъ не скорби, безъ воли бо Божія ни что тебѣ не содѣется, токмо буди ты Божій; ни о чемъ не печалься, но во всякихъ своихъ благихъ и злыхъ случаяхъ живи по Его Божьей волѣ». Съ этой точки зрѣнія,

Посошковъ и проповѣдуетъ всегда примирительный взглядъ на жизнь: «сего ради, сыне мой, и скорби, и бѣды вся любезно и благодарно приѣмили; не убойся и не ужасися: безъ Божіа бо воли ничто тебѣ не случится... Подобаеть наче о бѣдахъ радоватися, а не сокрушатися», потому что они низводятъ на человѣка «вѣлію изду отъ Бога и мученическаго вѣнца сподобляють» (стр. 181, 102, 22).

Но съ особенною настойчивостію Посошковъ, подѣ влияніемъ религіозныхъ волненій въ его время, которыхъ еще не опасался напр. Домострой, выражаетъ свое желаніе воспитать именно *православнаго* христіанина, вѣрнаго сына «Святыхъ Восточныхъ церкви», непоколебимаго для иповѣрій, раскола и вообще чуждаго всякой религіозной неустойчивости. «Вѣьми своими силами держися Восточная церква и вѣру имѣй тую, кую насадилъ и возрастилъ царь Константинъ, къ намъ же принесъ Владиміръ». «Твердо завѣщаваю и заклинаю, да вѣьми силами держишися святыхъ Восточныхъ церкви, яко роднія ты матери. Аще же сіе завѣщаніе презриши, мое отеческое благословеніе да обратится ти въ клятву». «Господа ради, держися древняго христіанства, ни на каковые толки не сдавайся, но стой, яко мраморный столбъ, на недвижимомъ камени утвержденный, не склоняйся ни на шую страну, ниже на мнимое десно» (стр. 111, 5, 7, 168, 2, 161).

Еще гораздо съ большею подробностію Посошковъ распространяется въ изложеніи обязанностей человѣка къ Богу и при этомъ особенно останавливается на молитвѣ. Цѣлую главу Завѣщанія Посошковъ посвящаетъ этому предмету и рассматриваетъ его гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, нежели Домострой. Выше, знакомясь съ характеромъ религіозныхъ воззрѣній Посошкова, мы уже изложили въ высшей степени здравый теоретическій взглядъ Посошкова на смыслъ и значеніе христіанской молитвы; указали также и на тѣ крайности и дробныя, мелочныя предписанія, въ которыхъ высказалось у Посошкова практическое раскрытіе вопроса о молитвѣ. Не касаясь въ настоящемъ случаѣ, такъ сказать, принципиальной стороны дѣла, постараемся въ общей картинѣ и, по возможности, языкомъ самого Посошкова изложить требованія его относительно молитвы, въ литературномъ отношеніи не безынтересныя и въ своемъ родѣ весьма любопытныя. «Завѣщаваю тебѣ, сыне мой, егда отъ сна вставать будеши, то прежде всякаго глаголанія возложи на ся крестное знаменіе истовое» (т. е. триперстное). При этомъ, По-

сошковъ счелъ полезнымъ для своего времени описать самый процессъ знаменія крестнаго и предостеречь отъ двоеперстія. «Первѣ возложи на чело, потомъ низведи свою руку на пупъ, отъ пупа же на десное плечо, а потомъ на лѣвое... И въ сложеніи перстовъ Св. Троицу исповѣдуй; двоеперстнаго же сложенія вельми бойся». «Возставъ на носъ, первѣ сотвори предъ образомъ три поклоны *воставаьные*», и потомъ уже «отступи отъ одра своего». Послѣ, «когда лице свое умынешь, *правило* свое настоящее исправляй». Въ этомъ правилѣ Посошковъ «принуждаетъ проглаголати не борзая, со вниманіемъ и богомыслиемъ» по нѣскольку разъ извѣстныя молитвы, освященныя церквію для домашняго богослуженія, какъ то: молитву Господню, молитву Богородичную, символъ вѣры. Затѣмъ должна слѣдовать «отъ себя молитва»: за царя, за царицъ, за царевичей, за отца духовнаго, роднаго, за родственниковъ; «потомъ о себѣ вспомяни», о супругѣ и дѣтахъ. За совершеніемъ молитвы, по указанной программѣ, къ Богу, должна непосредственно слѣдовать совершенно тождественная молитва къ Богородицѣ; потомъ такія же точно молитвы, только съ уменьшеннымъ количествомъ назначаемыхъ при этомъ поклоновъ, должны возсылаться къ св. Іоанну Предтечи, Іоанну Богослову, священномученику Власію, св. Спиридону, преподобному Онуфрію, великомуч. Варварѣ. Послѣ молитвы къ святымъ слѣдуютъ повторенія молитвы Господней, молитва къ Ангелу-хранителю и молитва къ «тезоименному блюстителю Николаю». Наконецъ, молитва заупокойная: о царяхъ, дѣдахъ и пр. (стр. 75..., 86, 91, 94 и др.). Интересны также правила поведенія во время молитвы, своею точностію и мелочностію напоминающія Домострой, а своимъ происхожденіемъ всецѣло обязанныя древне-русской жизни, составляющія неотъемлемое достояніе и главное богатство послѣдней. «Егда будещи предъ образомъ Божиимъ молитву возсылати, на стороны не поглядывай, стой, яко столбъ, неподвиженъ;... аще въ то время тѣло твое воззудѣтъ, не мози двинутися или почесатися; аще и блоха начнетъ тя копошити, всячески потерпи». Спрашивающимъ и доучающимъ во время молитвы «не отвѣчай»; если же молитва будетъ чѣмъ прервана, если и вторичею и третичею смѣшается она, то всегда начинай снова, «еже бы безъ всякаго препинанія исправить ю». «Егда же приидеть день праздничный, то всячески упразднися, отнюдь никаковыя работы не работай, но иди въ церковь. Далече не доѣхавъ до церкви, востани и доиди до

крыльца пѣшь. Вступя въ церковную ограду, шапку съ себя сойми. При дверяхъ церковныхъ и парикъ сними, и войди въ церковь рабски. Егда внидеши въ церковь, то первѣе Спасителю образу сотвори 3 поклона, Богородицѣ два... потомъ пресвитеру и людямъ. На высокомъ мѣстѣ не становись, на хоры и на клиросъ не восходи и поющихъ крылошанъ, ради своєю пыхи, съ мѣста не сбивай. И стани на мѣстѣ неподвиженъ, яко твердый столбъ, о стѣны не опирайся, ногъ не оттопыривай, ногу за ногу не закладывай, но стой прямо, кротко, со страхомъ, трости отнюдь въ рукахъ не держи (потому что только нѣмцы, у которыхъ вѣра особая, отъ христіанскія отличная, со дреколіемъ сидятъ). Не плюй гордостно въ дальность отъ себя, чтобы плюновеніемъ или сморканіемъ не оскоредить кого, но плюй токмо предъ собою, вблизиности и подтирай ногою. На стороны отнюдь не поглядывай, потому что можешь красотою доброличною узвѣтися и вмѣсто пользы пакость себѣ приобрящени. Все вниманіе устремляй къ богослуженію, что поютъ или что читаютъ, вся внемли и ничесого мимо ушесъ не пускай, уможь съ Богомъ бесѣдуй. Кромѣ воздыханія, ничего своего къ церковному пѣнію не примѣшивай и по особымъ книжкамъ — полоторски — не читай > и пр. и пр. (стр. 103..., 117, 169, 177 и др.). Во времена, узаконенныя для поклоновъ, особенно въ извѣстные моменты литургіи, Посошковъ требуетъ неотмѣннаго выполненія нѣкоторыхъ тѣлодвиженій: стани на колѣну, руцѣ свои возверзи къ небеси, возложи на ся крестное знаменіе, стоя на колѣну, поклонись до земли, возстани на нозѣ твои, падъ на землю ницъ лежи, не воздвизайся отъ земли и т. п. Съ наставленіями Посошкова о поклонахъ, ставленіи свѣчей, о цѣлованіи иконъ, мы уже знакомы. Посошковъ предлагаетъ настолько подробную программу поведенія во храмѣ, что старается даже подчинить правиламъ взгляды, движенія глазъ молящагося, заповѣдуетъ возводить при молитвѣ очи свои горѣ, а не долу (169 с.). — Между религіозными обязанностями, Посошковъ напоминаетъ также о непремѣнной обязательности для христіанина прибѣгать къ таинствамъ церкви, какъ благодареннымъ средствамъ освященія и подкрѣпленія въ жизни (стр. 13, 72..., 204).

Не ограничиваясь молитвою къ Богу, Посошковъ желалъ бы, по возможности, всю вообще жизнь и дѣятельность христіанина сдѣлать непрерывнымъ служеніемъ Богу. Непрестанному богомыслию онъ, при всякомъ

удобномъ случаѣ, хочеть приурочить и внѣшнее дѣйствованіе, тѣлесный трудъ. Всему въ жизни, всякому и мелочному обстоятельству онъ хочеть придать характеръ церковности, на все наложить печать христіанства. «Егда какое дѣло начинати будеши, то отнюдь просто не начинай, но первѣе возложи на ся крестное воображеніе истовое». «На письменныхъ дѣлахъ въ началѣ полагай начертаніе крестное». «Аще ясти какую ядь начнеши, то и тамо, прежде положенія во уста своя, возложи на ся крестное воображеніе». «Въ сосудъ съ питіемъ дуни крестообразно». «Входя куда либо, крестись, выходя — тоже. Не моги минути церкви, чтобъ, снявъ шапку, не поклониться», и пр. и пр. (стр. 172, 173, 104 и др.). Неуклонное соблюденіе всѣхъ этихъ и подобныхъ требованій часто обставляется у Посошкова слишкомъ предусмотрительными и по своей мелочности озадачивающими дополненіями и условіями. Напр., при встрѣчѣ съ несомымъ Тѣломъ Христовымъ, «чуть его завидиши, шапку съ себя сойми, съ коня своего сниди и, *аще и грязно, поклонись до земли*». Въ извѣстные моменты богослуженія «падъ поклонися до земли, *аще и многонародно* въ церкви *всячески потрудись*» и т. п. (стр. 104, 168, 131).

Таковъ для Посошкова идеаль религіознаго человѣка, христіанина, — идеаль, повидимому, чисто древне-русскій, домостроевскій. Но если мы внимательно всмотримся въ этотъ идеаль, то увидимъ довольно замѣтно выступающіе въ немъ уже новыя оттѣнки. Идеаль Посошкова далеко уже не въ такой мѣрѣ бездушенъ и такъ исключительно механиченъ, какъ идеаль Сильвестра. Излагая точную, мелочную регламентацію, Посошковъ старается каждый обрядъ осмыслить, въ каждомъ ничтожномъ обычаѣ и предписаніи отмѣтить внутреннее его значеніе, въ силу котораго этотъ обычай является не какъ бездушный, формальный обрядъ, но какъ форма, полная религіознаго содержанія. Между тѣмъ какъ Домострой учить только обряду, въ немъ полагаетъ главную цѣль своихъ стремленій, и, при безчисленномъ множествѣ обрядовыхъ тонкостей, весьма рѣдко отмѣчаетъ ихъ внутренній смыслъ и содержаніе; Посошковъ никогда и нигдѣ не ограничивается одною внѣшностію, а всегда обязательно обращаетъ вниманіе и на скрывающуюся въ ней внутреннюю сторону. По крайней мѣрѣ, являясь строжайшимъ проповѣдникомъ обрядности, онъ нигдѣ при этомъ не опускаетъ изъ вида и содержанія, одушевляющаго эту обрядность, внутренняго значенія, осмысливающаго ее. Съ каждымъ

словомъ молитвы Посошковъ соединяетъ опредѣленное содержаніе, каждому движенію тѣла, каждому жесту въ религіозныхъ обрядахъ онъ старается приурочить извѣстное движеніе духа. Математически точно измѣряя и вычисляя обрядовыя дѣйствія, Посошковъ неотступно внушаетъ при этомъ всегда и «движеніе умное», «держаніе въ мысли», «возношеніе духовное», «исповѣданіе духовъ» и пр. т. п. «Возлагая на себя крестное знаменіе», говоритъ напр. Посошковъ, «умныма своимъ очима зри крестъ Христовъ». «Въ сложеніи трехъ перстовъ исповѣдуй святую Троицу». Полагая поклоны, «умныма очима воззри къ самому Богу. Тѣлесныма очима зря на образъ Богородицы, умныма очима также зри на небо» (стр. 75, 76, 90, 91 и др.). Впрочемъ, съ постоянными замѣчаніями Посошкова о значеніи и внутреннемъ смыслѣ въ молитвѣ и иконопочитаніи мы уже знакомы. Поэтому, не станемъ болѣе приводить примѣровъ и выписокъ изъ Посошкова, тѣмъ болѣе, что перечислить въ Завѣщаніи все, подтверждающее наше положеніе объ осмысленности Посошковымъ формальныхъ требованій и обрядовыхъ мелочей, значило бы снова перебрать все его предписанія. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, Посошковъ является далеко уже не слѣпымъ приверженцемъ обряда. Воспитавшись на Домостроѣ и усвоивъ его предписанія во всей точности, онъ успѣлъ замѣтно возвыситься надъ понятіями Сильвестра, не ограничился внѣшностію, формальностію русской религіозности, обратилъ вниманіе на болѣе существенный элементъ ея, — и свою несравненно болѣе жизненную, дѣятельную религіозность завѣщаль своимъ потомкамъ. Нельзя не видѣть въ этомъ вліяніи новаго времени, задатка гуманности. Очевидно, лучшіе русскіе люди, высказавшіеся въ лицѣ Посошкова, стали, наконецъ, отыскивать мысль въ своей набожности, стали открывать утраченный смыслъ русской религіозности. И по всему видно, какъ еще ново было это дѣло для русскаго человѣка, какъ непривычна была для его головы эта, какъ бы вновь только что открытая, зависимость формъ отъ содержанія, обряда отъ его духовнаго смысла. Самъ Посошковъ, какъ мы видѣли, и то въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, такъ сказать, прорывался, передаваясь на сторону неразумной обрядности, исключительнаго формализма. Съ другой стороны, не даромъ онъ почелъ себя обязаннымъ постоянно, даже повторяясь, отмѣчать во всякихъ ничтожныхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ ихъ духовное знаменованіе, старался связать отдѣльныя движенія тѣла съ соответственными движеніями души. Усилія Посошкова

всегда выслѣдить и отмѣтить эту связь выходятъ иногда очень характерны и невольно обращаютъ на себя вниманіе. Не говоря напр. о томъ, что Посошковъ нигдѣ не опустилъ случая упомянуть объ обязательности при крестномъ знаменіи и духовнаго воображенія креста Христова, онъ старается приучить мысль слѣдовать за рукою даже въ самомъ процессѣ крестнаго знаменія. «Егда руку свою возложиши на чело, то въ умѣ своемъ помышлай о верхнемъ рогѣ креста Христова, егда же низводиши будещи руку свою на животъ, то помышлай о длинномъ древѣ крестномъ, а егда уже руку свою низведеши на пупъ, то помышлай о нижнемъ рогѣ креста Христова, а егда положиши руку свою на правое плечо, то помышлай о правомъ рогѣ креста; егда же понесеши руку на лѣвое плечо, то въ умѣ своемъ держи о поперечномъ древѣ крестномъ» и т. д. Правда, прототипы такихъ внушеній можно найти и въ Домостроѣ, но встрѣчаются они тамъ неизмѣримо рѣже и имъ, видимо, не придается тамъ особаго значенія и важности: приводятся они только иногда, между прочимъ, кстати, а потому и производятъ впечатлѣніе только болѣе или менѣе общихъ мѣстъ, фразъ, стереотипныхъ для всей древне-русской, религіозной письменности — выраженій. Правда также, что въ подобныхъ наставленіяхъ замѣтна крайняя механичность, съ которою Посошковъ старается опредѣлить чисто духовныя движенія, связывая съ несеніемъ руки соответственное перенесеніе мысли, или напр. съ извѣстнымъ движеніемъ глазъ — опредѣленное движеніе «умныхъ очей» и т. п., но избѣжать этого, совершенно освободиться отъ механичности едва ли и было возможно для Посошкова, воспитавшагося все же въ духѣ домостроевскаго формализма.

Духовная Татищева несравненно уже менѣе удѣляетъ мѣста разсужденіямъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка. Тѣмъ не менѣе, и изъ нея видится прежде всего искренняя религіозность автора, который, въ помислахъ о смертномъ часѣ, завѣщаль, для спасенія души и отпущенія грѣховъ, деньги по церквамъ раздавать, пѣть панихиды, читать псалмы, давать ладонь и свѣчи, построить церковь и пр. и пр. Очевидно также желаніе Татищева воспитать и въ сынѣ своемъ религіозную настроенность. Съ этою цѣлію, онъ заповѣдуетъ ему прежде всего «почуваться въ законѣ Божіемъ день и ночь даже до старости, со вниманіемъ читать письмо святое, ... книги учителей церковныхъ, ... истолкованія заповѣдей и блаженствъ» и пр. «Читай письмо святое прилежно и тщица

по оному поступать» (Тат. и его вр. стр. 209, 216). Но склонность Татищева къ вольнодумству и здѣсь уже успѣла высказаться. Между тѣмъ какъ Посошковъ обнаруживаетъ безусловное довѣріе ко всему, такъ или иначе прикрытому авторитетомъ церкви, Татищевъ, напротивъ, не преминулъ сдѣлать сыну предусмотрительное замѣчаніе относительно напр. прологовъ, четвѣхъ миней, что «многія исторіи въ истинѣ бытія оскудѣвають», что нѣкоторыя изъ нихъ «соблазны къ сомнительству подать могутъ» (стр. 210). Рекомендую знакомиться съ ученіемъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, въ цѣляхъ утвержденія и непоколебимости въ православіи, Татищевъ, въ то же время, совѣтуетъ уклоняться отъ религіозныхъ преній съ иновѣрцами, «чтобы у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ и не потерпѣть». Между тѣмъ, Посошковъ, въ своей религіозной ревности, не способенъ былъ ни на какіе компромиссы, не допускалъ никакихъ уступокъ; преслѣдуя правду въ сферѣ религіозной съ особенною заботливостію, онъ, совершенно напротивъ, старался внушить и сыну ту же ревность по Богѣ, которою одушевленъ былъ самъ: «аще кого узриши сумнящася, не моги умолчати», повторялъ онъ неоднократно своему сыну (стр. 78 и др.). Далѣе, Посошкову, по своимъ убѣжденіямъ примыкающему къ партіи охранительно-консервативной, представлялось наиболѣе опаснымъ протестанство и отъ него особенно онъ желалъ предостеречь своего сына; между тѣмъ какъ Татищевъ, человѣкъ либерально-прогрессивнаго лагеря, болшую опасность видѣлъ въ католичествомъ и завѣщалъ въ Духовной «остерегаться особенно папистовъ».

Теперь посмотримъ на нравственныя качества, которыми надѣляется Посошковъ своего идеальнаго христіанина.

Составъ нравственныхъ предписаній Посошкова вполне соответствуетъ Домострою. Какъ и въ послѣднемъ, Посошковъ старается предостеречь сына своего отъ грѣховъ и рекомендуетъ ему по преимуществу нѣкоторыя и именно тѣ же, что и Домострой, добродѣтели. Въ первыхъ же строкахъ своего Завѣщанія, наряду съ требованіемъ вѣры въ Бога, Посошковъ требуетъ, чтобы сынъ всѣми силами соблюдалъ заповѣди Божіи, хранилъ душу свою отъ всякаго грѣхопаденія. «Отъ всего сердца своего у Отца небеснаго проси, дабы въ тебѣ всегда содѣвалась Божія воля, дабы діаволь никаковыя власти не возимѣлъ и на грѣхи бы тебя не приводилъ» (стр. 1, 79, 74). Посошковъ перебираетъ частныя виды

грѣха, предостерегая отъ нихъ сына. Напр.: «Господа ради, чадо, бойся блуднаго грѣха» (стр. 9, 14); «вельми бойся лжи, дабы въ сыновство діаволу не вдатися» (147 с.); «отнюдь пустошныхъ словесъ, наипачежъ ругательныхъ не глаголи» (46, 148 с.); «всячески тщися, еже бы ти до пьяна не упиватися и дабы весьма его (вина) не касатися» (62 с.¹); «также въ яденіи пищномъ имѣй воздержаніе и не пресыщайся» (61 с.²); «чтобы не навывкать во грѣхахъ, со злыми людьми отнюдь содружїи никакого не имѣй» (74, 9). Но особенно опасными и безнравственными, въ представленіи Посошкова, грѣхами являются гордость и самоумничество, когда человѣкъ въ разумѣ своемъ высоко о себѣ помыслить. «И въ ереси ни отъ чего тако не впадаютъ, яко отъ высокоумїя своего. Сего ради, чадо мое, не моги и близъ себя допускати самоумничества. Не буди гордъ; самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься» (стр. 69, 70 и др; Кн. о св. и бог. 77 стр.³)

Въ главѣ всѣхъ положительныхъ чертъ нравственности, которыми Посошковъ желаетъ украсить своего идеальнаго человѣка, должно быть упомянуто прежде всего смиреніе. Принимая евангельскіе совѣты въ качествѣ обязательнаго закона, Посошковъ, на основаніи ихъ и проповѣдуетъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, начало уступчивости; въ противовѣсъ гордости, настойчиво внушаетъ совершеннѣйшее смиреніе. Правило смиренія и самоуниженія Посошковъ желалъ бы постановить общимъ принципомъ въ жизни и дѣятельности человѣка, положить въ

¹) Пьянство вызывало обличенія во всѣхъ домострояхъ и сочиненіяхъ, преслѣдовавшихъ исправленіе русской жизни. Напр. Просвѣт. Іос. Вол. стр. 364.

²) Наставленія о воздержаніи въ пищѣ были весьма важны и умѣстны для русскаго человѣка, любовь котораго къ изобилію яствъ выражалась въ 50—100 блюдахъ, подаваемыхъ за однимъ обѣдомъ.— Котошихинъ «О Россіи въ царств. Ал. Мих.» стр. 118.

³) Но съ особенною силою вооружается Посошковъ противъ всякаго проявленія самоумія, какъ мы отчасти и видѣли, въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ. Самоволіе онъ считаетъ главнымъ источникомъ гибели «и въ духовныхъ, и въ мірскихъ дѣлахъ», источникомъ развращенія всей вселенной. Зерц. очевид. ркп. л. 94 об., 52, 100, 114 и др. Отъ «самозаконія» производилъ «всякую злую вещь» и Патр. Іоакимъ. Увѣтъ дух. л. 23.

⁴) На такихъ же основахъ кротости, взаимнаго уваженія и уступчивости хочетъ построить жизнь и Іосифъ Волоцкій. Просвѣтитель, стр. 362, 367.

основу всего поведенія христіанина. Строгость и точность предписаній Посошкова въ этомъ отношеніи своимъ ригоризмомъ превосходитъ даже Домострой. Вездѣ, гдѣ только заходитъ у Посошкова рѣчь о столкновеніяхъ съ другими, онъ вставляетъ замѣчанія: «не мози никого попхнути, потѣснити, самъ уступи, не озлобься, не воспротивься, уступи, премоличи» и т. п. «Буди яко кроткое овчатко, ни малыя гордости не припусти къ себѣ, но всѣхъ буди крочшъ, нималыя высокости въ себѣ не являй. Ровнай себя червию, иже въ трупахъ зарождается; предъ всякимъ человекомъ смиреніе и низость свою показуй безлукавную; буди яко рабъ, служа всѣмъ» (стр. 107, 149, и пр. = Зерц. л. 52, 200 об.). «Не гнѣвайся на обиды, буди глухъ на руганіе. Кто тя ударить въ ланиту, обрати ему другую. Кто обидитъ или озлословитъ тя, ты всячески понеси на себѣ, а того и въ мысль свою не влагай, еже бы чѣмъ ему отмстити, и не жалься на него, не токмо людямъ, но иже Богу; но паче всякими образы тѣся, еже бы сдѣлать ему какую ни есть добродѣтель». «Отнюдь ни на кого не гнѣвайся; на всякія злыя словеса и досадительныя буди глухъ, и аще кто тя сквернословно и ругательно избранитъ, буди яко не слышай и ничему тому не внимай, но вся та гнилая словеса мимо ушей своихъ пускай.» «Во всякомъ дѣлѣ буди услуженъ и безответенъ. Чѣмъ тебѣ досадятъ, терпи. Аще будутъ тебя бити, понеси на себѣ» и только, когда «не въ мочь ти будетъ», можно поугать жалобой; «аще-же можеша понести на себѣ, ради своей вящшія душевныя пользы, то вся претерпи» и пр. (стр. 82, 143, 182, 179, 185 и др.). Съ другой стороны, самъ опасно себя храни, чтобы во грѣхъ не войти и какому человекѣу досады бы не учинить, дабы никто не пожаловался на тебя. Никого въ гнѣвъ не приводи, ни стараго, ни малаго, ни богатаго, ни убогаго ничѣмъ не оскорби; ни во очи, ни заочно досады никому не чини, но буди самъ отъ всѣхъ обиженъ; и другу и недругу — всѣмъ добро дѣй. Сурово ни съ кѣмъ не говори, но буди любителенъ всякому человекѣу, и пр. (стр. 146, 107, 15, 20 и др.). Посошковъ желаетъ такого самоотверженнаго смиренія, что поставляетъ его принципомъ всякихъ отношеній человекѣа даже къ животнымъ и только органическимъ предметамъ. Напр., запрещая при проѣздѣ на конѣ тѣснить человекѣа-пѣшехода, Посошковъ прибавляетъ: «и не человекѣа токмо люби, но и скоты жалуй; аще и курицу наѣдешь, въ песокъ рывущуюся, не потѣсни ю; аще иную скотину или пса на пути наѣдеша

спяща, не досаждай ей, объѣдь ю. Подобнѣ, и въ лѣсѣ дрова безъ potreбы, на поруганіе не руби. Тако живи опасно, чтобы не токмо чело-вѣку, но и скотомъ миль бы ты былъ. Всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи, — угодно ли оно будетъ тебѣ, и то токмо твори, чего самъ себѣ желаешь» (стр. 16., 171, 19, и др.). Духомъ смиренія обусловливаются и всѣ житейскія правила приличія, предписываемыя Посошковымъ, — напр. какъ держать себя въ гостяхъ, на объѣдахъ и т. п. Посошковъ такъ вѣрнѣе въ начало смиренія и «низкостности», что видитъ въ немъ источникъ истинной христіанской мудрости. По его мнѣнію, сынъ его, если и въ умѣ недостаточенъ будетъ, но смиренъ, то «паче мудрыхъ людей умудрится» (стр. 72).

Другая главнѣйшая христіанская добродѣтель, которою по преимуществу долженъ украшаться чело-вѣкъ и которую особенно настойчиво рекомендуетъ Посошковъ, есть милосердіе. Будь ко всякому чело-вѣку милосердѣ. Нищимъ подавай пѣнязи, особенно въ церкви. Бѣднымъ лю-дямъ въ нуждахъ помогай, распрости руку свою на подаваніе и пр. Просящему милостиню подай, отдай даже «лучшій кусокъ, кой тебѣ (самому) угоденъ» (стр. 133, 143, 140, 173). Кромѣ бѣдныхъ, благотворительность христіанина должна быть направлена на церковь и духовенство. Въ этомъ случаѣ Посошковъ требуетъ буквального выпол-ненія древняго положенія о десятинахъ: «на кійждо годъ исчисли при-бытки и отдѣли десятую долю Богу. Егда выработаети десять пѣнязей, то не отлагай до иного времени, отдѣли десятый пѣнязь и освяти его Богу» и пр. Но и кромѣ десятины, на всякое церковное украшеніе по-давай неоскудною рукою, безъ сожалѣнія; пресвитеровъ питай лучшею пищею, подавай имъ неоскудною рукою, съ усердіемъ, подаваніемъ не-оскуднымъ надѣлай (стр. 138, 63, 143 и др.¹⁾).

Одно изъ самыхъ основныхъ правилъ христіанской жизнедѣятельно-сти, по Посошкову, составляетъ трудолюбіе. Какъ самъ чело-вѣкъ въ вы-шей степени дѣловой, Посошковъ желаетъ видѣть то же и въ своихъ потомкахъ, смотря на трудолюбіе не съ практической только точки зрѣ-нія, но приписывая ему и высшій смыслъ, даже религіозное значеніе. Вездѣльная жизнь и бесполезная трата времени представляются Посош-кову не только въ общественной жизни неправыми, незаконными, но и

¹⁾ Буквального выполненія правила о десятинахъ требуетъ также Іосифъ Во-лоцкій. Просвѣтитель стр. 368.

въ экономіи спасенія «вредительными», — «вельми бо грѣшно челоуѣку тунеядцемъ быти». Смотри на жизнь христіанина, какъ на непрерывный трудъ и прославленіе Бога добрыми дѣлами, Посошковъ и подтверждаетъ эту основу, существенное требованіе христіанской жизни, своими личными симпатіями, обычаемъ своей собственной жизни. Видно, что Посошковъ самъ вошелъ, такъ сказать, во вкусъ этой трудовой и благочестивой жизни, а потому, отъ всей полноты своего убѣжденія, онъ и заявлялъ, что «нѣсть того на свѣтѣ утѣшнѣе, еже во трудахъ забавлятися». И сыну своему Посошковъ желалъ бы цѣликомъ передать свое убѣжденіе о могущественномъ значеніи трудолюбія въ жизни. «Моленіемъ молю тя, Господа ради, буди у дѣла своего люботруденъ»; «никогда празденъ не сиди», и пр. Посошковъ преслѣдуетъ всякую пустоту жизни и безсодержательность, гдѣ бы она ни проявлялась въ поведеніи челоуѣка. Онъ рисуется типъ челоуѣка, постоянно занятаго дѣломъ, избѣгающаго пустословія и бездѣлья, челоуѣка серьезнаго, во всемъ аккуратнаго, всегда послѣдовательнаго себѣ, вѣрнаго своему слову и убѣженію, обдуманно говорящаго и тѣмъ болѣе осмысленно поступающаго. «Пустошныхъ глаголовъ», говоритъ напр. онъ, «весьма бѣгай, посидѣвшихъ или ругательныхъ словесъ отнюдь не глаголи. Не буди продерзливъ на слово, но всякое слово первѣе розжуй, не будетъ ли въ немъ какого порока. Тако себя остерегай, дабы никаковыми словомъ себя не одурачить» и пр. Еще тѣмъ болѣе «дѣла своя всякія десятирицею осматривай, дабы въ нихъ ни малыхъ кастери не было; ни единого дѣла, не осмысленнаго крѣпкимъ размышленіемъ, не начинай дѣлать, — въ тонкость разсмотри о немъ» и пр. (стр. 211, 183, 170, 148, 190, 11, 215 и др.).

Съ трудолюбіемъ неразрывно связывается терпѣніе, готовность къ перенесенію всякихъ лишеній. И Посошковъ, съ равною же силою и настойчивостію, старается воспитать въ сынѣ и эту христіанскую дободѣтель. Онъ внушаетъ скромность требованій, съ одной стороны, и христіанское самодовольство съ довѣріемъ къ промыслу — съ другой; онъ хочетъ, такимъ образомъ, заранѣе примирить сына съ жизнію, со всѣми ея невзгодами, желаетъ придать свѣтлую окраску всѣмъ я тагостямъ ея, рисуется въ самыхъ свѣтлыхъ, завлекательныхъ чертахъ спокойствіе, миръ души, христіанское самодовольство. Завѣщая христіанину уже съ ранняго дѣтства запастись христіанскими доблестями, приучается «пужду всякую терпѣти, навькати терпѣнію»; онъ, въ то же время, же-

лаеть утвердить сына въ волѣ Божіей, чтобы онъ «разумѣлъ во всемъ изволеніе Божіе, чтобы «во всемъ на Его Божію волю полагался», — и «житіе твое», ободряеть Посошковъ сына, «паче царскаго веселостно будетъ; понеже и презѣльная скудость будетъ ти сладостна паче богатства многога, и не токмо сносная бѣда, но и самая смерть ни во что ти будетъ, за еже весь ты будещи въ Бозѣ. Безжелательный бо человекъ всегда весель бываетъ, аще у него много, аще и мало: о всемъ радуется и Бога благодарить, и живетъ, яко царствуетъ» (стр. 56, 78, 142).

Нѣкоторыя предписанія Посошкова, касающіяся частной и общественной жизни, проникнуты чисто аскетическимъ характеромъ. Таковъ, напр., взглядъ его на богатство. «Богатства временнаго не весьма ищи; богатство бо временное ничто есть; не всякому оно на пользу, но вѣщши бываетъ на погибель. Отъ богатства приходитъ гордость, тщеславіе, сластолюбіе, вещьлюбіе, всякая роскошь непотребная; всякія пакости наводитъ оно на человекъ, погубляетъ». Поэтому, «не радуйся, сыне мой, богатству, аще будетъ у тебя довольное, и съ притужаніемъ за нимъ не бѣгай» и пр. (стр. 141...). Такого же характера правила Посошкова объ отношеніи къ почестямъ, славѣ житейской.

Разсмотрѣніе частныхъ нравственныхъ правилъ поведенія въ общественной и семейной жизни считаемъ излишнею подробностію. Очевидно, все предписанія Посошкова, касающіяся нравственности, имѣютъ слишкомъ близкое сходство съ Домостроемъ. Но и здѣсь легко усмотрѣть довольно замѣтную разницу между нравственнымъ идеаломъ Посошкова и Домостроя. Нравственный идеалъ послѣдняго въ большинствѣ его чертъ является чисто формальнымъ, часто лишеннымъ истиннаго внутренняго содержанія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безнравственнымъ, полнымъ только человѣческаго разсчета, не моральныхъ мотивовъ. Между тѣмъ, нравственный идеалъ Посошкова, при той же формальной точности, мелочности, имѣетъ гораздо болѣе нравственнаго содержанія и несравненно полнѣе проникнуть нравственною идеею. У Силвестра замѣтили мы до крайности доведенное начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ; множество его наставленій направлено именно къ тому, чтобы научить, какъ ужиться съ разными людьми, жертвуя подчасъ правдою, чтобы не нарушить добрыхъ отношеній къ другимъ и не повредить своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣняемости и угодливости людямъ,

легко переходящій въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ, ведетъ къ совершенному уничтоженію искренности въ обращеніи людей, къ совершенному ослабленію нравственныхъ основъ въ жизни общества. Посошковъ не успокоивается на такихъ взглядахъ. Его честность, прямота, вѣра въ искренность человѣческихъ отношеній, стоятъ гораздо ближе къ чуждымъ лицемѣрію, безхитростнымъ понятіямъ Владиміра Мономаха. Какъ истинный любитель правды, Посошковъ не могъ оставаться равнодушнымъ, «видя правду отвержену» гдѣ бы то ни было: тѣмъ болѣе онъ не могъ самъ проповѣдывать и возводить на степень идеала двоедушіе, лицемѣріе и т. п. неправду. Поэтому, если онъ совѣтуетъ сыну, какъ и Домострой, «заживать доброе имя»: то требуетъ достигать этого дѣйствительными нравственными достоинствами, истинными заслугами, а никакъ не внѣшнею формою, бездушнымъ благочестіемъ, тѣмъ болѣе не хитростію, не притворствомъ, отъ чего Посошковъ прямо предостерегаетъ въ своемъ Завѣщаніи. Голосъ общественнаго мнѣнія, слава отъ людей, не должны быть цѣлю нравственной дѣятельности человѣка, потому что они могутъ только сбивать человѣка съ пути истинной нравственности: лучше, поэтому, вовсе не обращать на нихъ вниманія, такъ какъ только искренность, чистота намѣреній и побужденій обуславливаютъ нравственную цѣну и значеніе всякаго поступка: такова высоконравственная, чистая мораль Посошкова! Внущая, напр. полнѣйшее смиреніе, уничтоженіе предъ всякимъ человѣкомъ, Посошковъ прибавляетъ такіа, повидимому, совсѣмъ непринимавшіяся Домостроемъ въ расчетъ условія: «предъ всякимъ человѣкомъ низость свою показуй безлукавную и смиреніе твори не того ради, дабы тебя люди хвалили; но отъ самаа истины въ словахъ и дѣлахъ, и во всякихъ поступкахъ смиреніе твори безъ всякаго притвора; и не токмо въ явности, но и въ тайности, и внутрь себя смирень буди; ничтожа себя, смиреніе носи въ себѣ и того своего смиренія не ставь себѣ въ добродѣтель» (145 стр.). Заповѣдая сыну упражненіе въ дѣлахъ милосердіа, онъ говоритъ: «аще что ни подаси, ни предъ кѣмъ не славься, ни самъ предъ собою, ниже Богу извѣствуй, сколько подаси» и т. д. (стр. 133). Излагая правила молитвы въ храмѣ, Посошковъ не забываетъ сдѣлать замѣчаніе: «читай себѣ молитву тайно и не токмо языкомъ, но и губами не шевели, дабы люди не поставили тя въ великаго молитвенника: но токмо умомъ своимъ читай, дабы никто не видѣлъ, не слышалъ, ниже разумѣлъ, что ты тво-

риши» (124 стр.). Говоря о нищенскомъ житіи, Посошковъ не забываетъ поставить на видъ существеннаго условія — «буди и духомъ нищъ» (208 стр.) и пр. и пр. «И какіе труды ты ни понесеши, ради своя душевныя пользы, то ты тѣхъ трудовъ и болѣзней своихъ не вспоминай не то что предъ Богомъ и предъ чловѣки, но ниже самъ предъ собою; тако ихъ имѣй, яко бы ничего того не бывало» (185 стр.). Такъ, наконецъ, говорятъ Посошковъ вообще объ обязательности для истиннаго христіанина правды, искренности въ поступкахъ: «лжи во уста своя ни малыя не влагай и лъстиваго глагола никакого никому не глаголи. Опасно храни себя въ семя: аще кто на тебя пошлется въ какомъ свидѣтельствѣ, аще врагъ, аще и самый секретный другъ, не моги солгати дружбы ради, или страха ради отъ лица сильнаго. Лучше тебѣ бѣду и смерть подъяти, неже солгавъ цѣлу быти, вмѣсто правды ложь сказати. О сыне мой, счастливъ бы ты былъ, аще бы ты за праведное свидѣтельство смерть пріялъ!» (стр. 147, 148). Такой же искренности, правдивости до полнѣйшаго самоотверженія Посошковъ требуетъ и во всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ, во всѣхъ поступкахъ христіанина. Такъ еще напр., требуя чистѣйшаго цѣломудрія, онъ внушаетъ безропотное, терпѣливое перенесеніе изъ-за этого всякихъ угрозъ, побоевъ и даже смерти: «О, аще бы ты, чадо мое, за таковое цѣломудріе убіенъ былъ до смерти, то бы ты великъ былъ во царствіи небесномъ» (стр. 10). Даже въ физическомъ трудѣ Посошковъ силится искоренить все неискреннее, разсчитанное на показъ, — и работать онъ заставляетъ «всею христіанскою правдою, безъ всякія лѣности, безлукавно, — каково во очесѣхъ (наблюдающихъ), таково и заочно» (179 стр.). Словомъ, Посошковъ рѣшительно вооружается противъ всего показнаго, дѣланнаго, эффектнаго. И въ благочестіи, и въ общественныхъ отношеніяхъ, и даже въ физическомъ трудѣ Посошковъ требуетъ искренности, правоты, самаго дѣла. Всюду давая предписанія о внѣшнемъ поведеніи, онъ нигдѣ на этомъ не останавливается и этимъ не ограничивается; вездѣ онъ въ то же время обращаетъ вниманіе на душевное настроеніе, на сущность, внутренній смыслъ дѣла; всегда требуетъ полнаго соответствія между внѣшнимъ видомъ, положеніемъ и душевнымъ состояніемъ, требуетъ полной гармоніи мыслей съ словами, словъ съ дѣлами.

Идеальныя черты чистой христіанской нравственности въ жизни част-

ной и общественной, затребованныя Посошковымъ, въ сущности тѣ же самыя повторяются и Татищевымъ въ его Духовной. И онъ также заповѣдуетъ благіе нравы, смиреніе, вѣрность, правду, справедливость, благородство, вѣрность присягѣ и пр. И онъ, съ неменьшею энергіею и рѣзкостью, возстаетъ противъ всякихъ уклоненій съ пути нормальной жизни и сурово порицаетъ всякое нравственное уродство въ жизни: лицемерство, коварство, лесть, зависть и ненависть; съ негодованіемъ бранить «проклятыхъ ябедниковъ, душевредцевъ, плутовъ, воровъ, богомерзкихъ и жадныхъ подлецовъ» и пр. Словомъ, и Татищевъ стремится въ жизни общественной и частной къ той же вообще правдѣ, какъ и Посошковъ, но, впрочемъ, не пускается въ математическія вычисления и измѣренія нравственныхъ поступковъ человѣка, какъ это дѣлаетъ послѣдній.

Въ общей сферѣ социальныхъ воззрѣній Посошкова должны быть отмѣчены, не лишеныя интереса, его *политическія убѣжденія*, и въ ряду его правилъ общежитія должны быть указаны, разсѣяанныя по всѣмъ сочиненіямъ, спеціальныя наставленія Посошкова объ отношеніи къ гражданской власти, объ обязанностяхъ человѣка, какъ члена государственной семьи. — По своимъ политическимъ воззрѣніямъ, Посошковъ представляется строжайшимъ монархистомъ — и въ этомъ отношеніи является выразителемъ общаго, выработаннаго всею русскою исторіею, взгляда на царя, какъ именно Божія помазанника и избранника. «У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ», такъ характеризуетъ Посошковъ русское самодержавіе. Онъ «самъ собою владѣеть». «Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ». «Яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣеть, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть; какъ чему повелитъ быть, такъ и подобаетъ тому быть неизмѣнно и ни мало ни на право, ни на лѣво неподвижно». Только самъ Государь стоитъ внѣ всякихъ ограниченій: «Царскому Величеству нѣтъ предѣла: идѣ же царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется» (Соч. Пос. I, 254, 122, 252, 231, 136 и пр.). Сообразно такому идеальному взгляду на царя, строятся у Посошкова наставленія, которыми долженъ руководствоваться человѣкъ, какъ подданный своего Государя. Кромѣ обязательной и усиленной молитвы за царя, которую Посошковъ диктуетъ — въ предложенной имъ въ Завѣщаніи программѣ христіанской молитвы — обыкновенно прежде всего, ставитъ на самомъ первомъ мѣстѣ, онъ требуетъ все-

гданяго и особеннаго почтенія и уваженія къ Государю, какъ подобію Самого Бога, внушаетъ ту же крайнюю осмотрительность въ обращеніи даже съ именемъ только царскимъ, какъ и съ именемъ Божиимъ. (Зав. от. стр. 214 и др.). «Ревниво оберегая царскую честь въ принципѣ, Посошковъ и на практикѣ старается удалить все, что, по его мнѣнію, компрометировало царя, какъ владыку, полнаго господина подданныхъ— своихъ «природныхъ рабовъ»; всякія частныя сношенія, которыя бы могли ставить царя на одну доску, въ одинаковыя условія съ подданными, Посошкову кажутся уже недостойными, ненормальными. Даже такой напр. ничтожный и въ сущности безразличный актъ, какъ взиманіе царемъ на свое имя росписокъ съ казенныхъ должниковъ, уже не нравится Посошкову, и онъ желалъ бы устранить его, какъ обычай «вельми неслышный и чести царской неприличный» (Соч. Пос. I, 73). Наконецъ, Посошковъ предлагаетъ не мало энергичныхъ обязательствъ въ отношеніи къ государю и болѣе практическаго свойства. «Аще у какого дѣла строптиваго будешь во управленіи», поучаетъ Посошковъ сына, «то у дѣла царскаго, за царскіе секреты стой, являясь яко левъ. Буде вручено ти какое дѣло государево будетъ, то ты о домѣ своемъ и ни о чемъ своемъ тако не пекися, яко о врученномъ ти дѣлѣ» (Зав. от. стр. 106, 145). Царственная нужда, по представленію Посошкова, должна превышать все интересы; для нея единственно Посошковъ рѣшается на исключенія даже въ области религіозныхъ обязанностей чело- вѣка (напр. Зав. от. стр. 133); ради только ей онъ готовъ допустить прежненіе нѣкоторыхъ основныхъ общечеловѣческихъ правилъ жизне- дѣятельности. Интересно напр., какъ Посошковъ — вдохновенный лю- битель правды и заклятый врагъ всякой лжи и обмана — учить солдата «ради царственной нужды» врать непріятелю, обязываетъ завѣдомо лгать: захваченный въ плѣнъ, о недостаткахъ своихъ воинскихъ непріятелю «не моги изъявляти, все сказывай вдвое или втрое, правды ни малыхъ не объявляй, но сплошь говори имъ ложь» (Зав. от. стр. 192 и пр.).

Политическія убѣжденія Посошкова находятъ себѣ совершенно едино- мысленный откликъ и въ Духовной Татищева. Послѣдній, какъ тоже строжайшій монархистъ, главнѣйшими качествами добраго гражданина поставляетъ вѣрность своему государю и государству, ревность къ госу- дарственной службѣ, прилежаніе къ общей пользѣ и безусловное повино- веніе властямъ. Грустныя событія, совершившіяся на глазахъ Татищева

и вызванныя корыстными замыслами верховниковъ, побудили его внушить своему сыну глубоко-правдивыя политическія истины: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся... Паче всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай, всего же болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся» и пр. т. п. (Тат. и его вр. стр. 217, 218).

Кромѣ общаго христіанскаго идеала, къ которому должно стремиться молодое поколѣніе, Посошковъ обрисовалъ идеальныя черты частныхъ личностей, занимающихъ то или другое опредѣленное положеніе въ обществѣ. Онъ предполагаетъ, что сынъ его можетъ быть и крестьяниномъ, и воиномъ, и купцомъ и пр., а потому и снабжаетъ его совѣтами на случай избранія имъ той или другой карьеры, предлагаетъ правила, касательно положенія и спеціальныхъ обязанностей каждаго изъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Эта часть Завѣщанія отеческаго имѣетъ близкое соотношеніе къ Книгѣ о скудости и богатствѣ, дополняетъ ее. Между тѣмъ какъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ разсматриваетъ положеніе общественныхъ сословій, какъ они существуютъ и преимущественно съ стороны ихъ недостатковъ; въ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ рисуетъ идеальное положеніе ихъ, каковы они должны быть, согласно христіанскому ученію и сообразно цѣли христіанской жизни (что, впрочемъ, нужно отличать отъ юридическихъ преобразованій, проектируемыхъ Книгою о скудости и богатствѣ). Весьма естественно, поэтому, вышло то очевидное явленіе, что въ разсматриваемыхъ идеалахъ господствуютъ преимущественно тѣ нравственныя предписанія и добродѣтели, которыя составляютъ противовѣсъ порокамъ и недостаткамъ, подробно обрисованнымъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ.

Прежде всего Посошковъ обращаетъ вниманіе на земледѣльца (котораго онъ отдѣлилъ отъ крестьянина, но которые, видимо, являются совершенно тождественными и въ представленіи Посошкова. Зав. от. стр. 176—178, 204—205). Главный недостатокъ въ крестьянской жизни, отъ котораго происходили нравственныя пороки народа, Посошковъ полагалъ, какъ мы видѣли, въ бѣдности. Поэтому, въ Завѣщаніи отеческомъ, съ христіанской точки зрѣнія, Посошковъ старается примирить бѣдняковъ съ своей судьбою, пробудить уваженіе къ себѣ,

возможное довольство своимъ положеніемъ. «Аще, сыне мой, весьма оскудѣши и пропитатися не возможши, и тогда во отчаяніе и уныніе не вдавайся и ни къ какому воровству и неправедному дѣлу не касайся... но, возложъ надежду на Бога, иди въ земледѣльную работу. Работай всею правдою, безъ лѣности и безъ лукавства, не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приводи... Будь Богу благодаренъ, ни о чемъ на Бога не возропщи, и тако живя, и во крестьянствѣ спасешися». Также Посошковъ внушаетъ крестьянамъ честность и правду въ отношеніи къ помѣщикамъ, какъ первый шагъ къ установленію болѣе правильныхъ отношеній между тѣми и другими. Въ противовѣсъ народному невѣжеству, суевѣріямъ и религіозной холодности, Посошковъ побуждаетъ крестьянина къ неуклонному исполненію религіозныхъ обязанностей, повторяетъ свою завѣтную мысль о распространеніи грамотности въ крестьянскомъ быту, предлагая слѣдующее смѣлое и преждевременное наставленіе тогдашнему крестьянину: «въ день праздничный книги читай или что пиши о пользѣ душевной». Посошковъ предостерегаетъ крестьянина отъ «обычныхъ у работныхъ людей» пороковъ: «въ пьянство, въ зернь и въ картежъ не вдавайся, во время работы скверноглаголанія, празднословія и кощунства, не твори, ворожбы не касайся, въ примѣты не вѣрь и пр. Съ особенною настойчивостію Посошковъ вооружается противъ недобросовѣстности и всякой житейской неправды въ средѣ трудящагося люда, энергично повторяя: «надобно всякому человѣку *прямымъ* сыту быти, нужно работать правдою» и т. п. Безусловно требуя отъ сына трудолюбія и добросовѣстности въ работѣ, Посошковъ, кромѣ того, обязываетъ его возможно содѣйствовать насажденію тѣхъ же добродѣтелей и въ его собратіяхъ по положенію. Съ этою цѣлію, онъ рекомендуетъ товарищескіе совѣты, убѣжденія и тому подобныя «тихостныя понужденія».

Подробно говорить о крестьянствѣ и Татищевъ. Разсматривая крестьянъ, вопреки Посошкову, какъ свою помѣщичью собственность, а не какъ владѣніе царственное, собственность государя, Татищевъ повторяетъ тѣ же правила въ отношеніи къ крестьянамъ, какъ и Посошковъ, съ тою только разницею, что онъ не останавливается особенно на потребностяхъ нравственныхъ и вообще духовныхъ, и съ наибольшою подробностію говоритъ объ экономическомъ устроеніи крестьянскаго быта. Вслѣдъ за Посошковымъ, и Татищевъ ставитъ въ отношеніи къ крестьянамъ «нан-

вищимъ пунктомъ — учить грамотѣ и писать», чтобы чрезъ это всякій и земледѣлецъ «позналъ законъ и страхъ Божій, и хотя бы тѣмъ могъ назваться истиннымъ человѣкомъ и различилъ себя отъ скота» (Тат. и его вр. стр. 227). Затѣмъ и Татищевъ требуетъ отъ крестьянъ постоянного трудолюбія, заботится о бодрой и прилежной работѣ всего сельскаго населенія, «дабы во время работы ни малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло, — понеже отъ праздноности крестьяне умираютъ: спать довольно, ѣдятъ много, а мѳціону не имѣютъ». Обличая популярныхъ въ крестьянскомъ быту «проклятыхъ обманщиковъ, ворожей, шептунговъ, колдуновъ» и другія порожденія крестьянской темноты и невѣжества, Татищевъ съ особенною энергію нападаетъ на «кабакъ, какъ общее подлымъ людямъ прибѣжище, всякому злодѣянію школу, лучшее пристанище, убѣжище и покровительство» (стр. 232).

Правила, предписанныя Посошковымъ крестьянину, почти въ полномъ составѣ повторяются имъ и человѣку, «вдавшемся въ рабское житіе» (Зав. от. стр. 178—185). Какъ самое лучшее, надежное средство не погибнуть отъ горечи рабства, не предаваться отчаянію, Посошковъ и здѣсь прежде всего силится примирить раба съ своей долею, внушаетъ непоколебимое унованіе на Бога и вѣру въ Его святой промыслъ. «Аще вдашия какому господину, о злоключеніи своемъ не скорби, — безъ воли бо Божія ничто тебѣ не содѣется, токмо буди ты Божій. Ни о чемъ не печалься, но во всякихъ благихъ и злыхъ случаяхъ живи по Божіей волѣ». Посошковъ преслѣдуетъ и здѣсь, какъ вездѣ, чистоту, искренность отношеній рабовъ къ господамъ. «Почитай господина и служи ему, яко Богу, безъ лѣности, безъ лукавства, всею христіанскою правдою работай, радѣй ему съ истиннымъ усердіемъ». Въ то же время Посошковъ предостерегаетъ отъ пороковъ, распространенныхъ въ рабскомъ житіи: лѣности, сквернословія, воровства, разврата, подробно рассказывая въ назиданіе исторію столкновеній Іосифа въ домѣ Пентефрія. Особенно энергично предостерегаетъ рабовъ отъ пересудовъ и сплетничества, какъ преимущественно распространеннаго и противнаго порока въ нихъ: «аще господинъ твой будетъ пьяница или мотыга, не поноси его; аще безвинно избрантъ и запибеть ты, не гнѣвайся на него и не токмо людямъ, но и Богу не жалуйся на него».

Въ «художествѣ» Посошковъ видѣлъ недостатки главнымъ образомъ въ небрежности и недостаточномъ обученіи мастеровъ; поэтому, въ Завѣ-

щаніи (стр. 185—189) онъ ставитъ въ обязанность ремесленнику «пещися о тщательномъ, самомъ добромъ и искусномъ мастерствѣ». При этомъ Посошковъ настойчиво внушаетъ своему художнику добросовѣтное отношеніе къ заказчикамъ и ихъ матеріалу: «кому даши слово на срокъ сотворити дѣло, то слово памятью крѣпко; наче же храни себя, еже-бы отъ врученныхъ вещей не похитити чего, ниже что перемѣнити и прихѣсити. Всякое дѣло дѣлай правдиво, безъ всякаго фальшивства» и пр. Особенную осмотрительность Посошковъ внушаетъ оружейному мастеру, такъ какъ въ производствѣ послѣдняго ближе всего можетъ быть замѣшанъ государственный интересъ. Между прочимъ, въ разсужденіи о ремесленникахъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, Посошкова возмущала, какъ мы видѣли, небрежность иконописцевъ, — и въ Забѣщаніи своею онъ не преминулъ обратить нарочное вниманіе на «малара». «Тщися — говоритъ онъ послѣдному — еже бы не погрѣшитъ предъ Богомъ въ рисовкѣ и въ изображеніи лица Спасителя» и т. под. Посошковъ предлагаетъ и здѣсь, какъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, основныя правила иконописи, даже излагаетъ довольно подробно «личную азбуку».

Въ купеческомъ сословіи и торговлѣ, какъ мы видѣли, Посошковъ усмотрѣлъ страшныя неправды, обиды, подлоги, вражду, ненависть и пр.; все это Посошковъ хочетъ искоренить въ своемъ идеальномъ представленіи торговаго человѣка (189—192 стр.). «Аще вступиши въ купечество, то въ словѣ будь твердъ, яко камень, — цѣны не измѣняй, расплатою не волочи» и пр. «Паче же богатства и живота люби правду, а неправды не припускай къ себѣ. Всѣмъ имѣй правые, вѣрныя. Товаровъ своихъ плохихъ не называй добрыми, закрасы въ товарахъ не чини, барыша большаго не моги взять, отъ чужихъ лавокъ не перезывай, своего товару не весьма выхваляй, чужого товару не моги охулить» и пр. «Ни о чемъ же тако не забѣщаю, яко о любви къ Богу и своей братьи».

Въ солдатскомъ бытіи всѣ недостатки Посошковъ производилъ главнымъ образомъ отъ скудости ихъ содержанія, вслѣдствіе чего «войки» были не тверды на брани и, по недовольству своею судьбой, часто рѣшались на самоубійство. Поэтому, въ Забѣщаніи (стр. 192—198), Посошковъ старается примирить война съ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, внушаетъ самоотверженіе въ перенесеніи всѣхъ нуждъ и лишеній на службѣ. «Буди доволенъ своимъ жалованіемъ; аще про-

питатися не можно жалованіємъ, то заведи кое ни есть рукодѣліе, отъ чего бы прибавку въ пищѣ пріобрѣсти, а неправого дѣла бойся паче огня. Аще скудость хлѣбная случится, то яждь и нечистыхъ скотовъ мясо: въ нуждѣ бываетъ и закону премѣненіе. Солдатствомъ же души своя не погубиши». Посошковъ внушаетъ воину правдивое служеніе государю, храбрость въ войнѣ, точное соблюденіе военной дисциплины, расчетливость въ стрѣльбѣ, чтобъ и «свинцу не было изъянно»; предостерегаетъ отъ разврата, поставляя неразрывную связь между нравственною чистотою и физическимъ могуществомъ: «чистота паче щита въ бою». Настоятельно внушаетъ Посошковъ кроткое, любовное обращеніе съ простыми народомъ, потому что «солдаты ничѣмъ тако народу не мерзѣютъ, яко обидою и нахальствомъ своимъ и гордостными поступками». При этомъ Посошковъ, въ качествѣ завлекательнаго примѣра, рассказываетъ про нѣкоего солдата, который, по смиренію своего поведенія, «уподобился курицѣ», а въ бою «столь напоренъ явился, что нарывчивѣе его не было». Самое же величайшее зло, которое можетъ совершить солдатъ, — измѣна, заговоръ: «паче всего блюди себя отъ измѣны, не мози учинити заговора. Аще заговоры имѣти будеши, то будеши ты чорту барабанъ», и пр. Крайне возмущали Посошкова въ военномъ вѣдомствѣ, какъ мы видѣли, насилія офицеровъ и вообще несправедливости военнаго суда; поэтому, въ Завѣщаніи Посошковъ предлагаетъ особое разсужденіе «о офицерствѣ» (стр. 198—204), въ которомъ помѣщены правила, опредѣляющія поведеніе лицъ, начальствующихъ надъ солдатами, и правила надзора и управленія послѣдними. «Самъ никого не обижай, буди милостивъ, взятокъ велики бойся; буди къ подданнымъ яко отецъ, за злыя же дѣла буди имъ великимъ злодѣемъ: не пада ихъ наказы, накрѣпко запрети, чтобъ на квартирахъ стояли смирно» и пр.

Образцовая аккуратность и предусмотрительность Посошкова, его желаніе нарисовать самую подробную картину идеальной постановки жизни, не позволили ему обойти даже нищаго, какъ особый родъ общественнаго состоянія (205—208 стр.). «Аще, сыне мой, нападеть на тя дряхлость, не возропци на Бога, но со благодареніемъ возложи на ся суму», т. е. ступай въ нищенское житіе. И Посошковъ своими наставленіями рисуетъ типъ истиннаго нищаго. «Своя и малыя хижинны не имѣй, ризу имѣй едину, пѣнзлей не накапливай» и пр. Въ то же время Посош-

ковъ жаеаетъ искоренити тѣ недостатки, которыя компрометировали въ глазахъ его русское нищенство. «Въ прошеніи милостыни не буди докучливъ, милостыни не перехватывай» и пр. Словомъ, вся сущность наставленій сводится къ тому, чтобы 'нищій былъ «нищъ и духомъ», чтобы «Христовой нищетѣ подражатель былъ».

Послѣдняя глава Завѣщанія отеческаго — «О приказныхъ порядкахъ» (208—246 стр.) — заключаетъ въ себѣ идеаль подъячаго и направлена къ искорененію тѣхъ воиющихъ недостатковъ, которыми страдало древнерусское судопроизводство. Такими недостатками были: самоволіе подъячихъ, взяточничество, притѣсненія бѣдныхъ, волокитство въ дѣлахъ и пр. Посошковъ жаеаетъ совершенно перевоспитать русскаго подъячаго, поэтому и беретъ его съ первыхъ шаговъ служенія, — обращается къ «молодому подъячему» и внушаетъ ему серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Во главѣ всѣхъ правилъ Посошковъ поставляетъ: «живи богоугодно и вышереченнаго завѣщанія не нарушивай». Затѣмъ слѣдуютъ наставленія, касающіяся спеціально жизни и обязанностей приказнаго: «въ дѣлѣ приказномъ буди бодръ, весьма при канцеляріи будь, дома не засыпайся, приходи прежде людей, а выходи послѣди всѣхъ, живмя живи въ канцеляріи» и пр. «Аще братья твоя, подъячіе, пойдутъ гулять и забавляться, ты забавляйся работою и неподвижнымъ сидѣніемъ». Въ отношеніи къ начальникамъ Посошковъ внушаетъ глубочайшее уваженіе и безирекословную исполнительность. Въ отношеніи къ челобитчикамъ отъ молодаго подъячаго Посошковъ требуетъ постоянства, добросовѣтнаго выполненія касающихся его дѣлъ, напр. срочнаго списыванія нужныхъ бумагъ. «Буде кто тебя подарить, чтобы прилежяѣе потрудился, то и сна у себя убавь и тѣйся, чтобы не туне былъ его подарокъ». Очевидно, Посошковъ, живя во время непроходимаго взяточничества, не могъ даже представить себѣ возможность его совершеннаго искорененія. Старому подъячему, рекомендуя вообще «паче подвигнутися на благоугодныя дѣла», Посошковъ предлагаетъ убѣдительнѣйшія правила, на основаніи Священнаго Писанія, о праведномъ производствѣ дѣлъ, объ осмотрительности въ рѣшеніяхъ, «дабы ни малыя въ нихъ кастери не было». «Господа ради, бѣжи отъ неправды, бойся паче огня ее. За взятки да за поправленіе виновнаго горши всѣхъ мучень будещи» и пр. Наконецъ, Посошковъ рисуеетъ идеаль самого судіи. «Аще, сыне мой, будещи судіею, то паче можещи угодити Богу, нежели въ иномъ мірскомъ пре-

бываніи. Праведный судъ паче поста и молитвы заслужить тебѣ». Судейство представляется Посошкову столь важнымъ и отвѣтственнымъ служеніемъ, что въ разсужденіи должнаго устройства и идеальной постановки судопроизводства Посошковъ даже затрудняется сказать определенное мнѣніе. Прежде всего и болѣе всего онъ заставляеть судію, будетъ ли онъ «остръ или тупъ, помень или не помень» въ дѣлахъ, неутомчно молить Бога о дарованіи здраваго разсужденія. Съ своей стороны, Посошковъ только «для пригѣру» рѣшается предложить «по своему мнѣнію малыя статьи» въ наставленіе судѣй. Преслѣдуя вездѣ только правду и законность, Посошковъ, съ понятною силою и настойчивостію, требуетъ того и другаго отъ судіи, какъ призваннаго хранителя правды и представителя законности. Онъ старается внушить судѣй свой взглядъ на преимущественную высоту и нравственную отвѣтственность судейскаго служенія, силится привязать все вниманіе судьи къ своимъ обязанностямъ, расположить его къ строжайшей осмотрительности. «Къ тому судейскому правленію всю свою мысль приложи и ни о домѣ своемъ, ни о женѣ, ни о дѣтяхъ такого попеченія не имѣй, яко о управленіи судейскомъ. Самого себя всего презри, токмо едино твое помышленіе и попеченіе да будетъ о разсужденіи правды съ неправдою, — то тебѣ постъ, то и молитва, еже право и нелицепріятно судяти». Сообразно своему религіозному взгляду на судѣ, Посошковъ желаетъ и судебное разбирательство построить на началахъ религіи, придать ему характеръ суда Божія. Такъ, онъ рекомендуетъ прежде всего дѣйствовать на религіозныя убѣжденія подсудимыхъ, допрашивать и уговаривать отъ имени Бога: «претите прежде всего судомъ Божиимъ»; потомъ и въ раскрытіи истины въ судныхъ дѣлахъ Посошковъ совѣтуетъ устраивать нѣчто въ родѣ третейскаго суда въ присутствіи Бога. Совѣтуя судѣй «паче всего приводить всякими образы въ миръ» всѣхъ тяжущихся, «понуждать ихъ великимъ притужаніемъ къ миру», Посошковъ предлагаетъ небезъинтересныя наставленія о томъ, какъ въ преніяхъ судящихся «дошупываться самыя силы», какъ челобитчика «поводить на словахъ, напереть на него, распросить въ тонкость, въ самую дробь» и т. п. Для аккуратности и безошибочности въ дѣлахъ, Посошковъ рекомендуетъ судѣй заводить для себя памятныя книжки, въ которыхъ бы выписывать «есенцію дѣла». Въ допросахъ обязываетъ искать правды «безъ всякаго посягательства и безъ понаровки»; бѣдныхъ защищать отъ изобиды сильныхъ соперни-

ковъ; ябедниковъ, «мвогословіемъ правду заминающихъ», отнюдь не допускать; бояться взятокъ, «повеже изда и мудрому очи заслѣпляетъ», и пр. Тутъ же Посошковъ предлагаетъ подробныя правила о наказаніяхъ судебныхъ, при чемъ ясно обозначаются его личныя симпатіи. Какъ любитель правды, онъ жестоко караетъ неправду: жесвидѣтелямъ, напр., назначаетъ смерть или «знакъ», т. е. клеймо на тѣлѣ, или же совершенно беззащитное существованіе, въ всякаго законнаго покровительства; между тѣмъ, за правдивое признаніе Посошковъ обѣщаетъ всякое снисхожденіе и милосердіе. Какъ человѣкъ набожный и строгоправославный, Посошковъ особенно суровъ въ отношеніи къ преступникамъ противъ вѣры: повторяя основное положеніе еще Іосифа Волоцкаго, что еретнику уже «нѣсть покаянія», Посошковъ и требуетъ примѣнять къ нимъ нещадныя застѣнки, пытки, немедленное вершеніе, сожженіе и т. п. ¹⁾.

Русское судопроизводство, и послѣ петровскаго обновленія еще переполненное древнею неправдою, не могло ускользнуть отъ вниманія и Татищева, который, въ своей полной столкновеіи и непріятностей жизни, былъ опытно знакомъ съ нимъ — и, не смотря на свое привилегированное положеніе, на себѣ переиспыталъ всѣ его несовершенства. Сущность всѣхъ разсужденій Татищева объ исправленіи русскаго суда сводится къ тому же итогу, къ которому пришелъ и Посошковъ. Неправда, давившая «маломочныхъ, подлыхъ людшекъ», оказывается, дала себя почувствовать и могущественному дворянину; а потому и изъ подъ пера послѣдняго вылились тѣ же энергичные протесты неправосудію и задуманныя исканія правды, которые переполнили собою всѣ книги мизернаго крестьянина. Наипаче всего прилежи, завѣщаетъ Татищевъ сыну, о правосудіи; не предай немощнаго въ руки сильному; елико возможно прилежи, чтобы ни въ чемъ присягу свою не нарушить, судейской душою не торгуй, хранись предстателей, совѣтниковъ, блюдолизовъ, чтобы тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, и въ выборѣ подчиненныхъ своихъ помощниковъ прежде всего состояніе ихъ совѣсти познавай, и пр. и пр. Словомъ, безусловное соблюденіе правосудія вездѣ и во всемъ, полное предпочтенія общественныхъ интересовъ и законности собственной, личной пользѣ, отреченіе отъ взяточничества, — по мнѣнію Татищева, суть неизбѣжныя условія честной гражданской службы.

¹⁾ На томъ же наставлялъ и Стефанъ Яворскій. Камень вѣры гл. 12-я.

Мы закончили послѣдовательное обозрѣніе идеаловъ Посошкова, извлекли все наиболѣе существенное въ содержаніи его Завѣщанія отеческаго. Очевидно, идеалы Посошкова многими уже отличаются отъ домостроевскихъ; своею духовною стороною, осмысленностію, содержательностію, они возвышаются надъ прежде господствовавшими въ представленіи русскихъ людей идеалами — преимуществу внѣшняго, механическаго характера. Такимъ образомъ, идеалы Посошкова представляютъ собою уже новую стадію въ развитіи русскаго общества, опредѣляютъ наступленіе иного времени, новой эпохи въ исторіи русской жизни. Разсматриваемые же съ точки зрѣнія новаго времени, они являются, однако, настолько отсталыми, несовершенными, что далеко еще не принадлежатъ ему и не могутъ вполне характеризовать его. Они все же зиждутся на основахъ и складѣ древней жизни и, не отрѣшаясь отъ нея, только болѣе или менѣе возвышаются надъ нею. Въ нихъ такъ еще много удержано домостроевскаго, соблюдено столько стараго, традиціоннаго, допетровскаго, что въ большей своей части Завѣщаніе отеческое представляется достойнымъ перломъ древне-русской письменности, а самъ авторъ его — законнымъ сыномъ древней Россіи. Какъ въ области теоретическихъ, собственно вѣроисповѣдныхъ воззрѣній Посошкова мы видѣли постоянное смѣшеніе существеннаго съ ничтожнымъ, содержательнаго съ формальнымъ, новую тенденцію все осмыслить, объяснить, съ древне-русскою погоней за обрядомъ; такъ и здѣсь, на практической почвѣ — въ нарисованной картинѣ жизнедѣятельности христіанской, еще очевиднѣе наблюдается то же смѣшеніе новаго съ старымъ, нужнаго съ излишнимъ, отжившимъ, серьезнаго съ мелочнымъ. Для полноты картины приведемъ здѣсь еще нѣсколько образчиковъ такого смѣшенія, ради удобства нами оупущенныхъ въ своемъ мѣстѣ. Такъ напр., требуя отъ раба полной почительности къ господину, Посошковъ чуть ни на самомъ первомъ мѣстѣ повторяетъ домостроевское требованіе: «аще господинъ твой будетъ тебя съ собою кормити, не моги ты прежде его начати что ясти», не моги «лучшіе куски себѣ изъ сосуда избирати» и т. п. Приучая подъячаго къ аккуратности, на ряду съ служебными обязанностями, ставитъ равносильное требованіе — выбѣгать на встрѣчу судѣ для того только, чтобъ «недопуская его до крыльца, поклонъ ему достойный отдать», а послѣ обязываетъ «паки проводить его до саней или до коляски». Завѣщая сыну въ свободные часы читать книги, Посошковъ вполетаетъ въ это замѣчательное пред-

писаніе множество требованій относительно процесса чтенія и сбереженія книги, слишкомъ мелочныхъ: «читающе (книгу), не облокотися о ню, никаковыя вещи свѣтскія не полагай на ню, не полагай ю въ штаны, но полагай въ кафтанный карманъ, и то не вельми низокъ бы былъ» и пр. Въ изложеніи правилъ поведенія за столомъ встрѣчаются такіа напр. мелочи: «егда начнешь ясти, то не избирай въ сосудѣ лучшихъ кусковъ, да не явишися сластолюбець. Обѣдуя въ людяхъ, избирай себѣ куски изъ блюда худшіе, кусковъ отъ дальняго края не возмай, не ускори ясти прежде другихъ; егда случится сладостную ядь ясти, то не удержи ю въ устѣхъ своихъ, ради устнаго услажденія, да не сотвориши въ себѣ гортанобѣсія», и пр. и пр. Можно бы насчитать въ Завѣщаніи Посошкова и еще цѣлую массу правилъ въ томъ же тонѣ и подобнаго же разбора.

Нельзя конечно, повторимъ и здѣсь, безусловно винить Посошкова за его обрядовое направленіе, за эти чисто формальныя предписанія и ограниченія. Но его уже крайній консерватизмъ въ этомъ отношеніи, стремленіе соблюсти до мелочей всю внѣшнюю обстановку старой жизни, усилія математически опредѣлить границы обряда, все смѣрять, высчитать, безпорядочное смѣшеніе подобныхъ мелочей съ правилами важными и серьезными, наконецъ, его строгая настойчивость въ требованіи выполненія и этихъ мелочей, — все это плохо вяжется съ многими свѣтлыми и возвышенными взглядами, новыми и болѣе или менѣе смѣлыми понятіями Посошкова, все это связываетъ его Завѣщаніе съ Домостроемъ. При правильномъ взглядѣ на вещи, при осмысленіи обряда, послѣдній, однако, и самъ по себѣ сохраняетъ для Посошкова все свое обаяніе, всю свою силу и обязательность. Съ трудомъ мы находимъ только нѣсколько единичныхъ случаевъ, гдѣ Посошковъ согласился поступиться старинными обрядами, пожертвовать ими ради новыхъ условій жизни. И при этомъ въ высшей степени интересными представляются иногда усилія Посошкова помирить разныя требованія, съ одной стороны подчиниться новымъ условіямъ, а съ другой — удержать старинное обрядовое правило. Такъ напримѣръ, парики внушали Посошкову полное отвращеніе, какъ совершенная новостъ въ туалетѣ русскаго человѣка и новостъ притомъ предосудительная съ церковно-обрядовой точки зрѣнія. Между тѣмъ, они обязательно были введены «ради офицерскаго украшенія и отмыны». И вотъ Посошковъ силится найти какой-либо выходъ изъ затрудненія: не

нарушая древняго правила, выполнять новое требованіе; и онъ находить обходъ въ томъ, что совѣтуетъ своему сыну, «аще будетъ во офицерствѣ или въ сиклитствѣ», гдѣ «не можно будетъ безъ уборства главу свою имѣти, собственныя своя волосы отростити и тѣми украшатися» (Зав. от. стр. 161). Въ большинствѣ же случаевъ Посошковъ, во имя стараго церковнаго строя древне-русской жизни, рѣшительно вооружается противъ новыхъ обыкновеній, отрицаетъ все носящее характеръ новой свѣтскости. Мы уже отчасти видѣли, съ какимъ упорствомъ Посошковъ возставалъ, напр., противъ париковъ, танцевъ и т. п. «Есть бо нѣщии изъ нашего праваго христіанства, которые и въ церкви стоять въ парухахъ... А парухи горши шапки и шляпы: въ парухахъ волосы собраны отъ мертвыхъ женъ и дѣвицъ, много же и отъ скверныхъ блудницъ, и таковыхъ мертвечинныхъ и нечистыхъ блудницъ волосы православнымъ христіанамъ и внѣ церкви на главы своя возлагати не весьма годствуеть» и пр. Танцы тоже представляются Посошкову дѣломъ крайне предосудительнымъ и богомерзкимъ, дѣломъ, по его убѣжденію, творимымъ ради угожденія діаволу (Зав. от. стр. 150, 97). Такъ и слышится въ подобныхъ внушеніяхъ Посошкова голосъ древнѣйшаго русскаго начетчика-аскета, съ тою только несущественною разницею, что послѣдній и выражался еще гораздо опредѣленнѣе. Невольно просятся на сравненіе запрещенія Посошкова съ рѣчами нашихъ древнихъ сборниковъ: «идѣ же сопѣли и гусли, и пѣсни сатанинскія», гласитъ напр. одинъ изъ такихъ, «ту бѣсове собираются, ту омраченіе души и пагуба... плесаніе всѣхъ играній проклятѣе есть: многовертимое плесаніе отлучаетъ чловѣка отъ Бога и во дно ада ведетъ плясущихъ»¹⁾ и пр. и пр. — Словомъ, какъ догматическія, религіозныя воззрѣнія Посошкова, мы видѣли, изобличаютъ въ немъ чловѣка не установившагося, чловѣка тронутаго новымъ временемъ, но еще не очищеннаго вполне; такъ и жизненные идеалы его, не принадлежа безусловно ни старому, ни новому періоду, характеризуютъ во всѣхъ подробностяхъ переходное время, историческій моментъ выхода Россіи изъ ея замкнутаго существованія и исключительно церковно-обрядоваго склада жизни къ жизни сознательной, цивилизованной, къ жизни, какъ опредѣляетъ ее Посошковъ, свѣтской.

¹⁾ Измарагдъ, ркп. Соловецкой библ. № 270 л. 9 об. и 19 об.

Въ своемъ Завѣщаніи отеческомъ Посожковъ перебралъ всѣ общественныя сословія, разсмотрѣлъ всѣ общественныя состоянія, онъ не забылъ нарисовать идеальныя черты даже нищаго. И въ такой-то въ высшей степени подробной и предусмотрительной картинѣ жизнедѣятельности христіанской тѣмъ съ большею очевидностію обозначается существенный и слишкомъ явный пробѣлъ: мы не находимъ здѣсь никакого особаго разсужденія о духовенствѣ. Трудно повѣрить, чтобы этотъ ревнитель православія и благоговѣйный читатель духовнаго чина опустилъ безъ вниманія именно это сословіе «друговъ и наперсниковъ Божіихъ, у престола Его и нынѣ съ плотию стоящихъ». Такая несообразность уже сама по себѣ даетъ намъ право съ вѣроятностію предполагать существованіе другой, распространенной редакціи Завѣщанія отеческаго, съ особою главою о духовенствѣ; а свидѣтельства самого Посожкова въ другихъ его сочиненіяхъ возводятъ эту вѣроятность на степень несомнѣнной истины. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи — Книгѣ о скудности и богатствѣ — Посожковъ, разсуждая объ обязанностяхъ духовенства и о должномъ прохожденіи пресвитерскаго служенія, между прочимъ, говоритъ: «аще книга отеческаго завѣщанія принята и печатана будетъ, то надлежитъ готовящемуся во пресвитерство ее читать, понеже тамо положено, какъ пресвитеру духовенство свое вести и како монаху жить и какъ, въ архимандритахъ будучи, братію пасти, какъ себя вести и что подобаетъ архіерею творити» и пр. Далѣе Посожковъ говоритъ также: «я сына своего поостерегъ, написалъ ему въ томъ же завѣщаніи», какъ испытывать ставлениковъ, «аще случится ему быть во архіерействѣ. Въ томъ моемъ завѣщаніи написахъ всякое пресвитерское дѣло, какъ что ему управляти» и пр. (Соч. Пос. т. I, стр. 18—20). Во всякомъ случаѣ, мелкіе отрывки и выраженія, касательно духовенства, разсѣянные, такъ сказать, между строкъ и во всѣхъ главахъ

Завѣщанія, Посошковъ не могъ же считать обстоятельнымъ описаніемъ «всякаго пресвитерскаго дѣла». Нѣтъ сомнѣнія, что въ Завѣщаніи дѣйствительно представлено было Посошковымъ особое подробное описаніе пастырскихъ обязанностей; существовала, слѣдовательно, полная редакція Завѣщанія, намъ не сохранившаяся, съ главою о духовенствѣ¹⁾. Нельзя особенно не пожалѣть объ утратѣ именно этой главы, которая для насъ обѣщала наибольшій интересъ, сообразно важности и нѣкоторой исключительности самаго ея предмета. Сдѣлаемъ, однако, попытку, при помощи имѣющихся, хотя и отрывочныхъ, данныхъ, воспроизвести взглядъ Посошкова на духовенство, на основаніи болѣе или менѣе бѣглыхъ замѣчаній Завѣщанія и другихъ сочиненій Посошкова о духовенствѣ, — возстановить идеаль Посошковскаго пастыря. Между прочимъ, въ полной редакціи Зеркала очевиднаго мы находимъ особую большую главу «О пресвитерахъ и о власти, данной имъ отъ Бога». Глава эта, написанная въ полемическомъ тонѣ, съ цѣлію оправдать православный догматъ священства отъ заблужденій безпоповщинской сѣкты, въ то же время представляетъ собою довольно подробное раскрытіе православнаго ученія о сущности и важности служенія пастырскаго вообще. Изъ нея, поэтому, можно не мало извлечь и общихъ положеній, пригодныхъ нашей цѣли.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ обнаруживается истинный представитель окрѣпшаго въ древней Россіи уваженія къ духовенству,

¹⁾ Быть можетъ потеря главы о духовенствѣ зависѣла отъ переписчика, за-
 благоразсудившаго почему либо выпустить ее въ своемъ спискѣ, который и
 сохранился намъ. Но всего вѣроятнѣе, это былъ одинъ изъ фоліантовъ Завѣ-
 щанія, принадлежащій перу самого Посошкова, который часто переписывалъ
 свои сочиненія, притомъ иногда измѣняя и самый составъ ихъ. Такъ, по его
 собственному признанію, онъ переписывалъ нѣсколько разъ Книгу о скудости
 и богатствѣ. Тоже было и съ Зеркаломъ, которое Посошковъ переписывалъ
 нѣсколько разъ и въ различномъ объемѣ. Исслѣдователи сочиненій Посошкова
 оспаривали другъ друга въ вопросѣ о времени написанія Зеркала: Подгодинъ
 указалъ на 1708 г., Брикнеръ — на 1706; съ своей стороны, и мы имѣемъ не-
 сомнѣнное доказательство въ пользу написанія его въ болѣе позднюю пору,
 по крайней мѣрѣ не ранее 1712 г., потому что въ нашей рукописи Посошковъ
 пишетъ: «въ прошломъ 711 году»... (л. 190). Дѣло объясняется, кажется, очень
 просто: Посошковъ неоднократно переписывалъ Зерцало, допуская измѣненія
 и въ составѣ его содержанія. Тоже въ данномъ случаѣ имѣемъ полное право
 предполагать и относительно Завѣщанія

является искренним чителем духовнаго чина, отзываясь о немъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннимъ благоговѣніемъ. По его мнѣнію, это—должны быть самые просвѣщенные, самые возвышенные представители человѣчества въ его настоящемъ положеніи, которые особенно велики силою божественной благодати и нравственнаго полномочія, сообщаемыхъ имъ въ посвященіи,—своею близостію къ Богу, поддерживаемою постояннымъ предстоаніемъ престолу Вышняго въ богослуженіи. Словомъ, это — посредники между Богомъ и человѣкомъ, посредствующая ступень, связующая два міра, неизбѣжные проводники всякаго православнаго христіанина отъ жизни земной въ обѣтованное царство благодати. Само собою разумѣется, что всѣ другія сословія казались Посошкову ничтожными въ сравненіи съ такимъ высокимъ, святымъ служеніемъ, какъ пастырство, а потому и весьма послѣдовательно онъ поступилъ, поставивъ всѣ безъ исключенія человѣческія обязанности и сословія въ соподчиненное положеніе къ служенію духовенства. «Нѣсть на свѣтѣ величайши чина священническаго, понеже образъ Христовъ въ себѣ имуть, и Самъ Богъ его возвеличи и власть имъ дарова тую-жъ, кую Самъ имаше, рече-бо: имъ же грѣхи отпустите...». — такъ начинается Посошковъ въ Зерцалѣ главу о пресвитерахъ (л. 51 об.). То же многократно повторяетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ: «священство — столпъ и утвержденіе человѣческому спасенію; безъ него никаковыми мѣрами до царства небснаго человѣку дойти невозможно. Всю власть нашего спасенія Господь вручилъ пастырямъ нашимъ и ключи Царства небснаго имъ же вручилъ» (I, 3, Зав. от. 66 стр.). Такимъ образомъ, Самъ «Богъ почтилъ ихъ высокою, неудобозимѣрною честию. Всѣ мірстїи сановники предъ пресвитеры низки суть» и пр. Поэтому, первая обязанность каждаго вѣрующаго почитать и уважать своихъ пастырей, «яко апостоловъ Христовыхъ». «Велію честию подобаетъ священниковъ чтити, отъ мірскихъ чиновачальниковъ отмѣнно, паче роднаго отца: яко бо душа честиѣ плоти, такъ и отецъ духовный плотскаго честиѣ» и пр.¹⁾ Также и въ житейскихъ столкновеніяхъ, — не моги, наиримѣръ повторять Посошковъ домостроевское правило, сѣсти выше пресвитера или діакона, питай ихъ пищею лучшею, въ церкви съ почитеніемъ ста-

¹⁾ Взглядъ чисто святоотеческій и составилъ у Посошкова подъ несомнѣннымъ влияніемъ отеческихъ твореній.

новись повади ихъ, совершающему же богослуженіе пресвятеру твоя поклонъ какъ образу Божию и пр. (Зав. от. 62, 78, 107, 129). Съ почтеніемъ должно соединяться полное повиновеніе, послушаніе пресвятеру: «повинуйся предъ нимъ яко рабъ и прекословенъ предъ нимъ не буди, во всемъ предъ нимъ рабствуй. Подобаеть ихъ почитати и во всемъ услуговати, всегда бытъ имъ рабами. И ты, чадо мое», обращается Посошковъ къ сыну, «яко Божія, тако и отца духовнаго заповѣданія держи» (Зерц. оч. л. 64 об.; Зав. от. стр. 65...). Изъ уваженія къ духовенству, міряне должны воздерживаться отъ всякихъ осужденій и нареканій на духовенство, — эту мысль Посошковъ настоятельно проводить въ полемикѣ съ раскольниками. «Страшно есть на освященный чинъ посягати и ихъ поряцати, понеже они вѣтницы Бога и все наше спасеніе заключи Богъ во устѣхъ ихъ. Не наше дѣло пресвитеровъ судити, — есть у нихъ Судія» и пр. (Зерц. оч. л. 54, 57 и др.).

Таковъ взглядъ Посошкова на духовенство и таковы должны быть, по его мнѣнію, отношенія пасомыхъ къ пастырямъ. Взглядъ, опять повторимъ, чисто древне-русскій, высказанный, какъ мы отчасти и видѣли, въ другихъ завѣщаніяхъ¹⁾, воспитанный историческою жизнію Россіи и громадною ролью, которую искони играло въ общественной жизни русское духовенство. Но принимая во вниманіе все сказанное Посошковымъ о духовенствѣ, нельзя не замѣтить и въ этомъ случаѣ существенной разницы егдъ завѣщанія сравнительно съ прежними. Именно, проповѣдуя, вслѣдъ за другими, полную неприкосновенность пресвитерскаго чина, онъ первый же въ нѣкоторомъ отношеніи нарушаетъ это правило и, вопреки своимъ предшественникамъ, дерзаетъ изобличать невѣжество и нравственные недостатки въ современномъ ему духовенствѣ (напр. Соч. Пос. I, 3, 9, 10, 308 и др.) Не говоря пока о нравственномъ значеніи этого ноступка, замѣтимъ, что упреки, высказанные Посошковымъ духовенству, были вполнѣ основательны, справедливы: духовенство, въ тогдашнемъ его состояніи, дѣйствительно, могло возбудить и возбуждало только соблазнъ въ народѣ, ставило въ опасность православіе. Рѣзкая сатира была необходима и въ высшей степени полезна. И вотъ, простой мірянинъ, воспитанный на Домостроѣ, своимъ словомъ обличенія, первый рѣшается переступить тотъ волшебный кругъ, въ которомъ издавна русское духо-

¹⁾ Напр. Духовная Вл. Мон. стр. 18; Домострой стр. 6, 5, 20, 115.

венство изолировано было отъ всякихъ, со стороны благочестивныхъ сыновъ Домостроя, упрековъ¹⁾. Какъ бы то ни было, во всякомъ разѣ, это новый шагъ, шагъ въ лучшему, шагъ впередъ. А что видимое несогласіе Посошкова съ собою не есть дѣйствительное противорѣчіе, это видно изъ того, что онъ вездѣ и всегда отдѣлялъ самое служеніе пастырское отъ его исполнителей, которые, по въ высшей степени разумному мнѣнію Посошкова, «какъ люди», никогда не были застрахованы отъ пороковъ и недостатковъ, и съ этой стороны могутъ всегда заслуживать укора, при совершеннѣйшей чистотѣ и святости живущаго въ нихъ дара. Посошковъ прямо даже обличаетъ тѣхъ, которые въ своемъ представленіи сливаютъ то и другое до нераздѣльности, которые, повтому, вообще «священный чинъ снижаютъ за убожество и безнужество духовныхъ: то оны» — говорить Посошковъ о такихъ лицахъ — «отъ незнанія своего ихъ священнической чести и отъ безумія своего чинять» (Зав. от. 63 стр.). На основаніи этого разграниченія, Посошковъ и требуетъ вездѣ почета и уваженія пресвитеру не какъ человѣку, а главнымъ образомъ, если не исключительно, какъ пресвитеру, какъ носителю преимущественныхъ благодатныхъ дарованій и священныхъ полномочій. «Аще кій пресвитеръ и унѣтца, яко простодюдинъ (—это одна сторона), не моги его не почтити, онъ бо есть слуга Бога Вышняго (—это другая сторона, и она требуетъ уваженія): аще онъ и пьянъ, обаче данный ему отъ Бога даръ непьянъ». На всѣхъ пресвитерахъ одинаково «почиваетъ благодать святаго Духа; благословеніемъ ихъ дѣйствуетъ Духъ Святый — како высокоученымъ, тако и неученымъ, яко трезвымъ, тако и пьянымъ» и пр. (Зав. от. 64, 113; Зерц. оч. л. 58). Наконецъ, нужно замѣтить, что и Посошковъ, побуждаемый правдолюбіемъ и искреннимъ желаніемъ добра, рѣшился указать недостатки духовенства съ опасеніемъ, оговорками, «не безъ страха въ сіе дѣло великое вступилъ», но его признанію. «Не постави, Господи Боже, моего словесе во осужденіе, еже дерзнулъ поносителю на пастырей своихъ писати»; и если онъ рѣшился обличать, то «не ради укорины чина пресвитерскаго, не въ понось», а ради пользы, «да негли

¹⁾ При этомъ мы, разумѣется, не беремъ въ расчетъ Стоглава, въ которомъ недостатки тогдашняго духовенства были признаны и заявлены избраннымъ представителями земли русской, поставленными, такъ сказать, въ юридическую необходимость необинуясь заявить о насущныхъ нуждахъ и недостаткахъ въ государствѣ.

изъ сего моего изъявленія Богъ изроститъ нѣкое исправленіе. Богъ о безѣ свидѣтель, что не руганія ради написалъ ея, но ради исправленія» (Соч. Пос. I, стр. 10, 25; Зерц. оч. л. 60).

Гораздо труднѣе, при отсутствіи въ сочиненіяхъ Посошкова непосредственнаго обращенія къ духовенству, опредѣлить взглядъ Посошкова на обязанности самого пастыря. На основаніи нѣкоторыхъ отрывочныхъ замѣтокъ, можно, впрочемъ, отмѣтить только существенныя качества и обязанности, входящія въ идеалъ посошковскаго пастыря. Поставляя нравственное растлѣніе общества и явленіе раскола въ зависимость отъ безопасности и невѣжества духовенства, Посошковъ прежде всего жагаетъ надлежащаго воспитанія, подготовленности отъ пастырей¹⁾ и вмѣняетъ имъ въ обязанность наученіе въ вѣрѣ, нравственное и даже умственное руководство своей паствы. Въ посланіи къ Стефану Яворскому Посошковъ рисуеъ жалкое положеніе русскаго народа, оставленнаго безъ всякихъ просвѣтительныхъ средствъ, лишеннаго «отъ настоятелей своихъ всякаго исправленія духовнаго и ученія духовности, потому что и сами они ничего не разумѣютъ». «Вашей святости», обращается Посошковъ съ просьбою къ названному святителю, «вельми нужно потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное благочиніе управлять, какъ намъ Бога знать, какъ иконы почитать, какъ душеполезно жить. Я шню, что и на Москвѣ развѣ сотый человекъ знаетъ, что есть вѣра, кто есть Богъ». Говоря далѣе объ изданіи новаго требника, Посошковъ совѣтуетъ «вмѣстить» въ него особыя статьи въ руководство пастырю при исповѣданіи пасомыхъ и вообще при «наученіи и правоученіи». «Пастыремъ бо надобно о паствѣ пещися, дабы всѣ праведно жили». И не только самихъ пасомыхъ учить вѣрѣ, а увѣщавать ихъ, чтобъ они «и дѣтей своихъ юныхъ всякому благонравію научали, во страхѣ Божіи возвращали» (т. I, стр. 308..., 22). Очевидно, всѣ высказанныя требованія отъ духовенства соединяются въ одну пастырскую обязанность проповѣди, и Посошковъ высказываетъ свой сличкомъ высокой взглядъ на важность и необходимость этого средства христіанскаго просвѣщенія. Напримѣръ, онъ завѣщаетъ своему сыну: «егда пресвитеръ начнетъ читати поученіе, то паче молитвы своей внемли читаемымъ глаголамъ и памятуй незабытно; аще

1) Въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, какъ мы видѣли, Посошковъ предлагаетъ подробную программу воспитанія и испытанія кандидатовъ священства.

и вся Писанія вѣдаши и законъ христіанскій добрѣ разумѣши, не отвращайся отъ поученія» и пр. (Зав. от. 134 стр.). — Наконецъ, находимъ у Посошкова правила касательно внѣшняго благоповеденія и приличія духовныхъ. «Пресвитеру подобаетъ быть всегда трезву и слово имѣть ко всякому человѣку умиленное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое... Священному чину подобаетъ имѣть чистоту во всемъ, яко въ тѣлѣ, тако и въ душѣ, подобно и въ одеждѣ, и во всякомъ своемъ житейскомъ несправленіи, чтобы житіемъ и одеждою были отчуждены отъ простолудивовъ: шапка была бы съ бобромъ, сапоги низкіе, лаптей бы не носили» и пр. (т. I, 30, 31; Пр. о школахъ л. 6). Безъ сомнѣнія, слишкомъ высокъ былъ этотъ идеалъ пастыря для своего времени, когда ни въ чемъ безъ исключенія «попы неотчуждены были отъ простыхъ мужиковъ», когда, при полнѣйшемъ невѣжествѣ и нравственной бѣдности, духовные и по внѣшнему виду своему способны были возбуждать только отвращеніе къ себѣ, потому что не только по улицамъ ходили, а и у престола Божія стояли «въ гнусныхъ, раздранныхъ кафтанахъ и въ лаптахъ, растоптанныхъ и въ калѣ обваленныхъ».

Въ своемъ рѣшеніи критически отнестись къ современному духовенству и откровенно заявить объ его вопіющихъ недостаткахъ, Посошковъ является человѣкомъ уже новаго времени, полежившимъ, притомъ, начало обличительному направленію на недостатки церковной жизни и въ свѣтской литературѣ. Часто и скоро послѣ Посошкова стали повторяться жалобы на недостатки духовенства въ новой русской литературѣ. Ломоносовъ, при своемъ высокомъ взглядѣ на пастырское служеніе въ принципѣ, какъ на существенное условіе «благосостоянія и возвышенія народнаго», свидѣтельствовалъ однако, что «у насъ попы первые пьяницы», что «грамотѣ многіе изъ нихъ столько же знаютъ, сколько батракъ или коровница» у нѣмцевъ. Вообще Ломоносовъ слишкомъ презрительно относился къ современному духовенству и часто незаслуженно оскорблялъ его. Напр., въ обычай крестить дѣтей въ холодной водѣ онъ усматривалъ низкое корыстолюбіе поповъ, которые «желаютъ послѣ родинъ, крестинъ, вскорѣ и похоронъ»¹⁾. Въ письмѣ «О пользѣ стекла» Ломоносовъ сравниваетъ упорство русскаго духовенства съ обскурантною дѣятельностію языческихъ жрецовъ, «боявшихся, какъ бы при распространеніи просвѣ-

¹⁾ Записки «О сохр. и размнож. російскаго народа».

щенія не обнаружилось, что аглицевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно». Въ «гимнѣ борода» Ломоносовъ также рѣзко осмѣиваетъ нашихъ «жрецовъ», которые, наряду со всѣми защитниками ложныхъ мѣній, прикрываютъ свое полнѣйшее невѣжество бороною¹⁾ и пр. Кантемиръ также постоянно глумится надъ всѣмъ духовнымъ сословіемъ, не разбирая, насколько оно виновно въ своемъ невѣествѣ. Обвиняя духовенство въ низкомъ своекорыстіи, почитая его распространителемъ суевѣрій въ народѣ (напр. въ сатирѣ «на стояніе свѣта сего»), Кантемиръ никогда не упускаетъ случая посмѣяться надъ пьянымъ попомъ, невѣственнымъ церковникомъ, безмозглымъ чернецомъ и т. п. Татищевъ, въ Духовной своей, обращая вниманіе сына, какъ помѣщика, на духовенство, какъ средство къ «благоденственному и мирному житію» и избѣжанію злодѣяній въ жизни крестьянъ, въ то же время яркими красками дополняетъ картину неудовлетворительности современнаго духовенства, состоящаго изъ «невѣждъ, лѣнивыхъ, неученыхъ, пьяницъ», которые съ крестьянами братались, имъ мирволили, а объ своихъ обязанностяхъ ни мало не заботились (Тат. и его вр. 227 стр.).

Въ своихъ запросахъ отъ духовенства образованности, просвѣщенія, въ своихъ настойчивыхъ требованіяхъ отъ священниковъ неуклоннаго, ревностнаго исполненія пастырской обязанности учительства, Посошковъ является сознательнымъ, убѣжденнымъ сторонникомъ тѣхъ просвѣдительныхъ идей, которыя легли въ основу всѣхъ мѣропріятій Петра В. относительно духовенства и которыя слышались отъ всѣхъ передовыхъ людей новаго времени. Ломоносовъ, напр., тоже, не ограничивая обязанностей духовенства одною молитвою, поставлялъ имъ требованіе «обучать страху Божию и честнымъ нравамъ». «Главное дѣло», говорилъ онъ, «въ томъ состоитъ, что вездѣ, гдѣ только есть церковь, должны попы и причетники учить грамотѣ»²⁾ и пр. Татищевъ внушалъ также своему сыну особенную заботливость найти «попа ученаго, который бы своимъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ велъ». Нельзя при этомъ не замѣтить, что Татищевъ, какъ и Посошковъ, въ своихъ разсужденіяхъ о духовествѣ посматрѣлъ на дѣло гораздо серьезнѣе, глубже, нежели Ломоносовъ, а тѣмъ болѣе Кантемиръ. Отмѣчая недостатки въ положеніи тогдашняго духовенства, Татищевъ указалъ и

¹⁾ Библиогр. зап. 1859 г. стр. 461.

²⁾ Лѣтон. рус. литер. Тихонова т. IV, стр. 197.

причины неудовлетворительности этого положенія; заявляя справедливыя требованія отъ духовенства, онъ въ то же время озаботился порекомендовать и нѣкоторыя практическія мѣры къ возвышенію самого духовенства, къ восстановленію его нравственнаго авторитета. Совершенно согласно съ Посошковымъ, и Татищевъ усматривалъ причину упадка духовенства въ его крайней бѣдности, матеріальной необеспеченности, въ его вынужденной привязанности къ пашнѣ и сѣнокосу. Поэтому, Татищевъ ставитъ первымъ условіемъ возвышенія и облагороженія духовенства освобожденіе его отъ «крайней въ деньгахъ нужды»; обезпеченіе его «безбѣднымъ денежнымъ пропитаніемъ». Желая съ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня въ духовенствѣ восстановить и вышнее благоприличіе въ послѣднемъ, Татищевъ требовалъ совершеннаго удаленія духовенства отъ черной работы, «что ихъ сану совѣшь неприлично» и чтобы «навозомъ отъ нихъ не пахло» (стр. 226).

Въ заключеніе нашего разбора сочиненій Посошкова вообще и знакомства съ идеальными его возрѣніями въ частности, считаемъ нужнымъ остановиться на особенно замѣчательныхъ, по своей гуманности, разумности и новизнѣ, мысляхъ Посошкова о воспитаніи и о женщинѣ. Такіе вопросы, какъ о воспитаніи и о женщинѣ, въ исторической жизни народа, съ точки зрѣнія социологіи, признаются вопросами первой величины. По крайней мѣрѣ признано за несомнѣнный фактъ, что первоначальное воспитаніе и вліяніе женщины имѣютъ громадное значеніе въ жизни народа, служатъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слагается тотъ или другой нравственный типъ народа, его характерныя черты и особенности. Въ высшей степени неудовлетворительная постановка воспитанія и положенія женщины въ древней Россіи, безъ сомнѣнія, оказала свое сильнѣйшее вліяніе въ упорномъ, продолжительномъ невѣжествѣ народа, въ его нравственной несостоятельности. Посошковъ своими сочиненіями даетъ намъ поводъ обратить вниманіе на состояніе воспитанія и положенія женщины въ до-петровской Россіи. Историческая цѣнность мыслей Посошкова въ данномъ случаѣ обуславливается уже важностію предмета; сочиненія его, разсматриваемыя съ этой стороны и въ связи съ другими памятниками древне-русской письменности и историческими обстоятельствами, представляютъ любопытнѣйшую

картину постепеннаго развитія сознанія въ русскомъ обществѣ, — постепенное освобожденіе отъ узкости взглядовъ старины и приближеніе къ гуманнымъ идеаламъ новаго времени.

Русскій человѣкъ, взятый въ первобытную эпоху его историческаго существованія, повидимому, не имѣлъ совершенно и понятія объ искусствѣ воспитанія и обученія; оно отождествлялось съ обязанностію родителей выкармливать дѣтей и совершенно сливалось и исчерпывалось обязанностію выкармливать именно христіанъ. Такой высоко-гуманный для своего времени человѣкъ, какъ князь Владиміръ Мономахъ, рисуя программу жизни для своихъ дѣтей, кромѣ общихъ нравственныхъ наставленій и одиноко стоящаго выраженія: «чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой умѣлъ говорить на пяти языкахъ: въ томъ честь отъ чужихъ» (Духовная стр. 26), ничего не говоритъ такого, что мы привыкли соединять съ понятіями воспитанія, обученія. Въ Домостроѣ мы находимъ уже спеціальныя разсужденія — «како дѣтей своихъ воспитати, како дѣти учити» (главы XV и XVII). Но и тутъ исключительно говорится только объ ученіи страху Божію, вѣжеству, благочинію, руководѣлю и о средствахъ къ достиженію этой цѣли, т. е. о «неослабномъ, учащенномъ» практикованіи жезла, ранъ, казненія, реброкрушенія и т. п. При такомъ отсутствіи въ идеалахъ передовыхъ людей даже мысли о нуждѣ научнаго образованія и систематически-правильнаго воспитанія, напрасно бы мы стали искать его въ жизни. «Царевичей учать грамотѣ и писать, а инымъ языкамъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россіи не бываетъ... Въ думѣ бояре молчать, брады устава, потому и грамотѣ не учены... Въ своемъ государствѣ русскіе люди наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, въ иныя же государства для науки дѣтей своихъ не посылаютъ», — такъ рѣзко, но справедливо отозвался о состояніи русскаго просвѣщенія Котошихинъ (о Россіи... стр. 14, 19, 41). Великій русскій политикъ Крѣжаничъ также сѣтовалъ на «неумѣтельность» ни къ чему русскаго народа, «потому — объясняетъ онъ это явленіе — тушы разумъ, кониѣ треба есть бруса и поостренія, т. е. поученія, ибо и ариметикѣ ся не учать наши люди. По правдѣ Руссы должны себя звать варварами, потому что не желаютъ наукъ, остаются въ невнаніи, простотѣ, грубости» (Рус. госуд. I, 13, 42, 120, 159). Но напрасно этотъ свѣжій, образованный человѣкъ взывалъ къ русскому народу: «треба намъ учиться, треба добывать мудрости, треба учиться языка

греческаго, латинскаго, философіи, политики, чисельницы, звѣздочетья (I, 108, 110, 321; II, 176 и др.): само правительство стояло на запрещеніи перенимать какіе бы то ни было заморскіе извѣщанія.

Совершенно другой оборотъ получаетъ вопросъ о воспитаніи при Петрѣ. Великій преобразователь русскаго царства прежде всего обратилъ вниманіе на воспитаніе и далъ первый толчекъ долго потомъ занимавшимъ русскую мысль педагогическимъ идеямъ. Преслѣдуя завѣтную свою цѣль — создать политическое могущественное тѣло Россіи, и сознавая полнѣйшее, всестороннее превосходство своихъ внѣшнихъ враговъ, достигнутое путемъ просвѣщенія, Петръ настойчиво и поспѣшно началъ цивилизовать Россію. Утилитарная цѣль, естественно, сообщила таковой же характеръ всему образованію: наука цѣнилась настолько, насколько она приносила прямую пользу, насколько она дѣлала искуснаго воина, хорошаго моряка, годнаго писца и т. п. Но народъ болѣе чѣмъ прежде сталъ сторониться науки; не съ подозрѣніемъ только, а въ большей своей части съ прямымъ уже презрѣніемъ посмотрѣлъ на нее. Не понимая вполнѣ намѣреній преобразователя, простой народъ имѣлъ и нѣкоторыя дѣйствительныя причины отвернуться отъ этого односторонняго образованія, вызваннаго цѣлями государственными, часто не совпадавшими съ видимымъ благомъ народа и выгодами различныхъ сословій. Наиболѣе основательнымъ побужденіемъ уклоняться отъ заморской науки послужили учителя-иностранцы, — это, только необходимостію вызванное и вслѣдствіе рѣшительнаго отсутствія въ Россіи способныхъ, подготовленныхъ людей допущенное, самое темное пятно петровскаго образованія. Не пользуясь до Петра благосклоннымъ пріемомъ на Руси, гдѣ сомнѣвались въ универсальныхъ ихъ способностяхъ и по своему расправлялись за шарлатанство, иностранцы теперь толпами бросились въ Россію на призывъ Петра. Искатели приключеній спѣшили воспользоваться трудами и глупостію русскаго народа, являлись въ качествѣ хозяевъ къ темнымъ работникамъ. При помощи всяческихъ средствъ, забравъ въ свои руки видныя мѣста и монополіи, иностранцы систематически грабили народъ, сдѣлались самыми жестокими бичами русскої самостоятельности, свободы и независимости ¹⁾. Все русское они старались клеймить именемъ варвар-

¹⁾ Столкновенія Ломоносова съ академиками служатъ яснымъ тому доказательствомъ.

ства, потому что чрезъ это пріобрѣтали вѣсь и кредитъ они сами, выигрывали право на степень нашихъ учителей, руководителей. Отталкивая отъ себя народъ своимъ высомѣріемъ, иноземные учителя въ то же время владѣли слишкомъ ограниченными образовательными средствами. При усилившейся страсти щеголять пустотой легкаго, поверхностнаго образованія, у насъ явились цѣлыя полчища такъ справедливо осмѣянныхъ Фонвизиннымъ вральмановъ-учителей и гувернеровъ-лакеевъ, портныхъ и т. п. Такіе педагоги, естественно, могли только уродовать, а не образовывать¹⁾. Все это, въ связи съ религіозною особенностію, возбуждало въ русскомъ человѣкѣ рѣшительное отвращеніе къ иностранцамъ-учителямъ. И совершенно понятными представляются отзывы простыхъ русскихъ людей о вредѣ заморскаго ученія, объ иноземцахъ, какъ отступникахъ отъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, какъ развратникахъ истины. Народъ отвергалъ отъ себя эту чуждую науку; онъ съ несравненно большею охотою велъ своихъ дѣтей къ грамотникамъ, начетчикамъ и мастерамъ, отдавалъ ихъ «въ науку» читать по Часослову и Псалтыри. Тутъ русскій человѣкъ не ждалъ отъ сына какихъ нибудь практическихъ познаній, но увѣренъ былъ по крайней мѣрѣ, что душа его не будетъ извращена, онъ останется въ той же общинѣ, въ которой выросъ, не станетъ презирать священныя права народа и глумиться надъ всѣмъ русскимъ, — а это были самыя явныя и слишкомъ обыкновенныя на первыхъ порахъ слѣдствія заморскаго образованія.

Воспитанникъ Домостроя и исконный патриотъ, Посошковъ не могъ, разумѣется, освободиться отъ домостройныхъ, древне-русскихъ началъ и взглядовъ на воспитаніе; съ другой стороны, онъ не могъ безусловно довѣриться новому образованію, убѣдиться въ непогрѣшимости иноземной цивилизаціи. Со свойственнымъ ему благоразуміемъ, тактичностію, По-

1) Въ самомъ дѣлѣ, чему напр. можно было научиться у нѣкоего Глюка, судя по его программѣ, или «приглашенію къ російскимъ ювошамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глины»? (Наука и Литер. при Петрѣ. Пекарскій стр. 129—131). Волотовъ жаловался на «бѣдное и весьма-весьма недостаточное» ученіе у французовъ-учителей, которые, если что и знали, то «не умѣли по русски ничего растолковать», большею же частію «не учили, а мучили дѣтей, сущими пустяками и бездѣлницами время проводя» (Мемуары. От. Зап. 1850 г. кн. 5, стр. 31). Извѣстная княгиня уже екатерининскаго времени — Дашкова жаловалась на пустоту заморскаго ученія, такъ какъ «для наученія разума ничего не дѣлали». (Записки кн. Дашковой. Москвит. 1841 г. № 1, стр. 100).

поскомъ и въ данномъ случаѣ усвоилъ лучшія стороны древне-русскаго и новаго научнаго воспитанія, отвергая крайности и злоупотребленія того и другаго, явился, такимъ образомъ, представителемъ средняго, возможно-лучшаго направленія въ современной педагогіи. Въ его педагогическихъ идеалахъ мы находимъ слишкомъ много домостроевскаго, но за то, съ другой стороны, находимъ и слишкомъ много новаго, чуждаго Домострою. Первое и самое существенное, что Посошковъ постарался усвоить и удержать изъ древне-русскаго воспитанія, — это, дѣйствительно, высоко-прекрасное свойство послѣдняго: его строго-религіозный характеръ ¹⁾. Все воспитаніе и образованіе человѣка, съ первыхъ признаковъ пробужденія мыслительности въ ребенкѣ, Посошковъ подчиняетъ контролю религіи и наполняетъ преимущественно религіознымъ содержаніемъ. Сильно вооружаясь противъ исключительной «свѣтскости» нѣмецкаго воспитанія, онъ, въ своемъ стремленіи сохранить вездѣ религіозный характеръ воспитанія, даже въ обученіи искусству говоренія, доходитъ до оригинальности, высказываетъ съ обычною прямою такія замѣчанія, которыя невольно поражаютъ теперь своею странностію, предлагаетъ наставленія, по своему ригоризму не возвышающіяся надъ Домостроемъ. Довольно подробную программу первоначальнаго воспитанія дѣтей Посошковъ излагаетъ въ Завѣщаніи отеческомъ, и здѣсь-то преимущественно настаиваетъ на участіи въ этомъ дѣлѣ религіознаго элемента. «Духовному чину надлежитъ пешихся, дабы отцы и матери дѣтей своихъ учили страху Божію и всякому благонравію». Подъ этимъ верховнымъ надзоромъ церкви, въ лицѣ духовенства, въ воспитаніи должно соблюдать извѣстныя предосторожности и правила. Сущность всѣхъ этихъ правилъ сводится къ тому, чтобы съ самаго неразумнаго дѣтства жизнь христіанина получала религіозное направленіе и построилась въ строго-церковномъ духѣ. Еще только «егда чадо начнетъ языкомъ своимъ нѣмотовати», Посошковъ обязываетъ «Божіе имя ему натверживати и страхъ Божій въ него

1) Религіозный элементъ въ воспитаніи былъ всецѣло удержанъ и Петромъ В. Въ наказѣ воспитателямъ царевича Алексѣя Петровича Петръ въ первой же статьѣ поименовалъ «Законъ Божій», какъ предметъ особенной важности, «поже истинный страхъ Божій начало есть всея премудрости», и на него велѣно обратить вниманіе «паче всѣхъ вещей при возвращеніи царевича». Между прочимъ царевичу предписывалось каждодневное чтеніе св. Писанія. (Дѣян. П. В. Голикова, т. 3-й, стр. 97—106).

вкореняти». «Не учи чада (начинающаго говорить) и тому, еже бы тебя звалъ тятю, а матеръ — мамою, но самое ваше начальнѣйшее ученіе да будетъ: Богъ на небѣ — и, руку его взявъ, указуй на небо» и пр. Посошковъ придаетъ такое важное значеніе дѣлу первоначальнаго воспитанія дитяти и съ такою серьезностію настаиваетъ на необходимости проведенія строжайшихъ религіозно-нравственныхъ началъ въ воспитаніи, что даже напр. въ такомъ, собственно говоря, еще безразличноиъ поведеніи родителей, когда «отецъ учитъ мать бранити и кушши ей казати, а матери насупротивно учатъ отца бранити, бити и за бороду драти», видитъ уже «вѣчную погибель» ребенка. Въ предотвращеніе этой опасности Посошковъ и даетъ подробныя наставленія относительно обращенія съ дѣтми, диктуетъ даже отеческія наставленія ребенку, придавая высокую степень важности и будучи безусловно увѣренъ въ спасительности такихъ требованій, обращенныхъ къ ребенку, какъ напр.: «не бранися, не дерися: Богъ съ неба смотритъ; языка не выставляй: Богъ за то тебя убьетъ» и т. п. Заботясь прежде всего о водруженіи страха Божія въ дѣтяхъ, Посошковъ, какъ самъ носитель свѣтлой, чисто христіанской религіозности, въ то же время требуетъ воспитывать и любовь къ Богу, — «чтобы они Бога любили». Съ ранней же молодости Посошковъ требуетъ внушать дѣтямъ навыки къ исполненію религіозныхъ обязанностей: «образамъ святымъ учите дѣтей кланяться: глаголите имъ, указуя на образы: сей образъ Божій, а сей — Богородицынъ... и ты кланяйся имъ». Проповѣдуя, какъ мы видѣли, и взрослымъ часто не особенно возвышенную, узко практическую мораль, Посошковъ и ребенку при всякомъ удобномъ случаѣ втолковываетъ эту зависимость благоденствія человѣка отъ религіозно-нравственныхъ подвиговъ съ его стороны, нерасторжимую связь добрыхъ дѣлъ съ воздаяніемъ за нихъ отъ Бога. Такъ напр., въ данномъ разѣ Посошковъ хочетъ расположить ребенка «кланяться Богу» общавами, что Богъ, «видя поклоненіе, дастъ того или того много».

Вмѣстѣ съ религіознымъ воспитаніемъ должно соединяться нравственное. Въ этомъ отношеніи Посошковъ, согласно установившимся въ древней Россіи на это дѣло воззрѣніямъ, отдаетъ полнѣйшее предпочтеніе спартанскому характеру воспитанія. Совершенно отчаяваясь въ благонадежности и нравственной пригодности человѣка, возвращеннаго «въ ласканіи и во всякой потачкѣ и въ нѣгѣ», Посошковъ уже младенца ве-

дѣтъ воспитывать «въ наказаніи», чтобъ «золъ не былъ. Младенецъ еще въ юности научится злу, то уже добрымъ человѣкомъ не будетъ; а кой человѣкъ въ наказаніи возрастетъ, той всегда добрый человѣкъ будетъ». Сваливая вину недостатковъ вообще всего русскаго — «ненавазаннаго народа» на «людей начальствующихъ», Посошковъ въ частности и за дѣтей полную отвѣтственность возлагаетъ на родителей. Поэтому-то онъ и внушаетъ своему сыну особенную строгость въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, поэтому-то онъ и настаиваетъ на необходимости стариннаго приѣма и метода воспитанія, по которому понятіе воспитанія отождествлялось съ понятіемъ наказанія и даже самыя слова эти стали синонимическими. «Ты, сыне мой, въ великомъ наказаніи чадъ своихъ имѣй и страху Божию, смиренію и прочимъ добродѣтелямъ учи ихъ прилежно, наказуй нещадно. Если же возрастите въ ласканіи и во всякой потачкѣ и въ нѣгѣ, то въ томъ пути не будетъ: либо пьяница будетъ, либо озорникъ, либо самый воръ... Всякое бо зло и безумство родится отъ родительской потачки». Поэтому, «ни малня имъ воли не давай, изъ очей своихъ на малъ часъ не выпускай; крѣпко держи, еже бы никакого дѣла своимъ изволомъ, безъ вашего вѣдѣнія не дѣлали, но все бы житіе ихъ и дѣла были по вашей волѣ». Даже и послѣ, «егда отдаси сына во училище, вмѣсто себя приставь къ нему приставника вѣрнаго, старика или старуху». Съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ припоминая требованіе, заявленное еще «древними святыми — бить дѣтей своихъ нещадно», Посошковъ и самъ, велѣдъ за Домостроемъ, рекомендуетъ въ качествѣ воспитательныхъ мѣръ тѣлесныя наказанія. Но если еще и мы не избѣжали учебныхъ экзекуцій, то тѣмъ болѣе нельзя ставить въ укоръ подобныхъ предписаній Посошкову, во времена котораго «всякое поученіе тростию чинилось», когда спеціальнымъ назначеніемъ палки полагалось «вчиненіе наученія». А съ другой стороны, строго-то говоря, едва ли и можно оспаривать Посошкова въ этой предложенной имъ спартавской теоріи воспитанія. Представляется слишкомъ вѣроятнымъ, что въ его время, при отсутствіи еще какихъ либо цивилизаціонныхъ основъ въ жизни русскаго народа, единственно *страхъ* Бога и родителей могъ предохранять подростящее поколѣніе отъ нравственной и соціальной искалѣченности; не мудрено, что «нѣга, потачка и ласканіе» являлись дѣйствительно разрушительными элементами въ воспитаніи, что «играніе губило» дѣтей и что только гроза и розга гарантировали доброкачествен-

ность питомцевъ... Въ обращеніи съ дѣтьми Посошковъ требуетъ отъ родителей такой строгости, чтобъ «и взгляду вашего боялись»; въ болѣе же важныхъ случаяхъ, напр. за какіе либо проступки, совѣтуетъ и «ребра сокрушить, безъ всякаго милосердія наказать».

Здѣсь же, т. е. въ дѣтскомъ воспитаніи, Посошковъ полагаетъ начало тѣхъ аскетическихъ правилъ поведенія, которыми онъ желалъ бы опутать жизнь и взрослого христіанина. Внутренній ревнивый надзоръ, чтобы ребенокъ «никогда празденъ не былъ и дней бы своихъ не терялъ даромъ», Посошковъ нераздѣльно съ этимъ связываетъ и другое требованіе: «и при томъ порядкѣ обучай его нужду всякую терпѣти. Въ мягкія одѣянія не облачай, даждь платье самое расхожее и грубое, дабы онъ навикалъ терпѣнію; пищами сладостными не весьма питай, но обучай къ яденію суровыхъ ядей» и пр. Особенно предостерегаетъ Посошковъ юношество «отъ пьянственнаго питья; а наипаче не пускай заморскихъ питій пити, понеже ты здравію человѣческому вредительны, а царскому богатству истощительны». Вооружаясь противъ бездѣлья и пустыхъ, «перебивочныхъ разговоровъ», Посошковъ стремится воспитать изъ ребенка человѣка дѣловаго, серьезнаго, сосредоточеннаго по его душевной настроенности; а по внѣшнему виду онъ желаетъ такъ поставить своего питомца, чтобы на него никто, а тѣмъ болѣе женщины — «и взорить не восхотѣли». «За шутки съ дѣвками», наказываетъ Посошковъ своему сыну-воспитателю, «ты ребра ему сокруши, безъ всякаго милосердія накажи его, дабы впредь ни мало къ нимъ не приближался». Впрочемъ, правила, подобныя послѣднему, выходили изъ-подъ пера Посошкова не потому, чтобы онъ былъ рѣшительный гонитель женщинъ и въ принципѣ вооружался противъ общенія съ ними, а единственно изъ-за опасеній за чистоту юной души ребенка.

Гораздо интереснѣе правила Посошкова о шеольномъ, научномъ образованіи. Въ этомъ случаѣ Посошковъ выходитъ уже изъ круга домохозяйныхъ понятій и становится пионеромъ новой педагогіи, человѣкомъ новаго времени, сознавшимъ новыя потребности жизни и новыя обязанности человѣка. Несмотря на то, что самъ Посошковъ лишенъ былъ всякаго научнаго образованія, онъ вполне сознавалъ не только полезность, но совершенную необходимость науки и отводилъ для нея поле, быть можетъ, даже болѣе обширное, чѣмъ самъ преобразователь Россіи. Посошковъ стремился ко всеобщему ученію, къ общенародной грамот-

ности, не исключая и своего родового сословія — простыхъ поселянъ. Подобная мысль, предупредившая усилія нашего времени, была въ высшей степени замѣчательна и смѣла для той поры, когда и въ избранныхъ представителяхъ русской націи, въ духовенствѣ и боярахъ, вся сумма учености въ большинствѣ случаевъ не достигала искусства писать и граничила съ полною безграмотностію. Самъ Посошковъ, очевидно, сознавалъ, что русскій народъ не возросъ еще до сознательнаго уваженія науки и потому совѣтовалъ на первыхъ порахъ употребить даже насиліе. «Я чаю, нехудо учинить крѣпкое опредѣленіе, чтобъ и въ малыхъ деревняхъ безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ», подъ опасеніемъ «какого ни есть страхованія» (Соч. Пос. т. I, стр. 176; Зерц. оч. л. 132). Мало того, Посошковъ желаетъ просвѣтить ученіемъ даже Мордву, «закона неимущую, дней незнающую», т. е. племя полудикое и самое низкое, по представленію Посошкова: «нехудо и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить, хотя бы и *насильно*». Но особенное вниманіе, какъ мы знаемъ изъ разбора Книги о скудости и богатствѣ, Посошковъ обратилъ на духовенство. Вполнѣ сознавая разрушительныя послѣдствія невѣжества въ духовенствѣ, Посошковъ въ своихъ сочиненіяхъ и даже черезъ особыя посланія старается вызвать дѣятельность власти на поднятіе умственнаго уровня въ духовенствѣ. Если своими наступательными требованіями въ данномъ случаѣ Посошковъ повторяетъ и ранѣе его раздавшійся голосъ, напр. Стоглава, о необходимости просвѣщенія въ русскомъ духовенствѣ, то, съ своей стороны, Посошковъ заходитъ гораздо далѣе. Онъ не останавливается на образованіи только духовенства, а въ этомъ видитъ только начало дѣла, первый шагъ, не столько цѣль, сколько средство къ просвѣщенію всего русскаго народа, видитъ только необходимое условіе къ тому, чтобы «во всемъ народѣ возсіялъ свѣтъ благоразумія» (I, 22). Поэтому, не достигнувъ еще перваго пункта своихъ желаній — образованія духовенства, Посошковъ обращается уже къ будущимъ ученымъ пасырямъ и говоритъ имъ объ обязанности учить весь народъ, указываетъ, такимъ образомъ, конечную цѣль желаемаго школьнаго ученія. Замѣчательно при этомъ, что, стремясь искренно къ народному просвѣщенію, Посошковъ намѣренно какъ бы лавируетъ, старается совершенно не упомянуть объ учителяхъ-иноземцахъ, наполнившихъ Русь и назойливо предлагавшихъ свои просвѣтительныя услуги. Хотя Посошковъ и не высказывается

ясно, но очевидно, что и здѣсь имъ руководило полное сомнѣніе въ ихъ полезности и пригодности, недовольство ихъ поведеніемъ въ Россіи и опасенія за чистоту православной вѣры. Такое великое дѣло, какъ воспитаніе народа, Посошковъ желаетъ поручить никому другому, какъ только духовенству, даже соглашаясь при этомъ, по необходимости, ждать воспитанія и надлежащаго образованія самого духовенства. Священники должны убѣдить своихъ пасомыхъ отдать «дѣтей въ наученье», они же, или хотя дьячки, и должны быть первыми педагогами народа (т. I, стр. 22, 175).

Программа ученія, предлагаемая Посошковымъ, сравнительно весьма широка. Посошковъ не довольствуется изученіемъ только религіозныхъ предметовъ, доселѣ составлявшихъ для русскаго человѣка исключительную область доступнаго и безукоризненнаго знанія, но рекомендуетъ изученіе и свѣтскихъ наукъ, приписывая нѣкоторымъ высокую степень важности и образовательнаго значенія, напр. грамматикѣ (I, 11 и 12 стр.; II, стр. 300). «Паче же грамматическаго ученія потребно книжное разумѣніе, священныхъ писаній толкованіе». Кромѣ того, Посошковъ совѣтуетъ «украшаться книжнымъ ученіемъ риторскимъ и философскимъ разумомъ», совѣтуетъ изученіе грамматики словенской, выкладки цифирной, художеству какому нибудь, особенно рисованію; также рекомендуетъ изученіе языковъ латинскаго, греческаго, польскаго и пр. Въ свободное отъ занятій время Посошковъ совѣтуетъ «неборзостное, съ прилежнымъ вниманіемъ» чтеніе книгъ и притомъ книгъ не только духовныхъ, но и гражданскихъ, «бытейскихъ», даже иностранныхъ, напр. польскихъ, но въ послѣднемъ случаѣ требуетъ строгой осмотрительности, чтобы «не обрѣсти книги на развратъ благочестивыя нашея вѣры, или какому грѣху приводящія: ты весьма отъ себя отрѣвай, дабы благочестіе не погубити, еретикомъ бы не быть» (Зав. от. стр. 170, 8; Соч. Пос. I, 15).

Не ограничиваясь болѣе или менѣе отрывочными замѣчаніями въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ о настоятельной необходимости ученія, его программѣ, средствахъ и границахъ, Посошковъ принялъ на себя трудъ составить цѣлый специальный проектъ о школахъ, который онъ, какъ человѣкъ «присутствія къ власти не имѣющій», и предлагалъ на разсмотрѣніе «архіерею Божию», т. е., вѣроятно, Стефану Яворскому. Проектъ этотъ хранится въ рукописи Академіи Наукъ,

№ 102, подъ заглавіемъ: «*Посошкова проектъ о школахъ*». Въ началѣ есть приписка: «*списана изъ книгъ бывшаго при Синодѣ оберъ-секретаря Леванидова 1756 года, мая 18 дня*». Заканчивается сочиненіе подписью автора: «*писавый сіе убогій земледѣлецъ, московскій уроженецъ, Иванъ Посошковъ*».

Это небольшое сочиненіе представляется на нашъ взглядъ слишкомъ замѣчательнымъ и важнымъ, такъ какъ оно цѣликомъ наполнено мыслями, такъ сказать, предвосхищенными у великаго цивилизатора земли русской. Сказавши о необходимости образованія и изобличивши при этомъ удобномъ случаѣ невѣжество русскаго духовенства, въ которомъ «вина погибели» многихъ, Посошковъ высказываетъ свой въ высшей степени замѣчательный для того времени взглядъ на великое дѣло народнаго просвѣщенія. По его мнѣнію, просвѣщеніе умственное, образованіе школьное, также необходимы для человѣка и столь же полезны для него, какъ просвѣщеніе истинною Христіанскою вѣрою. Заслугу Петра Великаго, цивилизовавшаго Россію, онъ готовъ приравнять заслугѣ Великаго князя Владиміра, озарившаго Русь свѣтомъ истиннаго боговѣдѣнія: «отъ своего простоумія такъ дознаваюся, писалъ Посошковъ, яко за ученіе школьное не меньшія мзды пріяти (достойнъ Петръ В.) просвѣтившаго Россію святымъ крещеніемъ». Подобная мысль говоритъ сама за себя; она одна ставитъ Посошкова сыномъ новаго вѣка, человѣкомъ новаго времени. Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія старообрядческой партіи, до-петровской Россіи, такая великая мысль, столь просвѣщенный взглядъ былъ сугубо ересью. Далѣе Посошковъ останавливается въ своемъ проектѣ на средствахъ ученія и здѣсь подробно говоритъ о необходимости составленія прежде всего подробной грамматики, съ изложеніемъ ученія о падежахъ, склоненіяхъ и пр., даже о декламации и способахъ произношенія «гласномъ или тихостномъ, кроткомъ». Между прочимъ Посошковъ обнаруживаетъ и въ этой области свободное, трезвое отношеніе къ предметамъ, изъ-за неприкосновенности которыхъ умирали древне-русскіе люди: онъ предупредилъ реформу Петра въ русской графикѣ и въ принципѣ рѣшилъ уже необходимость измѣненія славянской азбуки для русскаго употребленія. «Нехудо-бъ и письменъ азбучныхъ пополнить, понеже азбука есть не евангельское слово, не отъ Бога она составлена. А вѣмъ намъ зримо, что есть много лишнихъ письменъ, а многихъ нужныхъ, нашему

языку російскому свойственныхъ, и не положено. Въ латинской, польской и въ нѣмецкой 24 литеры, а всякую рѣчь безъ измѣненія могутъ писать, а въ нашей азбукѣ 45 письменъ, а темноту такую писаніе содержитъ, яко мнози рѣчи пишутся измѣненіемъ противъ глаголанія настоящаго, а иныхъ реченій и написать тѣми нашими письмены не возможно». Наконецъ Посошковъ переходитъ къ главному предмету сочиненія и подробно говоритъ о должномъ устройствѣ и правильной организаціи школьнаго дѣла. Отиѣтимъ здѣсь нѣкоторыя изъ тѣхъ его мыслей, которыя, въ то время принадлежа къ идеальной области желаемаго, теперь, въ нашихъ глазахъ, являются какъ-бы сбывшимися въ большей ихъ части пророчествами. «Для російскія славы, наипаче ради духовной пользы, довелось бы въ Россіи соорудить академію великую всѣхъ наукъ. И въ царствующемъ градѣ Москвѣ соорудить бы академію великую патриаршу. Также же бы и въ городахъ, во всѣхъ епархіяхъ построить училища. Нехудо бы грамматическія школы построить и во обителяхъ, а у Троицы, въ Сергіевѣ монастырѣ, можно быть и цѣлой академіи. Нехудо бы тѣхъ, кто нижній разумъ имѣетъ въ себѣ и на степени возводитъ». Проектируя набирать «приставниковъ въ школы изъ иноковъ или изъ церковныхъ причетниковъ», что касается собственно учителей, Посошковъ рекомендуетъ, — «буде въ Греціи и въ иныхъ православныхъ странахъ самыхъ высокоученыхъ людей не обряцется, — по нуждѣ, хотя и изъ люторскія вѣры учителей достать».

Говори объ отношеніи Посошкова къ наукѣ, мы пользуемся случаемъ для полноты и точности картины — сказать, что есть не мало въ сочиненіяхъ Посошкова мѣстъ, которыя съ перваго взгляда представляются стоящими въ противорѣчій съ его общими просвѣтительными воззрѣніями, мѣстъ, повидимому, свидѣтельствующихъ, что онъ далеко не всегда и всецѣло держался на высотѣ своихъ гуманныхъ идей. Проповѣдуя высокое значеніе, правъ и силу науки для человѣка, Посошковъ въ то же время шелъ, повидимому, въ разрѣзъ съ современною наукою, самъ упорствовалъ иногда въ старыхъ, уже отвергнутыхъ наукою воззрѣніяхъ. Такъ напр., нельзя обойти молчаніемъ одного, не столько, впрочемъ, въ существѣ дѣла важнаго, сколько оригинальнаго, рѣзкаго въ сочиненіяхъ Посошкова факта — его воззрѣній космографическихъ. Посошковъ въ этомъ случаѣ стоитъ рѣшительнымъ сторонникомъ старыхъ понятій о центральности земли и яркимъ антагонистомъ новой, ширившейся въ Европѣ

и проявившей въ Россію системы Коперника. Порицая и оспаривая «проклятаго Коперника, Богу суперника», Посошковъ съ своей точки зрѣнія силится доказать, что солнце поставлено Богомъ «на тверди небесной, а не въ центрѣ всего свѣта». Ставши разъ на ложную дорогу, Посошковъ пускается въ изобрѣтенія разныхъ казуистическихъ доказательствъ своей теоріи. Такъ напр., однимъ изъ полновѣснѣйшихъ аргументовъ, окончательно поражающихъ систему Коперника, для Посошкова является тотъ, что не могъ же самъ «Господь Богъ, во время бытія Его на земли, кѣждо день со землею солнцу служить». Усматривая, такимъ образомъ, въ этомъ ученіи «опакое превращеніе всѣхъ законовъ Божіихъ» и уличая по этому поводу Коперника въ «безуміи отъ высокоумія», Посошковъ переноситъ его вину даже и вообще на всѣхъ лютеранъ и не безъ раздраженія порицаетъ ихъ за то, что они «не хотятъ тѣмъ лжесоставникамъ словесе воспретительнаго изрещи» (Зав. от. стр. 156, 157). — Отмѣчая этотъ фактъ въ сочиненіяхъ Посошкова, мы однако не имѣемъ, кажется, ни малѣйшаго права винить въ томъ Посошкова и упрекать его изъ-за этого въ обскурантизмъ. Несомнѣнно, со стороны Посошкова это былъ грѣхъ невѣдѣнія, а потому и нельзя придавать ему особенно серьезнаго значенія. Если даже и въ наше время не рѣдкость еще люди, склонные болѣе недовѣрчиво изумляться системою Коперника, нежели придавать ей вѣроятіе, то во время Посошкова она и повсе не имѣла правъ гражданства. Извѣстно, что самъ Тредьяковскій, справедливо хвалившійся своимъ образованіемъ, доносилъ на своего соперника, Сумарокова, Синоду, что въ одной одѣ у него говорится «о дѣйствительномъ множествѣ міровъ и о безконечности пространства». Просвѣщенный святитель — Стефанъ Яворскій въ данномъ случаѣ тоже остался ученымъ старовѣромъ: открытіе Коперника, заподозрѣнное церковію въ противорѣчій съ словомъ Божіимъ, отвергалось и имъ, какъ заблужденіе¹⁾. Можно ли, наконецъ, винить Посошкова въ этой его ошибкѣ, когда даже самъ великій Ломоносовъ не былъ свободенъ отъ неменѣе грубыхъ и непростительныхъ ошибокъ, утверждая напр., что «затмѣніе причиняетъ падежи скота и повѣтрія на людей²⁾?!

Несравненно болѣе рѣзкимъ и замѣтнымъ диссонансомъ съ взглядами Посошкова на науку звучатъ его тоже общія разсужденія о такъ на-

¹⁾ Пропов. Ст. Яв. т. III стр. 193.

²⁾ Соч. Лом. т. I стр. 647.

званной имъ «вѣтренной премудрости». Эта вѣтреная премудрость, подъ которою Посошковъ разумѣетъ, повидимому, совокупность свѣтскихъ наукъ и вообще область не-религіознаго знанія, трактуется постоянно имъ какъ какое-то злое начало, вмѣсто пользы приносящее явный вредъ человѣку. Въ прямую зависимость отъ вѣтренной премудрости Посошковъ поставляетъ развитіе и усиленіе всѣхъ ересей, отъ нея производитъ и вообще духъ противленія Евангелію. Это странное въ устахъ Посошкова убѣжденіе настойчиво повторяется въ его полемическихъ сочиненіяхъ. Признавая за лютеранами всеоружіе такой именно мудрости, Посошковъ въ этомъ и видитъ причину еретичества: «Лютеране паче всѣхъ живущихъ на земли себя вмѣняють мудрыми быти, *того ради* вся древняя преданія и отвергоша отъ себя». Какъ люди мудрые, они «отреклись отъ Апостоловъ, *неучившихся философіи, и избрали себѣ философа* Мартина». Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ не безъ гордости и свидѣтельствуеетъ, что большинство русскаго народа не приобщилось этой опасной мудрости, а потому и стоитъ твердо въ православіи: «мы люди немудрые, вѣтренной мудрости не учились и *того ради* святому Евангелію противитися не можемъ, но еже въ немъ написано, тому и вѣримъ». «Мы, во православіи сущіи, вѣтренной премудрости не учились и *того ради* святому Евангелію и святыхъ Апостолъ писанію вѣримъ и вся преданія ихъ тако твердо держимъ, аще бы и ангель, сошедъ съ небесе, сталъ насъ инако учить, не послушаемъ его» (Зерц. оч. л. 206 об., 220 об., 202 об.). Всѣ подобныя рѣчи Посошкова объясняются, однако, весьма просто, онѣ не стоятъ ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ общими взглядами Посошкова на науку и съ его настоятельными запросами на нее. Дѣло въ томъ, что Посошковъ существенно различалъ истинную ученость отъ легкаго, поверхностнаго отношенія къ наукѣ, серьезное научное образованіе отъ легкомысленнаго усваиванія верхушекъ науки и модныхъ мнѣній; и относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ настоящей, солидной наукѣ, Посошковъ справедливо порицалъ развившійся въ то время по западной Европѣ и проникавшій въ Россію этотъ, такъ сказать, пустоцвѣтъ научный. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ высказанная теорія Посошкова не есть плодъ обскурантизма, не результатъ древне-русской замкнутости, отчужденія отъ науки и слѣпаго предубѣжденія противъ нея, а скорѣе наоборотъ — плодъ свѣтлаго, разумнаго пониманія истиннаго значенія и силы настоящей науки. Теорія эта, безъ сомнѣнія, основана была

прямо на дѣйствительной жизни, она выработана была Посошковымъ подѣ свѣжими впечатлѣніями дѣйствительности, когда, по интересному свидѣтельству Посошкова, большинство новыхъ русскихъ людей, «кои только маленько губъ своихъ помазали книгочтеніемъ», увлеклись въ вольнодумство, заражались моднымъ либерализмомъ, еретичествомъ (Пр. о школахъ л. 8). Виноватъ, такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не Посошковъ, а тѣ осмѣянные всѣми здравомыслящими современниками пионеры новой русской образованности, которые такъ плохо рекомендовали въ глазахъ русскаго народа свою заморскую ученость, новонабранную ими именно «вѣтрѣнную» мудрость.

Теперь познакомимся съ взглядами Посошкова на женщину. — Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка въ сферѣ общественныхъ отношеній обоихъ половъ и соціального положенія женщины, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ русской жизни, произошли весьма важныя, существенныя измѣненія и преобразованія. Эти измѣненія, въ ихъ лучшей, болѣе разумной и чуждой крайностей части, отразились въ идеалахъ и нашего Посошкова. Правда, у него нѣтъ цѣльныхъ спеціальныхъ разсужденій на эту тему, но и встрѣчающіяся отрывочно мысли, по ихъ новизнѣ и гуманности, сравнительно съ старыми домостроями, въ высшей степени замѣчательны. Но чтобы опять яснѣе была историко-логическая послѣдовательность развитія новыхъ воззрѣній на женщину, возникшихъ въ XVIII вѣкѣ, мы должны и здѣсь напередъ взять въ соображеніе предшествовавшія историко-традиціонныя воззрѣнія.

Въ первобытныя времена господства грубой физической силы, понятія о женщинѣ проникнуты были грубыми, животно-эгоистическими чувствами. Какъ существо болѣе слабое, женщина естественно стала въ соподчиненное отношеніе къ мужчинѣ, потому что не могла съ нимъ соперничать въ силѣ, а слѣдовательно и въ уваженіи. Такія именно понятія о женщинѣ отразились въ «Русской правдѣ», гдѣ было ограничено чело-вѣческое достоинство женщины и жизнь ея оцѣнена вдвое ниже жизни мужчины (только полвиры, между тѣмъ какъ за мужчину цѣлая вира). Впрочемъ это не было еще временемъ окончательнаго порабощенія женщины, потому что не всегда еще она ступеньвалась предъ мужчиной и физическою своею силою: въ русскихъ былинахъ мы видимъ величавые

образы героинь, обладающих могучею силою и мощным нравственнымъ характеромъ. Посредствомъ этихъ свойствъ, женщина приобрѣтала часто уваженіе. Владиміръ Мономахъ, хотя и не велитъ дѣтямъ своимъ «давать надъ собою власть женамъ», все-таки завѣщаетъ любить ихъ (Духовная стр. 25). Въ худшему измѣнилось положеніе русской женщины во время татарщины. Сосѣдство и гнетъ дикаго народа разлагающимъ образомъ дѣйствовали на семейный бытъ народа. Татары развили деспотическія наклонности въ русскомъ человѣкѣ вообще и способствовали развитію варварства и жестокости въ отношеніи къ женщинамъ въ частности. На помощь практиковавшимся уже крутымъ мѣрамъ въ отношеніи къ женщинамъ явились теперь и теоретическія разсужденія, болѣе и болѣе унижавшія женщину. При сильномъ развитіи аскетическаго направленія на Русь, составила цѣлая литература изъ поученій¹⁾ о злыхъ женахъ, гдѣ собраны были тысячелѣтнія изреченія мудрецовъ и примѣры библейской исторіи, являющія женщину въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ этихъ поученій составилъ и въ Домостроѣ общій идеалъ жены, какъ существа совершенно безличнаго, лишеннаго всякой самостоятельности, безпрекословной рабыни своего мужа-повелителя, отъ плетокъ и произвола котораго совершенно не гарантировалось ея человѣческое достоинство. Конечно, эти книжные разсказы, поученія, идеалы, имѣли свой вѣсъ и долю вліянія на самую жизнь. Даже Ботошихинъ не былъ свободенъ отъ предубѣжденія, что вообще женщины «природнымъ разумомъ простоваты». О положеніи же русской женщины онъ сообщаетъ такія свѣдѣнія: «царевны (не имѣющія права выходить замужъ ни за Русскаго, какъ холопа, ни за иностранца) живутъ, яко пустынницы, въ молитвѣ, въ постѣ пребываютъ, лица свои слезами омываютъ»¹⁾. «Бояре дочерей своихъ не указываютъ никому, и живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ». Выборъ для дочери жениха исключительно опредѣлялся волею родителей: «дочери о томъ и не скажутъ, и любится невѣста только по приданому». Наконецъ, при самомъ же вѣнчаніи «протопопъ поучаетъ новобрачныхъ, какъ имъ жити: женѣ быти у мужа въ послушествѣ, мужу поучати ее слегка жезломъ» (О Россіи...

¹⁾ Побуждаемый человѣколюбивыми чувствами, уже Крижаничъ проектировалъ устранить это ограниченіе относительно браковъ царевенъ. Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I, 322; II, 273.

стр. 12, 119, 120, 8). Радикальную переѣну въ судьбѣ русской женщины произвелъ петровскій переворотъ. Русскіе, отправленные за границу, увидѣли женщину въ обществѣ, во всемъ блескѣ ея красоты, и съ изумленіемъ извѣщали соотечественниковъ, какъ о «превеликой диковинкѣ», о томъ, что «женскій народъ тамъ зѣло благообразенъ, политиченъ, свободенъ, веселится на гуляньяхъ»¹⁾ и пр. Открыты были и у насъ ассамблеи, и русская женщина изъ своего теремнаго заключенія постепенно входила въ общество въ блескѣ европейской наружности. «Жены», говоритъ Щербатовъ, «до того не чувствовавшія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣянiями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи», такъ что «желаніе быть прiятной» стало слишкомъ властно «дѣйствовать надъ чувствами женъ»²⁾. А напыщенные русскіе кавалеры, по словамъ Новикова, теперь уже «всѣ кричали: вотъ чудесное произведеніе природы, вотъ совершенное ея твореніе» и пр. и пр.³⁾

Столь діаметральная переѣна въ судьбѣ русской женщины касалась на первыхъ порахъ, разумѣется, только высшихъ сословій, и новые порядки не могли, конечно, помутить сразу старшій домостроевскій бытъ народной массы. Тѣмъ не менѣе, и въ средѣ простаго народа выдѣлялись уже личности, которыя приблизились къ новымъ понятіямъ и, не отдаваясь безусловно новому влеченію жизни, значительно возвысились надъ Домостроемъ, усвоили себѣ болѣе гуманныя, идеальныя воззрѣнія на женщину. Таковъ нашъ Посошковъ. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ, какъ мы сказали, особыхъ разсужденій о женщинѣ и нѣтъ даже ни одного обращенія къ нимъ; но за то Посошковъ предлагаетъ сыну подробныя правила о выборѣ невѣсты и объ отношеніяхъ мужа къ женѣ. И этихъ правилъ совершенно достаточно для того, чтобы видѣть человѣчный и въ высшей степени нравственный взглядъ Посошкова на женщину, какъ на существо равное мужчинѣ, заслуживающее полного уваженія отъ мужа. Только предостерегая отроковъ отъ разврата, Посошковъ требуетъ удаленія отъ женщинъ и высказываетъ, очевидно, общезвѣстныя въ ту пору сентенціи: «дѣвицъ блюди, ни въ чемъ съ ними не сообщайся, бесѣды съ ними надишъ не имѣй» и пр. (Зав. от. стр. 12). Такія требо-

1) Наука и Литер. при П. В. Пекарскій, т. I, стр. 148.

2) О поврежд. правовъ. Рус. Стар. 1870 г. т. II стр. 16.

3) «Живописецъ» 1774 г. стр. 20 (изд. Ефремова).

ванія, какъ мы уже выше и имѣли случай объяснять, сложились у Посошкова несомнѣнно вслѣдствіе представленія опасности разврата, какъ грѣха особенно «мерзкаго и ненавистнаго», а также, вѣроятно, и подѣ влияніемъ нравственной небезупречности тогдашнихъ столкновеній мужчины съ женщиной. Вообще же Посошковъ является положительнымъ противникомъ прежде господствовавшихъ воззрѣній на женщину, какъ источникъ грѣха. Старинное правило, гласящее, что невѣста любила по приданому, рѣшительно отвергается Посошковымъ: считая жену такимъ же человѣкомъ, совершенно равнымъ мужу, Посошковъ и при выборѣ ея требуетъ искать тѣхъ человѣческихъ свойствъ въ ней, которыя онъ желаетъ видѣть и въ мужчинѣ. Посошковъ совѣтуетъ искать равной даже по внѣшнему положенію въ свѣтѣ. Что касается богатства, приданнаго, то, какъ набрасывающее иногда тѣнь на нравственные достоинства человѣка, какъ поводъ и средство къ развращенію, оно является для Посошкова не только необходимымъ, но даже въ нѣкоторомъ родѣ препятствіемъ при выборѣ невѣсты. «Егда начнеши искать невѣсту, то не ищи невѣсты честиѣ себя, наипаче же богатня бѣжи, да никогда, недостатка ради твоего, поносишь будещи отъ нея; но ищи себѣ равныя, или паче — низшія себя, понеже честна жена мужемъ, а не мужъ женою. Ты не богатства, не чести ищи въ невѣстѣ, но ищи смиренія и разума, наипаче жъ ищи въ ней страха Божія» (Зав. от. стр. 21). Полагая, такимъ образомъ, существеннымъ въ женщинѣ ея нравственные, человѣческія достоинства, Посошковъ слишкомъ легко отзывается о внѣшней красотѣ женщины, что составляло исключительный предметъ восхищенія женщиною для ново-цивилизованнаго русскаго общества. «Еще тебѣ, сыне мой, сказую и завѣщаваю: егда невѣсту будещи избирати, то красоты преизлишнія не ищи... Аще же искать будещи красоты духовныя: смиренія, страха Божія, — и по той духовной и тѣлесную красоту получиши, то воля Божія тако ти соизволила, не опасайся пояти ю, аще и вельми будетъ прекрасна» (стр. 22). При самомъ уже выборѣ невѣсты Посошковъ требуетъ отъ мужчины полного къ ней уваженія и, вооружаясь противъ всякаго насилія, поставяетъ условіемъ брака добровольное согласіе невѣсты: «въ сватаніи своемъ не спѣши, но первѣе о невѣстѣ испытай, какова она есть... и буде явится ти нравна, то и себя ей покажи и освѣдомься подлинно, еже ты ей понравился ли, и егда подлинно увѣси, еже ты ей понравился, тогда и

дѣло начинай. То добро и свято, еже бы оба изъ воли и изъ любви сошлись. И егда сватаніе начнется, такого безумія не моги учинити, еже бы ти невѣсть двухъ или трехъ во единыя времена смотрити, понеже дѣвица такой же человекъ, яко и ты, а не лошадь» (стр. 23 и 22). А вотъ каковы должны быть, по Посошкову, отношенія мужа къ женѣ въ ихъ «брачноиъ, мірскомъ житіи»: «не моги, чадо мое, и близь себя допустить самоумничества, но во всякомъ дѣлѣ, не токмо духовномъ или во гражданскомъ, но и въ домовомъ правленіи употребляй совѣта помощницы своея. Безъ совѣта безъ женяго ничего не твори, она дана тебѣ не ради порабощенія, но ради помощи. Аще кто будетъ жену ничтожить и претворять въ рабій образъ, той будетъ Богу противно чинити» и пр. (стр. 70).

Итакъ, у Посошкова со всею очевидностію выступаетъ уже новый взглядъ на женщину, неизмѣримо болѣе человекный, гуманный, существенно возвышающійся надъ тѣмъ низменнымъ уровнемъ домостроевскихъ воззрѣній, по которымъ древне-русская женщина трактовалась существомъ низшимъ мужчины, существомъ, которое можно было приобретать черезъ супружество въ качествѣ жены, но съ которымъ позволительно было обращаться такъ же безцеремонно, какъ, по удачному сравненію Посошкова, съ лошадью. Сравненіе Завѣщанія Посошкова съ Духовною Татищева въ вопросѣ о женщинѣ еще болѣе усиливаетъ благопріятное впечатлѣніе, производимое Посошковымъ. Замѣчательно, что онъ не только ни на іоту не отсталъ отъ своего несравненно болѣе счастливаго, образованнаго, слишкомъ либеральнаго прогрессиста-современника, а серьезностію своихъ взглядовъ часто даже возвысился надъ барски-щепетильными требованіями послѣдняго. Въ высшей степени разумныя требованія Посошкова относительно выбора невѣсты почти цѣликомъ повторяются Татищевымъ. Послѣдній также вооружается противъ насильственныхъ браковъ и принужденія со стороны родителей, сыну своему при выборѣ невѣсты совѣтуетъ также искать равной себѣ по возрасту, состоянію и положенію, искать въ супружествѣ не богатства, но главнымъ образомъ «жены» и въ ней — «разума и здравія». Особенность Татищева въ томъ, что, какъ человекъ высшаго тона, онъ не могъ съ равнодушіемъ крестьянина отзываться о свѣтскихъ качествахъ невѣсты и потому въ числѣ «главныхъ обстоятельствъ въ персонѣ супруги» составляетъ, «лѣпоту лица, возрастъ и веселость въ компаніи». Барская

натура Татищева высказалась и въ энергичныхъ предостереженіяхъ отъ брака съ «холопками», — потому что «пзъ подлости взятія жены хотя бываютъ довольно милы, но ихъ родственники за подлость непріятны и всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище». И какъ солиденъ, какъ симпатиченъ является скромный въ требованіяхъ Посошковъ съ своимъ глубоко-мудрымъ и гуманнымъ совѣтомъ не гнаться особенно за «честію» въ невѣстѣ, искать даже предпочтительно низшую себя, потому что не мужъ бываетъ честенъ женою, а скорѣе жена прославляется чрезъ мужа! Что касается семейнаго положенія женщины, то Татищевъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ повторяетъ высоко-гуманныя правила Посошкова. «Имѣй въ памяти», завѣщаетъ Татищевъ сыну, «что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница, во всемъ другомъ должна быть и о всемъ съ нею обще должно прилежать». Но и въ этомъ случаѣ, повидимому, тотъ же барскій гоноръ заставляетъ Татищева присоветовать предусмотрительное замѣчаніе: «храниться надлежитъ, чтобы тебѣ у жены не быть подъ властію: сіе для мужа очень стыдно, худое мнѣніе подаетъ и слабость ума изъясляетъ» (Тат. и его вр. стр. 212—214).

Реформа русскаго государства надолго заинтересовала собою русскую мысль; слышкомъ много высказано было взглядовъ на великое дѣло Великаго Петра, — взглядовъ, расходящихся до полной взаимной противоположности. Между тѣмъ какъ одни видѣли въ реформѣ только завершеніе исторически подготавливавшагося процесса, рѣшительный моментъ давно уже ожидавшагося перелома, другіе хотѣли видѣть въ ней насильничество надъ русскою жизнію и исторією. Одни считали Петра Великаго благодатнымъ геніемъ-свершителемъ и одухотворителемъ русской народности, «богомъ Россіи», другіе видѣли въ немъ совершенно чуждое порожденіе, живое воплощеніе противунаціональнаго и даже антихристіанскаго духа. Не наше, конечно, дѣло въ данномъ разѣ входитъ въ разсмотрѣніе этого вопроса; мы только съ своей стороны не можемъ не указать на сочиненія Посошкова, какъ, по нашему мнѣнію, на первостепенный историческій документъ, помогающій въ осмысленіи вообще той эпохи и положительно необходимый въ рѣшеніи поставленнаго вопроса. Здѣсь предъ нами выступаетъ живой, нисколько нетронутый искусственною цивилизаціею, свободный отъ всякаго внѣшняго давленія и какихъ либо увлеченій современникъ реформы, истый гражданинъ тогдашней русской земли. Конечно, не можетъ даже мысли возникнуть объ его пристрастномъ отношеніи къ иноземцамъ и объ его ненависти къ своему національному. Посошковъ представляетъ собою типъ здравомыслящаго чисто-русскаго человека, съ русскимъ умомъ и взглядомъ на вещи, съ русскимъ характеромъ и неподдѣльнымъ народнымъ складомъ рѣчи, съ его беззавѣтнымъ патріотизмомъ и, наконецъ, съ чисто національною тенденціею исправить свое отечество, облегчить положеніе своего народа. Связь Посошкова съ народомъ была для него не какимъ либо случайнымъ признакомъ, внѣшнимъ качествомъ, а, такъ сказать, природнымъ его инстинктомъ. Отсюда и народность его сочиненій не есть качество, какъ только внѣшній признакъ характеризующее ихъ, а есть невыдѣляемая ихъ сущность. Въ нихъ, какъ въ немногихъ самобытныхъ произведеніяхъ, русская письменность

лвилась нерасторжимо съ народной жизнью, воплотила въ своихъ формахъ неподдѣльные народные взгляды и понятія; къ нимъ, собственно говоря, не приложима та нормальная теперь литературная мѣрка, по которой мы отыскиваемъ въ литературномъ произведеніи народности, какъ чего-то вноснаго, не столь существеннаго, могущаго болѣе или менѣе проникать сочиненіе, даже быть и не быть въ немъ. Итакъ, Посошковъ — живой представитель современной ему русской народности. Какимъ же, однако, является этотъ русскій человѣкъ въ своихъ сочиненіяхъ? — Связанный и чувствомъ, и образомъ воззрѣній, и языкомъ съ старобытною жизнію, Посошковъ въ то же время исполненъ уже всецѣло и тревожнаго духа реформы, онъ носитъ ея потребности въ груди своей, по своему, на основаніи завѣщанныхъ изстари формъ, онъ осмысливаетъ свои тревожныя сомнѣнія. Прямой наслѣдникъ старорусскихъ традиціонныхъ понятій, Посошковъ въ то же время есть уже и законный сынъ своей дѣловой эпохи, до самозабвенія преданный исканію лучшаго, исполненный новыхъ, болѣе разнообразныхъ потребностей, болѣе сложныхъ запросовъ. Самый узкій и непосредственный націонализмъ идетъ у Посошкова рука объ руку съ смѣлыми реформаторскими стремленіями. А это сознаніе нѣкоторой неполноты, недостаточности старыхъ, освященныхъ давностію формъ жизни, эти порывы къ новому, лучшему — стали общимъ знаменіемъ того времени, существеннымъ признакомъ той именно эпохи. Посошковъ и въ этомъ случаѣ не былъ какимъ либо феноменальнымъ выродкомъ изъ тогдашней жизни, совершенно оторваннымъ отъ дѣйствительности, не имѣющимъ подъ собою никакой реальной почвы. Наконецъ, и всѣ идеалы его, изъ за которыхъ онъ ратовалъ, во имя которыхъ онъ такъ или иначе относился къ существовавшему порядку вещей, положительно или отрицательно, сочувственно или саркастически, — всѣ они взяты имъ не извнѣ, не сверху откуда либо, а изъ самой жизни, изъ всей полноты прошедшаго и настоящаго русской дѣйствительности, суть выраженіе жизненнаго народнаго воззрѣнія. И вотъ такіе-то, чисто народные по своему происхожденію и національные по своему характеру идеалы Посошкова, его стремленія, желанія, проекты, являются часто до подробностей тождественными съ реформаторскими начинаніями Петра, поражаютъ своимъ сходствомъ даже въ мелочныхъ частностяхъ съ преобразовательными стремленіями и дѣлами послѣдняго... Отсюда и опредѣляется громаднѣйшая роль сочиненій Посошкова, какъ непререкаемаго

и существенно важнаго историческаго документа въ выясненіи даннаго, слишкомъ запутаннаго и высокоинтереснаго факта нашей исторіи. Если не можетъ быть и рѣчи о томъ, что для большинства законѣлаго въ невѣжествѣ и старообрядности русскаго люда реформа Петра была дѣйствительнымъ насиліемъ, то съ другой стороны, именно сочиненія Посошкова до очевидности выясняютъ, что она и не была совершенно чуждою русской народности, не была столь мгновенна, чтобы окончательно разрушить наши связи съ старымъ бытомъ, совершенно разъединить два міра — міръ до-петровской и послѣ-петровской жизни. При всей своей рѣзкости и наступательности, реформа, несомнѣнно, имѣла національную подкладку, носила народный характеръ, отвѣчала самобытнымъ стремленіямъ коренныхъ русскихъ людей. Сама жизнь, способная порождать такихъ людей, какъ Посошковъ, носила, слѣдовательно, въ себѣ сѣмена преобразованій, вела къ реформѣ, и мало ли могло таиться въ средѣ русскаго народа, и при Петрѣ и до Петра, такихъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ и въ такой мѣрѣ убѣжденныхъ реформаторовъ, представителей въ то же время непосредственнаго націонализма, каковъ былъ Посошковъ? Этотъ-то общій историческій смыслъ сочиненій Посошкова, сказывающійся во всей массѣ сыраго историческаго матеріала (который мы и старались выдѣлить), въ связи съ общимъ ихъ идеальнымъ направленіемъ, выработаннымъ и возвышающимся на почвѣ живой дѣйствительности (которое мы также старались выслѣдить), и обусловливаетъ важное историческое значеніе сочиненій Посошкова, придаетъ имъ высокую степень научнаго интереса. Трудно себѣ представить существованіе болѣе объективнаго историческаго памятника, въ такой мѣрѣ безпристрастнаго среди крайностей своей эпохи и столь, однако, живо отразившаго въ себѣ современную жизнь и эти крайности, какъ сочиненія Посошкова.

Не менѣе важное значеніе имѣютъ сочиненія Посошкова и въ исторіи русской литературы. Въ своемъ содержаніи они представляютъ живое отображеніе древне-русской жизни, мастерски исполненную картину всесторонняго соціальнаго положенія Россіи, представляютъ въ себѣ, такъ сказать, итогъ, подведенный къ до-петровской жизни. А своимъ преобладающимъ и всепроникающимъ религіознымъ характеромъ и внѣшнюю формую своего изложенія сочиненія Посошкова становятся послѣднимъ звеномъ древне-русской письменности, блестящимъ и полнымъ ея завер-

шеніемъ. Но въ то же время, съ другой стороны, сочиненія Посошкова несутъ неотразимую печать новаго времени и новыхъ понятій. Съ этой стороны они являются любопытнѣйшимъ, такъ сказать, введеніемъ въ новую литературу, предисловіемъ къ ней. Въ нихъ слишкомъ много мѣстъ, которыя являются совершенно достаточнымъ связующимъ пунктомъ литературной работы Посошкова съ литературою новою — если не свѣтскою, въ современномъ понятіи этого слова, то съ литературою ученою и духовною, во главѣ которой поставляются имена: Ломоносова, Татищева и пр. съ одной стороны, Стефана Яворскаго, Феофана Прокоповича и пр. съ другой. Такимъ образомъ, сочиненія Посошкова связываютъ двѣ литературныя на Руси эпохи, сглаживаютъ собою слишкомъ замѣтную рѣзкость перехода отъ одной къ другой, подававшую даже поводъ къ отрицанію всякой между ними генетической связи. Самымъ фактомъ своего существованія сочиненія Посошкова блестяще доказываютъ цѣльность и непрерывность въ развитіи русской литературы, нерасторжимую связь и зависимость ея новаго періода отъ стараго. Они служатъ однимъ изъ очень немногочисленныхъ и тѣмъ болѣе драгоценныхъ памятниковъ нераздѣльнаго единенія всѣхъ выработанныхъ существенныхъ свойствъ и характеристическихъ чертъ исключительно религіозной древне-русской письменности съ новымъ критически-дѣловымъ направленіемъ и свѣтскимъ характеромъ новой русской литературы.

Наконецъ, разсматриваемыя вообще въ исторіи русскаго прогресса, сочиненія Посошкова представляются въ высшей степени замѣчательными. Не говоря о цѣнности въ этомъ отношеніи соціальныхъ проектовъ Посошкова, по отзывамъ специалистовъ, ставящихъ его на ряду съ великими и образованнѣйшими политико-экономами Европы ¹⁾; собственно богословскія воззрѣнія Посошкова представляютъ собою фактъ, въ исторіи русской цивилизаціи слишкомъ знаменательный и отрадный. Его очень во многомъ возвышенныя и очищенныя понятія религіозныя были новымъ приобрѣтеніемъ древне-русской жизни, дорогою находкою, которую самостоятельно нашелъ, до которой додумался самъ древне-русскій человѣкъ. Богословская мудрость Посошкова была не заносная, не навязанная, а самобытно выработанная на основаніи первоисточниковъ и сознательно

¹⁾ См. «Иванъ Посошковъ» Бриквера, а также въ статьѣ Тарасова—Юридич. Вѣстн. 1880 г. часть X.

прочувствованная, — была кровнымъ достояніемъ древне-русскаго чело-
вѣка, уже возросшаго до состоянія умственной зрѣлости и готоваго всту-
пить въ новую исторію. И Посошковъ, по крайней мѣрѣ на половину,
уже принадлежитъ этой исторіи. Слишкомъ выдающимися и поражающими
въ сочиненіяхъ простаго, неучивнагося древне-русскаго чело-вѣка являются
такія мысли, какъ высказанныя и развитыя Посошковымъ напр. объ истин-
номъ смыслѣ христіанской молитвы, о значеніи иконопочитанія, здравый
взглядъ на суевѣрія и пр. Если эти, такъ же какъ и вообще всѣ здра-
выя мысли Посошкова, напр. о воспитаніи, объ устройствѣ жизни, о хри-
стіанскомъ поведеніи и взаимныхъ отношеніяхъ и пр., — если эти мысли
загромождаются у него предписаніями обрядовыми, если общее теряется
въ частностяхъ, то это значитъ только, что царство обряда и формъ
было слишкомъ еще сильно и не Посошкову, разумѣется, было сломить
его. Сразу отрѣшиться отъ своего времени, оторваться отъ отщепен-
ныхъ традицій, да еще въ такой области, какъ религія, гдѣ русскій
человѣкъ былъ слишкомъ рѣвнивъ и осматрительнъ, было, конечно, выше
силъ Посошкова, было невозможно для него. Великій шагъ его впередъ
и важная заслуга его уже въ томъ, что въ безграничномъ хаосѣ обряд-
ности и формалистики древне-русской онъ совершенно самостоятельно, безъ
всякаго сторонняго руководства, съумѣлъ уловить главную мысль, схва-
тить сущность, понять жизнь. Въ высшей степени благороднымъ пред-
ставляется его стремленіе регулировать христіанскую жизнь, просвѣтить
своихъ земляковъ, одухотворить для нихъ бездушное, внести жизненный
смыслъ въ то, что испоконъ вѣка выполнялъ русскій чело-вѣкъ безотчетно.
Все это сдѣлалъ Посошковъ, — въ этомъ его истинная, непререкаемая
заслуга, его знаменательный подвигъ нравственный. Его новыя взгляды,
мысли и эти его необычныя тогда новыя реформаторскія попытки въ
сферѣ древне-русской религіозной жизни ставятъ въ нашихъ глазахъ старо-
русскаго Посошкова гражданиномъ и новаго времени, сыномъ новой уже
исторіи, достойнымъ современникомъ великаго реформатора Россіи и творца
новой русской цивилизаціи.

Благодаря исключительно своему природному уму, энергіи и необыч-
новенной силѣ и выработанности нравственнаго характера, простой древне-
русскій «холопъ» — Посошковъ съ умѣлъ далеко возвыситься надъ своимъ
временемъ и вырваться изъ тѣснаго кружка, къ которому онъ принад-

жестель. Лишенный правильного образования и воспитанный въ средѣ, даже сознательно противодѣйствующей образованію, этотъ «неучъ» принялъ, однако, стремленія новаго времени и искренно радовался началу просвѣщенія. Усматривая въбѣстѣ съ умственными и нравственное и матеріальное банкротство отечества, этотъ во всякомъ случаѣ полезный, талантливый труженикъ всего себя посвятилъ заботамъ о всестороннемъ — моральномъ и матеріальномъ — возвышеніи соотечественниковъ, жизнью пожертвовалъ въ усилія помочь Петру Великому въ дѣлѣ преобразования Россіи. Сдѣлать что нибудь выше, болѣе этого у Посошкова уже недоставало человѣческихъ силъ: на избранномъ пути онъ сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать. И по всей справедливости Посошковъ можетъ и долженъ стать въ глазахъ потомства образцомъ, всегда заслуживающимъ подражанія и внушающимъ полнѣйшую благодарную о себѣ память. Имя его вполне достойно занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ хроникѣ русской самодѣтельности. И Посошковъ по справедливости уже занялъ это мѣсто; онъ отысканъ въ русской исторіи и поставленъ въ ряду немногихъ, избранныхъ представителей самодѣтельности въ Россіи («Самодѣтельность» Смайлса, изд. 1881 г. т. I, стр. 203—210)! Энергическій, дѣятельный и въ высшей степени честный образъ этого сына народа заслуживаетъ незабвенной памяти и полнѣйшаго уваженія отъ каждаго русскаго человѣка.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ:

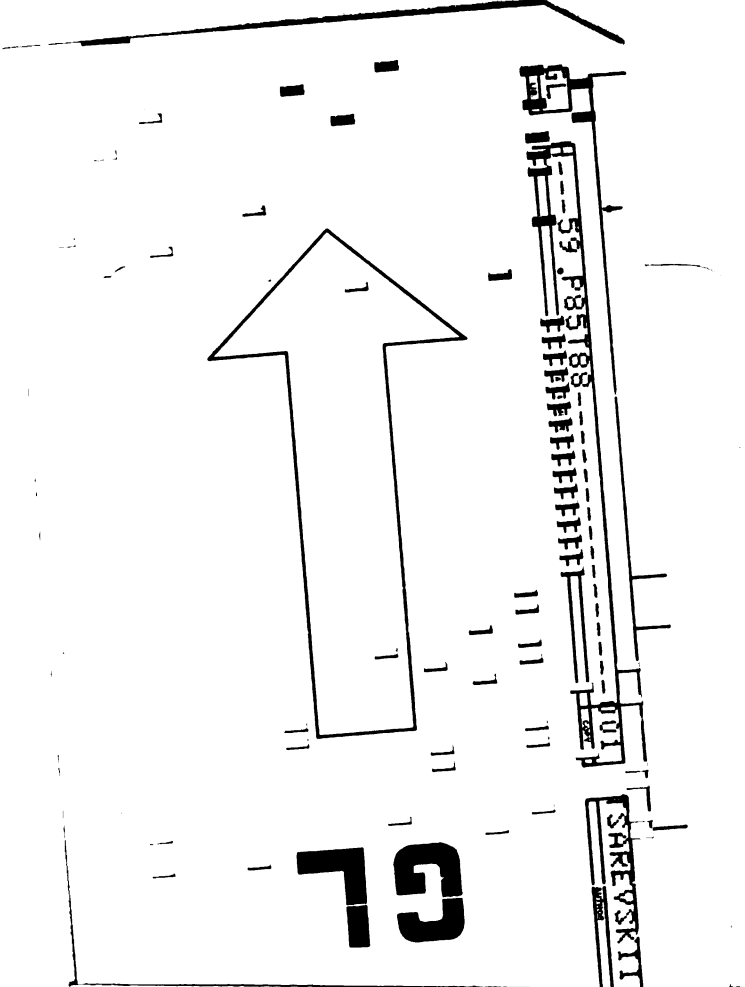
<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
9	26	землннхъ	земляныхъ
13	17	лтѣ 1725 г.	отъ 1752 г.
35	9	сочиненія Посошкова, представляютъ	сочиненія Посошкова представляютъ
62	17	представляютъ родъ	представляютъ рядъ
65	27	реформъ, то	реформъ; за то
67	31	т. II, 40, 31, 41, 50.	т. II, 31, 50.
74	29	прочаго харча» (23 с.).	прочаго харча».
77	34	о дерзостяхъ, которые	о дерзостяхъ, которыя
78	16	землевладѣльцу	земледѣльцу
108	19	ли о лѣности	или о лѣности
116	14	развѣ	развѣ
138	25	нарѣканій	нареканий.
147	19	на правленія	направленія
152	36	то же	тоже
156	18	и, резонно	и резонно
177	18	О ле чудесе	Оле чудесе
190	2	на - чный.	на - учный
200	12	постановленій	наставленій
201	2	излагаа	излагая
211	26	соблюещи	соблюдещи

3 9015 02426 3561

Filed by Preservation NEH 1992

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

640/c

